ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

МАКАРІЯ,
АРХІЕПИСКОПА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО.

ТОМЪ VI.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛІИ.

МАКАРІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО.

КНИГА I.

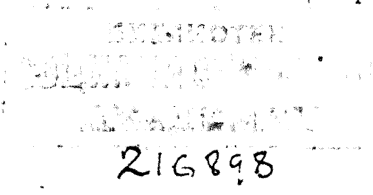
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

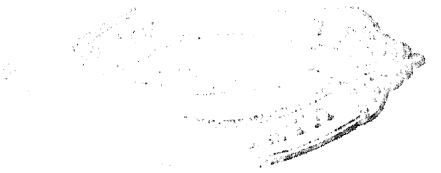
Типографія Юлія Андр. Бокрама,
по Большой Московской № 4.

1870.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
С.-Петербургъ, Марта 26-го дня, 1869 года.

Цензоръ архимандритъ *Фотій*.


216898



ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ ПЕРІОДЪ ПОСТЕПЕННАГО ПЕРЕХОДА ЕЯ КЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

1240—1589.

ОТДѢЛЪ II.

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ОТЪ МИТРОПОЛИТА СВ. ІОНЫ ДО ПАТРІАРХА ІОВА ИЛИ ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛІИ.

1448—1589.

Со второй половины XV столѣтія начинается великая перемѣна въ государственной жизни нашего отечества. Система удѣловъ, бывшая столько вѣковъ главнымъ источникомъ бѣдствій для земли русской и уже довольно потрясенная прежде, падаетъ теперь окончательно. Монгольское иго, другой источникъ еще тягчайшихъ бѣдствій для нея впродолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, послѣ постепеннаго ослабленія, также исчезаетъ совершенно. Русскіе государи, сдѣлавшись единовластными и независимыми или самодержавными, обращаютъ свое

вниманіе на внутреннее благоустройство своего государства и даютъ ему лучшіе, подробнѣйшіе законы; раздвигаютъ предѣлы его на востокъ и западъ, покоряя себѣ царства татарскія, племена финскія и возвращая отъ литовскаго государства цѣлыя области, издревле принадлежавшія Россіи; вступаютъ въ сношенія съ государями Европы, откуда заимствуютъ начатки ремеслъ, художествъ, и, по паденіи греческой имперіи, а особенно послѣ брака Іоанна III съ племянницею послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога, считая себя какбы законными преемниками величія православныхъ греческихъ императоровъ, усвояютъ себѣ, хотя и не вдругъ, ихъ имя—имя царя и присоединяютъ гербъ греческой имперіи—двуглаваго орла къ гербу московскому—св. Георгію побѣдоносцу.

Съ половины тогоже XV вѣка началась важная перемѣна и въ церковной жизни Россіи. Русская Церковь съ самаго основанія своего находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, который долгое время и избиралъ и поставлялъ для нее первосвятителей, почти исключительно изъ грековъ, и оставался верховнымъ пастыремъ ихъ и судіею. Впродолженіе монгольскаго періода эта зависимость отчасти уменьшилась въ томъ отношеніи, что патріархъ позволялъ самимъ русскимъ избирать себѣ митрополитовъ изъ числа своихъ соотечественниковъ, удерживая, однакожъ, за собою право поставлять ихъ или утверждать въ митрополитскомъ санѣ, а также право надзора и суда надъ ними. Теперь, наконецъ, и эта послѣдняя доля зависимости прекратилась: русская (точнѣе—восточно-русская) Церковь начала сама избирать, поставлять и судить своихъ митрополитовъ соборомъ

своихъ архипастырей безъ всякихъ сношеній съ патріархомъ, и если патріархъ *по праву* (de jure) продолжалъ еще считать ее одною изъ своихъ митрополій, то *на дѣлѣ* (de facto) она являлась уже самостоятельною и независимою. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно измѣнились и отношенія русскаго государя къ отечественной Церкви. Прежде великій князь Россіи долженъ былъ каждый разъ, по смерти своего митрополита, обращаться къ константинопольскому патріарху и императору и просить ихъ о назначеніи въ Россію новаго первосвятителя или объ утвержденіи избраннаго въ Россіи. И неразъ случалось, что эта просьба не была уважена: къ намъ присылали митрополитомъ не того, кого у насъ желали и о комъ ходатайствовали. Великій князь иногда рѣшался не принимать неугоднаго ему митрополита или удалялъ его отъ каѳедры чрезъ нѣсколько времени по какимъ либо причинамъ. Но вскорѣ сознавалъ потребность уступить и самъ приглашалъ того, кого прежде отвергъ, или находился вынужденнымъ слать пословъ въ Константинополь, писать объясненія и оправданія, просить, чтобы нарядили судъ надъ митрополитомъ, а въ Россію дали другаго первосвятителя. Лице русскаго митрополита и его дѣла, его управленіе русскою Церковію, были какбы неприкосновенны для русскаго великаго князя (не говоримъ о немногихъ, извѣстныхъ исключеніяхъ), или, по крайней мѣрѣ, были постоянно ограждены властію цареградскаго патріарха и греческаго императора, особенно когда этотъ митрополитъ былъ грекъ и слѣдовательно не русскій подданный. Но съ тѣхъ поръ, какъ Россія получила церковную самостоятельность, и власть избирать, поставлять и судить митрополита сдѣлалась достояніемъ собора русскихъ іерарховъ,

подданныхъ русскаго государя, съ тѣхъ поръ она перешла и въ его руки, и всѣ означенныя дѣйствія начали совершаться не иначе, какъ по его волѣ, съ его согласія, съ его утвержденія. Находясь въ такой зависимости отъ своего государя лично, какъ его подданный, митрополитъ, неизбѣжно, зависѣлъ отъ него и во всемъ управленіи Церковію: всѣ важнѣйшія распоряженія свои дѣлалъ не иначе, какъ съ его вѣдома и соизволенія, а иногда даже, судя по свойству дѣлъ, по его повелѣнію; часто употреблялъ свою духовную власть для цѣлей гражданскихъ, для блага отечества, но не по своему только желанію и усмотрѣнію, какъ случалось и прежде, а по указанію или приказанію государя. Словомъ: русскій царь сталъ точно въ такія же отношенія къ русскому митрополиту, епископамъ и всей Церкви, въ какихъ издревле находились греческіе императоры къ константинопольскому патріарху со всею подвѣдомою ему іерархіею и паствою. Эти отношенія, по временамъ, обнаруживались въ Россіи и прежде; но теперь они окончательно установились и утвердились.

Самостоятельность русской Церкви и тѣ отношенія, въ какія сталъ къ своему митрополиту русскій великій князь, необходимо должны были повести къ раздѣленію ея на двѣ митрополіи. Попытки къ этому раздѣленію, какъ мы знаемъ, были неразъ и прежде. Опѣ происходили отъ того, что часть русскихъ епархій отдѣлилась въ гражданскомъ отношеніи отъ Россіи и вошла въ составъ литовскаго государства. Литовскіе князья, чувствуя свою самостоятельность и находясь почти непрерывно въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ, не могли равнодушно смотрѣть, какъ ихъ подданные православнаго исповѣданія состоятъ въ церковномъ подчиненіи митро-

политу, живущему въ Москвѣ, и потому желали и домогались добыть для Литвы особаго православнаго митрополита. Но ихъ попытки не всегда удавались: потому что на это не изъявляли согласія цареградскій патріархъ и императоръ, отъ которыхъ зависѣло назначеніе митрополитовъ въ Россію. А если и удавались, то ненадолго: потому что сами литовскіе князья соглашались, наконецъ, признавать такихъ митрополитовъ русскихъ, каковы были Кипріанъ, Фотій, которые, не будучи подданными русскаго князя и завися не столько отъ него, сколько отъ патріарха, могли одинаково относиться и къ московскому и къ литовскому князьямъ съ ихъ православными подданными. Но теперь, когда избраніе и поставленіе русскаго митрополита стало совершаться въ самой Россіи и преимущественно по волѣ русскаго государя, когда русскій митрополитъ, мало того, что постоянно жилъ въ Москвѣ, былъ непремѣнно и подданный русскаго государя, теперь невозможно было ожидать, чтобы государи Литвы не позаботились отторгнуть окончательно свои литовскія православныя епархіи отъ русской митрополіи и не подчинили своему особенному литовскому митрополиту. Такъ дѣйствительно и случилось. Въ Литвѣ образовалась митрополія, совершенно отдѣльная отъ московской, и продолжала въ такомъ видѣ существовать непрерывно до тѣхъ поръ, пока Кіевъ и цѣлыя литовско-русскія области съ православнымъ населеніемъ не воссоединились съ Россіею.

Самостоятельность русской Церкви, начавшаяся въ настоящій періодъ, не была еще полная и совершенная и, какъ увидимъ, неодинаково обнаруживалась въ обѣихъ ея половинахъ, восточной и западной. Но раздѣленіе ея на двѣ митро-

поліи, московскую и литовскую, было уже полное и совершенное. А потому, для удобнѣйшаго отличія этого періода въ ряду прочихъ (частныхъ періодовъ нашей Церковной Исторіи), его можно назвать по преимуществу періодомъ раздѣленія русской Церкви на двѣ митрополіи.

ГЛАВА I.

МИТРОПОЛИТЪ ІОНА; САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РАЗДѢЛЕНІЕ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛІИ.

Митрополитъ, съ котораго началась самостоятельность русской Церкви, хотя еще неполная, и при которомъ состоялось окончательное раздѣленіе ея на двѣ митрополіи, былъ св. Іона. Онъ родился въ погостѣ Одноушовѣ, который такъ названъ по фамиліи отца его Ѳеодора Одноуша и существуетъ донынѣ близъ Солигалича, уѣзднаго города костромской губерніи. Двѣнадцати лѣтъ Іона принялъ иноческій образъ въ одной изъ обителей страны галичьской, а чрезъ нѣсколько времени перешелъ въ московскій Симоновъ монастырь. Здѣсь онъ проходилъ разныя послушанія, всецѣло предаваясь трудамъ и подвигамъ духовной жизни, и принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ иноковъ, которые ревновали о сохраненіи въ обители ея первоначальныхъ уставовъ и порядковъ и за всякое отступленіе отъ нихъ смѣло говорили правду самимъ настоятелямъ, хотя немало терпѣли за то скорбей и гоненій. Сохранился разсказъ, что однажды, когда Іона несъ послушаніе въ пекарнѣ, митрополитъ Фотій, посѣтивъ Симоновъ монастырь и обходя монастырскія службы, зашелъ въ эту пе-

карню и увидѣлъ Іону глубоко спавшимъ отъ усталости. Архипастырь не велѣлъ будить хлѣбопека и, замѣтивъ, что онъ держалъ свою правую руку на головѣ «согбену, яко благословляше ею», сказалъ своимъ спутникамъ: «поймите, дѣти, что инокъ Іона будетъ великимъ святителемъ въ землѣ русской и многихъ невѣрныхъ обратитъ къ Богу и просвѣтитъ св. крещеніемъ, а наконецъ сдѣлается пастыремъ и учителемъ самому царствующему граду—Москвѣ» ([1]).

Первыя двѣ части этого предсказанія скоро исполнились. Еще самъ Фотій возвелъ Іону въ санъ епископа рязанскаго и муромскаго ([2]). И какъ въ предѣлахъ его обширной епархіи, обнимавшей и нѣкоторыя части нынѣшнихъ епархій—тамбовской и воронежской, находились цѣлыя селенія финскихъ племенъ: Мордвы, Мещеры, Муромы, державшіяся идолопоклонства: то онъ обратилъ свою архипастырскую ревность на этихъ невѣрныхъ и дѣйствительно многихъ изъ нихъ привелъ къ истинному Богу и просвѣтилъ св. крещеніемъ ([3]). За то исполненіе остальной части предсказанія встрѣтило цѣлый рядъ препятствій.

Когда митрополитъ Фотій скончался (8 іюля 1431 г.): Іону, какъ мы уже знаемъ, избрали на мѣсто его; но, по

([1]) Степ. книг. II, 37. 69—71; *Іосиф. Волок.* Духовн. грам. гл. 10 (въ Макар. Велик. Мин. Чет. за сент. 1—13, стр. 552, С. п. б. 1868); Похв. слово св. митроп. Іонѣ, пис. въ 1547 г. по повелѣнію в. к. Іоанна IV и митр. Макарія, въ Сборн. моей библ. № 3, л. 256.

([2]) Въ какомъ году, съ точностію неизвѣстно. Но самъ Іона говоритъ, что онъ, будучи епископомъ рязанскимъ, нѣсколько лѣтъ пребывалъ въ послушаніи митрополиту Фотію († 1431). См. Прилож. № I.

([3]) Степ. кн. II, 71; Похв. слово Іонѣ въ Сборн. моей библ. № 3, лист. 259: „и добрѣ порученную ему паству упасе и многы невѣрныа къ Богу обрати и просвѣти святымъ крещеніемъ“.

смутнымъ обстоятельствамъ отечества, не спѣшили отправить въ Царьградъ для поставленія въ митрополита. Въ 1433 г. Іона продолжалъ еще именоваться только «нареченнымъ въ святѣйшую митрополію русскую» и завѣдывать ею. А между тѣмъ въ томъже году смоленскій епископъ Герасимъ побывалъ въ Царьградѣ и возвратился оттуда митрополитомъ «на русскую землю». Герасима скоро не стало (26 іюля 1434 г.): тогда Іону послали, наконецъ, къ патріарху для поставленія въ митрополита. Но въ Царьградѣ уже назначили къ намъ митрополита Исидора, а Іонѣ сказали только, что онъ благословляется быть митрополитомъ послѣ Исидора, если съ послѣднимъ случится смерть или что другое. Съ Исидоромъ дѣйствительно скоро случилось недоброе: онъ измѣнилъ православію и былъ осужденъ соборомъ русскихъ іерарховъ, въ числѣ которыхъ находился и рязанскій епископъ Іона (*).

Послѣ этого великій князь Василій Васильевичъ рѣшился писать къ императору и патріарху. Сказавъ о принятіи Россіею православія изъ Царьграда и о томъ, что оттуда она постоянно принимала своихъ митрополитовъ, иногда грековъ, а иногда русскихъ, избранныхъ въ отечествѣ, князь продолжалъ съ замѣтнымъ огорченіемъ, какъ и онъ, по смерти митрополита Фотія, посылалъ въ Царьградъ епископа рязанскаго Іону съ просьбою о поставленіи его въ митрополита и какъ, неизвѣстно почему, просьбѣ этой не вняли, Іону на митрополію не поставили, а о комъ не писалъ онъ—князь, кого не просилъ и не требовалъ, того прислали въ Россію митрополитомъ, т. е. Исидора; какъ этотъ Исидоръ, котораго

(*) Подробнѣе см. нашей Исторіи IV, 104—107; V, 363—367.

князь едва-едва согласился принять, вопреки волѣ его отправился на Флорентійскій соборъ, и давъ обѣщаніе сохранить православіе, измѣнилъ ему, возвратился легатомъ папы къ князю, привезъ отъ него посланіе, началъ вводить латинскія заблужденія, и какъ, наконецъ, соборъ русскихъ епископовъ и прочаго духовенства, разсмотрѣвъ внимательно посланіе папино, нашелъ «Исидорово все дѣло и прихожденіе чуждымъ и страннымъ отъ божественныхъ и священныхъ правилъ». Изложивъ это довольно подробно, князь обратился къ императору и патріарху съ словами: «посему мы послали къ вамъ нашихъ пословъ и съ ними писаніе папино, писанное полатыни и погречески, которое принесъ къ намъ Исидоръ, и просимъ васъ, воззрите въ божественныя правила и въ папино посланіе и разсудите, а намъ дозвольте свободно совершать поставленіе для себя митрополита въ нашей землѣ. Нужно это и по дальности и непроходимости пути къ вамъ, по частымъ набѣгамъ татаръ въ наши предѣлы, по нестроеніямъ и мятежамъ въ сосѣднихъ намъ странахъ. Нужно и потому, что всякому православному христіанину приходится бесѣдовать съ митрополитомъ о духовныхъ своихъ дѣлахъ, а намъ—государю и о гражданскихъ, иногда сокровенныхъ,—между тѣмъ съ митрополитомъ изъ грековъ можно говорить не иначе, какъ черезъ молодыхъ переводчиковъ, которые, такимъ образомъ, первые узнаютъ то, чего имъ не слѣдовало бы знать. Просимъ васъ, пришлите намъ ваше письменное разрѣшеніе, чтобы по святымъ правиламъ соборъ епископовъ нашей земли, избравъ человѣка добраго, мужа духовнаго, вѣрою православнаго, поставилъ намъ митрополита на Русь, какъ и прежде бывало, по нуждѣ, поставленіе на Руси митрополита. А мы

желаемъ, какъ было изначала, имѣть сношенія и любовь съ святымъ царемъ и просить благословленія и молитвъ у святѣйшаго патріарха, пока будетъ стоять наша земля, и отнюдь не думаемъ разлучать отъ васъ наше православное христіанство» (5). Изъ чтенія этого посланія легко примѣтить, что главнымъ побужденіемъ, почему великій князь Василій Васильевичъ рѣшился ходатайствовать о поставленіи русскихъ митрополитовъ въ самой Россіи, было вообще все прискорбное дѣло Исидорово... А остальныя причины и обстоятельства, на которыя ссылается князь, отнюдь не новыя: на нихъ русскіе могли бы ссылаться для тойже цѣли и въ прежнія времена. Это посланіе, писанное въ 1441 г., вдругъ по осужденіи Исидора въ Россіи, было отправлено въ Константинополь; но вскорѣ пришедшая вѣсть въ Россію, что греческій императоръ вмѣстѣ съ патріархомъ принялъ латинскую вѣру, заставила нашего князя воротить своихъ пословъ (6). Чрезъ два года посланіе было вновь приготовлено, съ небольшими перемѣнами, къ отсылкѣ въ Царьградъ; но, можетъ быть, по

(5) Посланіе это писано, какъ въ немъ значится, чрезъ 453 года со времени крещенія Россіи при св. Владимірѣ, слѣд.—въ 1441 году, и въ сохранившемся спискѣ адресовано на имя царегородскаго патріарха (А. И I, № 39). Но какъ въ посланіи в. к. Василій Васильевичъ говоритъ, что шлетъ своихъ пословъ по томуже самому дѣлу не къ одному патріарху съ его соборомъ, а вмѣстѣ и къ царю (тамъже стр. 75): то, безъ сомнѣнія, такой же списокъ посланія адресованъ былъ и къ царю.

(6) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 167. Вѣсть эта пришла, должно быть, съ Аѳона. По крайней мѣрѣ, сохранилось посланіе старцевъ горы Аѳонской въ Россію, въ которомъ они пишутъ, что весьма обрадовались, услышавъ отъ русскихъ иноковъ, пришедшихъ на Аѳонъ, какъ поступили въ Россіи съ измѣнникомъ Исидоромъ, а потомъ извѣщаютъ, что греческій царь впалъ въ латинскую прелесть и посадилъ на апостольскомъ престолѣ патріарха, единомудреннаго латинамъ, и что потому они „извергли патріарха и царя ис помяна обычна“ (Посл. это напеч. въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комм., вып. III, прилож. стр. 29—34).

тойже причинѣ не было отправлено (7). И рязанскій епископъ Іона все еще оставался епископомъ.

Въ 1446 г., когда вел. князь Василій Васильевичъ былъ ослѣпленъ княземъ Димитріемъ Шемякою, занявшимъ московскій престолъ, и сосланъ въ Угличь, Шемяка, желая имѣть въ рукахъ своихъ и малолѣтнихъ дѣтей Василія, которыя были скрываемы въ Муромѣ, вызвалъ рязанскаго епископа Іону и обѣщалъ ему митрополію, если онъ отправится въ Муромъ, возьметъ «на свою епитрахиль» этихъ дѣтей и привезетъ въ Москву. Іона, не подозрѣвая злыхъ намѣреній Шемяки, исполнилъ его волю, привезъ дѣтей въ Москву и потомъ отвезъ къ отцу въ Угличь. Тогда Шемяка повелѣлъ Іонѣ жить на митрополичьемъ дворѣ, и Іона повиновался (8). Но скоро обстоятельства измѣнились. Василій Васильевичъ снова занялъ великокняжескій престолъ, и противъ Шемяки, бѣжавшаго изъ Москвы и продолжавшаго смуты, соборъ русскихъ владыкъ и прочаго духовенства издалъ (29 Дек. 1447 г.) извѣстное обличительное посланіе. Въ числѣ этихъ владыкъ стоитъ и имя Іоны, только не митрополита, а владыки рязанскаго, и не на первомъ, а на третьемъ мѣстѣ, послѣ владыкъ—ростовскаго и суздальскаго (9). Уже не прежде, какъ въ 1448 г. св. Іона достигъ, наконецъ, митрополитскаго сана, къ кото-

---

(7) Въ спискахъ этого посланія замѣчено, что отъ крещенія Руси при Владимірѣ прошло уже 455 лѣтъ; значитъ, оно переписано въ 1443 г. И хотя въ спискахъ этихъ посланіе адресовано на имя императора, но встрѣчаются слѣдующія выраженія: „и того ради послахомъ къ святому царю и къ *святѣйшему ти владычеству* и ко всему свящ собору“, т. е. прямыя обращенія къ патріарху. Видно, съ одного и тогоже подлинника переписаны были посланія и къ царю и къ патріарху (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 162—167)

(8) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 165.

(9) А. И. I, № 40. См. нашей Истор. V, 119.

рому былъ избранъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, по смерти Фотія.

Исидоръ, осужденный въ Россіи за измѣну православію, удалился въ Римъ и хотя продолжалъ титуловать себя русскимъ митрополитомъ, но не былъ признаваемъ русскою Церковію. Великій князь Василій Васильевичъ многократно пытался послать своихъ пословъ въ Константинополь, извѣстить царя и патріарха объ измѣнѣ Исидора и просить ихъ о поставленіи для Россіи новаго митрополита, но не находилъ возможности. Ему постоянно препятствовали—домашняя кровавая борьба, которую онъ велъ съ княземъ Димитріемъ Шемякою, грабежи и разбои, совершавшіеся на пути изъ Россіи въ Константинополь, а особенно то, что въ самомъ Константинополѣ не къ кому было обратиться: и царь и патріархъ держались флорентійской уніи ([10]). Отъ нихъ нельзя было ожидать ни осужденія Исидору, ни назначенія на мѣсто его новаго православнаго митрополита. Напротивъ, вторый, послѣ Митрофана (4 мая 1440—1 августа 1443), латинствовавшій патріархъ Григорій Мамма (7 іюля 1446—авг. 1451) принималъ у себя Исидора и рукоположилъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ Константинополѣ епископа Даніила на епархію владимироволынскую ([11]); а когда кіевскій князь Александръ Владимировичъ, зять вел. кн. Василія Васильевича московскаго, спросилъ его—патріарха, чрезъ своего слугу, о флорентійской

([10]) На всѣ эти обстоятельства указываютъ и в. к. Василій Васильевичъ (А. И. I, стр. 494), и митрополитъ Іона (Прилож. № I).

([11]) Это видно изъ „Рукописанія Даніила, епископа владимірскаго“ (см. Прилож. № II). Значитъ, Исидоръ изъ Рима пріѣзжалъ въ Царьградъ еще при Григоріѣ Маммѣ, слѣд. прежде августа 1551 года, и тогда же собирался пріѣхать въ Кіевъ.

уніи, то написалъ къ этому князю, восхваляя унію, чтобы онъ принялъ« кира Исидора, митрополита и кардинала », имѣлъ къ нему послушаніе и не принималъ къ себѣ никакого епископа или инока, которые учатъ несогласно съ Флорентійскою уніею ([12]). Что же оставалось дѣлать? Ждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ? Но Россія и безъ того ждала уже очень долго и около семи лѣтъ оставалась безъ митрополита. А притомъ неизвѣстно было, настанутъ ли и скоро ли настанутъ такія обстоятельства въ Константинополѣ. И вотъ Василій Васильевичъ рѣшился на послѣднее средство, какое у него оставалось,—рѣшился созвать всѣхъ епископовъ своей земли и предложить имъ, чтобы они сами поставили для Россіи митрополита, и именно Іону, епископа рязанскаго, какъ избраннаго къ тому еще прежде. По зову великаго князя прибыли въ Москву епископы: Ефремъ ростовскій, Аврамій суздальскій, Варлаамъ коломенскій, Питиримъ пермскій, а владыки—новгородскій Евѳимій и тверскій Илія прислали свои граматы, въ которыхъ выражали свое согласіе на поставленіе Іоны въ митрополита. Соборъ открылся въ церкви св. архангела Михаила и здѣсь присутствовали, кромѣ святителей, множество архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства. Прежде всего обратились къ правиламъ св. апостоловъ и соборовъ, и нашли, что правила эти не только не возбраняютъ, напротивъ повелѣваютъ епископамъ извѣстной области поставлять бо̀льшаго святителя или митрополита. Чувствовали, что въ Россіи для этого нужны согласіе и благословеніе цареград-

---

([12]) А. И. I, примѣч. 40; *Руднев.* О ерес. и раскол. въ русск. Церкви, стр. 273, примѣч. 268, М. 1838.

скаго патріарха, — и сослались на то, что патріархъ съ своимъ освященнымъ соборомъ уже давно благословилъ Іону быть митрополитомъ послѣ Исидора, когда Іона ѣздилъ въ Константинополь. Припомнили, что въ Россіи и прежде, по нуждѣ, ставились митрополиты соборомъ своихъ архіереевъ, — Иларіонъ при вел. князѣ Ярославѣ и Климентъ при Изяславѣ. Вслѣдствіе всего этого Іона, епископъ рязанскій, 5-го декабря 1448 г. поставленъ былъ въ митрополита. Самое поставленіе состояло въ томъ, что, при совершеніи Іоною божественной литургіи, на него возложенъ былъ митрополичій омофоръ, а въ руки ему данъ былъ великій митрополичій посохъ — символъ митрополитской власти ([13]). Это былъ первый митрополитъ, поставленный своими епископами собственно въ Москвѣ, тогда какъ прежніе два опыта совершены были еще въ Кіевѣ.

Поставленіе митрополита Іоны, хотя имѣло всѣ свойства законности, но какъ выходившее изъ ряда, естественно должно было привлечь на себя вниманіе и возбудить мнѣнія и толки. Потому самъ святитель сознавалъ нужду выяснять значеніе этого событія вѣрующимъ. Едва только взошедши на свою каѳедру, онъ въ своей окружной граматѣ ко всѣмъ христіанамъ русскимъ, между прочимъ, писалъ: «вамъ извѣстно, дѣти, сколько лѣтъ вдовствовала Церковь Божія безъ бо́льшаго святителя, безъ митрополита, и оттого много учинилось лиха и истомы христіанству нашей земли. И нынѣ, волею Божіею, собрались на священный соборъ владыки и архи-

([13]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 167; VIII, 122; Ник. Лѣт. V, 215; Степ. кн II, 78; А. И. I, № 262; Посл митр Іоны — въ Прилож. № I.

мандриты и игумены со всѣмъ великимъ Божіимъ священствомъ нашей земли и, припомнивъ прежнее о насъ повелѣніе святаго царя и благословеніе св. вселенскаго патріарха и всего св. вселенскаго собора, поставили меня митрополитомъ по божественнымъ правиламъ и по думѣ господина сына моего, вел. кн. Василія Васильевича и младшей его братіи—князей, которые, пока было въ Царьградѣ православіе, оттуда принимали и благословеніе и митрополита» ([14]). Еще подробнѣе излагалъ дѣло св. Іона въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владиміровичу: «ты самъ знаешь, что сталось въ Царьградѣ въ царяхъ и въ патріаршествѣ... Въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы, тогда какъ ни въ монастыряхъ, ни въ одной изъ церквей во всемъ Царьградѣ и во всей св. горѣ нигдѣ не поминается имя папино, а держатъ всѣ, по милости Божіей, добрую старину. Посему доселѣ въ русской митрополіи не было митрополита: не къ кому было посылать,—царь не таковъ, и патріархъ не таковъ; они иномудрствуютъ и приближаются къ латинамъ». Затѣмъ Іона говорилъ, какъ великій князь Василій Васильевичъ, ревнуя объ отечественной Церкви, многократно («во многія времена») совѣщался со всѣми святителями и другими пастырями своей земли, сносился со всѣми православными князьями, разыскивалъ старину, представившую примѣры поставленія митрополитовъ, если не въ Москвѣ или Владимірѣ, то въ Кіевѣ, и какъ, наконецъ, соборъ русскихъ іерарховъ поставилъ его—Іону митрополитомъ по свящ. правиламъ и по прежнему благословенію, данному ему

([14]) А. И. I, № 43, стр. 86.

еще въ Царьградѣ отъ патріарха ([15]). Эти же самыя мысли и объясненія св. Іона повторялъ и въ послѣдствіи въ своихъ посланіяхъ къ литовскимъ епископамъ ([16]). И ненапрасны были такія объясненія: извѣстно, напримѣръ, что даже преп. Пафнутій Боровскій соблазнялся поставленіемъ митрополита Іоны, не велѣлъ называть его митрополитомъ, не хотѣлъ исполнять въ своей обители его пастырскихъ распоряженій и объяснялся съ нимъ непочтительно, такъ что Іона жаловался великому князю Василію Васильевичу, и Пафнутій, заключенный въ оковы, долженъ былъ довольно времени просидѣть въ темницѣ, пока не смирился, не покаялся и не получилъ благословенія отъ митрополита возвратиться въ свою обитель ([17]).

Если считали нужнымъ объяснять для самихъ русскихъ поставленіе Іоны въ митрополита: то еще болѣе настояла нужда объяснить это въ Царьградѣ—предъ царемъ и патріар-

---

([15]) А. И. I, № 47, стр. 91—95.

([16]) А. И. I, № 62, стр. 111; № 63, стр. 113. Прил. № 1.

([17]) Преп. Іосифъ Волоцкій, ученикъ Пафнутія, говоритъ объ этомъ кратко: „Іонѣ митрополиту была брань съ Пафнутіемъ старцемъ. Сказали Іонѣ, что Пафнутій не велитъ его звати митрополитомъ... А Іона митрополитъ билъ челомъ в. к. Василію Васильевичу..., и православные государи доспѣли тому дѣлу на Москвѣ по свидѣтельству свящ. правилъ“ (Посл. къ Ивану Ив—чу Третьякову—Ховрину, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, VII, отд. IV: сказаніе о св. отцѣхъ, стр. 17). Подробнѣе, хотя нѣсколько иначе, излагается это обстоятельство въ похвальномъ словѣ митр. Іонѣ, пис. въ 1547 г. Тутъ разсказывается, что когда Іона, услышавъ о непокорности Пафнутія, вызвалъ его къ себѣ и началъ спрашивать его: „како съборная наша завѣщаніа съблюдаеши ли, или попираеши, оплюваа?,“—Пафнутій отвѣчалъ ему:„ негладоснѣ и неподпадательно“. Вслѣдствіе чего„ митрополитъ би его жезломъ своимъ и посла его въ темницю, и повелѣ възложити нань юзы желѣзны. Блаженный же Пафнотій пребысть въ темницы время довольно, дондеже съвръшенно покаяніе съ смиреніемъ положи. Пресвещенный же Іона митрополитъ покаяніе его пріатъ, и благословеніе ему даде, и отпусти его въ свой ему монастырь“ (Сборн. моей библ. № 3, л. 266).

хомъ. Императоръ Іоаннъ Палеологъ, поборникъ флорентійской уніи, скончался (31 окт. 1448 г.); мѣсто его занялъ (съ 12 марта 1450 г.) братъ его Константинъ. Когда вѣсть объ этомъ достигла Москвы, великій князь Василій Васильевичъ написалъ новому императору посланіе, въ которомъ, высказавъ ему привѣтствіе и благожеланіе по случаю вступленія его на престолъ, изложилъ весь ходъ дѣла о посольствѣ Іоны въ Царьградъ, о прибытіи оттуда Исидора въ Россію, о путешествіи его во Флоренцію и измѣнѣ, и объ отверженіи его самого Россіею. «Съ того времени,—продолжалъ князь,—мы начали имѣть попеченіе о своемъ православіи и желали и искали, чтобы послать въ Царьградъ нашихъ пословъ и извѣстить о состояніи нашей Церкви и о поставленіи намъ митрополита. Но хотя мы «многолѣтнѣ» того искали и желали, однакожъ не имѣли успѣха, не по лѣности нашей и небрежности, а по недостатку случая: ибо, какъ мы слышали, въ вашихъ державахъ было разногласіе въ Церкви Божіей, на пути къ вамъ происходила всякая тѣснота для путешественниковъ отъ разбойниковъ и грабителей, а въ нашихъ странахъ было всякое нестроеніе частію отъ нашествія татаръ, а частію отъ междоусобной брани. Вслѣдствіе такой-то великой нужды мы, созвавъ епископовъ своей земли, по правиламъ св. апостоловъ и отцевъ, поставили себѣ митрополита Іону. Просимъ твое царское величество, да не молвишь объ насъ, будто мы совершили это дерзостно, не снесшись съ вами: мы поступили такъ по великой нуждѣ, а не по кичливости и дерзости. Мы остаемся въ древнемъ благочестіи и сохранимъ преданное намъ православіе до скончанія вѣка. Церковь наша русская требуетъ и ищетъ благословенія отъ

св. вселенной цареградской Церкви и во всемъ, по древнему благочестію, повинуется ей. Равно и митрополитъ нашъ Іона проситъ отъ нея благословенія и единенія съ нею, за исключеніемъ вновь явившихся разногласій... Мы хотѣли писать о нашихъ дѣлахъ церковныхъ и о нашемъ митрополитѣ и къ вселенскому православному патріарху и просить его благословенія; да не знаемъ, есть ли уже въ царствующемъ градѣ патріархъ или нѣтъ: мы о немъ ни отъ кого не слышали. А какъ Богъ дастъ у васъ будетъ въ великой соборной церкви патріархъ по древнему благочестію: нашъ долгъ писать къ нему о положеніи нашихъ дѣлъ и во всемъ просить его благословенія». На одномъ изъ сохранившихся списковъ этой граматы помѣчено, что она «не пошла», т. е. не была отправлена въ Константинополь. Но, не будучи отправлена въ одно время по какимъ либо обстоятельствамъ, она могла быть отправлена въ другое время, когда обстоятельства измѣнились ([18]). Или, быть можетъ, нашъ князь и вовсе не отправлялъ ее, услышавъ, что и новый императоръ Константинъ, хотя притворно, но склонялся на сторону латинянъ, сносился съ папою, въ надеждѣ получить отъ него помощь противъ турокъ, и съ честію принялъ «кардинала Польши, прежде бывшаго архіепископа Россіи», Исидора, присланнаго папою (въ ноябрѣ 1452 г.) для возстановленія въ Царьградѣ флорентійской уніи ([19]). Какъ бы то ни было впрочемъ, для насъ важно

([18]) Грамата сохранилась въ двухъ спискахъ, напеч. въ А. И. I, №№ 41 и 262. Въ послѣднемъ спискѣ она полнѣе, и притомъ замѣчено, что со смерти митрополита Фотія (8 іюля 1431) идетъ уже двадцать первое лѣто, слѣд. составленіе граматы относится къ 1451—1452 г.

([19]) Fabrit. Biblioth. Graec. X, p. 358. 383, ed. Harles.; Ducas, p. 253—255, Bonn. 1834:... *τὸν καρδηνάλιον Πολωνίας, τὸν ποτε ἀρχιεπίσκοπον Ρ^ωσίας*....

собственно содержаніе граматы, опредѣляющее тотъ взглядъ, какой имѣли тогда у насъ на поставленіе митрополита Іоны: онъ поставленъ былъ безъ сношенія съ Царьградомъ единственно по великой нуждѣ; и русскіе вовсе не хотѣли чрезъ это отдѣлиться отъ Церкви константинопольской, напротивъ желали оставаться въ единеніи съ нею и въ повиновеніи ей.

Вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ. Константинополь взятъ былъ турками 29 мая 1453 г., и тогда же погибъ императоръ Константинъ Палеологъ, и рушились всѣ надежды латинянъ утвердить свою власть въ столицѣ греческой имперіи. На патріаршемъ престолѣ цареградскомъ возсѣлъ, съ утвержденія самого султана Магомета II, извѣстный ревнитель православія Геннадій) въ мірѣ называвшійся Георгіемъ Схоларіемъ. Озабоченный нуждами своей бѣдствующей Церкви, онъ рѣшился обратиться за матеріальными пособіями къ единовѣрной Россіи: ибо, безъ сомнѣнія, по его благословенію прибылъ тогда къ намъ какой–то «митрополитъ цареградскій» (т. е. изъ Царяграда, Игнатій, который въ 1454 г. цѣлый мѣсяцъ—іюнь прожилъ въ Псковѣ и, щедро одаренный, отправился оттуда въ Новгородъ ([20]). Вѣроятно, чрезъ этого-то митрополита, которому нужно же было, предъ началомъ сборовъ своихъ по Россіи, представиться нашему великому князю или, по крайней мѣрѣ, митрополиту, патріархъ и прислалъ послѣднему свою грамату. Въ граматѣ первосвятитель напоминалъ о своихъ правахъ на русскую митрополію, просилъ пособій своей угнетенной Церкви какъ теперь, такъ и на будущее время, и выражалъ желаніе, чтобы нашъ великій князь прислалъ къ нему въ Царьградъ

([20]) П. Соб. Р. Лѣт. IV, 216.

своего посла. Все это видно изъ отвѣтнаго посланія нашего митрополита, который, между прочимъ, писалъ къ патріарху: «благословенія отъ твоей великой святыни мы требовать хочемъ, равно и ото всѣхъ, кто ни будетъ патріархомъ на патріаршествѣ, соблюдая Церковь Христову и держа истинное православіе. И когда что̀ у насъ найдется, то, за Христову любовь, посылать къ вамъ хочемъ. Нынѣ, господине, сынъ мой, великій князь послалъ къ твоей великой святынѣ своего посла, человѣка честнаго и близкаго къ нему, Ивана Владиміровича, *по твоему къ намъ приказу и писанію*; и что̀, господине, у насъ нашлось, то отъ вѣры, за духовную великую любовь, мы послали къ тебѣ съ тѣмъже великокняжескимъ посломъ. И ты за тѣ наши малые поминки на насъ не помолви: ибо и наша земля, по грѣхамъ, отъ поганства и междоусобныхъ браней весьма истощала и истомилась». За тѣмъ митрополитъ просилъ, чтобы патріархъ показалъ къ нему свою совершенную духовную любовь и прислалъ ему, чрезъ посла великаго князя, честное свое писаніе обо всемъ, въ душевную пользу нашему православію и для святительской чести его—митрополита, прибавляя, что граматы прежнихъ патріарховъ погибли всѣ отъ пожаровъ во время бывшихъ земскихъ нестроеній; а въ заключеніе просилъ, чтобы патріархъ вѣрилъ всему, что ни будетъ говорить ему посолъ великаго князя отъ имени князя и отъ имени его—митрополита ([21]). Такъ возобновились наши церковныя сно-

([21]) А. И. I, № 263. Посланіе это сохранилось безъ начала и безъ означенія, какимъ нашимъ митрополитомъ и къ кому изъ патріарховъ оно писано. Но судя по имени великокняжескаго посла—*Ивана Владиміровича*, который употреблялся въ качествѣ посла вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ (А. Э. I, № 59), а также судя по содержанію посланія и по самимъ выраженіямъ: „благословенія отъ твоея великія святыни требовати хощемъ“ и проч.,—которыя встрѣчаются

шенія съ Византіею. Обстоятельства были для насъ благопріятны: патріархъ крайне нуждался въ нашемъ пособіи и, какъ видно, первый отнесся къ намъ; а потому отъ него можно было ожидать тѣхъ уступокъ, которыя намъ были необходимы.

Великій князь Василій Васильевичъ и митрополитъ Іона, кромѣ этого перваго посольства въ Царьградъ, посылали еще два раза къ патріарху «о церковномъ исправленіи» игумена Кирилло-бѣлозерскаго монастыря Кассіана. И когда Кассіанъ возвратился изъ Царьграда, великій князь «почтилъ его, и далъ ему довольная требованія монастырю, и (впослѣдствіи, уже при митрополитѣ Ѳеодосіѣ) отпустилъ его въ постриженіе свое на Каменной» ([22]): знакъ, что князь былъ вполнѣ доволенъ успѣхомъ своего посла. Въ чемъ же состоялъ этотъ успѣхъ? Въ томъ, что царьградскій патріархъ, а съ нимъ и прочіе патріархи, принимая во вниманіе бѣдственное положеніе своего отечества подъ властію турокъ и трудность или даже невозможность для русскихъ посѣщать Царьградъ по дѣламъ церковнымъ, разъ навсегда предоставили своею граматою нашимъ русскимъ митрополитамъ право не ходить въ Константинополь для поставленія, но ставиться дома своими епископами, и кромѣ того узаконили, чтобы русскій митрополитъ считался, по чести, выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ и занималъ

и въ другихъ, разсмотрѣнныхъ нами, такихъ же посланіяхъ в. к. Василія Васильевича и митрополита Іоны, можно съ увѣренностію полагать, что посланіе это написано митрополитомъ Іоною къ православному цареградскому патріарху Геннадію (1453—1459).

([22]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ постриженникъ того же монастыря, бывшій игуменъ Сергіевой лавры (1479—1482) и почти современникъ Кассіана, извѣстный Паисій Ярославовъ въ своемъ Сказаніи о каменномъ монастырѣ (Правосл. Собесѣдн. 1861, I, 210).

мѣсто по іерусалимскомъ патріархѣ ([23]). Такимъ образомъ оказывается, что какъ первое самостоятельное дѣйствіе русской Церкви въ поставленіи въ митрополита Іоны безъ сношенія съ патріархомъ, такъ и послѣдовавшая вообще за тѣмъ ея самостоятельность, признанная самими патріархами, были вызваны и обусловлены «нуждою», или иначе—историческимъ ходомъ событій, и что эта самостоятельность нашей Церкви соединена была съ возвышеніемъ ея на степень первой митрополіи во всей восточной православной Церкви.

Митрополитъ Фотій оставилъ послѣ себя русскую Церковь умиренною и объединенною. Избранный на мѣсто его Іона, епископъ рязанскій, былъ избранъ и посылаемъ въ Царьградъ великимъ княземъ московскимъ не иначе, какъ съ согласія «господаря земли литовской», и слѣд. предназначался въ митрополита не только русскихъ, но и литовскихъ православныхъ епархій ([24]). Герасимъ смоленскій, родомъ москвичъ, носилъ имя митрополита и кіевскаго и московскаго и всея Россіи. Власть митрополита Исидора, до осужденія его, была признаваема равно въ Россіи и въ Литвѣ ([25]). Когда, наконецъ, великій князь Василій Васильевичъ рѣшился на дѣйствительное

([23]) Свѣдѣнія объ этомъ сохранились въ „Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи“ (Дополн. къ А. И. I, № 76, стр. 189). Въ частности, о добрыхъ сношеніяхъ тогдашняго іерусалимскаго патріарха Іоакима съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ свидѣтельствуетъ „прощенная грамата“ перваго послѣднему, въ которой нашъ князь называется благочестивымъ, православнымъ и всегда покорнымъ сыномъ Христовой Церкви (А. И. I, № 72). Но такія сношенія едва ли могли бы существовать, еслибы князь нашъ не былъ удовлетворенъ патріархами по самому важному для него идля Россіи церковному вопросу.

([24]) А. И. I, № 41, стр. 84.

([25]) О Герасимѣ—Отчетъ Импер. публ. библ. за 1859 г., стр. 58; нашей Исторіи IV, 104—105. Объ Исидорѣ—А. И. I, № 259.

поставленіе Іоны въ митрополита, то предварительно снесся съ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ, и не прежде, какъ получивъ отъ него согласіе и грамату, созвалъ епископовъ для осуществленія своего намѣренія ([26]). Въ 1449 г. (авг. 31) Казиміръ заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ договоръ вѣчнаго братства и любви, и спустя нѣсколько времени прислалъ къ нашему князю своего посла по какимъ-то земскимъ дѣламъ, а чрезъ посла прислалъ и митрополиту Іонѣ свое «жалованье и поминки», и наказывалъ ему, чтобы онъ позаботился о поддержаніи и укрѣпленіи братства и любви между ними—великими князьями. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи Казиміру Іона, называя его своимъ сыномъ, а себя общимъ богомольцемъ обоихъ великихъ князей, и посылая ему свое благословеніе, благодарилъ его за присланные поминки и жалованье, благодарилъ и за то, что онъ пребываетъ вѣрнымъ договору, заключенному съ великимъ княземъ московскимъ, и извѣщалъ, что и Василій Васильевичъ весьма желаетъ сохраненія этого договора и любви, а онъ—митрополитъ, по своему святительскому долгу, будетъ имѣть о томъ всякое попеченіе ([27]). Вѣроятно, въ это самое время, если не прежде, Казиміръ прислалъ Іонѣ, вмѣстѣ съ своимъ жалованьемъ и свой «листъ», въ которомъ выражалъ желаніе устроить все о Церкви Божіей по старинѣ и обѣщалъ дать Іонѣ свой отвѣтъ, когда возвратится изъ Польши въ Литву,

---

([26])..... „и обсылаетъ о сихъ брата своего, короля и великаго князя литовскаго, и тако прошенья волю о поставлени и граматы его пріимъ, и съзываетъ архіепископы и вся епископы“... См. Прилож. № I.

([27]) А. Западн. Росс. I, № 50; А. Э. I, № 49.

куда приглашалъ къ тому времени и самого Іону ([28]). Святитель поспѣшилъ написать о такомъ обѣщаніи короля кіевскому князю Александру Владиміровичу и просилъ его, какъ извѣстнаго поборника святой Церкви и заступника всего православнаго христіанства, чтобы и онъ, съ своей стороны, посодѣйствовалъ полному соединенію русской митрополіи ([29]). Желаніе первосвятителя скоро исполнилось. Въ началѣ 1451 г. онъ былъ уже въ Литвѣ, и тамъ король далъ ему грамату на управленіе литовскими епархіями, написанную въ Вильнѣ (31 янв.) и засвидѣтельствованную, кромѣ самого короля, Александромъ Владиміровичемъ — княземъ кіевскимъ, также Свидригайломъ, прежде бывшимъ княземъ литовскимъ, многими другими князьями, воеводами и намѣстниками литовскими и даже латинскимъ епископомъ Вильны — Матѳеемъ. Грамата состояла въ слѣдующемъ: «Всякое дѣло благое и всякій совершенный даръ исходятъ свыше—отъ божественнаго изволенія. Во имя пресвятой, животворящей и нераздѣльной Троицы, желая утвердить, по чести и справедливости, прежде-бывшее, какъ бывало при отцѣ нашемъ, королѣ Владиславѣ и дядѣ нашемъ вел. кн. Витовтѣ и иныхъ предкахъ нашихъ, мы, Казиміръ, Божіею милостію, король польскій и великій князь литовскій, *по совѣщанію съ братомъ нашимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ*, и съ нашими князьями и панами, и съ нашею радою, полюбили себѣ отцемъ митрополитомъ Іону, прежде бывшаго епископа муромскаго и рязанскаго, и

([28]) А. И. I, стр. 96. Король ѣздилъ въ Польшу въ концѣ 1449 г. (D l u g o s s. Hist. Polon. lib. XIII, an. 1449). Слѣд. писалъ къ Іонѣ и прислалъ ему свой листъ прежде.

([29]) А. И. I. № 47, стр. 96.

дали ему престолъ митрополіи кіевской и всей Руси, какъ бывало прежде по установленію и обычаю русскаго христіанства. А онъ имѣетъ править свою честь и свой митрополитскій долгъ по старому, какъ правили прежде-бывшіе митрополиты по добрымъ обычаямъ предковъ нашихъ и своего христіанства. Посему князья наши, и епископы, и бояре, архимандриты и игумены, священники, діаконы и иноки, и весь причтъ церковный, и весь народъ христіанства русскаго, имѣйте его—отца нашего Іону за митрополита, чтите его и будьте ему послушны въ дѣлахъ духовныхъ, какъ чтили и слушались прежде-бывшихъ митрополитовъ» ([30]). Чрезъ нѣсколько дней (9-го февраля) митрополитъ Іона, находясь въ Новогродкѣ, поставилъ себѣ намѣстника для кіевской митрополіи какого-то старца и протодіакона Михаила, и поручилъ ему завѣдывать церковными дѣлами въ Кіевѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и во всѣхъ городахъ и селахъ, издавна входившихъ въ составъ митрополитской епархіи и зависѣвшихъ непосредственно отъ кіевской каѳедры, а равно завѣдывать отчинами митрополіи въ томъ краѣ и собирать съ нихъ доходы ([31]). Въ тоже время (въ началѣ февр. 1451 г.) Іона написалъ посланіе къ королю, который, вѣроятно, переѣхалъ тогда изъ Вильны въ землю галицкую, бывшую подъ властію Польши. Въ посланіи святитель благодарилъ и благословлялъ короля за каѳедру митрополіи кіевской, но вмѣстѣ напоминалъ ему, что онъ обѣщался, кромѣ кіевской митрополіи, возсоединить съ русскою Церковію по старинѣ и митрополію галицкую, нахо-

([30]) А. И. I, № 42 и примѣч. къ этому №.
([31]) А. И. I, № 48 и примѣч. къ этому №.

дящуюся въ другомъ его «господарьствѣ», и велѣлъ написать ему объ этомъ, когда онъ тамъ будетъ. Исполняя теперь волю короля, Іона просилъ, чтобы онъ исполнилъ до конца свое обѣщаніе и всѣ церкви и церковные домы митрополіи галицкой причислилъ къ кіевской каѳедрѣ ([32]). Но есть основаніе думать, что послѣдняя просьба Іоны не была уважена, хотя лѣтъ черезъ семь, еще при жизни его, какъ увидимъ, галицкія епархіи вошли въ составъ митрополіи кіевской, когда началось отдѣленіе ея отъ московской ([33]). Неизвѣстно, обозрѣвалъ ли въ этотъ разъ св. Іона литовскія епархіи; но только онъ былъ въ Кіевѣ, служилъ въ Софійскомъ соборѣ, молился за короля, его благовѣрныхъ князей, бояръ и за всѣхъ православныхъ христіанъ литовской земли. Несомнѣнно также, что епископы литовскихъ епархій просили его, какъ новаго своего первосвятителя, чтобы онъ преподалъ на главы ихъ «освященіе и благословеніе», — и онъ своимъ благословеніемъ какбы вновь утвердилъ ихъ на ихъ каѳедрахъ ([34]). А какъ оказалось, что одинъ изъ нихъ, именно владимірскій Даніилъ, былъ поставленъ въ Царьградѣ отступниками отъ православія — митрополитомъ Исидоромъ и патріархомъ Григоріемъ Маммою (слѣд. прежде 1451 г.) и при поставленіи своемъ далъ исповѣданіе вѣры, согласное съ ихъ волею: то епископъ этотъ вызванъ былъ въ Москву, гдѣ (28

([32]) А. И. I, № 260.

([33]) Въ 1459 г. восточно-русскіе епископы, убѣждая епископовъ западно-русскихъ оставаться вѣрными митрополиту Іонѣ, перечислили въ своемъ посланіи только литовскія епархіи, а вовсе не упомянули о галицкихъ. А. И. I, № 272.

([34]) О всемъ этомъ напоминаетъ епископамъ литовскимъ самъ митрополитъ Іона. См. Прилож. № I.

окт. 1451 г.) торжественно, предъ соборомъ святителей, отрекся отъ Исидора и латинства, произнесъ православное исповѣданіе, какое обыкновенно произносили православные епископы предъ своимъ рукоположеніемъ, и, получивъ отъ митрополита Іоны разрѣшительную грамату, возвратился въ свою епархію ([35]). Въ послѣдующее время св. Іона неоднократно посѣщалъ Кіевъ, и по дѣламъ литовскихъ епархій, когда находилъ нужнымъ, обращался съ своимъ ходатайствомъ къ королю Казиміру и къ литовскимъ православнымъ панамъ ([36]). Епископовъ Литвы, хотя они находились вдалекѣ и подъ властію иновѣрнаго государя, старался держать въ надлежащемъ повиновеніи и не допускалъ забываться даже въ вещахъ, по видимому, маловажныхъ. Однажды полоцкій владыка Симеонъ въ письмѣ къ первосвятителю назвалъ его братомъ, а не отцемъ. Іона отвѣчалъ (ок. 1456 г. дек. 7) этому владыкѣ: «мы удивились, сынъ мой, что ты отнесся къ нашему смиренію не такъ, какъ изначала относились полоцкіе епископы къ прежде-бывшимъ митрополитамъ, а по новому... Не знаемъ, дошелъ ли ты до глубокой старости и безпамятства, или забылъ священныя правила и, вопреки ихъ, надмился гордостію. Но знаемъ, что ты искусенъ въ божественномъ писаніи и вѣдаешь, какъ Богъ за гордость и ангеловъ свергнулъ съ неба... Ну, посуди самъ: пристало ли бы намъ, митрополиту, писаться братомъ къ святому патріарху? Да не будетъ. Но онъ воленъ, хоть и не долженъ, писаться

([35]) Прилож. № II; А. И. I, № 52.

([36]) „И бывалъ паки есмь не однова тамо (въ Кіевѣ) управленіа ради святыя церкви, а не богатства дѣля“... Прилож. № I; А. И. I, № 260.

такъ къ намъ, своимъ сынамъ, когда пожелаетъ. Равно и мы можемъ такъ писать къ вамъ, но не вы къ намъ, наши дѣти, развѣ только увлечетесь гордостію и будете безъ ума» ([37]). Были, однакожъ, случаи, когда власть митрополита по отношенію къ литовскимъ епархіямъ являлась какбы ограниченною въ нѣкоторой степени. Напримѣръ, по смерти тогоже полоцкаго владыки Симеона на мѣсто его избранъ былъ какой-то архимандритъ Каллистъ не митрополитомъ Іоною съ соборомъ епископовъ, по изволенію великаго князя, какъ это совершалось въ Россіи, но только самимъ королемъ при участіи его русскихъ князей, мѣстныхъ бояръ, священниковъ и всего православнаго людства. Избранный только извѣстилъ потомъ митрополита о своемъ избраніи и писалъ, что пріѣхать къ нему для поставленія не находитъ удобства. И Іона отвѣчалъ (ок. 1458 г. іюля 25) Каллисту, что радуется его избранію, выражалъ сожалѣніе, что не могъ по своей старческой немощи быть въ Полоцкѣ, когда въ Литвѣ находился король, и обѣщался пріѣхать туда, если ничто не воспрепятствуетъ, когда король снова посѣтитъ тѣ области, и по повѣленію короля посвятитъ его—Каллиста во епископа ([38]).

Въ самой Россіи тяжкія обстоятельства отечества постоянно вызывали Іону принимать участіе въ дѣлахъ гражданскихъ. Обстоятельства эти были—междоусобная брань, которую упорно продолжалъ вести противъ великаго князя Василія Васильевича князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка съ своими сообщниками, и частые набѣги татаръ. Еще въ первой своей окруж-

---

([37]) А. И. I, № 268.
([38]) А. И. I, № 270.

ной граматѣ ко всѣмъ сынамъ Россіи (въ концѣ 1448 г.), извѣщая ихъ о своемъ вступленіи на каѳедру, митрополитъ Іона писалъ: «вы сами, дѣти, знаете, сколько зла и запустѣнія землѣ нашей учинилось отъ князя Димитрія Юрьевича, сколько пролито христіанской крови. Неоднократно онъ приходилъ въ себя, билъ челомъ великому князю, цѣловалъ крестъ, а недавно еще самъ написалъ на себя клятвенную («проклятую») грамату, — и все измѣняетъ». Затѣмъ святитель убѣждалъ сторонниковъ Димитрія, чтобы они пощадили собственныя души, перестали проливать кровь, покорились великому князю, и угрожалъ, въ случаѣ ихъ неповиновенія и ожесточенія, затворить въ странѣ ихъ храмы Божіи ([39]). Въ слѣдующемъ году, когда Шемяка, не смотря на свои клятвы, снова возсталъ противъ великаго князя на Костромѣ, Василій Васильевичъ, отправляясь туда съ войскомъ, взялъ съ собою митрополита и епископовъ, можетъ быть, въ надеждѣ, что они убѣдятъ клятвопреступника и образумятъ: по крайней мѣрѣ, Шемяка на этотъ разъ дѣйствительно смирился. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять поднялъ рать въ Галичѣ, и будучи побѣжденъ великимъ княземъ, убѣжалъ въ Новгородъ, и продолжалъ дѣйствовать оттуда противъ своего соперника ([40]). Святитель Іона обратился съ пастырскими наставленіями къ новгородцамъ, нѣсколько разъ отправлялъ къ нимъ своихъ пословъ и граматы, чтобы они не держали у себя князя Димитрія, не ходили съ нимъ проливать христіанскую кровь, поберегли свои души; въ частно-

([39]) А. И. I, № 43.
([40]) П. Собр. Р. Лѣт VI, 178—180.

сти, владыкѣ новгородскому Евфимію писалъ, чтобы онъ убѣдилъ Димитрія искренно покаяться и бить челомъ великому князю ([41]). А когда владыка, какбы въ защиту новгородцевъ, указалъ однажды на нѣкоторыя извиненія, Іона отвѣчалъ ему: «ты пишешь, будто я самъ называю въ моей граматѣ князя Димитрія Юрьевича сыномъ. Посмотри внимательнѣе въ ту мою грамату и уразумѣй, такъ ли въ ней написано. Я не велѣлъ вамъ съ нимъ ни ѣсть, ни пить: потому что онъ самъ отлучилъ себя отъ христіанства, своею волею наложилъ на себя великую церковную тягость, написалъ на себя клятвенную грамату, чтобы не мыслить зла противъ великаго князя, да все то измѣнилъ. Такъ можно ли мнѣ по божественнымъ правиламъ называть его своимъ духовнымъ сыномъ? Нѣтъ, я какъ прежде, такъ и теперь вмѣстѣ съ прочими владыками считаю князя Димитрія неблагословеннымъ и отлученнымъ отъ Церкви Божіей. Ты пишешь еще, что и прежде русскіе князья пріѣзжали въ домъ св. Софіи, въ великій Новгородъ, и имъ по силѣ оказывали честь, и однакожъ прежніе митрополиты граматъ съ такою тягостію не присылали. Но скажи мнѣ, сынъ мой, какіе князья прежде причинили столько зла великому князю, нарушая крестное цѣлованіе, или, пріѣхавъ къ вамъ и оставляя у васъ всю свою семью, ходили отъ васъ по великому княженію губить христіанство и проливать кровь? Какъ прежде у васъ этого не бывало, то такъ и не писали къ вамъ прежніе митрополиты» ([42]). Вскорѣ послѣ этой граматы князь Димитрій Юрье-

([41]) А. И. I, № 53.
([42]) А. Э. I, № 372. Грамата писана 29 сент. 1452 г.

вичъ скончался въ Новгородѣ (1453 г.) ([43]). Дѣйствуя такимъ образомъ на новгородцевъ своею духовною властію, митрополитъ не оставлялъ безъ вниманія и прочихъ сторонниковъ Шемяки. Впродолженіе своей многолѣтней борьбы съ Василіемъ Васильевичемъ, онъ часто находилъ для себя помощь въ колоніи новгородской — Вяткѣ. Іона послалъ туда (ок. 1452 г.) двѣ граматы. Въ одной онъ укорялъ вятичей за то, что они соединились съ отлученнымъ отъ Церкви княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ, и, вопреки крестному цѣлованію, многократно ходили съ нимъ на вотчины великаго князя, грабили и разоряли церкви, безчеловѣчно мучили и умерщвляли христіанъ, продавали плѣнниковъ въ поганство, и убѣждалъ ихъ исправиться, бить челомъ великому князю, ручаясь за его милость и угрожая въ противномъ случаѣ своимъ неблагословеніемъ. Во второй граматѣ, обращенной собственно къ пастырямъ, святитель рѣзко порицалъ ихъ за ихъ совершенную небрежность въ исполненіи своего долга, за крайнюю распущенность и испорченность ихъ паствы, налагалъ на нихъ тягость церковную, пока не исправятся, и говорилъ, что если вятчане не перестанутъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ и не покорятся великому князю, то будутъ отлучены отъ православной Церкви ([44]). Главнымъ союзникомъ Шемяки противъ великаго князя былъ князь Иванъ Андреевичъ можайскій. Этотъ князь, услышавъ (въ 1454 г.), что Василій Васильевичъ идетъ на него ратью, бѣжалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Литву. Тогда святитель Іона написалъ къ

([43]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 180.
([44]) А. И. I, 261.

смоленскому владыкѣ Мисаилу, чтобы онъ позаботился, какъ бы отъ князя Ивана не сдѣлано было какихъ пакостей для вотчинъ великаго князя, и чтобы сообщилъ о томъ литовскому канцлеру ([45]).

Ревностный помощникъ великому князю противъ враговъ внутреннихъ, святитель Іона всячески старался содѣйствовать ему и противъ внѣшнихъ враговъ — монголовъ. Зависимость наша отъ нихъ почти уже не существовала; но они еще часто вторгались въ наши предѣлы и, въ случаѣ успѣха, заставляли смиряться нашего великаго князя и даже платить ордынскую дань. Чтобы успѣшнѣе отражать ихъ набѣги, великій князь нуждался въ помощи отъ другихъ русскихъ князей. И вотъ св. Іона, для возбужденія ихъ къ этому, иногда слалъ къ нимъ свои пастырскія граматы, какъ — къ можайскому князю Ивану Андреевичу; иногда отправлялъ своихъ пословъ, какъ отправлялъ къ томуже князю коломенскаго владыку Геронтія ([46]); а иногда убѣждалъ мѣстныхъ епископовъ ходатайствовать о томъ предъ своими князьями. Такъ, по случаю похода великаго князя Василія Васильевича на казанскихъ татаръ, Іона писалъ (1451—1452 г.) тверскому епископу Иліи: «благословляю тебя, моего сына о Св. Духѣ, чтобы ты, по своему святительскому долгу, говорилъ, билъ челомъ и твердо докучалъ великому князю Борису Александровичу, чтобъ послалъ онъ къ великому князю Василію Васильевичу своихъ воеводъ на тѣхъ безбожныхъ съ своими многими людьми за св. церкви Божіи и за все православное

([45]) А. И. I, № 56.
([46]) А. И. I, стр. 104.

христіанство. Самъ ты знаешь, что если милосердіемъ Божіимъ учинится какое добро нашему великому государю для устроенія христіанскаго и истины, то это будетъ общее добро всего нашего православнаго христіанства; а если не такъ станется по грѣхамъ нашимъ, это будетъ наше общее несчастіе... Вѣрую Христу, моему Владыкѣ, что кому случится изъ православныхъ умереть на той брани, тѣ пострадаютъ за св. церкви Божіи и за все православное христіанство и, подобно древнимъ мученикамъ, воспріимутъ отъ Христа вѣнецъ мученія» ([47]). Еще болѣе св. Іона подкрѣплялъ оружіе великаго князя противъ татаръ своими пламенными молитвами. Въ 1451 г., когда погайскій царевичъ Мозовша съ многочисленными хищниками вторгнулся въ Россію, Василій Васильевичъ, отправляясь изъ Москвы для собиранія войска, поручилъ ее митрополиту и боярамъ. Іюля 2-го татары приблизились къ столицѣ и зажгли ея посады. Сильный вѣтеръ гналъ на кремль облака дыма и угрожалъ ему пожаромъ. Тогда святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ, при безчисленномъ стеченіи народа, началъ совершать по стѣнамъ города крестный ходъ,—и вѣтеръ внезапно утихъ. Увидѣвъ во время хода одного инока Чудова монастыря, по имени Антонія, отличавшагося благочестіемъ, св. Іона сказалъ: «братъ Антоній, помолись прилежно Богу объ избавленіи города и всего православія отъ безбожныхъ агарянъ». Антоній отвѣчалъ: «ты великій архіерей Божій, твоей молитвы не презритъ Богородица; агаряне будутъ прогнаны, и я одинъ буду уязвленъ ими». Когда онъ произносилъ эти слова, не-

([47]) А. И. I, № 51.

пріятельская стрѣла дѣйствительно поразила его и онъ вскорѣ умеръ. Ночью предсказаніе его исполнилось: враги бѣжали отъ Москвы, услышавъ великій шумъ въ городѣ и полагая, что великій князь пришелъ съ войскомъ. Первосвятитель самъ почтилъ погребеніемъ достойнаго инока ([48]). Впослѣдствіи, когда св. Іона на мѣсто умершаго владыки новгородскаго Евѳимія поставилъ друга и соименника своего Іону (въ февр. 1459 г.), и оба они вмѣстѣ испросили у великаго князя Василія Васильевича милость людямъ новгородскимъ, оба эти святителя съ дерзновеніемъ обѣщали ему испросить у Бога того, что не будутъ болѣе ордынскіе цари одолѣвать русской державы, и великіе князья перестанутъ ходить въ орду на поклоненіе царямъ, а начнутъ самодержавно царствовать въ своемъ отечествѣ; оба предсказывали великой ордѣ разореніе, а русскому царству распространеніе ([49]).

Прошло уже около семнадцати лѣтъ, какъ Исидоръ бѣжалъ изъ Россіи, и около десяти, какъ св. Іона началъ управлять русскою митрополіею. Но Исидоръ все-еще не оставлялъ своихъ притязаній на эту митрополію. Въ Римѣ смотрѣли на него, какъ на законнаго первосвятителя Россіи, только незаконно изгнаннаго, а въ Іонѣ видѣли честолюбца, который самовольно и святотатственно взошелъ на каѳедру, еще занятую другимъ. Тамъ, однакожъ, понимали, что отнять у Іоны власть надъ тѣми епархіями, которыя находились во владѣніяхъ русскаго государя, рѣшительно отвергшаго Флорен-

([48]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 147; VI, 179; VIII, 128; Степ. кн. II, 82—84.

([49]) Степ. кн. II, 84; Воспомин. объ Іонѣ, архіепископѣ великаго Новгорода,— въ Памятн. старинн. Русск. Литер. IV, 32.

тійскую унію, нѣтъ возможности; а разсчитывали только на епархіи русскія, находившіяся во владѣніяхъ польско-литовскаго короля Казиміра, послѣдователя римской вѣры. Въ этихъ видахъ папа Каллистъ III (21 іюля 1458 г.), по совѣщаніи съ своими кардиналами и съ согласія Исидора, положилъ раздѣлить русскую Церковь на двѣ части, и ту половину ея, которая состояла въ областяхъ Литвы и Польши и заключала девять епархій, именно: брянскую (черниговскую), смоленскую, перемышльскую, туровскую, луцкую, владимірскую, полоцкую, холмскую и галицкую, отнять у Іоны и предоставить особому митрополиту. Исидоръ согласился уступить эту часть бывшему ученику своему и протодіакону Григорію, бѣжавшему вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи, а теперь считавшемуся аббатомъ монастыря св. Димитрія въ Константинополѣ. Бывшій патріархъ цареградскій Григорій Мамма, лишенный каѳедры за приверженность къ латинству, и проживавшій въ Римѣ, рукоположилъ аббата Григорія въ епископа и возвелъ его на степень митрополита «кіевскаго, литовскаго и всей нижней Россіи». Папа Пій II, преемникъ Каллиста († 8 авг. 1458 г.), утвердилъ новаго митрополита своею граматою (отъ 11 сент. 1458 г.). И Григорій, снабженный граматами отъ Исидора, лжепатріарха Маммы и отъ папы, отправился на свою паству ([50]).

Но еще прежде, нежели новый митрополитъ прибылъ въ Польшу и Литву, въ Москвѣ, едва заслышали о немъ, спѣшили принять противъ него свои мѣры. Великій князь Василій Васильевичъ написалъ къ королю Казиміру: «Григорія

([50]) Пол. Собр. Р. Лѣт. VI, 167. 319; А. И. I, стр. 111. 117.

отъ Рима не принимай къ себѣ на мѣсто общаго нашего отца, митрополита Іоны; новизны не дѣлай, старины нашей не нарушай. А старина наша еще отъ прародителя нашего, великаго князя Владиміра, крестившаго русскую землю, и по этой старинѣ взысканіе и принятіе митрополитовъ всегда зависѣло отъ великихъ князей русскихъ, а не отъ князей литовскихъ. Кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ митрополитомъ на всей Руси; а отъ Рима митрополиту у насъ не быть: мнѣ ненадобенъ» ([51]). Св. Іона, съ своей стороны, послалъ въ Литву къ епископамъ, князьямъ, боярамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ свои граматы и двухъ игуменовъ: троицкаго—Вассіана и кирилловскаго—Кассіана ([52]). Въ граматахъ, изъ которыхъ, впрочемъ, сохранилась только одна—къ боярамъ и панамъ, святитель похвалялъ ихъ великую вѣру и ревность о православіи, убѣждалъ стоять и впредь твердо за св. Церковь Божію и за православную вѣру, совѣтовалъ сноситься для этого съ тамошними князьями и со всею православною братіею; выражалъ сожалѣніе, что не могъ самъ за болѣзнію посѣтить ихъ, и просилъ вѣрить всему тому, что будутъ говорить посланные имъ игумены ([53]). Но эти мѣры, принятыя въ Москвѣ противъ Григорія, оказались недостаточными. Правда, два князя кіевскіе, Симеонъ и Михаилъ Александровичи, съ своею матерію, да князь олшанскій Юрій Семеновичъ прислали чрезъ троицкаго игумена Вассіана такой отвѣтъ: «мы въ разсужденіи своего православія смотримъ во всемъ на Бога

([51]) А. Э. I, № 80, стр. 58.

([52]) А. И. I, № 65, стр. 117. Этотъ игуменъ Кассіанъ есть тотъ самый, котораго вел. князь и митрополитъ Іона два раза посылали въ Царьградъ.

([53]) А. И. I, № 45.

и на Его Пречистую Матерь, и на своего господина, цвѣтущаго во благочестіи православнаго великаго князя Василія Васильевича, а отцемъ своимъ и учителемъ признаемъ господина нашего Іону, митрополита кіевскаго и всей Россіи» ([54]). Но самъ король Казиміръ не послѣдовалъ совѣту великаго князя Василія Васильевича, измѣнилъ Іонѣ, принялъ Григорія. Король не осмѣлился воспротивиться папѣ, который прислалъ ему свою буллу и наказывалъ—не допускать къ себѣ отщепенца Іону, отнять у него власть надъ духовенствомъ и мірянами въ предѣлахъ Литвы и Польши, и если онъ самъ придетъ туда, то схватить его, какъ отщепенца и противника, и скованнаго заключить въ темницѣ; напротивъ принять со всею честію митрополита Григорія, передать ему девять епархій, ему порученныхъ, и подчинить ему все духовенство и мірянъ этихъ епархій ([55]). А литовскіе епископы, хотя прислали Іонѣ свои отвѣты, до насъ, впрочемъ, не дошедшіе, и, по всей вѣроятности, давали обѣщанія не измѣнять ему, но вмѣстѣ, прислали и копіи съ тѣхъ граматъ, какія принесъ съ собою изъ Рима Григорій отъ Исидора, Григорія Маммы и папы, и которыя были въ высшей степени оскорбительны для Іоны ([56]). Кромѣ того святитель получилъ прискорбное извѣстіе, что нѣкоторые изъ этихъ епископовъ уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и даже служатъ съ нимъ. Тогда Іона написалъ къ литовскимъ епископамъ новое посланіе. Онъ вооружался противъ своихъ враговъ—Исидора, ученика его Григорія, вы-

([54]) А. И. I, № 62, стр. 110; № 273, стр. 504.
([55]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 167—169.
([56]) А. И. I, № 65, стр. 118.

дававшаго себя за митрополита кіевскаго и всей Россіи, и Григорія Маммы, величавшаго себя въ своихъ граматахъ «архіепископомъ» константинопольскимъ, и называлъ всѣхъ ихъ отступниками отъ вѣры и развратителями православія. Защищалъ самого себя и доказывалъ, что онъ вовсе не отступникъ, какъ его называютъ враги его, что онъ поставленъ въ митрополита по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, и не отъ трехъ или пяти епископовъ, а отъ всѣхъ архіепископовъ и епископовъ своей страны. Наконецъ, замѣчалъ литовскимъ епископамъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ доходятъ слухи, уже пріобщаются Григорію и служатъ съ нимъ, а такихъ православная Церковь признаетъ за отступниковъ отъ своей вѣры, и убѣждалъ ихъ внимать своему стаду, стоять за православіе и, еслибы пришлось, даже пострадать за него ([57]).

Вскорѣ скорбь святителя Іоны должна была еще увеличиться. Король Казиміръ, мало того, что принялъ самъ Григорія, прислалъ и къ великому князю Василію Васильевичу просить о принятіи Григорія на мѣсто Іоны, какъ уже престарѣлаго. Это значило, что Казиміръ желалъ сдѣлать для Григорія даже болѣе, нежели сколько требовалъ папа: папа предоставилъ ему только девять епархій въ Литвѣ и Польшѣ, а Казиміръ старался распространить власть его и на всѣ епархіи, находившіяся въ Россіи. Само собою разумѣется, что Василій Васильевичъ и слышать не хотѣлъ о такомъ предложеніи и рѣшительно отказалъ королю ([58]). А святитель Іона пригласилъ въ Москву всѣхъ епископовъ своей, собственно-русской,

([57]) А. И. I, № 63.
([58]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 169; А. И. I, стр. 111. 505.

митрополіи. Эти епископы, собравшись (къ концу 1459 г.) въ соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы, у гроба св. чудотворца Петра, гдѣ каждый изъ нихъ принялъ рукоположеніе отъ митрополита Іоны, постановили: «видя на самомъ дѣлѣ, что, по грѣхамъ нашимъ и по еретичеству отступника отъ православной вѣры Исидорова ученика Григорія, называющаго себя митрополитомъ кіевскимъ, совершилось раздѣленіе Божіихъ церквей московской и кіевской, и отъ этого раздѣленія произошла великая пагуба для православія, мы какъ при нашемъ поставленіи дали отцу нашему Іонѣ, такъ и теперь повторяемъ обѣщаніе—быть намъ неотступными отъ св. церкви московской и отъ него и во всемъ повиноваться ему, а по отшествіи его къ Богу, повиноваться намъ тому митрополиту, который, по правиламъ св. апостоловъ и отцевъ, будетъ поставленъ въ соборной церкви на Москвѣ у гроба св. чудотворца Петра. Къ отступнику же отъ православной вѣры, Исидорову ученику Григорію, отлученному отъ св. соборной Церкви, намъ, архіепископамъ и епископамъ русской митрополіи, не приступать, граматъ отъ него никакихъ не принимать и совѣщаній съ нимъ не имѣть ни о чемъ» ([59]). На этомъ соборѣ не было только двухъ владыкъ: новгородскаго Іоны и тверскаго Моисея. Но первый лишь незадолго предъ тѣмъ былъ поставленъ въ санъ архіепископа и при самомъ поставленіи своемъ далъ обѣтъ и грамату за своею подписью и печатью, чтобы быть вѣрнымъ рукоположившему его святителю, и не принимать пришельца изъ Рима Григорія ([60]). Потому, можетъ быть,

([59]) А. И. I, № 61.
([60]) А. И. I, № 275, стр. 506.

митрополитъ и не счелъ нужнымъ звать этого владыку на соборъ, а только по окончаніи собора послалъ ему извѣстіе о соборныхъ совѣщаніяхъ и убѣждалъ его, чтобы онъ помнилъ данное имъ при поставленіи своемъ обѣщаніе, стоялъ твердо въ православной вѣрѣ, укрѣплялъ въ ней свою паству и пребывалъ въ единодушіи съ своею братіею—русскими епископами ([61]). Что же касается до тверскаго епископа, который, не смотря уже на двукратное приглашеніе митрополита, не ѣхалъ въ Москву на соборъ, то первосвятитель написалъ къ нему въ третій разъ и наказывалъ ему непремѣнно явиться къ назначенному сроку, угрожая, въ противномъ случаѣ, своею строгостію ([62]). Вѣроятно, этому-то епископу и принадлежитъ та повольная грамата, которую далъ или прислалъ неизвѣстный епископъ собору русскихъ епископовъ и въ которой онъ одинъ повторяетъ тоже самое, что они соборнѣ постановили, именно что онъ вмѣстѣ съ ними признаетъ своимъ отцемъ и настоятелемъ во всемъ рукоположившаго его митрополита Іону, а по отшествіи его къ Богу, обѣщается признавать того митрополита, который будетъ поставленъ у гроба св. чудотворца Петра въ домѣ Пречистыя Богородицы, и что съ лжемитрополитомъ Григоріемъ не будетъ имѣть никакого общенія и единенія ([63]). Русскіе святители, собравшіеся на соборъ съ прочимъ духовенствомъ, не ограничились тѣмъ,

---

([61]) А. И. I, № 65.

([62]) А. И. I, № 271.

([63]) Дополн. къ А. И. I, № 12. Издатели, неизвѣстно почему, называютъ эту грамату граматою одного изъ *литовскихъ* епископовъ; но, по содержанію своему, она вполнѣ приличествуетъ епископу московской митрополіи, не бывшему на соборѣ своихъ собратій.

что торжественно заявили свой обѣтъ оставаться вѣрными св. Іонѣ и не признавать Григорія, но вмѣстѣ отъ лица всего своего собора послали (13 дек. 1459 г.) воззваніе къ литовскимъ епископамъ и прочимъ пастырямъ и писали: «мы слышимъ, что къ вамъ пришелъ изъ Рима ученикъ Исидоровъ Григорій, который называетъ себя митрополитомъ кіевскимъ и всей Россіи и, по словамъ его, принялъ поставленіе отъ патріарха Григорія, прежде бывшаго въ Царьградѣ и обличеннаго тамъ въ латинской ереси. Этотъ лжемитрополитъ Григорій носитъ съ собою листы отъ папы и отъ того ложнаго патріарха, въ которыхъ они именуютъ господина нашего Іону отщепенцемъ и отступникомъ, тогда какъ сами они отступники отъ закона нашей православной вѣры. А нашъ митрополитъ Іона поставленъ въ митрополита по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ соборомъ своихъ архіепископовъ и епископовъ. И вы бы, наши духовные братья, помнили свое исповѣданіе и обѣщаніе, которое дали господину нашему Іонѣ, что вамъ не отступать отъ него и не принимать иного митрополита отъ латинянъ; вы бы не принимали того отступника, ученика Исидорова, Григорія и не имѣли съ нимъ общенія, а братства съ нами и единенія во Христѣ не отлучались» ([64]).

Не удовольствовался, однакожъ, и этимъ святитель Іона. Чрезъ нѣсколько дней (20 дек. 1459 г.) онъ написалъ и отъ себя посланіе къ князьямъ, боярамъ и всѣмъ православнымъ мірянамъ земли литовской. Извѣщалъ ихъ, что желалъ бы и самъ побывать у нихъ и благословить ихъ, да не въ состояніи по великой своей немощи; напоминалъ имъ всю

([64]) А. И. I, № 272. Посланіе писано 13 декабря 1459 года.

исторію отпаденія Исидора отъ православія и съ «великимъ моленіемъ» умолялъ, не ради себя, а ради спасенія душъ ихъ, чтобы они не принимали никого, кого бы ни прислалъ къ нимъ отступникъ Исидоръ, и непоколебимо стояли въ православіи, хотя бы имъ грозили за это смертію, въ полной надеждѣ, что если кому случится и умереть за вѣру Христову, то такой увѣнчается вѣнцемъ мученика ([65]). Еще чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ святитель написалъ новое посланіе ко всѣмъ епископамъ литовскимъ: подробно говорилъ объ измѣнѣ Исидора, о своемъ поставленіи въ митрополита, о своихъ трудахъ для литовскихъ епархій; извѣщалъ, что король Казімиръ присылалъ двухъ своихъ пословъ къ великому князю Василію Васильевичу съ просьбою о принятіи Григорія, что князь на это не согласился, а онъ—митрополитъ Іона, со всѣми архіепископами и епископами русской земли, призналъ Григорія отлученнымъ отъ св. Церкви и чуждымъ православію; въ заключеніе, убѣждалъ литовскихъ епископовъ, чтобы и они не принимали Григорія, считали его отлученнымъ отъ Церкви, и, если онъ начнетъ учить или писать къ нимъ, не слушали его, а если начнетъ дѣлать запрещенія, не обращали на нихъ вниманія, помня слова Господа: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* ([66]). Наконецъ, сохранилось посланіе святителя Іоны, которое онъ адресовалъ отдѣльно каждому изъ епископовъ земли литовской въ концѣ

([65]) А. И. I, № 66.

([66]) Грамата эта напечатана нами въ Приложен. № I. Она написана въ августѣ, вѣроятно, 1460 года: въ ней упоминается о посольствѣ польскаго короля къ великому князю Василію Васильевичу, чтобы онъ принялъ Григорія, и объ отказѣ нашего князя (снес. А. И. I, № 273, стр. 505).

1460 или въ началѣ 1461 года. Повторивъ и здѣсь съ подробностію тоже самое, о чемъ писалъ прежде, святитель еще разъ убѣждалъ каждаго изъ этихъ епископовъ—не сообщаться съ отступникомъ Григоріемъ, блюсти отъ него свою паству, стоять твердо за православіе, и присовокуплялъ: «а если, сынъ мой, будетъ тебѣ отъ кого либо истома за то и нужда,— ты бы, по своему къ намъ исповѣданію и обѣщанію, не принимая пришедшаго изъ Рима и не сообщаясь съ нимъ, ѣхалъ ко мнѣ. А не поѣдешь ко мнѣ, забывъ свое исповѣданіе и обѣщаніе, данное при поставленіи своемъ, и пожелаешь вступить въ общеніе съ отступникомъ Григоріемъ или съ кѣмъ другимъ, поставленнымъ отъ латинянъ: ты самъ наложишь на себя страшную и великую церковную тягость» ([67]).

Это посланіе митрополита Іоны въ Литву, по всей вѣроятности, было уже послѣднее: потому что вскорѣ, 31-го марта 1461 года, великій святитель Божій скончался ([68]). Въ тяжкія времена для Церкви и отечества протекла его жизнь. Много сдѣлалъ онъ, при своей пастырской мудрости и ревности, для той и для другаго; но не успѣлъ сдѣлать всего, чего такъ пламенно желалъ, не успѣлъ предотвратить раздѣленія русской митрополіи: то, что предвидѣли уже давно, на что неразъ покушались и прежде, что рано или поздно, но неизбѣжно должно было совершиться, совершилось теперь. Половина древнихъ русскихъ православныхъ епархій находилась въ странахъ не русскаго государя, а литовскаго и польскаго.

([67]) А. И. I, № 273. Снес. № 62, гдѣ, между прочимъ, сказано: „и того ради, сыну, и нынѣ тобѣ пишу, да и твоей братьѣ всѣмъ пишу“... и проч. (—стр. 111).

([68]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 184; VIII, 149; Степ. кн. II, 86—88.

Литовскій великій князь и вмѣстѣ король польскій не могъ безъ опасеній смотрѣть на подчиненіе своихъ подданныхъ иноземному первосвятителю, дѣйствовавшему подъ вліяніемъ своего великаго князя, часто непріязненнаго Литвѣ и Польшѣ; не могъ не желать, чтобы точно такъ же быть самостоятельнымъ въ своихъ владѣніяхъ, даже по церковнымъ дѣламъ, какъ былъ самостоятельнымъ государь русскій, а не зависѣть отъ Москвы. Не могъ тѣмъ болѣе признавать духовную власть русскаго митрополита и содѣйствовать его видамъ, что самъ былъ другаго исповѣданія, римскаго, враждебнаго православію, и особенно тогда, когда изъ Рима прислано было повелѣніе дѣйствовать совсѣмъ иначе. И король Казиміръ, исполняя волю папы, вопреки всѣмъ усиліямъ московскаго великаго князя и митрополита, отнялъ у послѣдняго всѣ литовско-польскія, православныя епархіи и подчинилъ ихъ особому митрополиту ([69]). Такъ состоялось окончательное раздѣленіе русской Церкви на двѣ митрополіи: восточно—русскую или московскую и западно—русскую или литовскую ([70]). Въ той и другой митрополіи начался непрерывный рядъ своихъ

([69]) Чрезъ три мѣсяца по смерти митрополита Іоны преемникъ его писалъ новгородскому архіепископу: „вѣдомо тебѣ, моему сыну, что пришелъ въ литовскую землю Сидоровъ, отступника отъ православія, ученикъ и единомысленникъ Григорій, а именуетъ себе *кіевьскимъ и всея Руси митрополитомъ*: слышаніе таково полное, что король его принялъ, и столецъ ему кіевьскій далъ, и въ всей своей державѣ святыя Божія церкви и вся церковная оправданія вѣдати“ (А. И. I, 275). Въ лѣтописи читаемъ: „при семъ митрополитѣ (Іонѣ) и Кіевъ отняся столъ отъ русскихъ митрополитовъ. Пріиде бо изъ Риму Григорій митрополитъ и сѣде на Кіевѣ, и пріятъ его король, и съ нимъ 8 епископовъ литовскихъ“ (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 149). Снес. А. Э. I, стр. 58.

([70]) „И *оттолѣ раздѣлися митрополія*: король сего прія Григорія, а князь велики не восхотѣ; и оттолѣ сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а вторый въ Кіевѣ“ (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 169).

первосвятителей, и первосвятители первой начали называться *митрополитами всея Руси*, а первосвятители послѣдней—*митрополитами кіевскими и всея Руси* (71). Объ эти митрополіи существовали совершенно отдѣльно одна отъ другой, не находились между собою ни въ какихъ отношеніяхъ, и имѣли совершенно различныя судьбы. А потому и въ Исторіи будутъ разсматриваемы нами отдѣльно.

---

(71) А. И. I, стр. 124. 126. 127. 130. 141. 142. 145 и др.; Акт. Южн. и Западн. Росс. I, стр. 48. 63. 73. 124. и др.

ГЛАВА II.

МИТРОПОЛІЯ ВОСТОЧНО-РУССКАЯ ИЛИ МОСКОВСКАЯ: ЕЯ ПЕРВОСВЯТИТЕЛИ И ХОДЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ВЪ НЕЙ СОБЫТІЙ.

Самостоятельность, какую пріобрѣла русская Церковь при митрополитѣ Іонѣ, сдѣлалась достояніемъ преимущественно восточно-русской митрополіи, и на ея-то первосвятителя перешло право занимать первое мѣсто въ ряду митрополитовъ всей восточной православной Церкви, непосредственно послѣ іерусалимскаго патріарха. Впрочемъ, не должно преувеличивать значенія этой самостоятельности: она состояла собственно въ томъ, что какъ избраніе и поставленіе нашихъ митрополитовъ, такъ и судъ надъ ними, не зависѣли болѣе отъ цареградскаго патріарха съ его соборомъ и отъ греческаго императора, за то начали зависѣть отъ собора нашихъ отечественныхъ святителей и отъ нашего отечественнаго государя. Правда, власть нашихъ соборовъ по отношенію къ митрополиту, кромѣ каноновъ Церкви, постоянно была ограничиваема властію нашихъ государей; но власть самихъ государей, подобно тому, какъ нѣкогда власть греческихъ императоровъ по отно-

шенію къ цареградскому патріарху, могла находить себѣ ограниченіе развѣ только въ одной себѣ. И данныя свидѣтельствуютъ, что хотя митрополиты наши, большею частію, были избираемы, а иногда и судимы соборами, но всегда подъ преобладающимъ вліяніемъ государей; иногда же и избирались и удаляемы были отъ каѳедры непосредственно властію самихъ государей. Особенно часты были случаи удаленія нашихъ митрополитовъ отъ каѳедры. При Іоаннѣ III удаленъ былъ только одинъ изъ нихъ и совершенно законно; Василій Іоанновичъ удалилъ также одного, но по своей волѣ; Іоаннъ Грозный удалилъ трехъ, кромѣ тѣхъ двухъ, которые удалены были въ его малолѣтство происками бояръ; даже при кроткомъ и набожномъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ лишенъ былъ своей каѳедры одинъ нашъ первосвятитель по внушенію Бориса Годунова.

Обращаясь къ дѣятельности нашихъ тогдашнихъ митрополитовъ, которая также, большею частію, находилась въ зависимости, съ одной стороны, отъ соборовъ, а съ другой — отъ государя, мы видимъ, что дѣятельность эта, какъ и въ прежнія времена, была двоякаго рода: одна состояла въ прямомъ служеніи св. Церкви и участіи въ дѣлахъ церковныхъ, другая въ служеніи отечеству и духовномъ участіи въ дѣлахъ гражданскихъ. Только не у всѣхъ нашихъ митрополитовъ оба эти вида дѣятельности проявлялись въ одинаковой степени; напротивъ одни, по обстоятельствамъ времени, вызываемы были преимущественно къ дѣятельности перваго рода, другіе— къ дѣятельности втораго рода, а третьи не имѣли возможности показать себя достаточно ни въ той, ни въ другой дѣятельности.

I.

Первымъ митрополитомъ въ восточно-русской митрополіи былъ Ѳеодосій. Въ избраніи его на каѳедру была особенность, которая потомъ не повторялась болѣе. Когда св. Іона видимо изнемогалъ и приближался къ смерти, великій князь Василій Васильевичъ созвалъ нѣсколько епископовъ и вмѣстѣ съ ними обратился къ первосвятителю съ просьбою, чтобы онъ самъ назначилъ себѣ преемника. Іона, посовѣтовавшись съ княземъ и епископами, избралъ и благословилъ на свое мѣсто архіепископа ростовскаго Ѳеодосія, написалъ на имя его благословенную грамату и положилъ ее, за своею подписью и печатью, на престолѣ въ Успенскомъ соборѣ. Такое необычайное избраніе Ѳеодосія было сдѣлано, всего вѣроятнѣе, съ тою цѣлію, чтобы предотвратить, по смерти Іоны, между русскими епископами всякія колебанія въ выборѣ ему преемника и чтобы лишить польскаго короля Казиміра единственнаго благовиднаго случая вновь ходатайствовать о принятіи лжемитрополита Григорія на каѳедру московской митрополіи. Еще замѣчательнѣе было самое поставленіе Ѳеодосія въ митрополита. Какъ только св. Іона скончался, бывшіе въ Москвѣ епископы извѣстили объ этомъ прочихъ, послали имъ копіи съ благословенной граматы покойнаго на имя Ѳеодосія и приглашали ихъ въ Москву для поставленія новоизбраннаго митрополита. Нѣкоторые изъ архипастырей, напримѣръ новгородскій Іона и тверскій Геннадій, прислали свои повольныя граматы съ обѣщаніемъ повиноваться новому митрополиту и не принимать лжемитрополита Григорія. Другіе же, именно:

Филиппъ суздальскій, Евфросинъ рязанскій, Геронтій коломенскій и Вассіанъ саранскій, явились въ Москву и (3 мая 1461 г.) въ Успенскомъ соборѣ возвели Ѳеодосія на степень митрополита ([72]). А о патріархѣ цареградскомъ, объ его согласіи, утвержденіи, благословеніи — не было и рѣчи. Что бы это значило? Безъ сомнѣнія, то, что въ Россіи дѣйствительно существовала тогда патріаршая грамата, о которой мы уже упоминали, — грамата, которою патріархи разъ навсегда предоставили русскимъ митрополитамъ ставиться у себя—дома, безъ всякихъ сношеній съ Царьградомъ. Въ силу этой-то граматы, конечно, русскіе епископы еще и прежде, на соборѣ 1459 г., какъ мы видѣли, давали обѣщаніе повиноваться, по смерти Іоны, только тому митрополиту, который будетъ поставленъ въ Москвѣ, въ соборной церкви Пресвятой Богородицы, у гроба св. чудотворца Петра-митрополита, не упоминая ни о Царьградѣ, ни о патріархѣ.

До своего вступленія на каѳедру митрополитъ Ѳеодосій, по фамиліи Бывальцевъ, десять лѣтъ былъ архимандритомъ Чудова монастыря въ Москвѣ и затѣмъ около семи лѣтъ (съ апр. 1454 г.) архіепископомъ ростовскимъ ([73]). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ своего управленія ростовскою епархіею, онъ подвергся-было опасности лишиться святительства. Въ 1455 году навечеріе Богоявленія Господня случилось въ день воскресный. Ради такого дня Ѳеодосій, вопреки церковному уставу, разрѣшилъ мірянамъ вкушать мясо, а инокамъ рыбу

([72]) А. И. I, №№ 69. 275; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 148; V, 273; VI, 184; Ник. Лѣт. V, 288.

([73]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 180 326; VIII, 144; Ник. Лѣт. V, 278.

и молоко, и самъ вкушалъ, не смотря на предостереженія со стороны нѣкоторыхъ священниковъ и даже мірянъ. Митрополитъ Іона, какъ только узналъ объ этомъ, созвалъ соборъ и, обличивъ виновнаго, хотѣлъ спять съ него санъ. Только ходатайство великой княгини и искреннее раскаяніе самого Ѳеодосія спасли его. Не опустимъ безъ вниманія черту времени, замѣченную лѣтописцемъ: великая княгиня ходатайствовала за ростовскаго владыку не даромъ, а взяла у него за то село Петровское (74). Въ 1458 г. Ѳеодосій прибылъ въ Бѣлозерскъ и здѣсь написалъ ко всему мѣстному духовенству, игуменамъ, священникамъ и діаконамъ окружную грамату, приглашая ихъ на соборъ. «Какъ вы впродолженіе уже четырехъ лѣтъ моего архіепископства, — говорилъ, между прочимъ, святитель, — не приходили къ соборной ростовской церкви, чтобы поучиться истинному любомудрію, и отъ нашего смиренія благословенія не просите, и наставленій отъ божественнаго писанія и правилъ св. отцевъ слышать не хотите, и о церковномъ исправленіи и своемъ стадѣ небрежете, и всячески заблудили отъ праваго пути: то вотъ я самъ, сознавая свой пастырскій долгъ, подвигся придти сюда къ вашей любви ради вашего спасенія. И слышу, что вы позволяете даже своимъ дѣтямъ духовнымъ вступать въ третій и четвертый бракъ, и не вразумляете ихъ, не удерживаете, не запрещаете. Потому я созываю соборъ въ городѣ Бѣлозерскѣ, въ церкви св. Василія, и благословляю васъ, чтобы вы всѣ, безъ всякаго прекословія, явились ко мнѣ на тотъ соборъ ко дню Крещенія Господня. А кто не явится, тотъ

(74) А. И. I, № 57; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 181.

будетъ лишенъ священства, а если и потомъ, не смотря на мое запрещеніе, дерзнетъ священствовать, то будетъ проклятъ». Изъ самаго содержанія этой граматы легко видѣть, что она относилась не ко всему духовенству ростовской епархіи, а только къ духовенству Бѣлозерска и его округа (77).

Одною изъ первыхъ заботъ митрополита Ѳеодосія была забота о епархіи новгородской. Новгородцы видимо тяготились своими отношеніями къ великому князю московскому; они предчувствовали, что не отстоять имъ противъ него своей вольности. Потому между ними бродила мысль, не лучше ли отдѣлиться вовсе отъ Москвы и отдаться подъ покровительство литовскаго великаго князя. А эта мысль неизбѣжно вела къ другой, чтобы отдѣлиться и отъ московскаго митрополита и признать надъ собою власть митрополита литовскаго. И вотъ, едва прошелъ мѣсяцъ со времени вступленія на каѳедру митрополита Ѳеодосія, какъ онъ счелъ нужнымъ писать новгородскому владыкѣ Іонѣ: «ты знаешь, сынъ мой, что въ литовскую землю пришелъ ученикъ Исидоровъ Григорій и что король его принялъ и далъ ему престолъ кіевскій. Если этотъ Григорій по какимъ либо дѣламъ пришлетъ къ тебѣ кого либо изъ своихъ: то ты, помня свое обѣщаніе, данное при поставленіи твоемъ и повторенное въ твоихъ граматахъ къ великому князю и собору русскихъ епископовъ, не принимай и ни въ чемъ не проси благословенія отъ того Григорія и не внимай его писаніямъ и поученіямъ. Да и дѣтей твоихъ духовныхъ въ Новгородѣ и Псковѣ укрѣпляй твердо, чтобы они не принимали его благословенія и поученія и не посылали

(77) А. И. I, № 64.

къ нему ни съ чѣмъ, чтобы не поколебалась отъ ересей наша православная Церковь» ([76]). Архіепископъ Іона, мужъ святой жизни, умѣлъ вразумлять новгородцевъ и обуздывать ихъ непріязнь къ великому князю, а съ другой стороны умѣлъ заслужить любовь и уваженіе въ Москвѣ ([77]). Можетъ быть, потому-то нѣкоторые въ Новгородѣ и были недовольны на своего владыку и нарушали его права. По крайней мѣрѣ, не безъ причины, самъ Іона, когда посѣтилъ въ 1463 г. Москву и здѣсь представился новому великому князю Іоанну Васильевичу III и митрополиту Ѳеодосію, испросилъ у послѣдняго грамату для огражденія своихъ правъ. Митрополитъ подтвердилъ всему духовному чину новгородской епархіи покориться своему владыкѣ, утвердилъ за нимъ всѣ его земли, вотчины и пошлины, а новгородцамъ всѣмъ заповѣдалъ, чтобы они не вступались въ тѣ церковныя пошлины и земли и не дерзали обижать Церковь Божію ([78]).

Въ тоже время жители Пскова, враждуя на новгородцевъ, не помогавшихъ имъ въ борьбѣ съ нѣмцами, вздумали возстать и противъ новгородскаго владыки, какъ это неразъ случалось и прежде. Впродолженіе двухъ лѣтъ они не давали ему церковныхъ пошлинъ и не дозволяли пользоваться церковными землями, водами и другими угодіями, находившимися въ псковской области, такъ что архіепископъ Іона принужденъ былъ жаловаться митрополиту. Кромѣ того, къ концу 1463 г. (12 декаб.) они послали великому князю Іоан-

([76]) А. И. I, № 275. Грамата писана 8 іюля 1461 г.

([77]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 182; Воспомин. объ Іонѣ, архіеп. новгород., въ Памятн. старинн. Р. Лит. IV, 31.

([78]) А. И. I, №№ 73. 77; П. Собр. Р. Лѣт. III, 141.

ну Васильевичу грамату, чтобы онъ повелѣлъ митрополиту поставить особаго владыку въ Псковѣ и ихъ брата—псковитянина. Князь отвѣчалъ: «это дѣло важное, мы внимательно поразсудимъ съ отцемъ нашимъ митрополитомъ; онъ созоветъ архіепископовъ и епископовъ, чтобы рѣшить, можно ли тому быть». Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (22 генв. 1464 г.) псковичи повторили свою просьбу и прислали великому князю 50 рублей. Князь велѣлъ извѣстить ихъ, что онъ заботится о своей отчинѣ—Псковѣ съ отцемъ своимъ митрополитомъ и пришлетъ отвѣтъ чрезъ своихъословъ. Наконецъ, отвѣтъ былъ полученъ и состоялъ въ томъ, что нельзя быть въ Псковѣ особому владыкѣ, такъ какъ тамъ искони не было епископской каѳедры. Въ добавокъ митрополитъ прислалъ псковичамъ свою грамату, въ которой, упоминая о жалобѣ на нихъ архіепископа Іоны, строго наказывалъ, чтобы они возвратили ему всѣ отнятыя земли и пошлины и впредь не обижали св. Софіи новгородской и не вмѣшивались въ ея отчины. Псковичи на этотъ разъ покорились ([79]).

Заботясь о другихъ епархіяхъ своей митрополіи, митрополитъ Ѳеодосій не могъ оставить безъ попеченія своей непосредственной епархіи и паствы. Состояніе духовенства въ самой Москвѣ было крайне печально. Многіе поступали во священники потому только, что не хотѣли работать своими руками и чтобы легче доставать себѣ пропитаніе, будучи вовсе не приготовлены къ священному званію и не понимая его обязанностей. Другіе, особенно вдовые священники и діаконы, вели зазорную и соблазнительную жизнь. Митрополитъ рѣшился «нуждою навести

([79]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 226–229; А. И. I, № 277.

ихъ на Божій путь». Началъ каждую недѣлю созывать ихъ къ себѣ и учить по св. правиламъ, а вдовыхъ священниковъ и діаконовъ заставлялъ постригаться въ монашество и тѣхъ, у кого оказывались наложницы, наказывалъ безъ милосердія и лишалъ священства. Это, естественно, возбудило ропотъ сперва въ духовенствѣ, а потомъ и въ прихожанахъ: потому что многія церкви остались безъ священниковъ. Митрополита стали клясть. Услышавъ о томъ, Ѳеодосій такъ огорчился, что сдѣлался больнымъ и, по выздоровленіи, оставилъ митрополитскій престолъ (3 сент. 1464 г.) и удалился въ келлію Чудова монастыря, гдѣ прежде столько лѣтъ былъ настоятелемъ. Тамъ взялъ онъ къ себѣ въ келлію одного разслабленнаго старца, служилъ ему, омывалъ ему струпы и чрезъ одинадцать лѣтъ по удаленіи отъ престола скончался въ Сергіевой лаврѣ, куда перешелъ подъ конецъ своей жизни ([80]).

Для избранія новаго митрополита великій князь Іоаннъ Васильевичъ созвалъ всѣхъ братьевъ своихъ и епископовъ, также архимандритовъ, игуменовъ и прочее духовенство, и съ общаго согласія на соборѣ избранъ былъ Филиппъ, епископъ суздальскій. При поставленіи его въ митрополита (11-го ноября 1464 г.) присутствовали святители: Трифонъ ростовскій (архіепископъ), Давидъ рязанскій, Геронтій коломенскій, Вассіанъ сарайскій и Евѳимій брянскій, который предъ тѣмъ временемъ оставилъ свою епархію, находившуюся въ литовской митрополіи, и прибылъ въ Москву, а теперь, по избраніи Филиппа въ митрополита, получилъ въ управленіе епар-

([80]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 186; *Карамз.* VI, примѣч. 629 подъ 1475 годомъ.

хію суздальскую. Прочіе владыки прислали на соборъ свои повольныя граматы ([81]).

Дѣла псковскія и новгородскія, обращавшія на себя столько вниманія митрополита Ѳеодосія, оставались на первомъ планѣ и въ управленіе святителя Филиппа. Мы видѣли, что псковичи покорились рѣшенію великаго князя и митрополита Ѳеодосія, не согласившихся дать имъ отдѣльнаго епископа. Въ сентябрѣ 1465 г. они возобновили даже съ новгородцами клятвенный договоръ, чтобы держать имъ между собою миръ по старинѣ и владыкѣ новгородскому, по старинѣ же, ѣздить въ Псковъ за своею пошлиною. А въ началѣ октября владыка Іона дѣйствительно пріѣзжалъ въ Псковъ, и здѣсь встрѣченъ былъ съ честію, совершалъ торжественныя священнослуженія, прожилъ около четырехъ недѣль и собралъ свой «подъѣздъ» съ священниковъ. Но мысль отдѣлиться отъ новгородскаго владыки и достигнуть церковнаго самоуправленія не оставляла псковичей. Осенью 1468 г. священноиноки, священники всѣхъ пяти соборовъ и вообще все священство Пскова явились на вѣче и, указывая на моръ, пожары и другія бѣдствія, постигавшія городъ въ послѣдніе годы, говорили собравшемуся народу въ присутствіи князя и посадниковъ: «сами видите, чада, что такую милость посылаетъ на насъ Господь по грѣхамъ нашимъ и ожидая какъ отъ васъ, такъ и отъ насъ обращенія къ Себѣ. Потому мы положили между собою, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, во всемъ священствѣ поддержать крѣпость, чтобы намъ управляться и жить по Номоканону. А вы будьте намъ

([81]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 151; Ник. Лѣт. VI, 2 - 3.

поборниками: потому что здѣсь надъ нами нѣтъ правителя. Да и вы иногда вступаетесь міромъ въ церковныя дѣла не по правиламъ: такъ мы хотимъ и на васъ положить такую же духовную крѣпость». Псковичи отвѣчали: «то вѣдаете вы, Божіе священство; а мы вамъ поборники на всякій благій совѣтъ». Тогда всѣ пять соборовъ и все священство написали грамату изъ Номоканона о своихъ священническихъ крѣпостяхъ и церковныхъ дѣлахъ и положили ее въ общественный «ларь», а правителями надъ собою для исполненія этой граматы избрали на вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ двухъ священниковъ и, кромѣ того, тогда же отлучили отъ службы всѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ во всей псковской области. Вскорѣ, однакожъ, на одного изъ избранныхъ правителей—священниковъ возстали какіе-то клеветники, и онъ бѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ. Въ январѣ слѣдующаго года владыка пріѣхалъ въ Псковъ и, призвавъ къ себѣ все священство и посадниковъ, началъ спрашивать ихъ о крѣпостной граматѣ и говорилъ: «кто это такъ сдѣлалъ безъ моего вѣдома? Я самъ хочу судить здѣсь, а вы бы вынули ту грамату и подрали». Ему отвѣчали: «ты, господинъ, самъ знаешь, что ты здѣсь непадолго; а такихъ дѣлъ, какія въ послѣднее время укоренились въ здѣшнемъ духовенствѣ и сильно смущаютъ Церковь Божію, скоро исправить нельзя. Мы не въ состояніи высказать тебѣ, до какой степени дошло безстыдство. Притомъ грамата наша, положенная въ ларь, выписана изъ Номоканона; а ты самъ, подобно прежнимъ владыкамъ, благословилъ насъ править всѣ священническія дѣла по Номоканону съ твоимъ намѣстникомъ, нашимъ псковитяниномъ». Владыка сознался, что дѣло очень важно, и

сказалъ: «я доложу митрополиту и извѣщу васъ, какъ онъ прикажетъ поступить». Черезъ девять мѣсяцевъ (въ окт.) великій князь и митрополитъ прислали въ Псковъ своихъ пословъ съ граматою, чтобы псковичи предоставили управленіе духовенствомъ своему богомольцу-архіепископу, какъ заведено искони. Тогда же прислалъ своего посла и архіепископъ и велѣлъ сказать псковитянамъ, что если они возложатъ на него это святительское дѣло, то сами увидятъ, какъ онъ поддержитъ духовную крѣпость и въ священникахъ и во всемъ церковномъ управленіи. Псковичи покорились и, хотя помедлили еще, но наконецъ 5-го января 1470 года вынули изъ ларя свою грамату и подрали. Получивъ о томъ извѣстіе, владыка далъ приказъ въ Псковъ, чтобы вдовые священники и діаконы ѣхали къ нему въ Новгородъ на управленіе. «И начали, — пишетъ современный мѣстный лѣтописецъ, можетъ быть, изъ числа лицъ, враждебныхъ архіепископу,—ѣздить къ нему вдовые священники и діаконы, а онъ началъ брать отъ нихъ мзду, у кого по рублю, у кого по полтора, и всѣмъ безъ испытанія началъ разрѣшать священнослуженіе и выдавать новыя граматы за печатьми изъ-за мзды, а не по правиламъ св. отцевъ, тогда какъ самъ обѣщался предъ всѣмъ Псковомъ по Номоканону править всѣми церковными дѣлами и вдовыми священниками» ([82]). Само собою разумѣется, что такой образъ дѣйствій новгородскаго владыки не могъ нравиться псковичамъ и привязать ихъ къ нему.

Едва окончилось нестроеніе въ Псковѣ, какъ началось дру-

([82]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 230—234; V, 35.

гое въ Новгородѣ. Архіепископъ Іона преставился (5-го ноября 1470 г.). На мѣсто его избрали трехъ кандидатовъ: его духовника Варсонофія, ключника Пимена и ризничаго Ѳеофила. Жребій указалъ на послѣдняго. Новоизбраннаго немедленно возвели на владычныя сѣни и послали въ Москву просить ему опасной граматы для проѣзда туда на посвященіе. Грамата была выслана великимъ княземъ; но Ѳеофилъ въ Москву не поѣхалъ: потому что обстоятельства въ Новгородѣ перемѣнились. Тамъ взяла верхъ партія литовская, желавшая отдѣлиться отъ Москвы и соединиться съ литовскимъ княземъ. Къ этой партіи, въ главѣ которой находилась вдова посадника Борецкаго Марѳа съ своими сыновьями, присталъ и бывшій въ числѣ кандидатовъ на архіепископство монахъ Пименъ. Потерявъ надежду получить святительскій санъ отъ московскаго митрополита, онъ разсчитывалъ добиться тогоже отъ митрополита литовскаго Григорія и говорилъ своимъ: «пошлите меня хоть въ Кіевъ, я и туда поѣду на поставленіе». Успѣвъ неправедно обогатиться изъ казны архіепископской, пока былъ ключникомъ, онъ передавалъ много золота Марѳѣ посадницѣ для привлеченія на свою сторону народа. И хотя происки этого честолюбца и разграбленіе имъ казны владычней скоро возбудили противъ него негодованіе, и онъ съ безчестіемъ былъ изгнанъ; но партія литовская достигла своей цѣли. Новгородцы заключили съ литовскимъ княземъ Казиміромъ договоръ, въ которомъ, между прочимъ, было условлено, чтобы Казиміръ не отнималъ у нихъ православной вѣры греческой, предоставилъ имъ поставить себѣ владыку, гдѣ сами захотятъ въ своемъ православномъ христіанствѣ, не ставилъ ни въ Новгородѣ ни во всей землѣ новго-

родской римскихъ церквей и держалъ на Городищѣ своего намѣстника непремѣнно вѣры греческой, православной. Замѣтимъ, что въ договорѣ со стороны новгородцевъ участвовалъ и нареченный на владычество Ѳеофилъ ([83]). Когда извѣстіе о движеніяхъ въ Новгородѣ достигло Москвы, оно произвело тамъ сильное впечатлѣніе. Тамъ думали, что новгородцы хотятъ не только отложиться отъ московскаго князя и передаться литовскому, но вмѣстѣ отложиться отъ православія и перейти въ латинство. Въ этомъ убѣжденіи великій князь отправилъ въ Новгородъ своего посла съ жалованьемъ и съ такими рѣчами, «чтобы отчина его отъ православія не отступали; лихую мысль у себя изъ сердца удалили, къ латинству не приставали, и ему—великому князю били челомъ да исправились, а онъ, великій государь, готовъ жаловать ихъ и держать по старинѣ» ([84]). Съ своей стороны и митрополитъ Филиппъ послалъ новгородцамъ, одну за другою, двѣ обширныя граматы. Онъ выражалъ свое удивленіе, какъ пришла имъ неподобная мысль—отступить отъ своего господина, «отчича и дѣдича», христіанскаго государя русскаго, и приступить къ чужому, латинскому государю и королю. Напоминалъ участь Константинополя, который, пока твердъ былъ въ православіи, оставался непоколебимымъ, а какъ только соединился съ латинами на флорентійскомъ соборѣ, то впалъ въ руки поганыхъ турокъ. Убѣждалъ нареченнаго владыку Ѳеофила, архимандритовъ, игуменовъ и все священство, чтобы они утверждали своихъ духовныхъ дѣтей въ

([83]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 236; VI, 6; А. Э. I, № 87.
([84]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 8; VIII, 158—162; Ник. Лѣт. VI, 17—22.

православной вѣрѣ и оберегали ихъ отъ сѣтей латинской ереси. Убѣждалъ старыхъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и купцовъ, чтобы они наставляли молодыхъ людей, которые еще не навыкли доброй старинѣ, и удерживали ихъ отъ злаго начинанія оставить православіе и приступить къ латинамъ. Убѣждалъ всѣхъ новгородцевъ—смириться подъ крѣпкую руку благовѣрнаго государя земель русскихъ, не отдаваться латинскому господарю и не допускать, чтобы въ церквахъ ихъ поминалось на ектеніяхъ имя иновѣрнаго государя. Наконецъ, приглашалъ Ѳеофила пріѣхать въ Москву, по опасной грамотѣ, для рукоположенія ([85]). Когда убѣжденія не подѣйствовали на новгородцевъ, въ Москвѣ увидѣли необходимость двинуть на нихъ свои полки. Но едва рать выступила въ походъ, едва самъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ отправился вслѣдъ за нею (20-го іюня 1471 г.), какъ святитель Филиппъ поспѣшилъ отправить къ нему свое ходатайство за новгородцевъ и писалъ: «молимъ Господа Бога и Его пречистую Матерь, да исполнитъ Онъ всѣ благія желанія сердца твоего, но и да умилостивитъ твое пречестное сердце по нашему прошенію. Бью челомъ твоему великому благородію, чтобы ты смиловался надъ ними: пришлютъ къ тебѣ, своему государю, люди твои, отчина твоя, великій Новгородъ, бить челомъ,—и ты бы пожаловалъ, не презрѣлъ нашего моленія предъ тобою, утолилъ свой гнѣвъ, принялъ ихъ челобитье, поудержалъ свой мечъ отъ пролитія христіанской крови. Напоминаю тебѣ слова Господни: *будите милосерди, якоже Отецъ вашъ небесный милосердъ есть...*, *блажени милостивіи*,

([85]) А. И. I, №№ 280. 281.

яко тіи помиловати будутъ» ([86]). Ходатайство митрополита было очень благовременно. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ съ новгородцами, войска великаго князя нанесли имъ страшное пораженіе на рѣкѣ Шелони (14-го іюля) и заставили ихъ смириться. Нареченный владыка Ѳеофилъ, старые посадники и житые люди пріѣхали къ Іоанну просить пощады. Великій князь смиловался, взялъ большой окупъ (15,500 рублей) и заключилъ съ новгородцами новый договоръ (11-го августа), по которому они обязывались предъ великимъ княземъ и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ: «за короля и великаго князя литовскаго отъ васъ, великихъ князей, намъ, вашей отчинѣ, вольнымъ людямъ, не отдаваться никакою хитростію и князей намъ у короля на пригороды не просить и не принимать; а на владычество намъ избирать себѣ по своей старинѣ, и владыкѣ нашему ставиться въ дому Пречистыя, у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ, и нигдѣ намъ, кромѣ московскаго митрополита, владыки себѣ не ставить; а пошлины вамъ, великимъ князьямъ, и вашему отцу митрополиту отъ владыки нашего имѣть по старинѣ и лишняго не прибавлять» ([87]). Черезъ четыре мѣсяца Ѳеофилъ прибылъ въ Москву и декабря 15-го поставленъ на архіепископію митрополитомъ Филиппомъ съ пятью епископами ([88]).

Съ апрѣля 1472 года главная забота митрополита Филиппа была сосредоточена на сооруженіи новаго Успенскаго собора, вмѣсто прежняго, уже обветшавшаго и частію обрушившагося. Но святитель едва только успѣлъ заготовить ма-

([86]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 163; Ник. Лѣт. VI, 24; А. И. I, № 282
([87]) А. Э. I, №№ 90. 91.
([88]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 15; VIII, 169.

теріалы для зданія, разобрать прежній храмъ и начать новый. Черезъ годъ (4-го апр.) случился въ кремлѣ большой пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ и митрополитскій домъ. На утро, когда огонь сталъ утихать, митрополитъ пришелъ въ деревянную церковь Успенскаго собора (временно устроенную) и со слезами началъ пѣть молебенъ у гроба святителя Петра. Прибывшій туда же великій князь, желая утѣшить святителя, говорилъ: «бери у меня, отче, сколько хочешь, хоромъ и запасовъ». Но митрополитъ, изнемогши тѣломъ и почувствовавъ, что у него ослабѣла одна рука и нога, сказалъ князю: «Богу такъ угодно, отпусти меня въ монастырь». Князь не согласился, а велѣлъ на время перевесть святителя въ близъ находившееся Богоявленское подворье Троицко-Сергіевой лавры. Здѣсь въ ночь на 5-е апрѣля митрополитъ Филиппъ скончался ([89]).

По зову великаго князя, ко дню св. великомученика Георгія (23-го апр.) явились въ Москву—архіепископъ ростовскій Вассіанъ и епископы: суздальскій Евѳимій, рязанскій Ѳеодосій, коломенскій Геронтій, сарскій Прохоръ. А новгородскій архіепископъ Ѳеофилъ и епископъ тверскій Геннадій прислали своихъ пословъ, выражая свое согласіе признавать митрополитомъ того, кого, по волѣ Божіей, изберутъ великій князь, прочіе епископы и весь соборъ. Соборъ избралъ епископа коломенскаго Геронтія, который 4-го іюня былъ введенъ на митрополичій дворъ, а 29-го, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, поставленъ въ митрополита ([90]).

([89]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 15; VIII, 170. 177; Ник. Лѣт. VI, 37. 52.
([90]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 178; Ник. Лѣт. VI, 54.

Святитель Геронтій былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ и въ дѣлахъ церковныхъ неразъ обнаруживалъ свою самостоятельность даже по отношенію къ великому князю. Въ 1478 г. иноки знаменитаго Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, гордясь своимъ богатствомъ, задумали освободиться изъ-подъ власти ростовскаго архіепископа Вассіана и перейти въ непосредственное вѣдѣніе своего удѣльнаго князя Михаила Андреевича верейскаго. Князь Михаилъ просилъ о томъ митрополита. Геронтій исполнилъ желаніе иноковъ и далъ князю грамату на монастырь. Архіепископъ Вассіанъ началъ бить челомъ митрополиту, чтобы онъ, вопреки правилъ, не вступался въ его предѣлы: митрополитъ не послушалъ его. Вассіанъ обратился съ просьбою къ великому князю: митрополитъ не послушалъ и великаго князя. Тогда Іоаннъ Васильевичъ послалъ взять у князя Михаила митрополичью грамату и приказалъ быть въ Москвѣ собору епископовъ и архимандритовъ, чтобы дать судъ архіепископу ростовскому съ митрополитомъ. Открылись продолжительныя изысканія, и митрополитъ, убоявшись суда соборнаго, умолилъ великаго князя примирить его съ Вассіаномъ. Миръ состоялся; грамата митрополичья была разорвана, а Кирилловъ монастырь указали вѣдать по старинѣ архіепископу ростовскому. Вся эта смута произошла, замѣчаетъ лѣтописецъ, отъ бывшаго тогда новоначальнаго кирилловскаго игумена Нифонта и отъ новоначальныхъ старцевъ; а старые старцы, постриженники того монастыря, всѣ со слезами молили Бога, чтобы Онъ укротилъ брань и оставилъ ихъ жить въ повиновеніи своему святителю ростовскому, какъ жилъ преп. Кириллъ ([91]).

([91]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 33—34; VIII, 200; Ник. Лѣт. VI, 106.

Вскорѣ затѣмъ, когда совершилось въ Москвѣ (августа 12-го) освященіе Успенскаго собора, какіе-то «прелестники» наговорили великому князю, что митрополитъ ходилъ вокругъ церкви со крестами не по солнцу. Князь прогнѣвался на митрополита и сказалъ, что за такія дѣла приходитъ гнѣвъ Божій. Открылось публичное разслѣдованіе вопроса, посолонь ли или противъ солнца должно ходить при освященіи церкви. Но въ книгахъ объ этомъ ничего не нашли. Много было рѣчей и спору. Нѣкоторые архимандриты и игумены говорили за митрополита и одинъ сказалъ: «я видѣлъ на св. горѣ освященіе церкви; тамъ ходили со крестами противъ солнца». Самъ митрополитъ приводилъ во свидѣтельство то, что діаконъ, при кажденіи престола, начинаетъ съ правой стороны, и слѣдовательно ходитъ вокругъ престола противъ солнца. А ростовскій владыка Вассіанъ Рыло и чудовскій архимандритъ Геннадій, которыхъ великій князь призвалъ на споръ, въ защиту противоположнаго мнѣнія не представляли никакого свидѣтельства, но только говорили: «Христосъ — Солнце праведное наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души; потому и на Пасху исходятъ, тоже прообразуютъ на утрени». Много спорили, но ничего не рѣшили ([92]). Важныя гражданскія дѣла и особенно нашествіе татарскаго царя Ахмата отвлекли великаго князя отъ этого церковнаго дѣла. Но чрезъ три года онъ снова началъ распрю съ митро-

([92]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 221. 222. Смыслъ приведенныхъ словъ Вассіана и Геннадія неясенъ. Не то ли они хотѣли сказать: должно ходить при освященіи церквей по теченію солнца, съ востока на западъ, какъ Христосъ — Солнце праведное притекъ съ востока на западъ, гдѣ побѣдилъ адъ и смерть, и какъ на Пасху да и во всякую утреню или всенощную исходятъ изъ алтаря отъ востока, въ притворъ, на западъ, для литіи?

политомъ за то, что послѣдній, при освященіи соборной церкви, ходилъ вокругъ нея съ крестами не по солнцу. Митрополитъ огорчился и съѣхалъ въ Симоновъ монастырь, оставивъ въ соборѣ свой посохъ и взявъ съ собою только ризницу. У митрополита была мысль и совсѣмъ отказаться отъ каѳедры и поселиться въ кельѣ, если великій князь не придетъ къ нему бить челомъ и не перестанетъ настаивать, чтобы ходить посолонь. Между тѣмъ построено было много новыхъ церквей, и великій князь не велѣлъ освящать ихъ, пока не рѣшится спорный вопросъ. Но всѣ священники и книжники, всѣ иноки и міряне говорили за митрополита, а за князя—только ростовскій владыка Іоасафъ, преемникъ Васіана, да чудовскій архимандритъ Геннадій. Тогда Іоаннъ Васильевичъ увидѣлъ нужду уступить. Онъ послалъ сына своего просить митрополита, чтобы онъ возвратился на свой столъ: митрополитъ не послушалъ. Великій князь поѣхалъ къ нему самъ и билъ ему челомъ, прося возвратиться на каѳедру, признавалъ себя виновнымъ во всемъ, обѣщался слушать митрополита во всѣхъ рѣчахъ и предоставить ему совершать крестные ходы по своей волѣ, какъ было въ старину. И митрополитъ возвратился на свой столъ ([93]).

Въ 1483 г. навечеріе Крещенія Господня случилось въ день воскресный. Потому чудовскій архимандритъ Геннадій велѣлъ своей братіи пить богоявленскую воду, поѣвши, по своему изволенію. Митрополитъ послалъ схватить Геннадія и представить къ себѣ. Геннадій бѣжалъ къ великому князю. Митрополитъ пошелъ туда самъ и говорилъ на Геннадія:

([93]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 233.

«онъ, вопервыхъ, поступилъ самовольно, не спросясь меня, а вовторыхъ, обезчестилъ священную воду, повелѣвши пить ее по принятіи пищи». Тогда великій князь выдалъ его митрополиту, а митрополитъ приказалъ сковать его и посадить въ ледникъ подъ палату. Но великій князь съ боярами упросилъ митрополита пощадить виновнаго, указывая на тотъ случай, что когда ростовскій владыка Ѳеодосій дозволилъ также въ навечеріе Богоявленія вкушать мірянамъ мясо, то митрополитъ Іона, хотя обличилъ владыку, но, ради покаянія его, простилъ ([94]).

Черезъ два года митрополитъ Геронтій, сдѣлавшись боленъ, задумалъ оставить митрополію и переѣхалъ въ Симоновъ монастырь, взявъ съ собою ризницу и посохъ. Но, выздоровѣвъ, захотѣлъ опять на митрополію. Между тѣмъ великому князю этого не желалось, и онъ послалъ бывшаго троицкаго игумена Паисія уговорить Геронтія не возвращаться. Геронтій стоялъ на своемъ и нѣсколько разъ убѣгалъ изъ Симоновой обители въ Москву; но его перехватывали на пути и отвозили въ обитель. Великій князь не зналъ, что дѣлать. У него была мысль видѣть митрополитомъ самого Паисія; но Паисій объявилъ, что митрополіи не желаетъ: такъ какъ онъ, будучи прежде вынужденъ великимъ княземъ принять на себя только игуменство въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, не въ силахъ былъ понести даже этого бремени и направить иноковъ на Божій путь, отчего и оставилъ игуменство. Великій князь потребовалъ у Паисія мнѣнія: годится ли взять на митро-

([94]) Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 231.

полію опять Геронтія? Паисій отвѣчалъ утвердительно, и Геронтій, съ согласія князя, возвратился на свой столъ (95).

Не смотря, однакожъ, на неоднократныя столкновенія съ великимъ княземъ по церковнымъ дѣламъ, Геронтій усердно служилъ ему, чѣмъ только могъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, относившихся ко благу отечества. Когда татарскій ханъ Ахматъ двинулся (въ 1480 г.) со всею своею ордою въ предѣлы Россіи и между русскими боярами нашлись такіе, которые совѣтовали Іоанну Васильевичу не сразиться съ страшнымъ врагомъ, а лучше удалиться въ какія либо безопасныя мѣста: митрополитъ, съ ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ Рыло и вообще со всѣмъ духовенствомъ, болѣе всѣхъ старался противодѣйствовать этимъ малодушнымъ совѣтамъ и возбудить великаго князя на борьбу съ татарами, чувствуя, что насталъ рѣшительный часъ свергнуть поносное иго съ отечества. Іоаннъ поспѣшилъ отправить свои полки на встрѣчу врагу и, расположивъ ихъ, гдѣ считалъ нужнымъ, самъ возвратился въ Москву. Здѣсь подумали, что онъ бѣжалъ; поднялся общій ропотъ, а Вассіанъ, встрѣчая Іоанна въ кремлѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ, осмѣлился прямо назвать князя бѣглецомъ и прибавилъ: «вся кровь христіанъ падетъ на тебя за то, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь, не сразившись съ татарами. И чего боишься смерти? Небезсмертный ты человѣкъ, а смертный. Дай войско въ мои руки, — увидишь, уклоню ли я, старикъ, лице свое предъ татарами». Надобно замѣтить, что Вассіанъ былъ духовникомъ великаго князя и пользовался особеннымъ его уваженіемъ и

(95) Тамъ же 236

любовію: потому, безъ сомнѣнія, и позволялъ себѣ говорить предъ нимъ смѣлѣе прочихъ, даже самого митрополита. Когда разъяснилось, что Іоаннъ Васильевичъ вовсе не бѣжалъ, а пріѣхалъ въ Москву только помолиться угодникамъ Божіимъ и посовѣтоваться съ митрополитомъ, своею матерью, своимъ духовнымъ отцемъ Вассіаномъ и съ боярами, и чрезъ двѣ недѣли собрался снова отправиться къ войску,—тогда митрополитъ напутствовалъ князя слѣдующими словами: «Богъ да сохранитъ царство твое силою своего честнаго креста и дастъ тебѣ побѣду на враговъ молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. Только мужайся и крѣпись, сыне духовный, какъ добрый воинъ Христовъ. Господь сказалъ: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ, видя волка грядущаго, оставляетъ овецъ и убѣгаетъ... Ты, государь, не какъ наемникъ, но какъ истинный пастырь, потщись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка. А Господь Богъ укрѣпитъ тебя и поможетъ тебѣ и всему твоему христолюбивому воинству». Все духовенство сказало вмѣстѣ при этомъ: аминь. Іоаннъ (3 окт.) отправился къ войску и вскорѣ на рѣкѣ Угрѣ произошло нѣсколько перестрѣлокъ съ татарами, довольно удачныхъ для насъ ([96]). Но вдругъ въ Москву донеслась вѣсть, что великій князь снова поддался вліянію своихъ недобрыхъ совѣтниковъ и съ униженіемъ посылалъ просить мира у Ахмата. Это вызвало со стороны духовенства два посланія къ Іоанну. Одно отправлено было владыкою Вассіаномъ, который, какъ духовникъ князя, считалъ себя въ правѣ объ-

([96]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 20. 224; Ник. Лѣт. VI, 112.

ясняться предъ нимъ со всею смѣлостію. «Молю твое величество, благолюбивый государь,—писалъ владыка,—не прогнѣвайся на мое смиреніе за то, что прежде я осмѣлился сказать тебѣ устами ко устамъ для твоего спасенія (ибо наше дѣло, государь, напоминать вамъ, а ваше слушать), теперь же дерзаю написать твоему благородству отъ божественнаго Писанія, сколько вразумитъ меня Богъ, на крѣпость и утвержденіе твоей державѣ» Изложивъ затѣмъ, какъ Іоаннъ приходилъ въ Москву для богомолья и совѣщаній и здѣсь далъ обѣтъ постоять твердо за св. вѣру и отчизну противъ супостатовъ и не слушаться худыхъ совѣтниковъ, какъ проводили его изъ Москвы митрополитъ и все духовенство и потомъ молились за него и за успѣхи его воинства дни и ночи, Вассіанъ продолжалъ: «что же мы слышимъ? Ахматъ приближается и губитъ христіанство, похваляется на тебя и на твое отечество, а ты смиряешься, просишь о мирѣ, посылаешь къ нему, когда онъ дышетъ гнѣвомъ и не слушаетъ твоей мольбы. Не унывай, но возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаетъ. Дошло до слуха нашего, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ на ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Что они совѣтуютъ тебѣ, эти льстецы лжеименитые, которые думаютъ, будто они христіане? Совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь нимало окаяннымъ этимъ сыроядцамъ, предать христіанство, свое отечество, и подобно бѣглецамъ скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый государь, отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ

они твое величество, когда народъ тьмами погибнетъ, а церкви Божіи разорятся и осквернятся. Кто каменно-сердечный не всплачется объ этой погибели? Убойся же и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ эту кровь? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою преложить въ безчестіе, и славу твою въ безславіе, хотящихъ, чтобы ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанскимъ; выйди на встрѣчу безбожному языку агарянскому, поревнуй прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ, которые не только русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но и чужія страны брали подъ себя: говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, бравшихъ дань на царяхъ греческихъ; о Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ окаянными половцами за русскую землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Димитрій, твоей прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣмже сыроядцами окаянными! Самъ напереди бился, не пощадилъ живота своего для избавленія христіанскаго, не испугался множества татаръ, не сказалъ самъ себѣ: «у меня жена и дѣти и богатства много, если и землю мою возьмутъ, то въ другомъ мѣстѣ поселюсь»; но, не сомнѣваясь нимало, воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ, и въ лице сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамая, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. За это и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Димитрій и славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохранитъ тебя; если же, вмѣстѣ съ воинствомъ своимъ, и

до смерти постраждешь за православную вѣру и святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи. Но, можетъ быть, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительскою не поднимать рукъ на хана, то послушай: если клятва дана по нуждѣ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на царя, но какъ на разбойника, хищника, богоборца; лучше солгавши получить жизнь, чѣмъ, соблюдая клятву, погибнуть, т. е. пустить татаръ въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и осквернѣніе святыхъ церквей, и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю? Не столько за грѣхи и неисправленіе къ Богу, сколько за недостатокъ упованія на Бога, Богъ попустилъ на прародителей твоихъ и на всю землю нашу окаяннаго Батыя, который разбойнически поплѣнилъ всю землю нашу, и поработилъ, и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ на насъ разгнѣвался, какъ чадолюбивый отецъ; а теперь, государь, если каешься отъ всего сердца, и прибѣгаешь подъ крѣпкую руку Его, то помилуетъ насъ милосердый Господь; и не только освободитъ насъ отъ новыхъ измаильтянъ и ихъ царя Ахмата, но намъ поработитъ ихъ. Потому и мы отъ чистой вѣры день и ночь молимъ Бога о твоей благочестивой державѣ, да будутъ покорены враги ваши подъ ноги ваши. Прошу, наконецъ, твое царское остроуміе и премудрость, да не зазришь

моему худоумію, ибо написано: дай премудрому вину и премудрѣе будетъ. А милость Божія и благословеніе моего смиренія на тебѣ, нашемъ государѣ, и на твоемъ сынѣ, и на твоихъ братьяхъ, и на вашихъ князьяхъ, боярахъ, воеводахъ и на всемъ вашемъ христолюбивомъ воинствѣ» (97). Это посланіе Вассіана, въ подлинникѣ весьма витіеватое, которое мы, по возможности, сократили, опустивъ множество текстовъ и примѣровъ изъ св. Писанія, произвело на Іоанна Васильевича благотворное дѣйствіе: онъ, какъ сказано въ одной лѣтописи, исполнился веселія, мужества и крѣпости (98). Второе посланіе написалъ къ великому князю митрополитъ, но не отъ себя только, а отъ лица всѣхъ епископовъ, всего духовенства, и говорилъ между прочимъ: «мы всѣ благословляемъ тебя, великаго государя русскихъ земель, и молимъ Господа Бога и Пречистую Богоматерь о тебѣ, и о твоемъ сынѣ, и о твоихъ братьяхъ, и о всѣхъ вашихъ князьяхъ, боярахъ, воеводахъ и христолюбивомъ воинствѣ, да подкрѣпитъ Онъ васъ постоять мужественно за св. церкви русской земли и за нашу чистую, православную вѣру, и да пошлетъ вамъ на помощь воеводу небесныхъ силъ, архистратига Михаила. И надѣемся, что Онъ покоритъ супостатовъ подъ ноги ваши, молитвами великихъ святителей и чудотворцевъ Петра, Алексія и Леонтія и преподобныхъ Сергія, Варлаама и Кирилла, и сродника вашего св. старца, Александра Нев-

(97) Посланіе напечатано въ II. Собр. Р. Лѣт. VI, 225—230; VIII, 207—213; Степ. кн. II, 140—149.

(98) *Карамз.* VI, примѣч. 232. Снес. Степ. кн. II, 149. Но въ Софійской лѣтописи замѣчено: „князь же велики *не послушая того писанія владычня Вассіанова*, но совѣтниковъ своихъ слушаше“... (II. Собр. Р. Лѣт. VI, 230).

скаго..... А если кому изъ ополченія вашего случится быть убитымъ на той брани за св. церкви и за людеи православныхъ, тотъ воспріиметъ второе крещеніе, мученическое, и своею кровію омоетъ душу свою отъ грѣховъ, и удостоится отъ праведнаго Судіи небеснаго царствія и блаженства съ мучениками»... Должно, однакожъ, сказать, что это посланіе, если и отправлено было къ Іоанну, то имъ получено уже по окончаніи брани: ибо оно писано въ Москвѣ отъ 13 ноября, а Ахматъ бѣжалъ съ своею ордою еще 11 ноября (99). Во всякомъ случаѣ безпристрастная исторія никогда не забудетъ, что въ дѣлѣ окончательнаго освобожденія Россіи изъ-подъ ига татарскаго русское духовенство принимало самое горячее и самое благодѣтельное участіе.

Жители Новгорода хотя заключили (1471 г.) съ Іоанномъ Васильевичемъ договоръ быть въ покорности ему и не сноситься съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, но не переставали своевольничать. Іоаннъ употреблялъ противъ нихъ разныя мѣры: однихъ казнилъ, другихъ отводилъ въ Москву и заключалъ въ темницы; поставилъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, взялъ оттуда въ Москву вѣчевой колоколъ, отобралъ (въ 1478 г.) у новгородцевъ многія земли и волости, въ томъ числѣ немало монастырскихъ и владычнихъ. Сначала онъ потребовалъ-было себѣ половину всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ. Но потомъ смилостивился и взялъ у владыки, вмѣсто половины, только десять волостей да всѣ его новоторжскія земли, а у монастырей взялъ только у шести по половинѣ ихъ волостей, именно: у Юрьевскаго, Благовѣщенскаго, Ар-

(99) А. И. I, № 90; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 21. 231.

кажа, Антоніева, Никольскаго на Неревскомъ концѣ и Сковородскаго; у прочихъ же монастырей, какъ бѣдныхъ и малоземельныхъ, ничего не взялъ, кромѣ земель, находившихся въ Новоторжкѣ ([100]). Но все это только увеличивало тайное недовольство въ Новгородѣ противъ великаго князя. И вотъ когда Ахматъ, царь ордынскій, началъ замышлять, въ союзѣ съ Казиміромъ литовскимъ, свое послѣднее нашествіе на Москву, новгородцы думали воспользоваться этимъ случаемъ для освобожденія себя изъ-подъ власти Іоанна: они послали къ Казиміру звать его къ себѣ съ войскомъ, посылали съ тоюже цѣлію и къ нѣмцамъ. Іоаннъ, какъ только узналъ объ этомъ, внезапно явился въ Новгородъ съ своими полками. И здѣсь, при разслѣдованіи дѣла, оказалось, что въ заговорѣ участвовалъ самъ владыка новгородскій Ѳеофилъ, что онъ былъ недоволенъ на Іоанна за отобраніе послѣднимъ нѣсколькихъ владычныхъ и монастырскихъ селъ и волостей, и потому желалъ, чтобы Новгородъ находился лучше подъ властію Казиміра или другаго государя, только бы не московскаго князя. Ѳеофилъ за это былъ схваченъ (19 генв. 1480 г.) и посланъ въ Москву подъ стражею, а все имущество его, множество золота, сребра и сосудовъ взяты въ княжескую казну. Въ Москвѣ Ѳеофилъ, безъ всякаго суда, былъ заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ и оставался тамъ до самой своей смерти (26 окт. 1484 г.). Митрополитъ Геронтій не только не воспротивился такому распоряженію великаго князя, но и согласился, на мѣсто Ѳеофила, давшаго свою отреченную грамату, поставить въ Новгородъ новаго архипастыря, согласно съ волею князя. Доселѣ

([100]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 216; VIII, 195.

новгородцы сами избирали себѣ владыкъ и непремѣнно изъ природныхъ новгородцевъ, которые потому съ дѣтства были пропитаны духомъ своихъ согражданъ и естественно держали всегда ихъ сторону. Іоаннъ Васильевичъ очень хорошо понималъ невыгоду этого для своихъ цѣлей и потому предложилъ (17 іюля 1483 г.) митрополиту избрать для Новгорода новаго владыку въ Москвѣ и непремѣнно изъ иноковъ московскихъ. Приготовлены были три жребія: Елисея, архимандрита спасскаго, Геннадія, архимандрита чудовскаго, и Сергія, инока троицкаго (прежде бывшаго Симеона, протопопа богородицкаго), и положены на престолѣ въ Успенскомъ соборѣ. Митрополитъ самъ совершалъ литургію, вмѣстѣ съ четырьмя другими владыками, и когда приступили къ выпутію жребія, то выпулся жребій Сергія, который вскорѣ затѣмъ (4 сент.) и былъ поставленъ въ архіепископа Новгороду. Такимъ образомъ у новгородцевъ отнято одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, которымъ они досель пользовались ([101]). Впрочемъ, Сергій недолго управлялъ своею епархіею: всего девять мѣсяцевъ и 24 дня; а потомъ, по болѣзни, отошелъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь, въ свое прежнее уединеніе. Замѣчательно, какъ объясняютъ эту болѣзнь Сергія наши лѣтописи. Московская говоритъ, что новгородцы не хотѣли покориться ему за то, что онъ ходилъ не по ихъ мысли; а онъ не смѣлъ этого: такъ какъ великій князь послалъ съ нимъ своего боярина, и казначея, и дьяка; потому новгородцы и отняли у него умъ волшебствомъ и сказали, будто Іоаннъ чудотворецъ наказалъ его ([102]). Въ новгородскихъ

([101]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 183. 243; VIII, 201. Отреченная грамата Ѳеофила въ А. Э. I, № 378.

([102]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 236.

лѣтописяхъ помѣщенъ разсказъ, что Сергій еще на пути въ Новгородъ заѣхалъ въ Сковородскій монастырь и когда, послѣ обычнаго молитвословія въ церкви, вышелъ на паперть и здѣсь ему указали на гробъ строителя монастыря, архіепископа Моусея: то приказалъ одному изъ священниковъ открыть этотъ гробъ. Священникъ не посмѣлъ и замѣтилъ: «подобаетъ святителю открывать святителя». Тогда Сергій, надмѣваясь высотою своего сана и тѣмъ, что пришелъ изъ Москвы къ гражданамъ, какбы плѣненнымъ, сказалъ съ гордостію: «стоитъ ли и смотрѣть этого смердовича»? Затѣмъ вышелъ изъ монастыря, сѣлъ на коня и отправился въ Новгородъ. Съ того времени нашло на него изумленіе, т. е. умономѣшательство: иногда видѣли его на Евѳиміевской паперти сидящимъ въ одной рясѣ, безъ клобука и безъ мантіи, а иногда въ полдень замѣчали его въ такомъ же видѣ у св. Софіи. Какъ больнаго, свели его въ Сергіевъ монастырь. Наконецъ, псковская лѣтопись повѣствуетъ, что Сергій, прибывъ въ Новгородъ, сталъ тѣснить игуменовъ и священниковъ и ввелъ многія новыя пошлины. Потомъ къ нему начали являться иногда во снѣ, а иногда наяву, новгородскіе святители, погребенные въ церкви св. Софіи, съ укоризнами, за чѣмъ онъ, вопреки св. правилъ, занялъ престолъ при жизни еще прежняго владыки, не обличеннаго въ ереси и изгнаннаго несправедливо, и повергли его—Сергія въ тяжскія болѣзни. А какъ онъ не обратилъ на то вниманія, то вскорѣ невидимая сила поразила его такъ, что онъ едва остался живъ и нѣсколько времени былъ нѣмъ. Вслѣдствіе чего, оставивъ епископство, постригся въ схиму въ Хутынской обители. Но тамъ мученія его сдѣлались еще сильнѣе, пока не отъѣхалъ

онъ въ Москву со всею своею дворнею ([103]). Всѣ такія разсказы о архіепископѣ Сергіѣ, цѣль которыхъ легко понять, нисколько однакожъ не помогли новгородцамъ. Новый архипастырь для нихъ былъ избранъ также въ Москвѣ, именно чудовскій архимандритъ Геннадій Гонзовъ, «мужъ сановитый, разумный и добродѣтельный, и божественному писанію довольный», и поставленъ митрополитомъ Геронтіемъ (12 дек. 1484 г.),—и право избранія для себя владыки новгородцамъ уже никогда не возвращалось ([104]).

Послѣднимъ памятникомъ дѣятельности Геронтія въ видахъ отечественнаго правительства служатъ посланія архипастыря въ землю вятскую, одно къ духовенству, другое ко всѣмъ жителямъ. Оба эти посланія почти буквально сходны съ тѣми, какія отправлены были нѣкогда на Вятку святителемъ Іоною. Въ первомъ посланіи Геронтій сильно укорялъ вятское духовенство за его крайнюю небрежность къ своему долгу и за то, что оно позволяло не только брачиться въ родствѣ и кумовствѣ, но и вступать въ пятый, шестый, даже седьмый браки и предаваться грабежу, убійствамъ и всякаго рода нечестію, и угрожалъ священникамъ отлученіемъ отъ Церкви, если они не исправятся сами и не позаботятся объ исправленіи своихъ духовныхъ чадъ и о покорности ихъ великому князю. Въ послѣднемъ писалъ къ вятчанамъ: «вы зоветесь христіанами, а живете хуже язычниковъ; обижаете соборную церковь русской митрополіи, разоряете церковные

([103]) Лѣт. Новгор. въ П. Собр. Р. Лѣт. III, 183. 243—244; Лѣт. Псков. тамъ же V, 41. 42.

([104]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 143. 184. 244; Степ. кн. I, 475.

законы, грубите своему государю-великому князю и издавна пристаете къ его недругамъ; да и сами воюете безпрестанно его вотчину, губите христіанъ убійствомъ, плѣномъ и грабежомъ, разоряете церкви, а челомъ своему государю за грубость не бьете. До сихъ поръ государь, по моему ходатайству, терпѣлъ и не казнилъ васъ, ожидая вашего челобитья и покаянія, а вы все не исправляетесь. Теперь пишу къ вамъ въ послѣдній разъ: перестаньте отъ своего злаго дѣла, церковь соборную русской митрополіи держите честно по старинѣ, а государю нашему бейте челомъ, все пограбленное возвратите, плѣнниковъ отпустите. А если не послушаете насъ и своему государю не покоритесь: то я уже написалъ вашимъ духовнымъ отцамъ, чтобы они затворили Божіи церкви и ушли вонъ изъ вашей земли: иначе и сами они, вмѣстѣ съ вами, будутъ неблагословенны и прокляты» ([105]). Неизвѣстно когда именно написаны и, главное, когда доставлены вятчанамъ оба эти посланія митрополита: въ то ли время, какъ въ землю вятскую явилась многочисленная рать и обступила (16 авг. 1489 г.) городъ Хлыковъ съ требованіемъ покорности, или нѣсколько прежде. Но извѣстно, что вятчане, замѣтивъ приготовленіе рати зажечь городъ, не стали сопротивляться, изъявили полную покорность великому князю и вскорѣ были отведены въ Москву и разселены по разнымъ городамъ ([106]).

([105]) А. И. I, №№ 97. 98. Сравн. № 261.

([106]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 237. 239; VIII, 218; Ник. Лѣт. VI, 9; Архангел. 195—198.

II.

По смерти Геронтія (28 мая 1489 г.) каѳедра митрополіи болѣе года оставалась праздною. Наконецъ, въ 1491 году, по повелѣнію великаго князя, собрались въ Москву для избранія новаго первосвятителя архіепископъ ростовскій Тихонъ и епископы—Нифонтъ суздальскій, Симеонъ рязанскій, Вассіанъ тверской, Прохоръ сарскій и Филоѳей пермскій; а новгородскій архіепископъ Геннадій, которому велѣно было не отлучаться въ это время изъ Новгорода по какимъ-то важнымъ гражданскимъ дѣламъ, прислалъ свою только новольную грамату. Выборъ великаго князя и собора палъ на симоновскаго архимандрита Зосиму: сентября 19-го его возвели на дворъ митрополичій, а 26-го поставили митрополитомъ ([107]). Къ сожалѣнію, настоящій выборъ скоро оказался крайне неудачнымъ: потому что Зосима держался тайно такъ называемой *ереси жидовствующихъ* или *новгородскихъ еретиковъ*, съ которою пора намъ познакомиться.

Въ 1470 г., ноября 8, прибылъ въ Новгородъ изъ Кіева или, по выраженію нѣкоторыхъ лѣтописей, изъ Литвы (такъ какъ Кіевъ состоялъ тогда въ литовскомъ государствѣ) братъ кіевскаго князя Симеона Михаилъ Олельковичъ, присланный польскимъ королемъ Сигизмундомъ, по просьбѣ самихъ новгородцевъ. Съ княземъ Михаиломъ прибыла изъ Литвы весьма

([107]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 157. 158; VIII, 218. 219; А. Э. I, № 380, стр. 478. А у *пр. Филарета*, вопреки совершенно ясному свидѣтельству лѣтописей, сказано, будто „в. к. Василій Васильевичъ избралъ Зосиму безъ соборнаго опредѣленія“, и будто „это было исключеніе, и самое несчастное“ (Ист. Русск. Церк. III, стр. 27, изд 4).

многочисленная свита, въ которой находился и нѣкто жидовинъ Схарія, сдѣлавшійся извѣстнымъ князю еще въ Кіевѣ ([108]). Этотъ «жидовинъ,—скажемъ словами современника, оставившаго намъ и краткую исторію и подробное опроверженіе ереси жидовствующихъ, — былъ наученъ всякому изобрѣтенію злодѣйства, чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи. Сначала онъ *прельстилъ* въ Новгородѣ попа Діонисія и обратилъ его къ жидовству. Діонисій привелъ къ нему попа съ Михаиловской улицы Алексія, который также сдѣлался отступникомъ отъ истинной вѣры Христовой. Потомъ пришли изъ Литвы иные жиды—Іосифъ Шмойло-Скарявей и Моисей Ханушъ. Алексій и Діонисій до того возревновали о жидовской вѣрѣ, что съ ними всегда пили и ѣли и отъ нихъ учились жидовству, и не только сами учились, но научили жидовству своихъ женъ и дѣтей. Хотѣли и даже обрѣзаться въ жидовскую вѣру, но жиды имъ не велѣли, говоря: если узнаютъ васъ христіане и вздумаютъ освидѣтельствовать, то будете обличены; а держите жидовство тайно, явно же христіанство. Алексію перемѣнили имя, назвали его Авраамомъ, а жену его назвали Саррою» ([109]). Таково начало ереси жидовствующихъ:

([108]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 235; VIII, 160; *Татищ.* Истор. Росс., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, 109; *Іосиф. Волок.* Просвѣтит. 43, Казан. 1855. Что князь, а равно и Схарія пришли *изъ Литвы*—П. Собр. Р. Лѣт. III, 141; Степ. кн. I, 476. Князь скоро воротился назадъ (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 236; VI, 191). Жидъ Схарія называется еще *Скарѣна* (Степ. кн. 1, 476), *Схорына* (Рукописн. Хронограф. моей библ. № 85, л. 350), *Схарина* (*Татищ.* Ист. Росс., въ Чт. Моск. Истор. Общ. 1847, IV, 109).

([109]) *Іосиф. Волок.* Просвѣт. 43—44. Если *Шмойло-Скарявей* есть фамилія Іосифа, а *Ханушъ*—фамилія Моисея: то изъ Литвы пришли къ Схаріи въ Новгородъ только два жида. Если же это не фамиліи, а собственныя имена: то—четыре или даже пять.

жидъ Схарія совратилъ въ жидовство двухъ новгородскихъ священниковъ, два другіе жида вмѣстѣ съ ними совратили и самыя ихъ семейства! Болѣе объ этихъ жидахъ, удалились ли они изъ Новгорода или оставались въ немъ, ничего неизвѣстно ([110]). Несомнѣнно только, что распространителями ереси были уже не они, а совращенные ими попы—Алексій и Діонисій. Первый научилъ жидовству зятя своего Ивана Максимова и отца его попа Максима, и многихъ другихъ поповъ, и діаконовъ, и простыхъ людей. Діонисій научилъ также многихъ жидовству и, между прочимъ, Софійскаго протоіерея Гавріила. Въ числѣ множества совращенныхъ въ жидовство, преимущественно священниковъ, діаконовъ, дьячковъ, клирошанъ, находился и сынъ одного лица, имѣвшаго великую власть въ Новгородѣ, Григорій Тучинъ ([111]).

Что же это была за ересь жидовствующихъ и почему она такъ легко привилась въ Новгородѣ? По примѣру преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, который, только изложивъ переданныя нами извѣстія о началѣ ереси, тотчасъ излагаетъ кратко самое ея ученіе, постараемся и мы опредѣлить ея сущность, пользуясь преимущественно его же руководствомъ: такъ какъ онъ нарочито, одинъ изъ всѣхъ современниковъ, изучалъ эту ересь во всѣхъ ея подробностяхъ и занимался обстоятельнымъ ея опроверженіемъ. Въ строгомъ смыслѣ это была

([110]) Только Татищевъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, будто Схарія казненъ въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ иными, в. к. Иваномъ Васильевичемъ (Истор. Росс., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, IV, 109).

([111]) Просвѣт. 45. Іосифъ называетъ здѣсь по именамъ, кромѣ Діонисія и Алексѣя, одного протопопа, семь поповъ, двухъ сыновъ поповскихъ, одного дьякона, двухъ дьяковъ или дьячковъ, двухъ клирошанъ и нѣсколько другихъ лицъ. О *дьякахъ* или дьячкахъ—см. примѣч. 112.

не ересь только, а полное отступничество отъ христіанской вѣры и принятіе вѣры іудейской. Схарія и его товарищи проповѣдывали у насъ не какую либо ересь христіанскую, а ту самую вѣру, которую содержали сами и въ томъ видѣ, въ какомъ исповѣдуютъ ее всѣ іудеи, отвергшіе Христа Спасителя и Его божественное ученіе. Они учили: а) истинный Богъ есть единъ, и не имѣетъ ни Сына ни Св. Духа, единосущныхъ и сопрестольныхъ Ему, т. е. нѣтъ пресв. Тройцы; б) истинный Христосъ или обѣтованный Мессія еще не пришелъ, и когда придетъ, то наречется Сыномъ Божіимъ не по естеству, а по благодати, какъ Моисей, Давидъ и другіе пророки; в) Христосъ же, въ котораго вѣруютъ христіане, не есть Сынъ Божій воплотившійся и истинный Мессія, а есть простой человѣкъ, который распятъ іудеями, умеръ и истлѣлъ во гробѣ; г) потому должно содержать вѣру іудейскую, какъ истинную, данную самимъ Богомъ, и отвергать вѣру христіанскую, какъ ложную, данную человѣкомъ. И мы видѣли, что совращенные Схаріею дѣйствительно приняли іудейство и сдѣлались отступниками отъ христіанства. Всѣ прочія лжеученія, какія высказывали у насъ впослѣдствіи іудействовавшіе, были уже прямыми и неизбѣжными выводами изъ этихъ началъ, положенныхъ Схаріею и его единовѣрцами. Коль скоро допустить, что истинная вѣра есть іудейская, а не христіанская, что Христосъ есть простой человѣкъ, а не Сынъ Божій, не истинный Мессія: то само собою слѣдуетъ, что Пресв. Матерь Его не есть Богородица, что не должно почитать ни Его, какъ почитаютъ христіане, ни Ее, ни вообще всѣхъ святыхъ христіанскихъ; не должно чтить самихъ ихъ изображеній или св. иконъ, ни крестовъ

и другихъ священныхъ для христіанъ предметовъ; не должно уважать христіанскихъ писаній, ни апостольскихъ, ни отеческихъ; не должно уважать никакихъ христіанскихъ установленій, каковы—таинства, посты, праздники, монашество и проч.; словомъ: должно отвергать все собственно христіанское, чего не могутъ принимать іуден, невѣрующіе во Іисуса Христа ([112]). Если разсматривать всѣ эти лжеученія каждое порознь и отдѣльно отъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ они вытекали въ ереси жидовствующихъ: то въ ней можно видѣть не одно іудейство, а и многія христіанскія ереси, еще въ древности осужденныя, какъ и видѣли современники ([113]).

([112]) Просвѣт. 45—50. 63—71. Тѣже черты ученія жидовствующихъ, только гораздо короче и поверхностно, излагаетъ, какъ увидимъ далѣе, и лѣтописецъ, говоря о бывшемъ противъ нихъ соборѣ 1491 года (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 158). Еще короче выражалъ тоже и Геннадій, архіепископъ новгородскій, какъ видно изъ граматы къ нему (1488 г.) митрополита Геронтія: „писалъ еси къ намъ о томъ, что прозябаютъ ереси въ Новгородѣ, хулы и поруганья *отъ священниковъ и отъ діаконовъ, и отъ діаковъ, и отъ простыхъ людей*, да и списки еси на тѣхъ ересниковъ прислалъ къ намъ, почему еси обыскивалъ, какъ они *хулили Сына Божія и пречистую Его Богоматерь, и рушались св. иконамъ, и величаютъ жидовскую вѣру, а нашу православную христіанскую вѣру хулятъ*“ (А. И. I, № 285). Замѣтимъ, что здѣсь подъ именемъ *діяконъ*, жидовствовавшихъ, разумѣлись собственно церковные *дьячки*.

([113]) И именно, Геннадій архіепископъ новгородскій, писалъ ростовскому архіепископу Іоасафу: „обрѣтохъ здѣсе новгородскихъ еретиковъ, *жидовская* мудрствующихъ, покрытыжъ суть онѣхъ еретихъ клятвенною укоризною, *Маркіанскія* глаголю и *Месаліанскія*. И какъ ихъ спроси, и они говорятъ: язъ де православный христіанинъ, а того своего дѣла запрѣлся. Ино то въ нихъ *не одно іудейство*, смѣшано съ *Месаліанскою* ересью“ (Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, VIII, отд. IV, стр. 1). А преп. Іосифъ Волоцкій въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ, что жидовствующіе держали „*ереси многи*, десятословіемъ на жидовство учаще и *Саддукейскую и Месаліанскую* ересь держаще“ (Просвѣт. 59) Но извѣстно, что *Маркіане*, послѣдователи Маркелла Анкирскаго и ученика его Фотина, отвергали троичность Лицъ въ Богѣ, а *Месаліане* или *Евхиты*, усвоя все внутренней молитвѣ и внутреннему дѣланію, отвергали таинства Церкви и всѣ христіанскіе обряды и установленія, всю христіанскую внѣшность; *Саддукеи* же, секта или ересь ветхозавѣтной церкви, отвергая всѣ свящ. преданія, дер-

Но, по справедливости, отдѣлять слѣдствія отъ началъ не должно, и, повторяемъ, Схарія и его товарищи проповѣдывали у насъ свою собственную, іудейскую вѣру и отверженіе христіанской, изъ чего уже неизбѣжно слѣдовали всѣ возможныя христіанскія ереси, т. е. отверженіе всѣхъ христіанскихъ догматовъ и установленій. Прибѣгать же къ предположенію, не была ли ересь жидовствующихъ одною изъ тогдашнихъ христіанскихъ ересей, только близкая къ іудейству, или не была ли она смѣсію разныхъ христіанскихъ ересей съ раціоналистическимъ направленіемъ, или даже не выработалась ли она въ самомъ Новгородѣ подъ вліяніемъ вольномыслія, съ одной стороны, жида Схаріи, а съ другой — новгородскихъ священниковъ, вовсе нѣтъ ни нужды, ни основанія (114). Несомнѣнно, что когда жидовствующіе излагали свое догматическое ученіе противъ христіанъ и утверждали, что Богъ есть единъ, а не троиченъ, что Мессія еще не пришелъ, а Іисусъ Христосъ не есть Мессія и Сынъ Божій, что должно держаться іудейскаго или Моисеева закона, тогда они основывались исключительно на священныхъ книгахъ ветхаго завѣта. Равно и Іосифъ, опровергая всѣ эти пункты лжеученія жидовствующихъ, пользовался также исключительно книгами ветхаго завѣта и объяснялъ: «жидове и еретицы не

жались только ветхозавѣтнаго писанія и преимущественно пятокнижія Моисеева: всѣ эти пункты ученія, дѣйствительно, и находятся въ ереси жидовствующихъ. Въ частности на Саддукеевъ преп. Іосифъ указалъ и потому, что имѣлъ въ виду жидовствовавшаго митрополита Зосиму, который будтобы отвергалъ, по свидѣтельству Іосифа, даже будущую жизнь и воскресеніе мертвыхъ, подобно Саддукеямъ (Просвѣтит. 58—59).

(114) *Рудневъ.* О ерес и раскол. въ русск. Церкви, 113—123, М. 1838; *Сервицк.* Опытъ изслѣд. ереси новгород. еретиковъ, въ Правосл. Обозр. 1862, VIII, 185. 304.

пріемлютъ свидѣтельства апостольскаго и отеческаго, но точію пророческая свидѣтельства глаголютъ пріимати, аще и неблагочестивымъ разумомъ. Сего ради едина пророческая свидѣтельства здѣ напишемъ: къ еретикомъ бо намъ слово, жидовьская мудрьствующимъ» ([115]). Съ другой стороны не надобно забывать, что распространителями и защитниками ереси жидовствующихъ были у насъ не сами жиды, а совращенные ими христіанскіе священники и постоянно носившіе личину христіанъ. Потому неудивительно, если они, чтобы удобнѣе совращать христіанъ, въ своихъ возраженіяхъ по второстепеннымъ предметамъ указывали иногда на тексты новаго завѣта и на свидѣтельства св. отцевъ. Такъ же естественно, если и преп. Іосифъ Волоколамскій, опровергая такого рода возраженія, приводитъ доказательства не изъ одного ветхаго завѣта, но и изъ новаго и твореній св. отцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ свое сочиненіе преимущественно для православныхъ христіанъ, для предохраненія ихъ отъ ереси ([116]).

Вообще преп. Іосифъ, въ своемъ сочиненіи противъ жидовствующихъ, многократно свидѣтельствуетъ, что они собственно не еретики, а отступники, что они отверглись отъ Христа и мудрствуютъ жидовское, учатъ и другихъ держать жидовство и отвергаться Христа ([117]), а въ одномъ мѣстѣ даетъ о нихъ такое понятіе: «новгородскіе еретики сдѣлались отступниками не въ младенчествѣ, не во время плѣна, не ради

([115]) Просвѣтит. 80—81.
([116]) Тамъ же 63. 77. 121. 151.
([117]) Тамъ же 564. 570. 572. 576. 577.

нужды, но и родились и много лѣтъ пребывали въ христіанской православной вѣрѣ, и самохотѣніемъ, самопроизвольно отверглись св. единосущной Троицы и православной христіанской вѣры, и изрекли многія хулы на св. единосущную Троицу, и на пречистую Богородицу, и на всѣхъ святыхъ, и совершили многія скверненія на св. божественную Церковь, и на св. иконы, и на животворящіе кресты, и на свящ. мощи святыхъ, и многихъ православныхъ христіанъ прельстили, и отвели въ жидовство, и осквернили всякими сквернами. Они отверглись Христа и всего христіанства въ лѣто 1471-е и даже донынѣ ни одинъ не покаялся. Они злѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ и отступниковъ: такихъ не было ни въ древнія времена, ни въ среднія, ни въ новѣйшія» ([118]). Замѣтимъ, однакожъ, что при дальнѣйшемъ развитіи ереси она привлекала къ себѣ и имѣла двоякаго рода послѣдователей: одни, отвергшись Христа, принимали самое жидовство,—это люди простые, необразованные; а другіе, образованные и книжные, отвергшись Христа, не принимали самого жидовства, но только усвояли всѣ воззрѣнія жидовствующихъ на христіанство, отвергали всѣ, собственно христіанскіе, догматы и установленія, дѣлались совершенными вольнодумцами ([119]). Съ этими-то послѣдними преимущественно и приходилось бороться преп. Іосифу, и въ этомъ-то видѣ ересь жидовствующихъ, даже послѣ окончательнаго подавленія ея внѣшними средствами, долго еще существовала у насъ между лицами высшихъ классовъ.

Какимъ же образомъ жидъ Схарія могъ навязать право-

([118]) Тамъ же 568–569.
([119]) Тамъ же 59–60.

славнымъ русскимъ свою жидовскую вѣру, а новгородскіе священники могли принять ее и отвергнуться отъ Христа? Разгадка этому заключается въ томъ, что Схарія былъ человѣкъ ученый и, главное, искусный въ чернокнижіи и астрологіи, которыя пользовались тогда полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, особенно между людьми малообразованными и необразованными; а наши новгородскіе священники были не только мало образованы, но и совершенные невѣжды даже въ истинахъ исповѣдуемой ими религіи. Схарія очень хорошо зналъ, чѣмъ іудеи доказываютъ противъ христіанъ истинность своей іудейской вѣры и чѣмъ опровергаютъ или стараются опровергнуть они истинность вѣры христіанской, и умѣлъ воспользоваться этими познаніями для своей цѣли; а новгородскіе священники не знали даже того, чѣмъ подтверждаются самые первые, коренные догматы христіанства, каковы догматы о пресв. Троицѣ, о божественности Іисуса Христа, о Его воплощеніи и воскресеніи. Чтожъ удивительнаго, если такихъ людей въ состояніи былъ увлечь и прельстить Схарія, какъ своими познаніями и умною рѣчью, такъ особенно какими либо необычайными дѣйствіями, которыя онъ могъ совершать при пособіи темныхъ наукъ и которыя для невѣждъ могли показаться совершенными чудесами? И онъ дѣйствительно *прельстилъ*, по свидѣтельству прп. Іосифа Волоцкаго, сперва попа Діонисія, а затѣмъ попа Алексѣя, которые потомъ и сами, научившись отъ жидовъ жидовству и чернокнижію, начали пользоваться тѣмиже средствами для совращенія людей невѣжественныхъ. Впослѣдствіи ересь пріобрѣла себѣ сильныхъ покровителей, которые содѣйствовали ея распространенію и привлекали многихъ обаяніемъ вольномыслія и распу-

щенности нравовъ. Въ дальнѣйшей исторіи ереси мы встрѣтимъ подтвержденіе всему, нами сказанному.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ со времени появленія ея въ Новгородѣ, а еретики умѣли скрывать себя подъ личиною христіанства. Въ 1480 г., когда великій князь Іоаннъ Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ, вожди ереси, Алексѣй и Діонисій, до того понравились ему, что онъ взялъ ихъ въ Москву и перваго опредѣлилъ протоіереемъ въ Успенскій соборъ, а послѣдняго священникомъ въ Архангельскій соборъ. Здѣсь они старались казаться святыми, кроткими, воздержными, а тайно сѣяли свое лжеученіе и многихъ обратили къ жидовству, такъ что нѣкоторые даже обрѣзались. Между прочимъ, они привлекли къ своей ереси—въ духовенствѣ симоновскаго архимандрита Зосиму и чернеца Захарію, при дворѣ великаго князя—знатнаго дьяка Ѳеодора Курицина, да дьячковъ крестовыхъ—Истому и Сверчка, и изъ купцовъ Семена Кленова. Послѣдніе четыре также научили многихъ жидовствовать. «Протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курицинъ, замѣчаетъ при этомъ преп. Іосифъ Волоцкій, такое имѣли тогда дерзновеніе къ Державному, какъ никто другой: ибо они прилежали звѣздозаконію, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію. Потому-то многіе и уклонились къ нимъ и погрязли въ глубинѣ вѣроотступничества» ([120]). Зять протоіерея Алексѣя, Иванъ Максимовъ свелъ въ жидовство даже невѣстку великаго князя Елену, какъ впослѣдствіи сознавался самъ Іоаннъ преп. Іосифу Волоцкому ([121]). Такимъ образомъ ересь утвер-

([120]) Тамъ же 51—52.

([121]) *Іосиф. Волок.* Посл. къ Митрофану, архимандриту Андроников., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, I, отд. IV.

дилась не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ; а ни церковная, ни гражданская власти не знали о ея существованіи или не обращали на нее вниманія.

Первымъ ратоборцемъ противъ жидовствующихъ выступилъ архіепископъ Геннадій, возведенный на новгородскую каѳедру 12-го декабря 1484 года. Какъ ни скрывали себя еретики, но однажды въ пьяномъ видѣ нѣкоторые изъ нихъ начали упрекать другъ друга. Услышавъ объ этомъ, Геннадій немедленно далъ знать митрополиту и великому князю и, получивъ приказъ не допускать распространенія ереси, началъ дѣлать обыскъ. Во время обыска одинъ изъ виновныхъ, попъ Наумъ, открылъ архіепископу все и всѣхъ и принесъ къ нему даже псалмы, по которымъ правили еретики свою жидовскую службу. Геннадій велѣлъ брать ихъ и отдавать на поруки до окончанія слѣдствія. А какъ четверо изъ отданныхъ на поруки бѣжали въ Москву, то онъ отправилъ туда къ князю и митрополиту все обыскное дѣло въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ спискомъ открытыхъ уже еретиковъ и ихъ псалмами. Это было въ августѣ или сентябрѣ 1487 года ([122]). Не получая, однакожъ, отвѣта ни отъ князя, ни отъ митрополита, Геннадій къ концу тогоже года обратился съ просьбою о содѣйствіи къ сарскому епископу Прохору, жившему въ Москвѣ на Крутицахъ, и увѣдомлялъ его, что въ Новгородѣ открылись еретики, которые мудрствуютъ пожидовски, держатъ ереси Маркіанскую и Мессаліанскую и всячески скры-

([122]) А. Э. I, № 380, стр. 479; А. И. I, № 285. Въ октябрѣ 1490 г. Геннадій писалъ митрополиту Зосимѣ, что „три годы минуло, а ужъ четвертый насталъ“, какъ началось дѣло о жидовствующихъ (А. Э. I, стр. 482).

ваются, называя себя православными христіанами, что обыскное дѣло объ нихъ отослано къ князю и митрополиту, и что открытію ихъ способствовалъ попъ Наумъ и проч. ([123]). А въ генварѣ слѣдующаго (1488) года, когда въ Москву прибыли епископы — суздальскій Нифонтъ и пермскій Филоѳей, Геннадій поспѣшилъ написать и къ нимъ, и, упомянувъ о своихъ граматахъ и подлинникѣ, посланныхъ къ князю и митрополиту, и о своемъ письмѣ епископу Прохору, просилъ обоихъ этихъ святителей ходатайствовать предъ великимъ княземъ и митрополитомъ, чтобы позаботились «тому дѣлу исправленіе учинити, занеже нынѣ какъ продлилось то дѣло, обыскъ ему не крѣпокъ чинится..., еретикамъ ослаба пришла, уже наругаются христіанству», и затѣмъ изложилъ, въ чемъ состояли самыя ругательства ([124]). Дѣло дѣйствительно приняло быстрый ходъ: оно разсмотрѣно на соборѣ; трое изъ еретиковъ найдены виновными, и великій князь «по правиламъ царскимъ» подвергъ ихъ торговой казни, а четвертаго признали недостаточно обличеннымъ: такъ какъ противъ него было только одно свидѣтельство попа Наума. Въ февра-

---

([123]) .....„Да что есми послалъ грамату да и подлинникъ къ митрополиту, что Наумъ попъ сказывалъ, да и тетрадь, почему они молились пожидовски, и ты тамо узришь все, что ся какъ чинило и превращены псалмы на ихъ обычаи. И только бы попъ Наумъ не положилъ покаянія, да и въ христіанство опять не захотѣлъ, ино какъ бы мощно увѣдати“... Посланіе это писано зимою 6996 года, но прежде генваря, когда Геннадій отнесся къ епископамъ суздальскому Нифонту и пермскому Филоѳею (см. примѣч. 124); слѣд. писано къ концу 1487 г. Содержаніе этого посланія показано у *г. Хрущова*—Изслѣд. о сочин. Іосифа Санина Волоколам. стр. XVII—XVIII, с. п. б. 1868.

([124]) Грамата къ Нифонту и Филоѳею послана „лѣта 96 (1488) генваря“ и напечатана у *Карамз.* VI, прим. 324, изд. Эйнерлинг., и у *Хрущов.* Изслѣд. о сочин. преп. Іосифа Волокол., стр. XXII—XXIII. Изъ нея видно, какъ грубо и дерзко издѣвались еретики надъ св. крестами и иконами.

лѣ тогоже (1488) года князь и митрополитъ уже извѣщали объ этомъ Геннадія и поручали ему, чтобы онъ продолжалъ обыскъ о еретикахъ съ великимъ прилежаніемъ и тѣхъ, которые покаятся, подвергалъ церковной епитиміи, а которые не покаятся, отдавалъ «по царскимъ правиламъ» для торговой казни двумъ боярамъ, Якову и Юрію Захарьевичамъ, назначеннымъ отъ великаго князя для участія въ обыскѣ ([125]). Замѣтимъ, что въ это время великій князь Иванъ Васильевичъ отнюдь не опасался казнить еретиковъ жидовствующихъ «по царскимъ правиламъ», помѣщеннымъ въ дѣйствовавшей тогда у насъ славянской Кормчей. При производствѣ обыска надъ жидовствующими оказалось, что вѣроотступничество распространилось не только въ Новгородѣ, но и по селамъ, и все черезъ поповъ, которые, напившись и наѣвшись, безъ страха совершали литургію. Нѣкоторые отступники нарочно ставились въ попы, чтобы удобнѣе совращать своихъ духовныхъ дѣтей. Если замѣчали кого либо твердымъ въ вѣрѣ и православіи, то таились предъ нимъ и старались казаться православными. А встрѣчая людей простыхъ, слабыхъ и преданныхъ тяжкимъ грѣхамъ, увлекали такихъ въ свою прелесть и отпускали имъ всѣ грѣхи. Когда же кто изъ православныхъ начиналъ обличать ихъ самихъ въ ереси, они отрекались отъ нее съ клятвою, величали себя православными и даже проклинали еретиковъ, считая и клятву и проклятіе за ничто ([126]). Потому-то крайне трудно было произ-

---

([125]) А. И. I, № 285.

([126]) Все это описалъ самъ Геннадій въ посланіи къ ростовскому архіепископу Іоасафу (напеч. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, VIII, отд. IV, стр. 1. 2). Замѣчательно, что такимижс точно изобразилъ жидовствующихъ, и

водить надъ ними обыскъ; но, при содѣйствіи назначенныхъ великимъ княземъ бояръ, Геннадій удачно окончилъ дѣло, всѣхъ покаявшихся еретиковъ осудилъ на церковную епитимію, а не покаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру передалъ боярамъ для торговой казни, и все подлинное дѣло отослалъ къ митрополиту и великому князю, извѣстивъ о томъже архіепископовъ и епископовъ. Но въ Москвѣ не обратили теперь на донесеніе Геннадія никакого вниманія и «положили то дѣло ни за что», какъ самъ онъ вскорѣ писалъ къ ростовскому архіепископу Іоасафу (25-го февр. 1489 г.) ([127]). «Митрополитъ Геронтій, говоритъ по этому случаю преп. Іосифъ, самъ мудрствовалъ похристіански, но о другихъ, погибавшихъ отъ еретическаго ученія, нимало не позаботился, по своей ли грубости, или по нерадѣнію, или изъ боязни предъ Державнымъ» ([128]).

Услышавъ, что въ Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, туда же бѣжали и всѣ новгородскіе еретики, уже принесшіе было покаяніе предъ Геннадіемъ, и тамъ не только пользовались полною свободою, но имѣвшіе священный санъ даже служили въ московскихъ церквахъ вмѣстѣ съ православными архимандритами, игуменами, протоіереями, и нагло издѣвались надъ христіанскою святынею. Покровителемъ ихъ былъ сильный при дворѣ великокняжескомъ дьякъ Ѳеодоръ Кури-

---

почти тѣмиже словами, и преп. Іосифъ Волоцкій въ послѣднемъ словѣ на нихъ (Просвѣтит. стр. 600).

([127]) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, VIII, отд. IV, стр. 2; А. Э. I, № 380, стр. 479.

([128]) Просвѣтит. стр. 53. А самъ Геннадій замѣтилъ только: „и Геронтей митрополитъ о томъ великому князю не подокучилъ, за тѣмъ еретикомъ конца не учинили“ (А. Э. I, № 380, стр. 479).

цинъ, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ посольства въ Венгрію. Къ нему собирались еретики и совѣщались между собою противъ православія ([129]). Особенною дерзостію изъ нихъ отличался чернецъ Захарія. Прежде онъ былъ настоятелемъ одного монастырька близъ Новгорода, въ Нѣмчиновѣ. И когда иноки этого монастыря пожаловались Геннадію, что настоятель уже три года ни самъ не причащается, ни имъ не позволяетъ причащаться, и Геннадій потребовалъ у него отчета, то Захаръ отвѣчалъ: «а у кого причащаться? Попы по мздѣ ставлены, митрополитъ же и владыки тоже по мздѣ ставлены». Признавъ Захара за стригольника, Геннадій сослалъ его въ какую-то пустынь; но вскорѣ, по граматѣ великаго князя, долженъ былъ возвратить Захара въ его обитель, взявъ только съ него клятвенную подписку, что впредь и самъ онъ будетъ причащаться и не будетъ возбранять того своимъ инокамъ. Но Захаръ не захотѣлъ исполнять клятвы, бѣжалъ въ Москву еще въ 1487 г. и тамъ нашелъ себѣ защиту въ кругу жидовствующихъ. Болѣе всего онъ дѣйствовалъ лично противъ Геннадія и, уже три года слишкомъ, разсылалъ на него по всей Россіи и новгородской епархіи многочисленныя хульныя граматы, въ которыхъ называлъ

([129]) А. Э. I, стр. 479. Одинъ изъ еретиковъ, по имени Самсонко, возвратившись изъ Москвы, на допросѣ предъ Геннадіемъ показалъ: „ходилъ есмя за все къ Федору къ Курицыну, діаку великаго князя, а приходитъ де къ нему Алексѣй протопопъ, да Истома, да Сверчекъ, да Ивашко Чрьной, что̀ книги пишетъ, да поучаются де на православныхъ“. Такъ свидѣтельствуетъ самъ Геннадій въ своемъ „посланіи къ собору владыкъ“ (Опис. рукоп. гр. Толстов., стр. 417). Начало этого посланія напечатано въ Прав. Собесѣдн. 1863, I, 476—481. А содержаніе всего посланія показано, по частямъ, у г. *Хрущов.*—Изслѣд. о соч. пр. Іосифа Волок. 115—122.

его даже прямо еретикомъ ([130]). Государь зналъ про ереси любимцевъ своихъ — Ѳедора Курицина и протопопа Алексѣя, и однакожъ продолжалъ къ нимъ свое благоволеніе ([131]). Геннадія совсѣмъ не стали приглашать въ Москву для соборныхъ совѣщаній, не смотря на заявленныя имъ желанія и просьбы. И когда, по кончинѣ Геронтія, нужно было избирать новаго митрополита, то самъ великій князь прислалъ Геннадію приказаніе, чтобы онъ оставался въ Новгородѣ ради какихъ-то «великихъ дѣлъ» и не пріѣзжалъ въ Москву. Между тѣмъ протопопъ Алексѣй, предъ своею смертію, успѣлъ «своимъ волхованіемъ» склонить государя, чтобы на митрополитскую каѳедру избранъ былъ не кто другой, а именно Симоновскій архимандритъ Зосима, котораго дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, и избрали и поставили митрополитомъ ([132]). Нѣтъ сомнѣнія, что ни государь, ни святители не знали еще о еретичествѣ Зосимы; да и Геннадій ничего не подозрѣвалъ, потому и прислалъ свою повольную грамату на поставленіе его. Новый митрополитъ немедленно потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры, какбы сомнѣваясь въ его православіи. Геннадій отвѣчалъ, что онъ уже далъ свое исповѣданіе предъ митрополитомъ Геронтіемъ и соборомъ владыкъ, когда былъ рукополагаемъ въ архіерея, что исповѣданіе то хранится въ Москвѣ и что онъ доселѣ остается въ немъ твердъ и непоколебимъ. Тогда же митрополитъ и великій

([130]) Все это о Захарѣ чернецѣ разсказываетъ самъ Геннадій въ томъже посланіи къ собору владыкъ (см. примѣч. 129).

([131]) *Іосиф. Волокол.* Посл. Митрофану, архим. Андрониковскому, въ Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, I, отд. IV.

([132]) А. Э. I, стр. 478. 480; *Іосиф. Волокол.* Просвѣтител., стр. 54.

князь предлагали Геннадію, чтобы онъ прислалъ свое согласіе или отпись на поставленіе новаго епископа на Коломну, котораго однакожъ не называли. Геннадій отвѣчалъ, что не можетъ дать такой отписи, не зная имени избраннаго кандидата, и опасаясь, чтобы выборъ не палъ случайно на кого либо изъ архимандритовъ и вообще иноковъ, которые служили и пріобщались съ жидовствующими еретиками и которые, по правиламъ, подлежатъ за то разнымъ епитиміямъ, отлученію или даже извержепію. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ посланіи къ Зосимѣ (окт. 1490) Геннадій, кратко изложивъ весь ходъ дѣла о жидовствующихъ и на чемъ оно остановилось, умолялъ первосвятителя разсмотрѣть это дѣло на соборѣ и, между прочимъ, писалъ: «а стала, господине, та бѣда съ тѣхъ поръ, какъ Курицынъ пріѣхалъ изъ Угорской земли, да отсюда сбѣжали въ Москву еретики; а въ подлинникѣ писано, что протопопъ Алексѣй, да Истома, да Сверчекъ, да попъ Денисъ, приходили къ Курицыну, да иные еретики; да онъ-то у нихъ начальникъ, а о государской чести попеченія не имѣетъ»... И далѣе: «правда, ты самъ то вѣдаешь, господинъ отецъ нашъ; но намъ, съ своею братіею, архіепископами и епископами, прихоже тебѣ о томъ напоминать; постой о томъ накрѣпко, отецъ нашъ, а мы — дѣти твои съ Богомъ да съ тобою: ибо и безъ того дѣло долго протянулось; прошло три года, наступилъ четвертый. Если же ты, господинъ нашъ, тѣхъ еретиковъ накрѣпко не обыщешь и не велишь ихъ казнить и предать проклятію: то ужъ какіе мы будемъ владыки и что будетъ наше пастырство? Да поговори, господине, сыну твоему великому князю накрѣпко, чтобы и мнѣ велѣлъ быть у себя да у тебя, отца

нашего, благословиться: ибо какія ни есть здѣсь великія дѣла, а больше того дѣла нѣтъ. Да жалуюся тебѣ, своему отцу, на Захара черпца стригольника: онъ лаетъ на меня безпрестанно уже три года, насталъ четвертый, и разсылаетъ на меня граматы по моей архіепископіи и по всѣмъ городамъ земли московской, безчисленное множество, называя меня еретикомъ»... [138]. Не удовольствовавшись посланіемъ къ митрополиту, Геннадій написалъ еще къ собору владыкъ, находившихся тогда въ Москвѣ, именно: къ Тихону, архіепископу ростовскому и епископамъ—Нифонту суздальскому, Вассіану тверскому, Прохору сарскому и Филоѳею пермскому. Объяснялъ имъ, почему не согласился дать отпись на поставленіе коломенскаго владыки, и имъ совѣтовалъ не спѣшить поставленіемъ его, пока не покончится дѣло о жидовствующихъ: «писано, вѣдь, въ правилахъ св. апостолъ, како владыку поставити, а ваши архимандриты, и протопопы, и попы соборные, съ еретики служили; ино, вѣдь, иному отлученіе, а иному отверженіе писано». Подробно разсказывалъ о черпцѣ Захарѣ, жаловался на него, и просилъ себѣ обороны отъ него. Наконецъ, настоятельно требовалъ, чтобы составился соборъ на еретиковъ, чтобы ихъ предать проклятію, казнить, жечь, вѣшать: такъ какъ они, давши въ Новгородѣ покаяніе и принявъ епитимію, измѣнили клятвѣ, бѣжали въ Москву и снова сдѣлались еретиками. «Да не плошите, прибавлялъ Геннадій, станьте крѣпко, чтобы гнѣвъ на насъ не пришелъ, да некако человѣкоугодници обрящемся и со Іудою Христа продающе: они иконы щепляютъ, рѣжутъ,

---

[138] А. Э. I, № 380.

Христу поругаются, а мы ихъ учреждаемъ, да ихъ волѣ сходимъ...» ([134]).

Геннадія и въ этотъ разъ не позвали въ Москву; но соборъ на еретиковъ состоялся, и состоялся не болѣе, какъ черезъ двадцать дней послѣ возведенія Зосимы на митрополитскій престолъ, именно 17-го окт. 1490 года. На соборѣ, кромѣ самого великаго князя, присутствовали съ митрополитомъ тѣже самые святители, которые участвовали въ его избраніи и поставленіи, равно многіе архимандриты, игумены, протоіереи, іереи, старцы и между ними знаменитые Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій. Тутъ же находились и самые жидовствующіе: чернецъ Захарія, Гавріилъ протопопъ новгородскій, Діонисій попъ архангельскій (протопопъ Алексѣй умеръ еще предъ избраніемъ Зосимы на митрополію), Максимъ попъ Ивановскій, Василій попъ Покровскій, Макарій дьяконъ Никольскій, Гридя дьячекъ борисоглѣбскій, Васюкъ зять Діонисіевъ, Самуха дьячекъ Никольскій и другіе ихъ единомышленники. Еретиковъ обвиняли предъ лицомъ собора въ томъ, что они старались развратить чистую и непорочную вѣру въ Бога, въ Троицѣ славимаго, и погубить православное христіанство; отвергали божество Іисуса Христа, Его воплощеніе отъ пресв. Дѣвы и воскресеніе; ругались св. иконамъ, совершали литургію по принятіи пищи и питія, считали тѣло и кровь Христовы въ таинствѣ евхаристіи простымъ хлѣбомъ и виномъ, держались больше ветхаго закона и праздновали пасху іоіудейски; въ среды и пятки ѣли мясо и молоко, и творили многія другія еретическія дѣла, и

([134]) Объ этомъ посланіи см. въ примѣч. 129.

многихъ простыхъ людей прельстили своими ересями. Обвиняемые ни въ чемъ не хотѣли сознаться предъ великимъ княземъ, митрополитомъ и всѣмъ соборомъ, упорно запирались въ своихъ ересяхъ и были какбы въ изступленіи ума. Но благовѣрный государь Іоаннъ Васильевичъ, а съ нимъ митрополитъ и прочіе святители и весь соборъ, обыскавъ, по подлинникамъ архіепископа Геннадія и по московскимъ свидѣтельствамъ, ереси означенныхъ еретиковъ, предали ихъ проклятію, низвергли всѣхъ изъ сана и осудили на заточеніе. Такимъ образомъ настоящій соборъ поступилъ съ жидовствующими снисходительнѣе, нежели первый на нихъ соборъ, бывшій при митрополитѣ Геронтіѣ, и далеко не такъ строго, какъ желалъ Геннадій ([135]). Нѣкоторыхъ изъ осужденныхъ еретиковъ великій князь велѣлъ отослать въ Новгородъ къ Геннадію. Геннадій же приказалъ посадить ихъ, еще за сорокъ поприщъ до Новгорода, на коней, каждаго лицемъ къ хвосту, и въ одеждѣ, перевернутой передомъ назадъ, надѣть на головы ихъ берестовые остроконечные шлемы, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, съ вѣнцами изъ соломы и сѣна и съ надписью на шлемахъ: «се есть сатанино воинство». Въ такомъ видѣ осужденные водимы были по городу и встрѣчающіеся плевали на нихъ и говорили: «се враги Божіи и хульники христіанскіе». Нако-

([135]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 158—159; VIII, 220. Въ обоихъ этихъ лѣтописяхъ говорится, что на соборѣ присутствовалъ самъ государь Іоаннъ III. Въ другихъ же лѣтописяхъ ничего объ этомъ не говорится (—VI, 38; Ник. Лѣт. VI, 127). И только въ одной Степенной книгѣ сказано, будто на соборѣ присутствовалъ и к. Василій Іоанновичъ, вмѣсто отца своего (II, 154). Но тутъ смѣшаны два собора, настоящій съ соборомъ 1504 г. на тѣхъже еретиковъ, и Василію Іоанновичу было теперь только около 12 лѣтъ отъ рожденія.

нецъ, шлемы на нхъ головахъ были сожжены. Это сдѣлалъ архіепископъ, чтобы устрашить еретиковъ и предохранить православныхъ (136).

Торжество ревнителей православія было, однакожъ, далеко неполнымъ. Не всѣ еретики были осуждены и главные между ними Зосима и Ѳедоръ Курицынъ остались неприкосновенными. Зосима съумѣлъ выдержать на соборѣ, предъ лицемъ православныхъ, то правило, какого и прежде держались всѣ жидовствующіе: онъ казался православнымъ и даже участвовалъ въ проклятіи ереси. Этого мало: скоро ему представился новый случай показаться дѣйствующимъ въ пользу православныхъ и противъ жидовствующихъ. Въ то время, какъ извѣстно, и въ Греціи и въ Россіи было общераспространенное мнѣніе, что съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра долженъ окончиться міръ и явится всемірный Судія (137). Конецъ седьмой тысячи падалъ на 1492 годъ; до этого же года былъ доведенъ у насъ и міротворный кругъ или наша церковная пасхалія и далѣе не продолженъ (138). Между тѣмъ роковой годъ приближался и насталъ, а кончины міра не послѣдовало. Тогда жидовствующіе начали глумиться надъ

---

(136) *Іосиф.* Просвѣтит. 55. Снес. И. Собр. Р. Лѣт. III, 114. 181. Поп Денисъ и чернецъ Захаръ вскорѣ за тѣмъ скончались (Просвѣт. 56).

(137) Относящіяся къ этому предмету свидѣтельства можно видѣть—въ Прав Собесѣдн. 1860, III, 333–348, и у *Шевырев.* Ист. Русск. Словесн. IV, 79–85.

(138) Въ одномъ Сборникѣ XV вѣка помѣщены пасхальныя таблицы, доведенныя до 7000 (1492)-го года. Въ концѣ этихъ таблицъ читаемъ: „6999. Сеж есть *послѣднее* лѣто седмые тысящи. 7000. Конецъ седмые тысящи: доселѣ уставиша святіи отци наши держати пасхалію *до лѣта седмотысящного*. Нѣціи же глаголютъ: тогда будетъ второе пришествіе Господне. Глаголетъ же св. евангелистъ Марко: о дни томъ и о часѣ никтоже невѣсть, ни ангели небесныя, ни Сынъ, токмо Отецъ единъ“ (*Горск. и Невостр.* Опис. рукоп. Synod. библ. отд. II, 3, стр. 583. 584).

православными и говорить: «семь тысячь лѣтъ окончились и ваша пасхалія прошла: отчегожъ Христосъ не является, вопреки вашимъ ожиданіямъ? Значитъ, ложны писанія и вашихъ апостоловъ и вашихъ отцевъ, въ особенности же Ефрема Сирина, (будтобы) возвѣщавшихъ славное пришествіе Христово по истеченіи семи тысячъ лѣтъ» ([139]). Нужно было успокоить православныхъ и установить для нихъ пасхалію на послѣдующее время. И вотъ въ самомъ началѣ осьмой тысячи лѣтъ, въ сентябрѣ 1492 сентябрскаго (а слѣд. въ сентябрѣ 1491 январскаго) года повелѣніемъ великаго князя и, разумѣется, съ согласія митрополита Зосимы собрались въ Москвѣ всѣ до одного русскіе святители, въ томъ числѣ и Геннадій и, вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ опредѣлили «написати пасхалію на осмую тысящу лѣтъ..., по преданію св. отецъ, яже въ Никеи седмаго собора» ([140]). Но осуществить это опредѣленіе не спѣшили. Не прежде, какъ черезъ годъ и почти три мѣсяца (27-го ноября 1492) «Зосима митрополитъ на Москвѣ изложилъ соборнѣ пасхалію на двадцать лѣтъ». Не довѣряя однакожъ себѣ, онъ послалъ эту пасхалію къ пермскому епископу Филоѳею и новгородскому архіепископу Геннадію, чтобы они также составили, каждый,

---

([139]) *Іосиф.* Просвѣт. стр. 47 и Слова VIII. IX и X.

([140]) Лѣтоп. у *Карамз.* VI, примѣч. 618; Псалтыр. рукоп. Сергіев. Лавр. № 5 (*Калачов.* Архив. историко-юрид. свѣд. I, отд III, стр. 4). Въ означенной лѣтописи именно сказано: „въ лѣто 7000, сирѣчь *начало* осмыя тысячи, мѣсяца *сентября*, повелѣніемъ в. к. Ив. Вас. всея Русіи, того ради снидошася на соборъ“... и проч. Не понимаемъ, какимъ образомъ изъ этихъ выраженій лѣтописца Карамзинъ могъ вывесть заключеніе, будто настоящій соборъ *утвердилъ* у насъ счисленіе года съ сентября мѣсяца (—VI, 222, примѣч. 618, изд. Эйнерл.), начавшееся у насъ, по словамъ тогоже историка, еще въ княженіе Василія Дмитріевича (1383—1425) (—V, 138, примѣч. 246).

свою пасхалію и представили въ Москву. Филоѳей, съ своимъ мѣстнымъ соборомъ, составилъ пасхалію на 19 лѣтъ, а Геннадій на 70 лѣтъ. И когда та и другая, по разсмотрѣніи ихъ въ Москвѣ, оказались во всемъ сходными съ митрополичьею пасхаліею, то соборъ разослалъ эту послѣднюю пасхалію по всѣмъ епархіямъ и, между прочимъ, писалъ: «смиренный Зосима, митрополитъ всея Руси, трудолюбно потщався написати пасхалію на осмую тысячу лѣтъ, понеже чаемъ всемірнаго пришествія Христова на всяко время... О лѣтѣхъ же и временахъ нѣсть наше искати... И аще гдѣ обрящутся иныя слоги, кромѣ отеческихъ преданій и не по благословенію нашего смиренія и всего освященнаго събора, симъ несогласны и развратны, да отвратятся и не пріемлются, и отъ св. съборныя и апостольскія церкви да отлучатся таковая мудрствующіе». Получивъ эту пасхалію отъ митрополита и разсылая ее по своей епархіи, Геннадій разослалъ также и свою пасхалію, вмѣстѣ съ толкованіемъ на нее, пастырскими наставленіями и окружною граматою, подъ общимъ заглавіемъ: «Начало паскаліи преложно на осмую тысящу лѣтъ». Здѣсь онъ объявляетъ, что написалъ свою пасхалію по порученію митрополита и окончилъ 21-го декабря 7001 (т. е. 21-го декабря 1492 года), что она сходна съ митрополичьею, по свидѣтельству самого митрополита, только продолжена на 70 лѣтъ; что она не вновь составлена, а выведена изъ прежней пасхаліи; что время втораго пришествія Христова неизвѣстно и ложно думали нѣкоторые, будто оно настанетъ съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ. Кромѣ того въ толкованіи или первой части своего сочиненія Геннадій излагаетъ самыя начала пасхаліи, даетъ поня-

тіе о великомъ міротворномъ кругѣ или 532-хъ-лѣтнемъ періодѣ, по истеченіи котораго числа пасхи повторяются въ томъже точно порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали въ предшествовавшемъ періодѣ, и объясняетъ, что при помощи этого міротворнаго круга, этой *алфы* (какъ называли греки міротворный кругъ потому, что ’*άλφα*, если буквы ея принять въ значеніи цифръ и сложить, даетъ ровно—532) можно выводить и продолжать пасхалію, насколько угодно лѣтъ, безъ конца. Далѣе говоритъ, что, именно при помощи міротворнаго круга, и самъ вывелъ свою пасхалію на 70 лѣтъ изъ прежней, которую нашелъ «во владычнѣ Василіевѣ книгѣ» (т. е. новгородскаго владыки Василія) и которая доведена тамъ только до 7000-го года. Наконецъ, даетъ наставленія, какимъ образомъ, когда истечетъ эта семидесятилѣтняя пасхалія, продолжать ее и далѣе настолько лѣтъ, насколько угодно будетъ Богу продлить бытіе міра ([141]).

Но являясь, по видимому, поборникомъ православія на соборахъ, которые созывалъ противъ жидовствующихъ и по дѣлу составленія пасхаліи, и прикрываясь подобными дѣйствіями предъ глазами православныхъ, митрополитъ Зосима не считалъ нужнымъ скрываться въ кругу своихъ едино-

---

([141]) Лѣтоп. у *Карам.* VI, примѣч. 620; II. Собр. Р. Лѣт. III, 144. 184; Прав. Собесѣдн. 1860, III, 349. А любопытное сочиненіе Геннадія: „Начало пасхаліи на осмую тысящу лѣтъ“ мы напечатаемъ (изъ рукописн. Устава на шей библ. № 88, л. 554—575, нач. XVI вѣка) въ Приложен. № III. Замѣтимъ, что послѣ Геннадія, въ первое лѣто святительства митрополита Іоасафа и тринадцатое—архіепископа новгородскаго Макарія, слѣд. въ 1539 г., священникъ новгородскаго Софійскаго собора Агаѳонъ составилъ пасхалію и на всю осьмую тысячу, безъ двадцати лѣтъ, подъ названіемъ: „великій міротворный кругъ“ (подлинникъ въ библ. Сергіев. лавры, № I; *Калачов.* Архив. историко юрид. свѣд. о Россіи, I, отд. III, 6—9).

мышленниковъ и въ частныхъ бесѣдахъ. Онъ, по словамъ преп. Іосифа, когда обрѣталъ людей «простѣйшихъ», то напоялъ ихъ ядомъ жидовскимъ, и провождая самую невоздержную и нечестивую жизнь, предаваясь даже грѣхамъ содомскимъ, изрыгалъ иногда дерзкія хулы на самого Христа—Бога и Богородицу, издѣвался надъ св. крестами и иконами, не признавалъ ни евангельскихъ, ни апостольскихъ, ни отеческихъ уставовъ, и въ своемъ лжеученіи простирался даже далѣе, нежели, сколько извѣстно, простирались прочіе жидовствующіе, именно будтобы отвергалъ самое безсмертіе души, воскресеніе тѣлъ и будущую жизнь [142]). Вмѣстѣ съ митрополитомъ дѣйствовали Ѳедоръ Курицынъ, Сверчекъ, Иванъ Максимовъ, Семенъ Клевановъ и многіе другіе, тайно державшіеся ереси. Они, когда встрѣчали людей благоразумныхъ и знающихъ божественное писаніе, то не осмѣливались приводить ихъ прямо въ жидовство, но старались криво толковать имъ разныя мѣста ветхаго и новаго завѣта, и такимъ образомъ хитро склоняли этихъ людей къ своей ереси, обольщая ихъ, съ другой стороны, астрологіею и баснословіями. А людей простѣйшихъ учили прямо жидовству. Потому если кто и не отступалъ въ жидовство, то многіе научились отъ еретиковъ укорять божественное писаніе, впали въ сомнѣнія и не только въ домахъ, но и на торжищахъ производили пренія о вѣрѣ ([143]). Невольно думается, что въ словахъ Іосифа, вовсе нескрывавшаго своей непріязни къ Зосимѣ, есть преувеличенія

([142]) Говорилъ: „а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть; умерлъ кто инъ, то умеръ, во та мѣста и былъ“. Просвѣтитель. 52.

([143]) Тамъ же 59—60.

о его поведеніи и особенно о его лжеумствованіяхъ, тѣмъ болѣе, что Іосифъ судилъ только по слухамъ и, хотя въ одномъ мѣстѣ ссылается на достовѣрныхъ свидѣтелей, но тутъ же замѣчаетъ, какъ иные говорили: «мы у него (митрополита) не слыхали ничего» (144). Да и самыя преступленія и мудрованія, приписываемыя Зосимѣ, такъ чудовищны и почти невѣроятны въ лицѣ первосвятителя Церкви, еще занимающаго каѳедру! Но нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что Зосима держался ереси жидовствующихъ и велъ недостойную жизнь. Когда нѣкоторые изъ православныхъ, будучи не въ силахъ переносить это, стали его обличать въ отступничествѣ и содомскихъ дѣлахъ; то онъ однихъ изъ обличителей отлучалъ отъ божественнаго причастія, а другихъ—священниковъ и діаконовъ лишалъ священства, говоря: не должно осуждать ни еретика, ни отступника, и если святитель будетъ даже еретикъ и кого либо отлучитъ, то за его приговоромъ послѣдуетъ судъ Божій. А какъ нѣкоторые, не смотря на все это, продолжали свои обличенія противъ митрополита, то онъ жаловался государю и клеветалъ на нихъ. И, по волѣ государя, невинные осуждались на заточеніе, заключаемы были въ оковы и темницы, лишались своихъ имѣній. Другіе же, не ограничиваясь словесными обличеніями ереси, собирали отъ божественныхъ книгъ письменные отвѣты и посылали противъ еретиковъ. Въ это-то время рѣшился писать

(144) Въ посланіи къ Нифонту, епископу суздальскому, изобразивъ Зосиму такимиже рѣзкими чертами, какъ и въ Просвѣтителѣ, Іосифъ выражается: „иные, господине, говорятъ: мы у него не слыхали ничего; и только, господине, есть на него достовѣрные свидѣтели, иное то какъ и сами вы слышали“ (Чтен. Моск. Ист. Общ. 1847, I, отд. IV, 6).

и дѣйствовать противъ жидовствующихъ и преп. Іосифъ Волоколамскій, котораго пригласилъ къ себѣ на помощь его епархіальный владыка, Геннадій новгородскій ([145]), и о которомъ считаемъ здѣсь необходимымъ сообщить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній ([146]).

Прадѣдъ его Александръ или Саня вышелъ изъ Литвы при Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ и получилъ отъ него въ отчину село Язвище въ осьмнадцати верстахъ отъ Волоколамска. Въ этомъ-то селѣ 12-го ноября 1440 года и родился Іосифъ и названъ Іоанномъ. На осьмомъ году, будучи отданъ для воспитанія старцу Арсенію въ волоколамскій кресто-воздвиженскій монастырь, Іоаннъ весьма скоро не только обучился граматѣ и письму, но и почувствовалъ въ себѣ влеченіе къ благочестивой жизни, и часто посѣщалъ церковь, гдѣ читалъ и пѣлъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ поступилъ въ другую волоколамскую обитель Пречистой Богородицы на Возмищѣ, и, какъ самый ревностный послушникъ, прожилъ въ ней до двадцатилѣтняго возраста, приготовляясь къ иночеству. Отсюда, чтобы найти себѣ надежнаго руководителя, отправился онъ къ знаменитому тогда подвижнику Варсонофію, жившему въ пустынѣ близъ Саввина тверскаго монастыря. Варсонофій

([145]) Просвѣтит. 60—61. А въ Житіи Іосифа читаемъ: „и возвѣсти архіепископъ (Геннадій) сіе зло игумену Іосифу и проситъ помощи... И нача отецъ Іосифъ ово наказаніемъ, ово же писаніемъ спомогати архіепископу“ (Жит. Іосифа, составл. Саввою Крутицк., М. 1865, стр. 34).

([146]) Источниками служатъ изданные г. *Невоструевымъ*: а) Житіе преп. Іосифа Волоколам., составленное Саввою, епископомъ крутицкимъ, М. 1865; б) Житіе тогоже преподобнаго, составленное неизвѣстнымъ, М. 1865, и — в) Надгробное слово тому же преподобному ученика и сродника его, Досиѳея Топоркова, М. 1865. Первое Житіе напечатано также въ Велик. Мин. Чет. митроп. Макарія, Сент. 1—13, 153, с. п. б. 1868.

далъ юношѣ совѣтъ— идти въ Боровскъ къ преп. Пафнутію. Прозорливый старецъ съ любовію принялъ прибывшаго и постригъ его (13-го февр. 1460 г.), назвавъ его Іосифомъ. Съ величайшею ревностію и терпѣніемъ проходилъ молодой инокъ, одно за другимъ, тяжкія послушанія: въ поварнѣ, хлѣбопекарнѣ, при больницѣ. Потомъ, какъ уже испытаннаго, взялъ его Пафнутій къ себѣ въ келлію подъ свое непосредственное руководство, а въ церкви сдѣлалъ екклесіархомъ. Достойно замѣчанія то, что сдѣлавшись инокомъ самъ, Іосифъ вскорѣ убѣдилъ и родителей своихъ послѣдовать его примѣру: отецъ его Іоаннъ, больной и разслабленный руками и ногами, принялъ постриженіе въ Пафнутіевомъ монастырѣ съ именемъ Іоанникія, поселился въ одной келліѣ съ сыномъ и впродолженіе 15-ти лѣтъ до самой своей смерти пользовался его услугами; а мать—Марина постриглась подъ именемъ Маріи въ волоколамской женской обители св. Власія и прожила еще тридцать лѣтъ въ строгомъ подвижничествѣ. За родителемъ поступили въ Пафнутіевъ монастырь и братья Іосифа: Вассіанъ и Акакій, изъ которыхъ первый былъ впослѣдствіи архіепископомъ ростовскимъ (1506—1516), а послѣдній епископомъ тверскимъ (1525—1546) (147). Когда преп. Пафнутій приближался къ могилѣ и братія просили его назначить себѣ преемника, старецъ прямо указалъ имъ на Іосифа, который уже семнадцать лѣтъ трудился въ обители и превосходилъ всѣхъ своимъ разумомъ, добродѣтелями и другими совершенствами; а Іосифу

(147) Былъ у Іосифа еще братъ Елеазаръ. Онъ то и могъ быть отцемъ братаничей, т. е. племянниковъ Іосифа: *Досиѳея*, написавшаго надгробное слово ему, и *Вассіана* Топоркова, впослѣдствіи епископа коломенскаго (*Савв.* Жит. 23. 29).

завѣщалъ, чтобы онъ не поддержалъ только, а улучшилъ въ монастырѣ нѣкоторые обычаи ([148]). Ревнуя исполнить эту священную волю своего наставника, Іосифъ, посвященный въ санъ пресвитера и игумена митрополитомъ Геронтіемъ (1477 г.), немедленно думалъ ввести въ своей обители самое строгое общежитіе, которое дотолѣ невполнѣ въ ней соблюдалось. Но встрѣтивъ несогласіе со стороны старцевъ, за исключеніемъ семерыхъ, онъ, едва прошелъ годъ его игуменства, рѣшился оставить свой монастырь, облекся въ худыя, нищенскія одежды и въ качествѣ послушника — ученика одного изъ единомышленныхъ ему старцевъ, Герасима Чернаго, отправился обозрѣть и изучить устройство другихъ общежительныхъ монастырей. Протекло около года въ такомъ путешествіи, и Іосифъ, которому болѣе всѣхъ монастырей понравился кирилло-бѣлозерскій по своему строгому общежитію, возвратился домой еще съ сильнѣйшимъ желаніемъ ввести у себя такожде общежитіе. Но какъ и теперь въ средѣ братіи онъ не нашелъ себѣ сочувствія, то призналъ за лучшее оставить навсегда Пафнутіевъ монастырь и удалился съ семью преданными ему иноками (въ томъ числѣ были и его братья) на свою родину, въ предѣлы Волоколамска ([149]).

([148]) *Савв.* Жит. Іосиф. 12—15. А о совершенствахъ Іосифа біографы его говорятъ: „не точію въ добродѣтельнѣмъ сочетаніи и терпѣніи, съ незлобіемъ сердца, но и въ тѣлесныхъ и естественныхъ *изященъ бѣ зѣло*, якоже инъ никтоже сущихъ во обители: ума свободное въ крѣпости смысла стяжа, съ теченіемъ языка и доброгласіе; сже въ церковныхъ пѣснословіи и чтеніи толикъ бѣ, якоже ластовица и славій доброгласный, привлачаше и услаждаше слухи послушающихъ, якоже инъ никтоже нигдѣже“ (*Досиѳ.* Надгробн. слов. 14—15). „Бѣ у Іосифа въ языцѣ чистота, и въ очѣхъ быстрость, и въ гласѣ сладость, и во чтеніи умиленіе, достойно удивленію великому: никто бо въ та времена нигдѣ таковъ явися“ (*Савв.* Жит. Іосиф. 18—19).

([149]) Преп. Іосифъ сдѣлался игуменомъ по смерти Пафнутія, т. е. послѣ 1-го

Въ Волоколамскѣ княжилъ тогда родной братъ великаго князя Іоанна III, Борисъ Васильевичъ. Онъ съ любовію принялъ Іосифа, подарилъ ему избранное имъ мѣсто для обители въ 13 верстахъ отъ города, и самъ исходатайствовалъ благословеніе епархіальнаго владыки новгородскаго на построеніе здѣсь деревянной церкви, которая 6-го іюля 1479 г. и была заложена, а 15 августа уже освящена въ честь Успенія Божіей Матери. На первыхъ порахъ новая обитель терпѣла нужду. Но скоро нашлись благотворители. Мѣстный князь и княгиня съ своими дѣтьми, самъ великій князь и его супруга, новгородскій владыка Геннадій и нѣкоторые другіе богатые люди надѣляли обитель, кто деньгами, кто селами, землями и угодьями. Скоро также начала и населяться она, частію иноками, переходившими сюда изъ Пафнутіева монастыря, а болѣе мірянами всякаго званія, искавшими здѣсь постриженія. Въ числѣ послѣднихъ немало было бояръ, дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей, которые, при поступленіи своемъ въ обитель, жертвовали на нее не только по двадцати, тридцати и пятидесяти рублей, но и по сту и по двѣсти, и тѣмъ увеличивали средства для ея благоустроенія ([150]).

мая 1477 г. А весной 1479 г. уже переселился изъ Пафнутіева монастыря въ пустыню близъ Волоколамска, гдѣ 6-го іюня и основалъ церковь и обитель (*Опис.* 20—21). Слѣд., если онъ, по свидѣтельству ученика его и племянника, игуменствовалъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ до своего путешествія только „едино лѣто“ (*Досиѳ.* 16), то могъ употребить на самое путешествіе по монастырямъ даже менѣе года. А потому невѣрно показаніе неизвѣстнаго біографа пр. Іосифа, будто онъ игуменствовалъ до своего путешествія „негдѣ до двою лѣту“ и провелъ, во время своего путешествія, въ одномъ Кирилловскомъ монастырѣ „негдѣ до седминадесять мѣсяць“ (—13. 14). Въ такомъ случаѣ Іосифъ могъ бы основать свой Волоколамскій монастырь только въ 1481 году.

([150]) Всѣ сдѣланныя тогда на обитель пожертвованія перечисляетъ самъ Іосифъ въ посланіи своемъ къ Борису Васильевичу Кутузову (Древн. Вивліоѳ·

Въ 1485 г. Іосифъ соорудилъ каменный храмъ Успенія Божіей Матери и поручилъ расписать его лучшимъ иконописцамъ, а впослѣдствіи соорудилъ и другіе храмы. Когда число братіи достигло до ста человѣкъ, преподобный увидѣлъ, наконецъ, возможность осуществить свою давнюю, задушевную мысль и ввелъ между ними строгій общежительный уставъ по примѣру монастыря кирилло-бѣлозерскаго. Самъ же служилъ примѣромъ для всѣхъ братіи. Одежду носилъ такую убогую, что его не отличали отъ другихъ иноковъ; пищу вкушалъ, большею частію, только черезъ день, а ночи проводилъ въ молитвѣ. Первымъ являлся въ церковь, гдѣ часто читалъ и пѣлъ на клиросѣ и говорилъ поученія; первымъ выходилъ и на общія работы и участвовалъ въ нихъ наравнѣ съ другими. Неусыпно слѣдилъ за поведеніемъ иноковъ днемъ и ночью, и обращалъ особенное вниманіе на ихъ душевное состояніе: вразумлялъ, утѣшалъ и подкрѣплялъ словомъ совѣта и силою своей молитвы. Но не для одной только обители, а и для всей страны преп. Іосифъ сіялъ, какъ свѣтило, по выраженію его древняго житія. Онъ дѣйствовалъ и силою своего необыкновеннаго благочестія, и вмѣстѣ своимъ разумомъ и книжною мудростію, своимъ рѣдкимъ даромъ слова, и увлекательными, всегда назидательными бесѣдами. Воины и воеводы, бояре и вельможы, сановники и князья, всѣ искали возможности видѣть его, послушать его сладкой рѣчи, вос-

---

XIV, 179. 180) и въ посланіи къ вдовѣ княгинѣ Голенчиной (напеч. у *Хрущов.* Изслѣд. о соч. преп. Іосифа, Прилож. А, стр. 258—259). Владыка новгородскій Геннадій, по первому посланію, „всего далъ (на монастырь) болѣе двусотъ рублевъ“, а по второму—„далъ монастырю село Мечевьское, да двѣ деревни, да сельцо Чемсово въ Роузѣ, да колоколъ во сто рублевъ“.

пользоваться его наставленіями и совѣтами; а многіе избирали его себѣ въ духовника. И слово св старца приносило чудные плоды: грѣшники обращались къ покаянію и оставляли свои злые обычаи; люди гордые и свирѣпые дѣлались смиренными и кроткими, и «вся тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прилагашеся». Участь бѣдныхъ, поселянъ и слугъ составляла предметъ его особенной заботливости. Онъ убѣждалъ господъ, иногда писалъ имъ, чтобы они не отягощали и не обижали своихъ слугъ и крестьянъ, обходились съ ними почеловѣчески, согласно съ внушеніями нашей св. вѣры. И многіе господа слушались его уроковъ, а слуги благословляли его имя. Епархіальный владыка Геннадій весьма любилъ и уважалъ Іосифа, часто сносился съ нимъ, сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ надъ церквами волоколамской области, поручилъ ему церковный судъ въ ней и сборъ церковныхъ доходовъ, удѣляя ежегодно часть ихъ Іосифовой обители ([151]). Такого-то помощника избралъ себѣ Геннадій для борьбы съ жидовствующими.

Одушевленный ревностію по вѣрѣ, готовый потерпѣть за нее страданія и смерть, Іосифъ смѣло выступилъ противъ еретиковъ и началъ (ок. 1493 г.) писать противъ нихъ свое знаменитое твореніе, извѣстное подъ именемъ «Просвѣтителя». Онъ не щадилъ отступниковъ отъ христіанства и въ особенности главу ихъ—митрополита Зосиму, называлъ его Іудою предателемъ, предтечею антихриста, первенцемъ сатаны, злодѣемъ, какого не бывало даже между вѣроотступниками ([152]). Въ тоже время

([151]) Жит. Іосифа, составл. *неизвѣстнымъ*, стр 20–25. 30–32. 47.

([152]) Іосифъ самъ свидѣтельствуетъ, что началъ писать свою книгу въ то время, когда митрополитъ Зосима уже открыто преслѣдовалъ православныхъ

Іосифъ написалъ пламенное посланіе къ суздальскому епископу Нифонту, на котораго, по словамъ Іосифа, всѣ православные смотрѣли тогда, какъ на своего главу, въ борьбѣ съ жидовствующими, и убѣждалъ его, чтобы онъ постоялъ крѣпко противъ осквернившаго святительскій престолъ митрополита, научилъ православныхъ не ходить къ нему, не принимать отъ него благословленія, не ѣсть и не пить съ нимъ, а самъ не боялся ни его угрозъ, ни проклятій: такъ какъ проклятія еретика не имѣютъ никакой силы и возвращаются на его же главу, и сами еретики должны подлежать, по правиламъ, не только проклятію, но и гражданскимъ казнямъ ([153]). Можетъ быть, Іосифъ писалъ такіяже посланія и къ прочимъ святителямъ; или и одинъ Нифонтъ, подвигнутый убѣжденіями Іосифа, принялся дѣйствовать рѣшительно: только кончилось тѣмъ, что 17-го мая 1494 года Зосима оставилъ митрополію, «не своею волею», за то, по объясненію однихъ лѣтописей, что «непомѣрно держался нитія и нерадѣлъ о церкви Божіей», а по выраженію другихъ—«за нѣкое преткновеніе» ([154]). Святители же, бывшіе тогда въ Москвѣ, извѣщали объ этомъ событіи Геннадія новгородскаго только слѣдующими словами:

(Просвѣтит. 60—63). Но въ 1491 и 1492 г. онъ, по видимому, стоялъ за православныхъ, дѣйствуя на соборахъ противъ жидовствующихъ и по составленію пасхаліи на осмую тысячу лѣтъ; а въ маѣ 1494 г. онъ уже оставилъ митрополію. Остается допустить, что открытыя дѣйствія Зосимы противъ ревнителей православія начались въ 1493 г. и тогда же началъ писать противъ еретиковъ авторъ „Просвѣтителя“. Книга эта подробно будетъ разсмотрѣна нами въ своемъ мѣстѣ.

([153]) Напеч. въ Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, I, отд. IV. Изъ самаго содержанія посланія видно, что оно писано во дни митрополита Зосимы и его неистовства на православныхъ.

([154]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 164; VIII, 228; Ник. Лѣт. VI, 140; Степ. кн. I, 477; II, 155.

«отецъ Зосима митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ русской митрополіи и, пришедши въ св. великую соборную церковь, предъ всѣми положилъ свой омофоръ на престолъ и призывалъ Господа Бога во свидѣтеля на то, что ему невозможно болѣе дѣйствовать святительски и называться митрополитомъ, и отошелъ въ монастырь на смиренно-иноческое жительство» ([155]). Достойно замѣчанія, что это удаленіе Зосимы отъ престола совершилось въ отсутствіе изъ Москвы главнаго печальника жидовствующихъ дьяка Ѳедора Курицына ([156]). Зосимѣ, однакожъ, видимо оказано было снисхожденіе: онъ не былъ судимъ на соборѣ, не былъ осужденъ и наказанъ, какъ еретикъ. Сначала онъ отошелъ въ Симоновъ монастырь, а потомъ переведенъ въ Троице—Сергіевъ, гдѣ въ 1496 г., по свидѣтельству одной лѣтописи, «причащался божественныхъ таинъ на орлецѣ, во всемъ святительскомъ чину». Но безпристрастная исторія должна сказать, что Зосима былъ самый недостойный изъ всѣхъ русскихъ первосвятителей и единственный между ними не только еретикъ, но и вѣроотступникъ ([157]).

Прошелъ годъ и три слишкомъ мѣсяца со времени удаленія Зосимы отъ каѳедры,—и, 6-го сентября 1495 г., изволеніемъ великаго государя и совѣтомъ архипастырей и всего

([155]) Дополн. къ А. И. I, № 19.

([156]) Онъ посланъ былъ въ Литву, съ двумя другими лицами, по брачному дѣлу в. к. литовскаго Александра съ нашею княжною Еленою Ивановною, и отправился туда изъ Москвы 9 го марта, а возвратился въ Москву уже 25-го мая, т. е. чрезъ восемь дней по низведеніи Зосимы (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 228).

([157]) П. Собр. Р. Лѣт. XV, 503. Имя Зосимы не встрѣчается въ Синодикахъ, по которымъ совершалось поминовеніе русскихъ митрополитовъ и другихъ іерарховъ въ недѣлю православія (Древн. Вивліоѳ. VI, 435).

освященнаго собора, избранъ былъ и наречень на святѣйшую митрополію всея Россіи и возведенъ на митрополичій дворъ, а 20-го сентября поставленъ въ митрополита, игуменъ Троице-Сергіева монастыря Симонъ. На поставленіи его были: Тихонъ, архіепископъ ростовскій и епископы—Ипфонтъ суздальскій, Симеонъ рязанскій, Вассіанъ тверскій, Авраамій коломенскій, Силуанъ сарскій и Филоѳей пермскій. Архіепископъ же новгородскій Геннадій прислалъ только свою новольную или единосовѣтную грамату ([158]).

Новый митрополитъ не былъ покровителемъ жидовствующихъ; по немъ, по-прежнему, покровительствовалъ сильный дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Онъ и братъ его Волкъ упросили великаго князя послать въ Юрьевскій новгородскій монастырь архимандритомъ какого-то Кассіана, котораго сами же научили держать жидовство и отречься отъ Христа. Кассіанъ, надѣясь на Курицына и не боясь Геннадія, началъ смѣло собирать въ своемъ монастырѣ всѣхъ еретиковъ, дотолѣ или скрывавшихся въ Новгородѣ или даже разсѣявшихся по другимъ городамъ и селамъ. Пріободренные еретики позволили себѣ тогда совершать въ Новгородѣ такія «скверненія и поруганія на божественныя церкви, и на вся священныя вещи, и на все православное христіанство», которыя невозможно передать словомъ ([159]). Да и въ Москвѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились еретики, они, полагаясь на братьевъ Курицыныхъ и на Ивана Максимова, совратившаго въ жидовство

([158]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 165; VI, 39; VIII, 230; Ник. Лѣт. VI, 143; Дополн. къ А. И. I, № 19.

([159]) Просвѣтит. 571—574. Іосифъ передаетъ здѣсь нѣкоторые случаи такого поруганія.

самую невѣстку великаго князя Елену, дѣлали тайныя собранія, приносили жидовскія жертвы, совершали жидовскую пасху и прочіе праздники, изрекали хулы на Христа, Его пречистую Матерь и всѣхъ святыхъ, ругались надъ св. крестами и иконами и увлекли въ жидовство безчисленное множество христіанъ ([160]). Тогда же совершилось въ Москвѣ событіе, которое могло имѣть весьма важныя послѣдствія для ереси. Со времени смерти старшаго сына и наслѣдника Іоаннова, Іоанна младшаго (въ 1490 г.), возникъ вопросъ: кого теперь объявитъ государь своимъ наслѣдникомъ, внука ли своего Димитрія отъ покойнаго сына и княгини Елены, или другаго своего сына Василія отъ второй жены своей Софіи Палеологъ. Государь медлилъ. Образовались партіи, изъ которыхъ одна благопріятствовала одной, а другая другой сторонѣ. Жидовствующіе и между ними Иванъ Максимовъ, совратитель Елены, не могли не желать торжества ея сыну Димитрію, а противники жидовствующихъ и въ особенности преп. Іосифъ, естественно, должны были желать успѣха сыну Софіи. Наконецъ, сторонники Елены превозмогли: они успѣли вооружить Іоанна и противъ сына Василія и противъ жены такъ, что государь немедленно не только провозгласилъ своимъ наслѣдникомъ, но и торжественно вѣнчалъ (4 февр. 1498 г.) на великое княженіе въ Успенскомъ соборѣ внука своего Димитрія. Къ счастію, торжество Елены, а слѣд. и жидовствующихъ, продолжалось не болѣе года. Іоаннъ узналъ крамолы главныхъ сторонниковъ Елены, знатнѣйшихъ князей Патрикѣевыхъ, своихъ близкихъ родственни-

([160]) Тамъ же 575—576.

ковъ, и князя Ряполовскаго, вооружившихъ его противъ жены и сына, и (5 февр. 1499 г.) Ряполовскаго казнилъ, а Патрикѣевыхъ отца — Ивана Юрьевича, своего двоюроднаго брата, и сына его Василія Косаго велѣлъ постричь въ монахи. Замѣтимъ, что этотъ сынъ, постриженный въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ и названный Вассіаномъ, съ которымъ неразъ придется намъ встрѣчаться, былъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ еретички—Елены, и за эту-то приверженность насильно постриженъ въ монашество, на которое столько нападали жидовствующіе: не здѣсь ли тайная причина, почему онъ, какъ увидимъ, постоянно обнаруживалъ сильную непріязнь противъ преп. Іосифа Волоцкаго, его учениковъ и противъ всего монашества, и почему ревностно заступался за жидовствующихъ? Послѣ опалы крамольныхъ бояръ, Іоаннъ примирился съ женою своею Софіею и сыномъ Василіемъ и объявилъ (21 марта) послѣдняго великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а чрезъ два года (14 апр. 1502) посадилъ на великое княженіе всея Руси, по благословенію митрополита Симона; внука же Димитрія, вмѣстѣ съ матерію его Еленою (11 апр. 1502 г.), заключилъ въ темницу и не велѣлъ поминать болѣе великимъ княземъ ([161]). Послѣдующія событія расположились еще больше не въ пользу жидов-

([161]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 234–242; *Соловьев.* Истор. Россіи, V, 78–81. Сестра в. к. Василія Темнаго Марія, родная тетка Іоанна III, была въ замужествѣ за Юріемъ Патрикѣевичемъ, внукомъ Гедиминова сына Наримонта, и отъ нея-то родился князь Иванъ Юрьевичь Патрикѣевъ, имѣвшій сына—князя Василія Ивановича Косого. Этотъ послѣдній, до своего постриженія, занималъ весьма важныя должности: въ 1494 г. былъ главнымъ посломъ къ литовскому князю Александру вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Курицынымъ; а въ 1496 г. былъ главнымъ воеводою надъ войскомъ, ходившимъ противъ шведовъ въ Финляндію (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 228. 231).

ствующихъ. Въ Москвѣ начался рядъ соборовъ, вызванныхъ отчасти самими же еретиками, — соборовъ для внутренняго благоустроенія Церкви, на которые вызываемъ былъ и преп. Іосифъ Волоколамскій, успѣвшій въ это время приблизиться къ Іоанну и расположить его къ окончательному пораженію ереси. Но будемъ излагать дѣло по порядку.

Отвергая божество Іисуса Христа, божественное происхожденіе Его ученія и Церкви и всѣ собственно христіанскіе догматы и учрежденія, жидовствующіе не могли не отвергать, въ частности, христіанской іерархіи и христіанскаго монашества, на которое дѣйствительно и нападали ([162]). Но вооружаясь на первую и на послѣднее въ ихъ идеѣ или принципѣ, не нападали ли жидовствующіе на самое поведеніе современныхъ имъ русскихъ іерарховъ и всего духовенства, бѣлаго и монашествующаго? Ненапрасно епископъ Геннадій, жалуясь митрополиту и другимъ святителямъ на одного изъ первыхъ вождей ереси жидовствующихъ, чернеца Захарію, называлъ его прямо стригольникомъ. А извѣстно, въ чемъ состояло лжеученіе стригольниковъ: они отвергали всю церковную іерархію, прежде всего, за поставленіе духовныхъ лицъ по мздѣ, потомъ за ихъ нетрезвую и зазорную жизнь и, наконецъ, за то, что они принимали приношенія отъ христіанъ, дѣлали поборы, собирали себѣ большія имѣнія ([163]). Очень вѣроятно, что такія же точно укоризны противъ нашего духовенства повторяли и жидовствующіе вслѣдъ за чернецомъ Захаріею ([164]). Какъ бы то ни было впрочемъ, только на

([162]) Просвѣтител., Слов. XI.

([163]) См. нашей Исторіи IV, 148—160.

([164]) Захаръ этотъ сказалъ прямо въ глаза Геннадію, что попы ставятся

всѣ эти предметы въ началѣ XVI вѣка сочло нужнымъ обратить строгое вниманіе наше церковное и гражданское правительство.

Въ 1503 году составился соборъ въ Москвѣ. На немъ присутствовали, подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона, Геннадій, архіепископъ новгородскій, шесть епископовъ и множество низшаго духовенства, въ средѣ котораго находились и знаменитые старцы—Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоколамскій. Въ совѣщаніяхъ собора принимали участіе оба великіе князя — Іоаннъ III и сынъ его Василій. Первые вопросы, возбужденные на соборѣ, касались поставленія лицъ на священныя степени и состояли въ томъ, слѣдуетъ ли брать за поставленіе какія либо пошлины и какихъ лѣтъ должны быть поставляемые. Извѣстно, что всякая мзда за поставленіе, всякая симонія строго запрещена апостольскими и соборными правилами, и потому всегда преслѣдовалась какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи. Но у насъ вошло въ обычай, по примѣру Церкви греческой, на основаніи гражданскихъ греческихъ узаконеній, дѣлать нѣкоторые сборы съ поставляемыхъ на церковныя должности, даже на архіепископскія каѳедры, не въ видѣ мзды за самое поставленіе, а въ видѣ уплаты за *протори* или издержки, необходимыя при поставленіи. Такіе сборы дѣлались иногда не только съ лицъ поставляемыхъ, но и отъ мѣстъ, для ко-

---

по мздѣ и митрополитъ ставитъ владыкъ по мздѣ. А когда Геннадій замѣтилъ, что самого митрополита ставятъ не по мздѣ, то Захаръ отвѣчалъ: „коли деи въ Царьградѣ ходилъ митрополитъ ставитися, и онъ деи патріарху дань даваль, а нынѣ деи онъ бояромъ посулы даетъ тайно, а владыки деи митрополиту даютъ деньги: ино деи у кого причащатися?“ (Правосл. Собесѣдн. 1863, I, 481).

торыхъ они поставлялись. Владимірскій соборъ 1274 года не отмѣнилъ совершенно этихъ сборовъ, но только назначилъ имъ мѣру, и очень небольшую, для предупрежденія злоупотребленій. Настоящій соборъ поступилъ иначе: присутствовавшіе на немъ, на основаніи правилъ св. апостоловъ (прав. 29) и св. соборовъ (IV-го всел. прав. 2; VI-го всел. прав. 22), уложили: «отъ сего времени впредь намъ святителямъ, мнѣ митрополиту и намъ архіепископамъ и епископамъ, и нашимъ преемникамъ, отъ поставленія архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, поповъ и діаконовъ и отъ всего священническаго чина ничего никому не брать и поминковъ никакихъ не принимать; такъже отъ ставленыхъ граматъ, печатнику отъ печати и дьякамъ отъ подписи, ничего не брать, и всѣмъ нашимъ пошлинникамъ, моимъ митрополичимъ и нашимъ архіепископскимъ и епископскимъ, пошлинъ отъ ставленія никакихъ не брать; такъже намъ святителямъ у архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ отъ священныхъ мѣстъ и отъ церквей ничего не брать, но каждаго поставлять безъ мзды и безъ всякаго дара и отпускать на его мѣсто». Что же касается до возраста лицъ, поставляемыхъ на церковныя степени, то соборъ только возобновилъ опредѣленіе прежняго, владимірскаго собора, согласное съ правилами древнихъ соборовъ (VI-го всел. прав. 14. 15), чтобы поставляемые въ священники имѣли не менѣе 30 лѣтъ, въ діаконы не менѣе 25 и въ уподіаконы не менѣе 20. «Если же кто изъ насъ и послѣ насъ, — прибавили въ заключеніе святители, — митрополитъ ли, архіепископъ или епископъ, отъ сего дня впредь, нѣкоторымъ нерадѣніемъ дерзнетъ преступить настоящее уложеніе: то да ли-

шенъ будетъ своего сана и да извержется самъ и поставленный отъ него, безъ всякаго отвѣта». Все это уложеніе состоялось 6-го августа 1503 г. и утверждено печатями обоихъ великихъ князей Іоанна и Василія, подписью и печатію митрополита и подписями прочихъ архіереевъ ([165]). Не можетъ быть сомнѣнія, что уложеніе вызвано было существовавшими въ нашей Церкви злоупотребленіями; но оно оказалось безсильнымъ предупредить новыя злоупотребленія. Какъ ни прискорбно, но мы не можемъ утаить или исказить яснаго свидѣтельства лѣтописей, что первымъ нарушителемъ этого уложенія явился одинъ изъ святителей, участвовавшихъ въ его составленіи, и никто другой, какъ знаменитый Геннадій новгородскій. Едва возвратившись съ собора въ свою епархію, онъ «началъ брать мзду съ священниковъ за поставленіе еще больше прежняго, вопреки своему обѣщанію, по совѣту своего единомысленнаго любимца, дьяка Михаила Алексѣева. И, обыскавъ (обслѣдовавъ) то, великій князь и митрополитъ свели Геннадія съ каѳедры на Москву» ([166]).

([165]) А. Э. I, № 382. Лѣтописи справедливо признаютъ этотъ соборъ за одинъ съ соборомъ, бывшимъ въ сентябрѣ тогоже года противъ вдовыхъ священниковъ (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 49; VIII, 243; Ник. Лѣт. VI, 169). О присутствованіи на этомъ соборѣ Паисія и Нила свидѣтельствуетъ письмо неизвѣстнаго, пис. около половины XVI в. (Прибавл. къ Тв. Св. Отц. X, 505); о присутствованіи, въ частности, Нила свидѣтельствуетъ Іосифъ Волоцкій, а самого Іосифа—князь инокъ Вассіанъ Косой (см. Полем. сочин. Вассіана въ Прав. Собесѣдн. 1863, III, 206—207). Кромѣ того объ Іосифѣ говоритъ его неизвѣстный біографъ: „царская письмена Іосифа въ соборъ призваша..., и дивенъ явися всѣмъ добродѣтели ради и свѣтлости слова“ (—стр. 37).

([166]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 49. 241; VIII, 244; Ник. Лѣт. VI, 170. Думать, будто Геннадій осужденъ только *по клеветѣ* враговъ, какъ думалъ пр. Филаретъ (Обз. Русск. дух. Литер. I, § 107; Русск. Свят., Дек. 4-го), нѣтъ никакого основанія и противно означеннымъ лѣтописямъ, которыя говорятъ, что дѣло было обслѣдовано княземъ и митрополитомъ.

Въ іюнѣ 1504 года онъ подалъ митрополиту грамату, въ которой отрекся отъ управленія епархіею «своея ради немощи»; поселился въ Чудовомъ монастырѣ и тамъ 4-го декабря 1505 г. скончался ([167]).

Уложеніе московскаго собора, состоявшееся 6-го августа, обращено было непосредственно къ святителямъ. Продолжая свои засѣданія, соборъ составилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ другое уложеніе, которое относилось уже къ низшему духовенству, бѣлому и монашествующему. Безчиніе нѣкоторыхъ вдовыхъ священниковъ издавна служило у насъ предметомъ прекореній и соблазна. Еще святитель Петръ, митрополитъ московскій, далъ правило, чтобы вдовые священники шли въ монастыри и тамъ священнодѣйствовали, а если хотятъ жить въ мірѣ и любить мірскія сласти, то не священнодѣйствовали бы. Митрополитъ Фотій повторилъ это правило; но отъ времени оно потеряло свою силу. Впослѣдствіи митрополитъ Ѳеодосій вступилъ-было въ борьбу съ нравственными недостатками московскаго духовенства, въ томъ числѣ и вдовствующаго; но ничего не могъ сдѣлать. Псковичи въ 1468 году сами отлучили отъ мѣстъ вдовыхъ своихъ священниковъ за ихъ зазорное поведеніе, хотя не имѣли на то права. Настоящій соборъ также засвидѣтельствовалъ, что многіе священники и діаконы, вдовцы, забывъ страхъ Божій, держатъ у себя наложницъ и продолжаютъ священнодѣйствовать. А потому, ссылаясь на распоряженія прежнихъ митрополитовъ Петра и Фотія, опредѣлилъ: « а) всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ воспретить священнослуженіе на бу-

([167]) А. Э. I, № 384; П. Собр. Р. Лѣт. III, 147. 184. 244.

дущее время; б) тѣхъ изъ нихъ, которые обличены или сами сознались въ сожитіи съ наложницами и возвратили свои ставленыя граматы святителямъ, разлучить съ наложницами и лишить сана, такъ чтобы они жили въ мірѣ, ходили въ мірской одеждѣ и платили подати на ряду съ мірянами; если же кто изъ такихъ, не возвративъ своей граматы, отойдетъ въ дальнія мѣста съ своею наложницею, какбудто съ женою и будетъ священнодѣйствовать въ чужихъ епархіяхъ, то виновнаго, по обличеніи, предавать гражданскому суду; в) тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, которые, по смерти женъ, живутъ чисто и незазорно, стоять въ церквахъ на клиросахъ и причащаться въ алтаряхъ, священникамъ въ епитрахили, а діаконамъ въ стихарѣ съ ораремъ, и за стояніе на клиросахъ (т. е. за исправленіе должности чтецовъ и пѣвцовъ) пользоваться четвертою частію церковныхъ доходовъ отъ священниковъ и діаконовъ, поступившихъ на ихъ мѣста; г) тѣмъ же изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, живущихъ чисто, которые захотятъ постричься въ монашество, разрѣшить, послѣ постриженія, священнодѣйствовать, но только въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ церквахъ». Въ монашествующемъ духовенствѣ большимъ соблазномъ для мірянъ служило то, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ иноки и инокини жили вмѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ монастыряхъ женскихъ служили и были духовниками игумены и іеромонахи. Противъ этого обычая вооружался еще митрополитъ Фотій. И настоящій соборъ постановилъ: «впредь чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ не жить, и въ какомъ монастырѣ начнутъ жить чернецы, тамъ служить игумену, а черницамъ не жить; если же въ какомъ монастырѣ начнутъ жить чер-

ницы, тамъ служить попамъ бѣльцамъ, а чернецамъ не жить». Наконецъ, однимъ изъ главнѣйшихъ пороковъ въ нашемъ духовенствѣ, бѣломъ и монашествующемъ, на который жаловались во всѣ времена, была нетрезвость. Противъ этого порока, не повторяя другихъ правилъ, соборъ опредѣлилъ только: «если священникъ и діаконъ въ какой либо день упьются допьяна, то имъ на другой день отнюдь не служить литургіи». Надобно замѣтить, что въ разсмотрѣнномъ нами второмъ уложеніи московскаго собора 1503 г., которое, подобно первому его уложенію, скрѣплено было и обоими великими князьями и всѣми архипастырями и потомъ разослано по Россіи ([168]), начальная статья о вдовыхъ священникахъ встрѣчена была духовенствомъ не безъ сильнаго ропота. Одинъ изъ вдовыхъ священниковъ города Ростова, Георгій Скрипица написалъ по этому случаю рѣзкое посланіе къ отцамъ собора, святителямъ: «вы осудили, говорилъ онъ между прочимъ, всѣхъ іереевъ и діаконовъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они невиновны, смерть наводитъ Богъ. И за такую вину, за посѣщеніе Божіе вы, какъ злодѣевъ, отлучили отъ священства братію свою, не испытавъ грѣховъ ихъ. Вы положили въ Церкви вѣчную вражду между собою и священниками: какъ же дерзаете входить въ св. алтарь?.. Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ съ злыми, и не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, чтобы священнодѣйствовать?..

([168]) Уложеніе подписано лѣта 7012 сентября (т. е. въ сентябрѣ 1503), а грамата митрополита объ этомъ уложеніи въ Псковъ послана 15 іюля 7012 (1504) года, слѣд. уже черезъ десять мѣсяцевъ. А. Э. I, № 383. Снес. Степ. кн. II, 166.

Писано: священнику, впадшему въ блудъ, не священствовать. А о чистыхъ іереяхъ и діаконахъ гдѣ писано, чтобы отлучать ихъ отъ священства и принуждать къ постриженію?.. И вашему собору кто не подивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что іереямъ и діаконамъ, по смерти женъ, запрещено служить?.. Еслибы вы осудили и одного невиннаго человѣка, и тогда вамъ слѣдовало бы поскорбѣть и помыслить объ отвѣтѣ предъ Богомъ. Но вы осудили всѣхъ іерѣевъ Божіихъ, какъ нечистыхъ, безъ свидѣтелей, чѣмъ оскорблены не только осужденные, но и священники, имѣющіе женъ: ибо и каждый изъ нихъ можетъ лишиться жены и долженъ тогда не священствовать.... Вы говорите: мы совершили то ради благочестія, очищая Церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого то зло сталось въ нашей землѣ: не отъ вашего ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Вы ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ, не наблюдаете за священниками и не посылаете въ города и села испытывать, кто какъ пасетъ Церковь Божію; но назираете за священниками, по царскому чину, чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ... Зачѣмъ вы положили вражду не только съ священниками, но и съ вселенскими соборами? Чего они не учинили, то учинили вы своимъ произволеніемъ... А прибавлять къ правиламъ св. отцевъ, какъ и убавлять отъ нихъ, за это угрожаетъ проклятіе». Въ заключеніе Скрипица убѣждалъ архипастырей, чтобы они сотворили любовь съ чистыми іереями и діаконами, помиловали ихъ и благословили священнодѣйствовать, а отлучили отъ

священства только нечистыхъ и законопреступныхъ ([169]). Самая справедливая и главная мысль въ этомъ посланіи та, что отлучать отъ священства вдовыхъ іереевъ и діаконовъ, живущихъ зазорно, есть основаніе въ правилахъ апостольскихъ и соборныхъ, а запрещать іереевъ и діаконовъ, живущихъ во вдовствѣ чисто, основанія нѣтъ, и что, слѣдовательно, московскій соборъ сдѣлалъ отъ себя прибавленіе къ древнимъ правиламъ. Эту мысль повторяли тогда многіе, какъ свидѣтельствуетъ преп. Іосифъ Волоколамскій, и онъ, по внутреннему ли побужденію или по порученію церковныхъ властей, написалъ отвѣтъ, въ которомъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ доказывалъ, что и древніе соборы, вселенскіе и помѣстные, когда находили нужнымъ, дополняли и измѣняли прежнія соборныя правила и что запрещено подъ страхомъ проклятія прибавлять или измѣнять что либо только въ ученіи вѣры, въ догматахъ, а отнюдь не въ правилахъ и постановленіяхъ Церкви ([170]).

Когда окончился соборъ, разсуждавшій о вдовыхъ священникахъ, преп. Нилъ Сорскій, на немъ присутствовавшій, и другіе бѣлозерскіе пустынники начали выражать сожалѣніе, что монастыри владѣютъ землями и селами и «молили самодержца», всегда принимавшаго ихъ у себя съ большимъ уваженіемъ за ихъ строгую жизнь, чтобы онъ о томъ помыслилъ ([171]). Въ числѣ этихъ бѣлозерскихъ пустынниковъ на-

([169]) Папеч. въ Чтен. Моск. Истор. Общ 1848, VI, отд. IV, 45—54.

([170]) Это небольшое сочиненіе Іосифа помѣщено въ 79 главѣ „Стоглава“, стр. 349, Казан. 1862.

([171]) Что̀ соборъ о церковныхъ имѣніяхъ, вовсе не упоминаемый лѣтописями, былъ не въ 1500 г. (см. далѣе примѣч. 176), а уже послѣ собора о вдовыхъ попахъ и тотчасъ вслѣдъ за нимъ, слѣд. къ концу 1503 или въ началѣ

ходился и князь-старецъ Вассіанъ, который дѣйствительно имѣлъ свою пустыню на Бѣлоозерѣ, считался ученикомъ преп. Нила Сорскаго и нарочно пріѣхалъ въ Москву, дабы убѣдить великаго князя отнять у монастырей имѣнія, какъ и самъ впослѣдствіи сознавался ([172]). Іоаннъ приказалъ быть собору и разсудить, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами. На соборѣ обнаружились два, совершенно противоположныя, мнѣнія. Одно отстаивали Нилъ Сорскій и бѣлозерскіе пустынники, т. е. не иноки кирилло-бѣлозерскаго монастыря, общежительнаго и владѣвшаго многочисленными вотчинами, а старцы, можетъ быть, и постриженники этого монастыря,

1504 г., это видно: а) изъ письма неизвѣстнаго (ок. полов. XVI в.): „*егда совершися соборъ о вдовыхъ попъхъ и діаконъхъ*, и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы себя рукодѣліемъ: а съ нимъ пустынники Бѣлозерскіе; и сіе слышавъ игуменъ Іосифъ нача имъ вопреки глаголати"... (Прибавл. къ Тв. Св. Отц. X, 505); б) изъ словъ самого Іосифа, приводимыхъ княземъ Вассіаномъ Косымъ, что в. к. Иванъ Васильевичъ „велѣлъ быти на Москвѣ святителемъ и Нилу и Іосифу, поповъ ради, иже дружаху наложницы, *паче же рещи*: въсхотѣ отъимати села у св. церквей и у монастырей" (Прав. Собесѣдн. 1863, III, 206). Въ частности о старцахъ, желавшихъ отобранія селъ у монастырей, говоритъ неизвѣстный біографъ преп. Іосифа: „нѣкоимъ отцемъ, иже безмлъвное и уединенное житіе проходящимъ..., поболѣша о стяжаніи селъ монастыремъ, нещующе суетно отреченіе міра сътворяютъ входящіи въ монастырь ... И сихъ ради *молиша самодержца*, яко имуще дерзновеніе къ нему, ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множьства зѣло отъ самодръжець пріемлеми и почитасми. И о семъ събору събранну"... (—стр. 39).

([172]) Преп. *Іосифъ* говорилъ, что „прiиде на Москву Вассіанъ пустынникъ, яко да великаго князя научитъ и вся благородныя человѣки, иже у монастырей и у мирскихъ церквей села отъимати". *Вассіанъ* отвѣчалъ: „сіе, Іосифе, на мя не лжеши, что азъ велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирскихъ церквей" (Полемич. сочин. *Вассіана*, въ Прав. Собесѣдн. 1863, III, 207). Что Вассіанъ былъ ученикомъ Нила и называлъ его своимъ старцемъ, ясно говорится тамъ же (—стр. 208—209) А что Вассіанъ имѣлъ „свою пустыню на Бѣлоозерѣ", подобно другимъ старцамъ, упоминается въ Прѣніи митрополита Даніила съ старцемъ Вассіаномъ (въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, IX. отд. IV, стр. 9). Если Вассіанъ, посланный на Бѣлоозеро и тамъ постриженный въ 1499 г., пришелъ въ Москву къ концу 1503 г., то онъ провелъ въ пустынѣ всего около четырехъ лѣтъ.

только жившіе внѣ монастыря уединенно, имѣвшіе свои отдѣльныя пустыньки и скиты на Бѣлоозерѣ, но не имѣвшіе никакихъ вотчинъ. Нилъ говорилъ, что монахамъ неприлично владѣть имѣніями: монахи даютъ обѣтъ нестяжательности и отрекаются отъ міра, чтобы помышлять только о спасеніи своей души, а имѣнія опять влекутъ ихъ въ міръ, заставляютъ сноситься съ мірскими людьми, вести съ ними тяжбы и вообще обременяютъ иноковъ мірскими попеченіями; монахамъ слѣдуетъ жить по пустынямъ и питаться не отъ имѣній, а отъ своихъ трудовъ, своимъ рукодѣліемъ. Другое мнѣніе выражали и защищали настоятели двухъ знаменитыхъ, общежительныхъ и весьма богатыхъ отчинами, монастырей: Троицко-Сергіева Сераніонъ и особенно Волоколамскаго Іосифъ. Ихъ мысли были слѣдующія: 1) имѣнія необходимы для существованія монастырей. Въ монастыряхъ нужно не только создать храмы, но и постоянно поддерживать; въ храмахъ должны совершаться церковныя службы, для которыхъ требуются: хлѣбы, ѳиміамъ, свѣчи. Для совершенія службъ нужны иноки—священнослужители, чтецы и пѣвцы, которые должны быть обезпечены въ своихъ физическихъ нуждахъ, пищѣ и одеждѣ: иначе, если они устремятся добывать себѣ сами все, потребное для жизни, то храмы сдѣлаются пусты и божественныя службы будутъ отправляться неисправно. Поэтому-то основатели нашихъ монастырей, съ самаго начала у насъ христіанства, благочестивые епископы и князья, надѣляли свои монастыри вкладами, землями, селами, имѣя въ виду, чтобы и по смерти ихъ эти обители не пали, не разорились за недостаткомъ средствъ для существованія. 2) Монастырскія имѣнія не препятствуютъ монахамъ достигать вѣч-

наго спасенія; можно спастись и въ отчинныхъ монастыряхъ. Это доказываютъ собственнымъ примѣромъ св. мужи — подвижники древней Церкви и русской, каковы были: Ѳеодосій общему житію начальникъ, Аѳанасій аѳонскій, Антоній и Ѳеодосій печерскіе и многіе другіе основатели и начальники обителей, владѣвшихъ имѣніями. Правда, бываютъ иноки, которые увлекаются любостяжательностію, злоупотребляютъ монастырскими имуществами, небрегутъ о своемъ спасеніи: такіе и должны подлежать суду. Но изъ-за этихъ немногихъ, неумѣющихъ правильно пользоваться достояніемъ своихъ обителей и не пищущихъ спасенія, несправедливо было бы отнять имѣнія у всѣхъ монастырей. 3) Монастыри существуютъ не сами только для себя, не для однихъ монаховъ, а для всей Церкви: тамъ приготовляются для ней будущіе іерархи, правители епархій. Если у монастырей отнять имѣнія и всѣ монахи должны содержаться собственными трудами и рукодѣліемъ: то что произойдетъ? Какъ тогда «честному и благородному человѣку постричься? И если не будетъ честныхъ старцевъ, откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа, и на всякія честныя власти? А когда не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда будетъ поколебаніе вѣрѣ». 4) Создатели и благотворители монастырей, дѣлая пожертвованія на монастыри, имѣли также въ виду, чтобы они могли принимать у себя странниковъ, питать нищихъ, помогать больнымъ и всякаго рода несчастнымъ. Но, лишившись своихъ имѣній, монастыри уже не въ состояніи будутъ достигать этихъ цѣлей ([173]). Мнѣніе, которое отстаивалъ преп.

([173]) Всѣ эти соображенія, предлагавшіяся на соборѣ, изложены въ Житіи

Іосифъ, восторжествовало на соборѣ. И митрополитъ Симонъ отъ лица своего и всѣхъ, съ нимъ присутствовавшихъ, послалъ къ великому князю Іоанну письменный отвѣтъ чрезъ дьяка своего Леваша. Въ отвѣтѣ этомъ отцы собора, не излагая самихъ разсужденій, приведшихъ ихъ къ такому, а не другому рѣшенію вопроса, старались кратко указать только на историческія и юридическія основанія своего рѣшенія, которыя могли имѣть особенно обязательную силу для нашего государя. «Отъ перваго христіанскаго царя, равноапостольнаго Константина, говорили они Іоанну, и при послѣдующихъ царяхъ, царствовавшихъ въ Греціи и по всей вселенной, святители и монастыри держали города, волости и села. Ни на какомъ соборѣ не было запрещено этого святителямъ и монастырямъ, напротивъ повелѣно имъ всѣми соборами, вселенскими и помѣстными, недвижимыхъ стяжаній церковныхъ ни продавать, *ни отдавать* (напр. см. VII-го вселенскаго собора прав. 12): эти стяжанія утверждены за святителями и монастырями страшными клятвами, непоколебимо и нерушимо, на всѣ вѣки. Равнымъ образомъ и въ Россіи при твоихъ, государь, прародителяхъ, великихъ князьяхъ—Владимірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюбскомъ, братѣ его Всеволодѣ Іоаннѣ: Даниловичѣ, внукѣ блаженнаго Александра, и донынѣ святители и монастыри имѣли города, волости, слободы и села, и держали церковные суды, пошлины, оброки, по установленію не только св. отцевъ и равноапостольнаго царя Константина, но и твоихъ прародителей—равноапостольнаго Владиміра и сына его Ярослава, которые притомъ въ своихъ

преп. Іосифа, которое составлено неизвѣстнымъ (—стр. 39 –44), и отчасти въ письмѣ неизвѣстнаго (Прибавл. къ Твор. Св. Отц. X, 505).

уставахъ завѣщавали, что если кто изъ ихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, или кто другой дерзнетъ нарушить ихъ правила и начнетъ вступаться во что либо церковное, въ суды, пошлины, десятины, или отнимать что у Церкви насильно, тотъ да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ и въ будущій. Вслѣдствіе всѣхъ такихъ постановленій, греческихъ и русскихъ, святители и монастыри держатъ села донынѣ, а *отдавать* ихъ не смѣютъ и не благоволятъ: потому что это стяжанія Божіи, данныя и посвященныя Богу, которыя должны быть соблюдаемы и неприкосновенны до вѣка.... Даже невѣрные и нечестивые цари (монгольскіе), во время своего царствованія, не отнимали ничего у св. церквей и монастырей и не осмѣливались касаться ихъ недвижимыхъ имуществъ, боясь Бога; напротивъ побирали по церквамъ Божіимъ, не только въ своихъ странахъ, но и у насъ въ Россіи, и давали ярлыки великимъ чудотворцамъ Петру и Алексію и другимъ митрополитамъ русскимъ, остающіеся непоколебимыми доселѣ» ([174]). Прочитавъ этотъ отвѣтъ собора, Іоаннъ пожелалъ, вѣроятно, поясненій или доказательствъ: и вотъ митрополитъ и весь соборъ явились въ палаты государя и читали предъ нимъ, въ подтвержденіе своихъ мыслей, выписки изъ свящ. книгъ, изъ правилъ соборныхъ, изъ узаконеній греческихъ царей, изъ житій святыхъ и особенно изъ русской исторіи. Послѣ этого соборъ имѣлъ еще свое засѣданіе и вновь послалъ го-

([174]) Напеч. у *Карамз.* VI, примѣч. 622, и полнѣе у *Калачов.* о Кормчей, примѣч. 15, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, III, отд. I, 11—43. Обзоръ относящихся сюда правилъ соборныхъ и узаконеній греческихъ императоровъ можно видѣть въ изслѣдованіи *Влад. Милютина*: О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1859, IV, отд. I, 2—17.

сударю чрезъ тогоже дьяка Леваша свой прежній отвѣтъ ([175]). Что же сказать объ этомъ соборѣ, на которомъ у насъ въ первый разъ обсуждался вопросъ о церковныхъ владѣніяхъ? Прежде всего замѣтимъ, что мысль объ отобраніи имуществъ у монастырей и святителей принадлежала вовсе не Іоанну III, не свѣтскому правительству, а самимъ же монахамъ, бѣлозерскимъ пустынникамъ. По ихъ-то желанію и просьбѣ государь и приказалъ собору обсудить вопросъ. Но самъ, по видимому, относился къ дѣлу спокойно и непастойчиво и хотѣлъ показать здѣсь свое безпристрастіе: по крайней мѣрѣ, не присутствовалъ самъ лично на этомъ соборѣ, тогда какъ на всѣхъ другихъ присутствовалъ. Правда, Іоаннъ еще въ 1478 г. отобралъ нѣкоторыя имѣнія у новгородскаго духовенства, и въ 1500 г. раздалъ дѣтямъ боярскимъ; но тамъ онъ взялъ по праву завоевателя или усмирителя непокорнаго края, въ видѣ наказанія провинившемуся духовенству, и раздалъ съ благословенія самого митрополита; тамъ взялъ лишь немного у владыки да половину волостей только у шести монастырей богатѣйшихъ, не касаясь всѣхъ прочихъ ([176]). А теперь шла рѣчь объ отобраніи всѣхъ владѣній и у всѣхъ монастырей и святителей: разница огромная! Мысли, которыя высказывали на соборѣ преп. Нилъ и бѣлозерскіе пустынники, безъ сомнѣ-

([175]) Изъ извѣстія о соборѣ, болѣе полнаго, нежели показанное въ примѣч. 174, находящагося въ Сборн. Моск. дух. Акад. № $\frac{151}{314}$, л. 426 (*Хрущов.* Изслѣд. о соч. преп. Іосифа Волок., 171—175).

([176]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 271; VI, 216; VIII, 195. Карамзинъ, упомянувъ объ этой раздачѣ новгородскихъ церковныхъ земель дѣтямъ боярскимъ въ 1500 г., говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что Іоаннъ повелѣлъ разсмотрѣть на соборѣ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ, но не опредѣляетъ, въ какомъ именно году былъ самый соборъ (—VI, 223, Эйнерд.). А обыкновенно ссылаются на Карамзина, утверждая, что соборъ этотъ былъ въ 1500 году.

нія, справедливы и дѣлаютъ имъ честь, особенно по тому времени, но справедливы невполнѣ. Монастырямъ дѣйствительно неприлично владѣть вотчинами, особенно населенными, и такія владѣнія могли приносить великій нравственный вредъ, но далеко не всѣмъ инокамъ, а однимъ монастырскимъ властямъ и ихъ сподручникамъ, которые непосредственно завѣдывали этими имѣніями. Большинство же иноковъ, получая отъ монастырскихъ имѣній только готовую одежду, пищу и помѣщеніе, отнюдь не болѣе, занимались въ монастыряхъ собственно монашескими своими обязанностями и, будучи совершенно свободны отъ житейскихъ заботъ, могли безпрепятственно совершать дѣло своего спасенія. Средство, какое указывалъ преп. Нилъ, въ замѣнъ недвижимыхъ имуществъ, для содержанія монашествующихъ, рѣшительно недостаточно. Онъ имѣлъ въ виду монаховъ-пустынниковъ, которые жили по одиночкѣ, или по два, по три и вообще самыми небольшими общинами, не посѣщали ежедневно церкви, не отправляли всѣхъ церковныхъ службъ и имѣли довольно времени для рукодѣлія. Но и они не въ состояніи были содержать себя только своими трудами, какъ доказалъ своимъ примѣромъ скитъ самого же Нила, состоявшій всего изъ двѣнадцати братій и выпросившій себѣ у великаго князя Василія Іоанновича ежегодную милостыню по 155 четвертей ржаной муки ([177]). Что же подумать о большихъ и многолюдныхъ монастыряхъ, гдѣ иноки должны были ежедневно посѣщать всѣ церковныя службы и имѣли весьма мало времени для рукодѣлія, и гдѣ нужно было содержать и самихъ иноковъ, и монастырскія зданія и церкви?

([177]) А. Э. I, № 161. Снес. Дополн. къ А. И. I, 227.

Равнымъ образомъ справедливы и мысли, какія выражалъ на соборѣ преп. Іосифъ Волоцкій, но также справедливы не вполнѣ. Монастыри наши дѣйствительно не могли существовать однимъ рукодѣліемъ своихъ иноковъ и достигать всѣхъ своихъ цѣлей, какъ объяснялъ Іосифъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что для существованія монастырей необходимы были недвижимыя имущества и нельзя было указать никакихъ другихъ средствъ. Представители духовенства могли бы отказаться отъ монастырскихъ селъ и земель, особенно населенныхъ крестьянами, и въ замѣнъ того просить у государя ежегоднаго жалованья монастырямъ въ видѣ руги деньгами, хлѣбомъ и другими житейскими припасами и т. п. А еще лучше было бы, еслибы самъ государь, предлагая духовенству вопросъ объ отобраніи церковныхъ владѣній, напередъ объявилъ, что онъ готовъ замѣнить это ежегодными опредѣленными пособіями монастырямъ, достаточными для ихъ безбѣднаго существованія. Тогда вопросъ былъ бы поставленъ правильно и отцы собора, по всей вѣроятности, не отказались бы согласиться на предложеніе государя и не послали бы ему такого отвѣта, какой послали ([178]).

Вызванный въ Москву для присутствованія на соборахъ, знаменитый игуменъ Волоколамскій не могъ не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы не походатайствовать лично предъ государемъ о томъ дѣлѣ, въ которомъ принималъ та-

([178]) Въ подтвержденіе этой вѣроятности можно указать на примѣръ Успенскаго владимірскаго монастыря, старцы котораго, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ духовенствомъ, сами просили в. к. Василія Ивановича въ 1512 г., чтобы онъ купилъ у нихъ монастырскія села и, отдавъ слѣдующія за то деньги въ ростъ по своему усмотрѣнію, повелѣлъ только выдавать монастырю ежегодно опредѣленную ругу деньгами и хлѣбомъ (А. Э. I, № 155).

кое живое и пламенное участіе. Іоаннъ неразъ съ любовію принималъ у себя преп. Іосифа, бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ о новгородскихъ еретикахъ, сознавался, что зналъ и прежде ихъ ереси, зналъ, какую ересь держалъ протопопъ Алексѣй и какую *держалъ* Ѳедоръ Курицынъ (вѣрно, тогда уже умершій, а онъ еще былъ живъ въ 1497 г.), объявилъ, что даже невѣстка его Елена увлечена была въ жидовство, и просилъ прощенія у Іосифа, присовокупивъ: «а митрополитъ и владыки меня въ томъ простили». Іосифъ отвѣчалъ: «государь, подвигнись только на нынѣшнихъ еретиковъ, а за прежнихъ Богъ тебя проститъ». Знакъ, что прежде Іоаннъ дѣйствительно покровительствовалъ жидовствующимъ или, по крайней мѣрѣ, снисходилъ имъ, чего нельзя было не замѣтить особенно при удаленіи съ каѳедры митрополита Зосимы. Одно только смущало теперь престарѣлаго Іоанна: не грѣхъ ли казнить еретиковъ (хотя прежде казнилъ). И когда Іосифъ объяснилъ ему, что не грѣхъ, то далъ слово обыскать ихъ по всѣмъ городамъ и искоренить. Но Іосифъ, по окончаніи соборовъ, возвратился въ свой монастырь; время шло, а великій князь не исполнялъ даннаго слова. Іосифъ не утерпѣлъ: онъ написалъ (весною 1504 г.) къ *духовнику* Іоанна, андрониковскому архимандриту Митрофану, разсказалъ ему о своихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ государемъ, о его обѣщаніяхъ, доказывалъ, что еретиковъ слѣдуетъ проклинать и казнить, и умолялъ Митрофана, чтобы онъ напомнилъ и подокучилъ Іоанну исполнить данныя обѣщанія относительно еретиковъ ([179]). Кончилось тѣмъ, что въ декабрѣ 1504 года со-

([179]) Посланіе напеч. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, I, отд. IV. *Неизвѣстн.* Жит. преп. Іосифа, 37.

стоялся въ Москвѣ соборъ на жидовствующихъ, на которомъ присутствовалъ самъ государь съ сыномъ Василіемъ, митрополитъ Симонъ и святители со множествомъ духовенства. Приглашенъ былъ на соборъ и преп. Іосифъ и былъ здѣсь главнымъ обличителемъ еретиковъ. Несчастные были не только преданы церковному проклятію, но и осуждены на основаніи градскаго закона, вошедшаго въ составъ Кормчей. Одни изъ нихъ, виновнѣйшіе, Иванъ Волкъ Курицынъ, Дмитрій Коноплевъ и Иванъ Максимовъ, были сожжены въ клѣткѣ, 27-го декабря, въ Москвѣ; другіе сожжены потомъ въ Новгородѣ: Некрасъ Рукавовъ, которому предварительно урѣзали языкъ, архимандритъ Кассіанъ съ братомъ и еще многіе; третьихъ отправили въ заточеніе, иныхъ разослали по монастырямъ; а чрезъ двадцать дней послѣ первой казни (можетъ быть, случайное совпаденіе) скончалась въ темницѣ (18-го января) и несчастная княгиня Елена ([180]).

Эти страшныя казни произвели на всѣхъ потрясающее дѣйствіе. Многіе изъ еретиковъ стали каяться, въ надеждѣ по-

([180]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 49; VIII, 244; Ник. Лѣт. VI, 171; *Иезв.* Жит. преп. Іосифа Волок. 33. Въ градскомъ законѣ, грани 39, гл. 31—33, сказано: „аще жидовинъ, христіанина раба имый, и обрѣжетъ его, да отсѣкутъ ему главу; аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратити отъ христіанскія вѣры христіанина, главнѣй повиненъ есть казни; иже, сподобився святаго крещенія, и еретичествуетъ и сллинствуетъ, конечнѣй муцѣ повиненъ есть“ (Кормч. ч. II, л. 113, изд. 1810 г.). Одинъ изъ еретиковъ, купецъ Кленовъ, по волѣ Іоанна, сосланъ былъ тогда въ монастырь самаго Іосифа. Іосифъ написалъ государю, что еретиковъ, по проклятіи, слѣдуетъ посылать въ заточеніе или въ темницы, а отнюдь не въ монастыри: „занеже, государь, міряномъ пользу творишь, а инокамъ погибель“. Затѣмъ умолялъ Іоанна показать милость и монастырямъ, „чтобы не погибли отъ еретическаго зла“ (Посланіе это напеч. у *Хрущов.* Изслѣд. о сочин. пр. Іосифа Волок., стр. 263—264). Этихъ еретиковъ проклинали и впослѣдствіи въ недѣлю православія (Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 431, 500).

лучить помилованіе; многіе изъ православныхъ почувствовали къ нимъ состраданіе. Князь-инокъ Вассіанъ, по своему близкому родству съ государемъ, первый началъ ходатайствовать предъ нимъ за каявшихся. Вмѣстѣ съ Вассіаномъ ходатайствовали за нихъ и нѣкоторые изъ владыкъ, бояръ и старцевъ. Но Іосифъ, узнавъ о томъ, непрестанно писалъ къ Василію Іоанновичу (Іоаннъ уже скончался 27-го окт. 1505 г.), чтобы онъ не вѣрилъ раскаянію жидовствующихъ, какъ вынужденному и притворному, и велѣлъ держать ихъ неисходно въ темницѣ, дабы они не прельстили другихъ людей. И великій князь послушалъ Іосифа. Это возбудило противъ Іосифа великое негодованіе въ бывшихъ ходатаяхъ: они разразились на него такими хулами и укоризнами, которыхъ даже нельзя предать письмени ([181]). Отселѣ началась открытая вражда у старцевъ бѣлозерскихъ и вообще заволжскихъ противъ Іосифа. Они враждовали на него, во первыхъ, за то, что онъ восторжествовалъ надъ ними на соборѣ по вопросу о церковныхъ имуществахъ, а во вторыхъ за то, что восторжествовалъ надъ ними предъ великимъ княземъ по вопросу о кающихся еретикахъ ([182]). Эти старцы написали къ Іосифу, одно за другимъ, два посланія, хотя нельзя опредѣлить, какое изъ нихъ написано прежде и какое послѣ. Въ одномъ изъ посланій они критиковали посланіе Іосифа къ великому князю Василію Ивано-

---

([181]) Прибавл. къ Тв. Св. Отц. X, 506; *Савв.* Жит. преп. Іосифа, стр. 36—37; *Преп. Іосифа* — Просвѣтит. 588. Одно изъ тогдашнихъ посланій Іосифа къ Василію Ивановичу уцѣлѣло, но безъ начала, въ видѣ небольшаго отрывка (Древн. Росс. Вивліоѳ. XVI, 423).

([182]) Приб. къ Тв. Св. Отц. X, 504—506.

вичу о наказаніи еретиковъ, и хотя соглашались, что «некающихся еретиковъ и непокоряющихся велѣно заточать» (слѣд. отнюдь не были, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, защитниками такъ-называемой свободы совѣсти), но утверждали, что «кающихся еретиковъ и проклинающихъ свою ересь Церковь Божія пріемлетъ съ отверстыми объятіями», что такъ и слѣдуетъ поступать сообразно съ духомъ и ученіемъ новаго завѣта, что примѣры строгости надъ неправомыслящими въ вѣрѣ, приводимые Іосифомъ, одни относились къ людямъ нераскаяннымъ, а другіе неумѣстны въ новомъ завѣтѣ, какъ бывшіе въ ветхомъ ([183]). Въ другомъ своемъ посланіи къ Іосифу старцы писали, что еретиковъ не слѣдуетъ разыскивать, если они содержатъ свою ересь въ тайнѣ и не распространяютъ между православными, и что кающихся еретиковъ должно немедленно принимать въ церковь на молитву вмѣстѣ съ вѣрными и допускать къ причастію св. Христовыхъ таинъ. Это посланіе извѣстно намъ только изъ отвѣтнаго на него *посланія* преп. Іосифа *къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію*. Здѣсь Іосифъ доказываетъ, что, напротивъ, еретиковъ должно всячески разыскивать и доносить о ихъ ереси и дѣлахъ предержащимъ властямъ, и что, хотя истинно покаявшихся еретиковъ дѣйствительно можно, по правиламъ, немедленно впускать въ церковь и удостоивать св. причастія, но жидовствующіе не суть еретики, а отступники отъ христіанской вѣры; отступники же, по правиламъ Церкви, должны, если покаются, всю жизнь свою молиться не вмѣстѣ съ вѣрными во храмѣ, а особо — въ преддверіи

([183]) Посланіе напеч. въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XVI. 424—428.

храма, и могутъ удостоиваться св. причастія только въ предсмертной болѣзни. Затѣмъ, въ подтвержденіе своей мысли о жидовствующихъ, Іосифъ кратко излагаетъ всю ихъ исторію и замѣчаетъ, что прошло уже 33 года, и ни одинъ изъ нихъ искренно не покаялся, а нѣкоторые, притворно каявшіеся, вскорѣ еще усиливали свое нечестіе и увлекали въ жидовство множество православныхъ, и что потому соборъ 1504 года справедливо повелѣлъ «творить испытаніе о еретикахъ». Наконецъ, убѣждаетъ старцевъ оказать покорность соборному опредѣленію и угрожаетъ имъ, если не покорятся, отлученіемъ отъ св. причастія [184]. Мысли, изложенныя въ этомъ посланіи, Іосифъ подробнѣе раскрылъ въ трехъ послѣднихъ словахъ своего «Просвѣтителя».

Болѣе всѣхъ бѣлозерскихъ старцевъ враждовалъ на Іосифа старецъ-князь Вассіанъ. Онъ написалъ противъ Іосифа сочиненіе изъ нѣсколькихъ словъ или статей, большею частію очень краткихъ, изъ котораго видно, что существовало такое же сочиненіе и Іосифа противъ Вассіана, но частямъ разбираемое послѣднимъ, но до насъ не дошедшее. Вассіанъ возставалъ на Іосифа почти по всѣмъ церковнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогда наше общество и правительство. Укоряя Іосифа за то, будто онъ-то, вопреки св. правиламъ, уговорилъ на соборѣ, по страсти и изъ человѣкоугодничества, запретить священнослуженіе всѣмъ вдовымъ священникамъ, не-

---

([184]) Анализъ этого посланія пр. Іосифа - у *г. Хрущова* въ Изслѣд. о сочин. Іосифа, 194—197. Очень вѣроятно, что оно послано было къ старцамъ отъ имени митрополита, судя по слѣдующимъ словамъ: „въ лѣто 7013, сгда благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси и сынъ его Василій Ивановичъ всея Руси, съ *нашимъ смиреніемъ* и со всѣми святители и со всѣмъ освященнымъ соборомъ повелѣша испытаніе творити о еретицѣхъ“... (тамъ же).

чистымъ и чистымъ. Доказывалъ, что монастырямъ и самимъ владыкамъ не слѣдуетъ владѣть селами и крестьянами, при чемъ рѣзко порицалъ всѣхъ монаховъ и архіереевъ, за ихъ корыстолюбіе, многостяжательность и пышность, за ихъ обиды и притѣсненія крестьянамъ, за ихъ тяжбы по имѣніямъ въ мірскихъ судилищахъ. Доказывалъ также, что, хотя «святителямъ и всему священному собору подобаетъ проклинать еретиковъ, если они не каются или насильно сопротивляются, а царямъ и князьямъ подобаетъ заточать ихъ и казнить» (значитъ, и Вассіанъ вовсе не былъ защитникомъ такъ-называемой свободы совѣсти), но кающихся еретиковъ слѣдуетъ прощать и миловать, причемъ называлъ тѣхъ изъ жидовствующихъ, которые подверглись казни, не смотря на свое позднее раскаяніе, мучениками, а самого Іосифа именовалъ человѣконенавистникомъ, учителемъ беззаконія, законопреступникомъ, и уподоблялъ его еретику Новату, запрещавшему принимать покаяніе отъ христіанъ, согрѣшающихъ послѣ крещенія ([185]). Сочиненіе Вассіана дышетъ непримиримою ненавистью къ Іосифу и, не показывая въ авторѣ ни высокаго ума, ни дальняго образованія, ни умѣнья выражать свои мысли ясно, выказываетъ всю его боярскую гордость и спѣсь и духовную, монашескую самомнительность или самопрельщеніе.

Около тогоже времени могла быть написана у насъ и апокрифическая *Бесѣда* валаамскихъ чудотворцевъ, Сергія и Германа, если не самимъ Вассіаномъ, то кѣмъ либо изъ его единомышленниковъ, бѣлозерскихъ старцевъ, въ которой так-

([185]) Сочиненіе Вассіана напечатано въ Правосл. Собесѣдн. 1863, III; см. особенно стр. 201. 203. 207. Снес. Опис. Слав. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, стр. 140—144.

же говорится о неприличіи инокамъ владѣть вотчинами, порицается «простота» царей и князей, надѣляющихъ монастыри селами и землями, еще болѣе порицается поведеніе самихъ иноковъ, ихъ роскошь, нетрезвость и притѣсненія поселянамъ, живущимъ въ ихъ владѣніяхъ, и проводится новая мысль, какой не встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ намъ сочиненіи старца-князя Вассіана, что для содержанія монастырей слѣдуетъ давать «урочныя годовыя милостыни», а не вотчины и земли ([186]). Съ другой стороны, тогда же (именно въ 1505 г.) составлено у насъ, по порученію какого-то святителя, сочиненіе, въ которомъ, напротивъ, отстаивались права духовенства на вотчинныя владѣнія и доказывалось, что отнимать у Церкви ея достояніе—великій грѣхъ, и что тѣ изъ древнихъ царей, которые дерзали поднимать руку на Церковь, всегда подвергались тяжкому наказанію отъ Бога. Сочинитель несомнѣнно писалъ въ Россіи и великорусскимъ языкомъ, но—странно—пользовался не древнимъ переводомъ библіи на славянскомъ языкѣ, а какимъ-то другимъ переводомъ (или самъ переводилъ), и притомъ не съ греческаго, а преимущественно съ латинскаго языка ([187]).

([186]) Эта апокрифическая Бесѣда напечатана въ Чтен. М. Истор. Общ. 1859, III, подъ заглавіемъ: „Разсужденіе инока князя Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами“, но напечатана не вся: безъ предисловія, безъ заключенія и безъ сказанія о явленіи Валаамскихъ чудотворцевъ новгородскому архіепископу Іоанну (Прав. Собесѣдн. 1863, III, 96). Въ Бесѣдѣ говорится о *царяхъ* и князьяхъ и упоминается о *шлыкахъ*; но отсюда еще не слѣдуетъ, будто она могла быть написана не прежде царя Іоанна IV. Точно такъ же о *царяхъ* и князьяхъ говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ и преп. Іосифъ и князь инокъ Вассіанъ; а *шлыки* были извѣстны въ Россіи еще со временъ татарскихъ. Но чтобы сочиненіе это было написано самимъ старцемъ-княземъ Вассіаномъ, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

([187]) Опис. Славянск. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, стр. 609—616.

Въ то самое время, когда преп. Іосифъ принужденъ былъ вести такую прискорбную борьбу съ Вассіаномъ и вообще съ бѣлозерскими старцами, ему суждено было испытать и другое горе, собственно какъ настоятелю обители ([188]). Волоцкій князь Борисъ Васильевичъ, столько благодѣтельствовавшій Іосифу при основаніи ея, давно уже скончался. Новый князь Ѳедоръ Борисовичъ, двоюродный братъ великаго князя Василія Ивановича, сначала также былъ расположенъ къ Іосифу и подарилъ его обители село, но потомъ совершенно измѣнился. Обобравъ понемногу церковную казну въ трехъ другихъ монастыряхъ своей области, Возмицкомъ, Селижаровскомъ и Левкѣевѣ, князь началъ тоже самое дѣлать и съ монастыремъ Іосифа, особенно по смерти своей благочестивой матери, княгини Ульяны Михайловны (1503 г.). Онъ бралъ у монастыря деньги въ займы и не отдавалъ, покупалъ у него нѣкоторыя вещи за полцѣны, а другія, наиболѣе цѣнныя, требовалъ себѣ даромъ, и если встрѣчалъ отказъ, то поносилъ игумена и грозилъ бить кнутомъ черноцовъ. Изъ страха князю посылали иногда иконы знаменитыхъ иконописцевъ — Рублева и Діонисія, коней, одежды, деньги; но онъ все оставался недовольнымъ, продолжалъ дѣлать насилія, повторялъ свои угрозы инокамъ и велѣлъ сказать игумену: пусть идетъ онъ, куда хочетъ, если не же-

([188]) Послѣдующее событіе, со всею подробностію, изложено самимъ Іосифомъ въ его посланіяхъ—къ Борису Васильевичу Кутузову (напеч. въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 177—203) и къ Ивану Ивановичу Третьякову—Ховрину (содержаніе этого посланія показано въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VIII, отд. IV, и у *Хрущов.* О сочин. Іосифа, 219 –232); а менѣе подробно—въ Житіяхъ преп. Іосифа, составл. Саввою Крутицкимъ (стран. 38—49) и неизвѣстнымъ (стр. 60—65), такъ же въ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 249.

лаетъ исполнять мои повелѣнія, а я намѣренъ держать монастырь по своей волѣ. Прп. Іосифъ дѣйствительно думалъ было удалиться изъ обители; но просьбы братіи удержали его, и онъ, припомнивъ, какъ при митрополитѣ Іонѣ три монастыря — Троицко-Сергіевъ, Каменный и Толгскій перешли отъ насилія удѣльныхъ князей въ вѣдѣніе великаго князя Василія Васильевича, рѣшился самъ искать тогоже для своей обители. Съ этою цѣлію онъ прежде всего послалъ одного изъ своихъ старцевъ (Игнатія Огорѣльцева) къ епархіальному архипастырю испросить благословеніе на свое предпріятіе. Къ несчастію, въ Новгородѣ тогда, впродолженіе трехъ лѣтъ (1505—1508), преимущественно осенью, свирѣпствовало моровое повѣтріе и туда никого не впускали, такъ что старецъ отъ Торжка долженъ былъ воротиться назадъ ([189]). Тогда Іосифъ обратился къ митрополиту Спмону и, изложивъ предъ нимъ свои горестныя обстоятельства, просилъ ходатайствовать о принятіи его обители подъ власть великаго князя, а у своего архіепископа обѣщался испросить прощеніе, когда минетъ въ Новгородѣ повѣтріе. Великій князь сначала думалъ пособить горю иначе: нѣсколько разъ писалъ къ Ѳедору Борисовичу, чтобы онъ прекратилъ свои насилія Іосифову монастырю; но князь Ѳедоръ не слушался и еще увеличивалъ свои притѣсненія. Послѣ этого Василій Іоанновичъ велѣлъ разсмотрѣть дѣло на соборѣ и, по рѣшенію всего собора, съ благословенія митрополита и другихъ святителей, взялъ (1507 г.) Іосифову обитель подъ свою державу ([190]), а въ успо-

([189]) Объ этомъ морѣ—П. Собр. Р. Лѣт. III, 214; IV, 136.
([190]) А. И. I, № 290, стр. 529—530; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 249.

коеніе Іосифа, что онъ не могъ, по случаю новѣтрія, испросить предварительнаго на то благословенія отъ мѣстнаго архипастыря, велѣлъ сказать: «ты изъ предѣла новгородской архіепископіи не отошелъ; я взялъ монастырь твой только отъ насилія удѣльнаго князя, а къ архіепископу самъ пошлю, какъ минетъ земская невзгода» (191). Іосифъ очень обрадовался, а князь Ѳедоръ сильно оскорбился. Онъ послалъ сказать архіепископу Сераѳіону: «Іосифъ безъ твоего вѣдома и благословенія отписалъ отъ тебя свой монастырь». Самъ же началъ умолять Іосифа, чтобы простилъ его и возвратилъ подъ власть его монастырь, давая обѣщаніе измѣниться. Іосифъ простилъ князя, но сказалъ ему, что монастыря, вопреки волѣ великаго князя и митрополита, возвратить не можетъ. Когда въ Новгородѣ новѣтріе прекратилось, Іосифъ отправилъ своего старца ко владыкѣ Сераѳіону объяснить ему, ради какой нужды, безъ его вѣдома и благословенія, билъ челомъ великому князю и митрополиту о своемъ монастырѣ. Сераѳіонъ не принялъ ни старца, ни принесенной имъ иконы, и велѣлъ объявить Іосифу, что гнѣвается на него. Іосифъ извѣстилъ о случившемся великаго князя и напомнилъ ему, какъ онъ обѣщалъ самъ снестись съ архіепископомъ. Князь сознался, что забылъ исполнить обѣщаніе, но совѣтовалъ Іосифу не скорбѣть и сказалъ: «я взялъ твою обитель только отъ насилія удѣльнаго князя; архіепископу не за что тутъ на тебя злобиться; посмотри внимательнѣй, не виноватъ ли ты въ чемъ другомъ». Между тѣмъ князь Ѳедоръ Борисовичъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Возницкаго монастыря

(191) *Сав.* Житіе Іосифа, стр. 43.

Алексѣемъ Поліемовымъ, старался еще сильнѣе вооружить Серапіона противъ Іосифа: дѣйствовалъ на владычныхъ бояръ, въ особенности на какого-то Кривоборскаго, богатыми дарами, а тѣ дѣйствовали на владыку. И вотъ Серапіонъ, не смотря на то, что прошло уже два года со времени поступленія Іосифовой обители подъ власть великаго князя, не выслушавъ никакихъ объясненій отъ Іосифа, не снесшись ни съ великимъ княземъ, ни съ митрополитомъ, прислалъ Іосифу свою грамату, которою налагалъ на него запрещеніе и отлученіе за то, что онъ «отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному», т. е. отъ князя волоколамскаго къ князю московскому, какъ поняли эти слова и самъ Іосифъ и потомъ великій князь Василій Ивановичь ([192]). Дѣйствіе Серапіона, какъ легко понять, должно было до крайности уязвить не одного Іосифа, но и самого великаго князя, самого митрополита и всѣхъ святителей, по рѣшенію которыхъ князь и принялъ обитель Іосифа въ свое вѣдѣніе. Потому неудивительно, что когда Серапіонъ, вслѣдъ затѣмъ, послалъ къ митрополиту своего посла съ граматами, прося себѣ покровительства, посла цѣлую зиму продержали въ Москвѣ и отпустили ни съ чѣмъ; а когда самъ Серапіонъ собрался-было ѣхать въ Москву, великій князь приказалъ своимъ намѣстникамъ отобрать у него дѣтей боярскихъ и копей ([193]). Іосифъ съ глубокою скорбію покорился рѣшенію своего епархіальнаго владыки: не священнодѣйствовалъ, не пріобщался св. таинъ и все ожидалъ, что онъ одумается и смягчится. Когда

([192]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 192. 194; *Сав.* Жит. Іосифа, 45.

([193]) На это жаловался впослѣдствіи самъ Серапіонъ въ посланіи къ митрополиту Симону (напеч. въ Памятн. старинн. Русск. Литер. IV, 211).

же ожиданія эти оказались напрасными: Іосифъ послалъ жалобу митрополиту, въ которой, изложивъ кратко весь ходъ своего дѣла, между прочимъ, говорилъ: «нынѣ въ великое говѣнье, какъ тебѣ извѣстно, государь, прислалъ на меня новгородскій архіепископъ Серапіонъ неблагословенную грамату, а написалъ въ ней: ты отказался отъ своего государя въ великое государство и за такое великое безчиніе ты чуждъ священства и нашего благословенія. Но тебѣ, государю нашему, вѣдомо, что ни въ божественномъ писаніи, ни въ лѣтописяхъ, ни въ обычаяхъ земскихъ того не бывало: какое великое безчиніе въ томъ, что я посылалъ бить челомъ государю бо́льшему да тебѣ, бо́льшему святителю, чтобы монастырь мой не запустѣлъ? И въ св. правилахъ не написано, чтобы за такія вины отлучать отъ священства и не благословлять кого» (194). Митрополитъ немедленно подвергъ жалобу разсмотрѣнію собора и извѣстилъ Іосифа, что соборъ, на основаніи св. правилъ, разрѣшаетъ его и благословляетъ, а Серапіона великій князь требуетъ въ Москву (195). На соборѣ, который происходилъ въ іюлѣ 1509 года, въ присутствіи самого великаго князя, три раза спрашивали Серапіона: за что онъ отлучилъ игумена Іосифа и по какимъ церковнымъ правиламъ? И Серапіонъ ничего не отвѣчалъ, кромѣ того, что онъ воленъ въ своемъ чернецѣ, воленъ вязать его и разрѣшать. На вопросъ великаго князя: «за что ты назвалъ князя Ѳедора небеснымъ, а меня земнымъ»,—Серапіонъ также не нашелся сказать ни одного слова и тѣмъ подтвер-

(194) Напеч. въ Памятн. старинн. Р. Литер. IV, 208.

(195) Посланіе митр. Симона къ Іосифу—у г. *Хрущ.* О сочин. Іосифа, 214—215.

дилъ, что и самъ придавалъ этимъ своимъ словамъ дѣйствительно такой, а не другой смыслъ. Затѣмъ спрашивали Сераѳіона, почему онъ отлучилъ Іосифа, не снесшись ни съ великимъ княземъ, ни съ митрополитомъ; почему молчалъ цѣлые два года, не требовалъ никакого объясненія отъ Іосифа и вдругъ отлучилъ его, очевидно поддавшись внушеніямъ сторонніхъ людей. Но Сераѳіонъ, вмѣсто отвѣта, началъ только свариться со всѣми, съ великимъ княземъ, съ митрополитомъ и прочими святителями, и говорилъ: «про то я вѣдаю, почему не благословилъ; а вамъ какое до того дѣло? Воленъ я въ своемъ чернецѣ, какъ и князь Ѳедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ, грабитъ, хочетъ, жалуетъ» (196). Не получивъ отъ подсудимаго архіепископа удовлетворительныхъ объясненій, соборъ, на основаніи четвертаго правила седьмаго вселенскаго собора (которое гласитъ, что епископъ, отлучившій кого либо изъ своихъ клириковъ по своей страсти, долженъ быть самъ подвергнутъ тому, чему подвергалъ другаго), запретилъ и отлучилъ Сераѳіона, а Іосифу далъ разрѣшительную грамату, въ которой кратко, но рѣзко изобразилъ виновность Сераѳіонову (197). Заточенный сначала въ

(196) Такъ, по крайней мѣрѣ, излагаетъ происходившее на соборѣ самъ Іосифъ. Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 193–196.

(197) Грамата эта напечатана въ А. И. I, № 290, но съ большимъ пропускомъ объ архіепископѣ Сераѳіонѣ; а вполнѣ помѣщена въ посланіи преп. Іосифа къ Б. В. Кутузову (Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 198–200), и о Сераѳіонѣ содержитъ слѣдующее: „Слышавъ же сія (что великій князь принялъ, по рѣшенію собора, обитель Іосифа въ свое вѣдѣніе), архіепископъ великаго Новогорода и Пскова, владыка Сераѳіонъ нерадѣніемъ нѣкоторымъ и упрямствомъ и презрѣвъ божественныхъ правилъ и повелѣніевъ царскаго закона, иже и глаголетъ: царское осуженіе суду не предлежитъ и не прекословится, писалъ къ тебѣ, Іосифу, неблагословеніе и отлученіе съ иными нѣкоторыми неподобными рѣчьми, вводя имя государя нашего неразсуднѣ; егожъ, повелѣніемъ госпо-

Андрониковъ монастырь, Сераніонъ чрезъ два года (въ маѣ 1511 г.) перемѣщенъ былъ въ Троице-Сергіевъ, гдѣ прежде былъ игуменомъ, и написалъ митрополиту Симону посланіе, въ которомъ сильно порицалъ Іосифа за то, что онъ самовольно, безъ благословенія своего владыки, перешелъ въ чужой предѣлъ, будтобы по гордости и презорству, и тѣмъ произвелъ вражду и смущеніе въ Церкви, называлъ его ябедникомъ, вторымъ Іудою и уподоблялъ Григорію Цамблаку; а также порицалъ самого митрополита и весь соборъ за то, что они, будтобы вопреки св. правиламъ, Іосифа разрѣшили и благословили, а его—Сераніона будтобы «прежде суда» отъ Церкви отлучили, и сана лишили, и заточенію предали, и говорилъ, что онъ, не смотря на рѣшеніе собора, не снимаетъ съ Іосифа своего запрещенія и считаетъ его низверженнымъ ([198]).

Все это дѣло архіепископа Сераніона произвело глубокое впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ. Всѣ жалѣли о низложенномъ архіепископѣ; многіе въ самой Москвѣ держали его сторону и осуждали великаго князя, митрополита и особенно

дина и сына нашего Василья, Божіею милостію царя и государя всея Руси, представихомъ смиренію нашему, собору, и вопросихомъ его о ихъже къ тебѣ писалъ въ своей граматѣ, како и которымъ обычаемъ дерзнувъ, сія писавъ противъ божественнаго писанія, св. правилъ и закона, пресуждая и претворая царскаго повелѣнія и всего нашего собора изволенія и благословенія,—аще что имать отъ божественнаго писанія противъ нашего собора, да изречетъ предъ нами. Онъ же, аки безумецъ, въ семъ своемъ писаніи, иже къ тебѣ писалъ въ своей граматѣ, отнюдь безответенъ сый,—смиреніе наше, вкупѣ съ архіепископомъ ростовскимъ.... и со всѣмъ соборомъ, поразсудивъ по божественнымъ правиломъ....“ и проч. (—стр. 200). Тоже повторено, только короче, и въ II. Собр. Р. Лѣт. VI, 249.

([198]) Памятн. старинн. Русск. Лит. IV, 210—212. Снес. П. Собр. Р. Лѣт. VI, 250. 252; Русск. Времен. II, 238.

преп. Іосифа, такъ что послѣдній признавалъ нужнымъ, по желанію своихъ близкихъ знакомыхъ и почитателей, излагать подробно въ письмахъ къ нимъ всѣ обстоятельства печальнаго событія ([193]). Но, по справедливости, насколько событіе это извѣстно намъ нынѣ, преп. Іосифъ былъ нимало невиноватъ предъ своимъ владыкою, вовсе не выдѣлялъ своей обители изъ-подъ его епархіальной власти, и если не испросилъ его благословенія на переходъ ея отъ князя Бориса къ великому князю, то по совершенной невозможности сдѣлать это и положившись на слово великаго князя. А владыка Серапіонъ былъ дѣйствительно виновенъ въ томъ, что, не захотѣвъ выслушать объясненій Іосифа, не снесшись ни съ митрополитомъ, ни съ великимъ княземъ, бывшими тутъ главными дѣйствователями, за такую ничтожную и мнимую вину, и спустя уже два года послѣ событія, возложилъ на старца такое тяжкое церковное наказаніе—запрещеніе и отлученіе. Согласимся, что наказаніе самого Серапіона соборомъ было уже слишкомъ строго и могло бы быть смягчено христіанскою любовію,—и это, вѣроятно, случилось бы, еслибы поступкомъ Серапіона не считали себя лично оскорбленными самъ великій князь и митрополитъ; но нельзя сказать, чтобы оно было незаконно или несогласно съ церковными правилами. Къ счастію, мало по малу все окончилось самымъ лучшимъ образомъ. Чрезъ нѣсколько времени преп. Іосифъ и Серапіонъ объяснились между собою и, узнавъ истину, со смиреніемъ простили другъ друга и стали жить еще въ большей любви, чѣмъ жили прежде. Митрополитъ Симонъ предъ своею

([193]) Письма къ Кутузову и Третьякову—Ховрину (см. выше примѣч. 188)

смертію (30-го апр. 1511 г.), по волѣ великаго князя, пригласилъ къ себѣ Сераѳіона, благословилъ его, принялъ отъ него прощеніе и отпустилъ его въ Сергіеву лавру. Князь Ѳедоръ Борисовичъ примирился съ Іосифомъ и, по смерти своей (1513 г.), даже погребенъ въ Іосифовой обители, завѣщавъ ей одно изъ лучшихъ своихъ селъ. Незадолго предъ кончиною архіепископа Сераѳіона (16-го марта 1516 г.) примирился съ нимъ и великій князь Василій Іоанновичъ ([200]). А самъ Сераѳіонъ, искушенный скорбями, семь лѣтъ своего заточенія умѣлъ употребить на пользу души своей и до того укрѣпился въ духовныхъ подвигахъ и возвысился въ нравственныхъ совершенствахъ, что впослѣдствіи причтенъ Церковію къ лику святыхъ ([201]).

III.

Одинъ изъ иностранцевъ, двукратно пріѣзжавшій (1517 и 1526 г.) въ качествѣ посла отъ австрійскаго двора къ нашему великому князю Василію Іоанновичу, свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ о Россіи: «прежде митрополиты и архіепископы избирались здѣсь соборомъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ; отыскивали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа наиболѣе святой жизни и избирали. А нынѣшній государь, говорятъ, обыкновенно призываетъ къ себѣ извѣстныхъ ему и самъ изъ числа ихъ избираетъ

([200]) *Савв.* Житіе Іосифа, 49; *неизвѣстн.* Жит. Іосифа, 64; П. Собр. Р. Лѣт. III, 148. 184; VI, 252. 253; VIII, 252; Ник. Лѣт. VI, 190; Собр. Госуд. Грам. I, № 151.

([201]) Пролог. марта 16.

одного по своему усмотрѣнію» ([202]). Такъ, вѣроятно, избранъ былъ прежде всего преемникъ митрополита Симона Варлаамъ, бывшій архимандритъ симоновскій. По крайней мѣрѣ, наши лѣтописи о избраніи его вовсе не упоминаютъ, а говорятъ только, что 27-го іюля (1511 г.) онъ возведенъ на митрополичій дворъ и нареченъ митрополитомъ всеи Россіи, а 3-го августа поставленъ на митрополію, и что при поставленіи его были: архіепископъ ростовскій Вассіанъ и епископы: суздальскій Симеонъ, рязанскій Протасій, тверскій Нилъ, коломенскій Митрофанъ и крутицкій Досифеи, а пермскій Никонъ прислалъ свою единосовѣтную грамату ([203]).

Важнѣйшимъ событіемъ въ Россіи при митрополитѣ Варлаамѣ было взятіе и возсоединеніе съ нею города Смоленска, болѣе ста лѣтъ находившагося подъ властію князей литовскихъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало и присоединеніе смоленскоі епархіи къ митрополіи московскоі отъ литовскоі. Но это радостное событіе, какъ для государства, такъ и для Церкви, имѣлъ свою и печальную сторону. Смоленскимъ епископомъ былъ тогда Варсонофій. Онъ явился первымъ ходатаемъ предъ Василіемъ Іоанновичемъ, осаждавшимъ Смоленскъ, и во главѣ всего духовенства и гражданъ предложилъ великому князю сдачу города. Онъ же потомъ, когда жители начали присягать въ вѣрности русскому государю, самъ добровольно произнесъ такую же присягу, хотя государь отъ него этого не требовалъ. Онъ со всею торжественностью встрѣтилъ (1-го авг.

([202]) Herberstein Rerum Moscowit. Comment. p. 20, apud Starczewsk. Hist. Ruthen. Script. exter., vol. I, Petrop. 1841.

([203]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 252; Ник. Лѣт. VI, 190. Въ Новгородѣ тогда каѳедра не была занята.

1514 г.) Василія Іоанновича, вступавшаго въ Смоленскъ и, послѣ молебствія въ соборной церкви и многолѣтія, привѣтствовалъ князя слѣдующими словами: «Божіею милостію, радуйся и здравствуй, преславный царь Василій, великій князь всея Руси и самодержецъ, на своей отчинѣ и дѣдинѣ, въ городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта». И что же? Едва успѣлъ великій князь выѣхать изъ Смоленска (10-го сентября), какъ туда пришла вѣсть о кровопролитномъ боѣ русскаго войска съ литовскимъ подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго, происходившемъ 8-го сентября на лѣвомъ берегу Днѣпра у Орши, и о совершенномъ пораженіи русскихъ. Вѣсть эта поразила всѣхъ въ Смоленскѣ, особенно же нѣкоторыхъ бояръ и епископа: думали, что русскіе теперь не въ силахъ уже отстоять города; не могли не ожидать страшныхъ для себя послѣдствій и казней отъ литовскаго государя. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей епископъ, въ согласіи съ нѣкоторыми боярами, поспѣшилъ отправить къ королю Сигизмунду своего племянника съ извѣстіемъ: «если теперь двинешься къ Смоленску самъ или пошлешь воеводъ со многими людьми, то возмешь городъ безъ труда». Но другіе бояре и мѣщане передали объ этомъ умыслѣ намѣстнику русскаго государя въ Смоленскѣ, князю Шуйскому, который немедленно велѣлъ схватить заговорщиковъ. И хотя вскорѣ князь Острожскій явился подъ Смоленскомъ съ шеститысячнымъ отрядомъ, но не имѣлъ никакого успѣха: всѣ злоумышленники въ городѣ, на которыхъ онъ расчитывалъ, были повѣшены на городскихъ стѣнахъ въ виду литовскаго войска, за исключеніемъ одного Варсонофія. А этотъ несчастный епископъ былъ потомъ отправленъ къ в. к. Василію Іоанновичу,

который приказалъ сослать его на Кубенское озеро въ Каменный монастырь ([204]). Новаго епископа на смоленскую каѳедру избрали въ Москвѣ изъ своихъ, именно чудовскаго архимандрита Іосифа. Въ половинѣ февраля 1515 года онъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Варлаамомъ, а въ мартѣ отправился въ Смоленскъ ([205]).

Во дни первосвятительства Варлаамова происходили послѣднія вспышки ереси жидовствующихъ. Ея держались тайно еще многіе, особенно между вельможами, которые, по выраженію одного, почти современнаго писателя, обратились тогда изъ страха отъ ереси къ православію только лицемъ, а не сердцемъ ([206]). Главнымъ покровителемъ этихъ мнимо-покаявшихся еретиковъ былъ старецъ-князь Вассіанъ, который, прибывъ еще въ 1503 г. изъ своей пустыни въ Москву, чтобы подвигнуть великаго князя къ отобранію имѣній у духовенства, поселился здѣсь въ Симоновомъ монастырѣ, вошелъ въ особенную довѣренность государя и сдѣлался такимъ временщикомъ, что его боялись нѣкоторые даже болѣе, нежели самого Василія Іоанновича ([207]). Вассіанъ не упускалъ случаевъ

([204]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 290; VI, 255—257; VIII, 255—259; Ник. Лѣт. VI, 201.

([205]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 257; VIII, 259.

([206]) *Зиновія*—Истины Показаніе, стр. 965, Казан. 1863.

([207]) Одинъ изъ помощниковъ Максима грека, Михаилъ Медоварцевъ, допрашиваемый на соборѣ 1531 года о переводѣ книгъ, происходившемъ при митрополитѣ Варлаамѣ, говорилъ предъ митрополитомъ Даніиломъ: „азъ, господине, того ничего не слыхалъ отъ Варлаама митрополита...., а велѣлъ мнѣ слушати во всемъ.... Максима грека князь Васьянъ старецъ.... А блюлся есми, господине, преслушать князь Васьяна старца, потому что *онъ былъ великой временной человѣкъ*, у великаго князя ближнѣй, и язъ такъ и государя не блюлся, какъ его блюлся и слушалъ“ (Прѣн. Данила митрополита съ Максим. святогорц., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. II, стр. 11).

дѣйствовать въ пользу покровительствуемой имъ партіи, враждебной православному духовенству и монашеству, и продолжалъ борьбу съ преп. Іосифомъ Волоцкимъ. Однажды ученики послѣдняго, Діонисій князь звенигородскій да Нилъ Полевъ, жившіе въ бѣлозерской пустынѣ, донесли ему, что нашли слѣды ереси жидовствующихъ у двухъ бѣлозерскихъ пустынниковъ, и прислали къ нему священника, бывшаго свидѣтелемъ событія. Іосифъ препроводилъ присланную грамату и священника къ ростовскому архіепископу Вассіану, своему брату, въ епархіи котораго состояли бѣлозерскіе монастыри и пустыни. Вассіанъ, находившійся тогда въ Москвѣ, представилъ грамату великому князю, а великій князь показалъ ее старцу-князю Вассіану Косому и спросилъ его: хорошо ли дѣлаютъ-*твои* пустынники? Вассіанъ отвѣчалъ, что все донесеніе ложно, и когда присланный священникъ подтвердилъ справедливость граматы, то Вассіанъ просилъ дозволенія отдать его на пытку. Священника пытали, изломали ему ногу и онъ умеръ, но отъ своихъ словъ не отказался. Великій князь прогнѣвался на старцевъ Діонисія и Нила, писавшихъ грамату (хотя слѣдовало бы прогнѣваться не на нихъ, а на старца-князя Вассіана за такую пытку) и сказалъ: сами между собою бранятся, а меня въ грѣхъ ввели. И велѣлъ сжечь пустыни старцевъ Діонисія и Нила, а самихъ отдать подъ начало въ Кирилловъ монастырь ([208]). Вассіанъ Косой, безъ со-

([208]) Почти современное объ этомъ сказаніе—въ Прибавл. къ Тв. Св. Отц. X, 506—507. Грамата къ Іосифу написана Діонисіемъ и Ниломъ въ то время, когда они жили въ бѣлозерской пустынѣ, и имѣла своимъ послѣдствіемъ заключеніе ихъ въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, откуда вскорѣ они отпущены въ Іосифовъ монастырь (тамъ же 508). Но въ бѣлозерской пустынѣ они жили спустя уже довольно много времени послѣ собора 1509 года, осудившаго архі-

мнѣнія, торжествовалъ съ своею партіею; а Іосифъ долженъ былъ перенести скорбь съ своими учениками. Въ другой разъ, находясь у митрополита Варлаама вмѣстѣ съ коломенскимъ епископомъ Митрофаномъ, и встрѣтивъ тамъ одного изъ постриженниковъ Іосифовыхъ—Зосиму Ростопчина, Вассіанъ сказалъ ему: «отступники-де есте Божіи». И когда Зосима отвѣчалъ: «мы-де, господине, не отступники Божіи,—христіане есмы»,—Вассіанъ еще настойчивѣе сказалъ: «вси-де есте отступники Божіи и со учителемъ вашимъ». Огорченный до глубины души какъ этою, такъ и другими обидами со стороны Вассіана, Іосифъ обратился къ знатному боярину, дворецкому государеву, Василію Андреевичу Челядину, и просилъ его ходатайства и защиты предъ государемъ. «А вѣдомо, господине, многимъ добрымъ людямъ,—писалъ, между прочимъ, преподобный,—что онъ-Вассіанъ *похулилъ весь святительскій и иноческій чинъ*, архимандритовъ и игуменовъ, *и всѣхъ называетъ преступниками*... И только бъ государь пожаловалъ, позволилъ говорить и писать противъ его рѣчей (значитъ, Вассіана боялись): то есть что говорить и писать противъ нихъ. Мы, по свидѣтельству св. седми вселенскихъ соборовъ, пли на еретиковъ, да по свидѣтельству свящ. правилъ били челомъ государю Василію Ивановичу, какъ прежніе святители на вселенскихъ соборахъ били челомъ прежнимъ православ-

---

пископа Серапіона. Ибо Нилъ Полевъ писалъ изъ этой пустыни, въ защиту себя и Діонисія, къ какому-то старцу Герману (говорившему, будто Іосифъ и его постриженники, какъ запрещенные Серапіономъ, не имѣютъ права причащаться св. таинъ) слѣдующее: „ино мы благословены и прощены отъ св. правилъ, потомъ же и отъ всего собора Русскія митрополіи.... И грамату благословенную отцу нашему Іосифу дали, а архіепископа Серапіона не благословили.... А *насъ уже тогда много время и въ монастырѣ нѣсть*“... (тамже 524. 525).

нымъ государямъ... А Вассіанъ, вопреки всѣмъ божественнымъ правиламъ, *сталъ съ еретиками* на насъ. Но тѣхъ, кто на соборахъ стоялъ на еретиковъ, божественныя писанія похваляютъ и ублажаютъ, а которые стояли за еретиковъ, тѣхъ св. отцы проклинали такъ же, какъ еретиковъ» ([209]). Но, видно, Вассіанъ не довольствовался одними хульными словами противъ Іосифа и святителей, не пощадившихъ на соборѣ ереси жидовствующихъ; вѣроятно, еретики, пользуясь покровительствомъ этого сильнаго временщика, начали смѣло поднимать свои головы и угрожать опасностію православію: потому что Іосифъ въ 1511—1512 г. нашелся вынужденнымъ снова со слезами умолять в. к. Василія Ивановича отъ лица всей своей обители и писалъ къ нему: «ради Бога и пречистой Богородицы, попекись и промысли о божественныхъ церквахъ и православной вѣрѣ, и объ насъ, нищихъ твоихъ и убогихъ... Какъ прежде, боговѣнчанный владыко, ты поревновалъ благочестивому царю Константину и, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, доконца низложилъ скверныхъ новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ: такъ и теперь, если ты, государь, не позаботишься и не подвигнешься, чтобы подавить ихъ темное еретическое ученіе, то придется погибнуть отъ него всему православному христіанству... Какъ въ первомъ обыску все ты, государь, обыскалъ и управилъ, такъ и нынѣ подобаетъ тебѣ попещися: ты всѣмъ глава, покажи ревность твоего благочестія... Отецъ твой, по проклятіи еретиковъ, Захарію чернеца и Діонисія попа, велѣлъ заключить ихъ въ темницу, и они тамъ скончались, и не прельстили никого изъ право-

([209]) Рукоп. Гр. Толстова, отд. II, *№* 68, *л.* 293 (Описаніе этихъ рукоп. стр. 260). О Василіѣ Андреевичѣ Челядинѣ—*Карамз.* VII, примѣч. 94 и 325.

славныхъ. А которые начали каяться и отецъ твой покаянію ихъ повѣрилъ, тѣ много зла сотворили и многихъ христіанъ увлекли въ жидовство. Такъ, невозможно никому тоя бѣды утолить, кромѣ тебя, государя и самодержца всей русской земли» ([210]). Убѣжденія св. старца и въ этотъ разъ подѣйствовали на Василія Іоанновича: онъ «повелѣлъ всѣхъ еретиковъ побросать въ темницу и держать тамъ неисходно до конца ихъ жизни,—и, слыша о томъ, отецъ игуменъ воздалъ славу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу» ([211]). Но преп. Іосифъ вскорѣ скончался (9-го сент. 1515 г.), а по смерти его жидовствующіе снова пріободрились. Дошло до того, что явился, какъ было при началѣ этой ереси, какой-то «жидовинъ, волхвъ, чародѣй и прелестникъ», по имени Исаакъ, который обольщалъ и увлекалъ православныхъ. Около 1520 г. составился соборъ на еретика, и только-что прибывшій къ намъ Максимъ грекъ написалъ отцамъ собора «Совѣтъ»— подвигнуться ревностью за православіе и единодушно, съ дерзновеніемъ, предать смутившаго стадо Христово внѣшней власти на казнь, чтобы и другіе научились не смущать болѣе овецъ Христовыхъ, и земля наша очистилась отъ такихъ бѣшеныхъ псовъ ([212]). Послѣ этого, казалось, ересь жидовствующихъ совсѣмъ исчезла, такъ что новгородскій архіепископъ Макарій

([210]) Въ тойже рукописи Толстова, л. 202 (Описан. стр. 257). Въ посланіи этомъ замѣчено, что ересь жидовствующихъ началась въ Новгородѣ „отселѣ за четыредесять лѣтъ“. А она, какъ извѣстно, началась въ 1471 году.

([211]) *Савв.* Жит. Іосифа, стр. 38.

([212]) *Максима Грека*—Сочиненія, изд. при казанск. Дух. Акад., I, 51—55, Казан. 1859. Достойно замѣчанія, что въ этомъ „Совѣтѣ“ казнить жидовина Исаака Максимъ указывалъ на тѣже самые примѣры, на какіе указывалъ и преп. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ первомъ посланіи къ в. кн. Василію Іоанновичу, убѣждая его казнить жидовствующихъ.

около 1527 г. величалъ в. к. Василія Іоанновича окончательнымъ ея низложителемъ ([213]). Но на самомъ дѣлѣ она только притаилась и продолжала существовать, какъ увидимъ, не только до кончины своего главнаго покровителя, князя-инока Вассіана, а и послѣ него, хотя уже подъ другимъ названіемъ.

Обратимся къ другому, болѣе замѣчательному лицу, о которомъ мы только-что упомянули, къ Максиму греку. Въ 1515 г. марта 15-го, великій князь Василій Іоанновичъ послалъ на Аѳонъ съ милостынею Василія Копыля Спячаго да Ивана Варавина, а съ ними отправилъ грамату къ проту, всѣмъ игуменамъ и всему братству осьмнадцати обителей аѳонскихъ, въ которой писалъ: «пришлите къ намъ, вмѣстѣ съ нашими людьми, изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, книжнаго переводчика, на время, и тѣмъ послужите намъ; а мы, какъ дастъ Богъ, пожаловавъ его, опять къ вамъ отпустимъ». На этого ватопедскаго старца могъ указать великому князю находившійся тогда въ Москвѣ ватопедскій же іеромонахъ Нифонтъ, который принятъ былъ Василіемъ Іоанновичемъ съ великою любовію и честію и по ходатайству котораго, можетъ быть, отправлена была въ св. гору и самая милостыня. Копыль, оставивъ Варавина въ Царьградѣ для какихъ-то потребъ великаго князя, съ большимъ трудомъ и притѣсненіями отъ турокъ достигъ Аѳона, раздалъ тамъ милостыню по всѣмъ монастырямъ, и, передавъ грамату, кому слѣдовало, обратился

([213]) Допол. къ А. И. I, № 25, стр. 23. Эта грамата, въ которой Макарій проситъ Василія Іоанновича объ учрежденіи общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ, писана прежде 1528 г., когда Макарій уже ввелъ въ нихъ общежитіе (Полн. Собр. Р. Лѣтоп. VI, 286), по повелѣнію великаго князя Василія Іоанновича (А. И. I, № 292, стр. 531).

еще самъ отъ лица великаго князя и митрополита Варлаама къ священноиноку Саввѣ. Но Савва, многолѣтній старецъ и больной ногами, просилъ прощенія, что не въ силахъ исполнить воли великаго государя и святителя. Тогда протъ и ватопедскіе старцы, не желая оставить этой воли неисполненною, избрали на мѣсто Саввы для отправленія въ Москву другаго брата своей обители, Максима, какъ «искуснаго въ божественномъ писаніи и способнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ и глаголемыхъ еллинскихъ (языческихъ): ибо онъ возросъ въ нихъ съ ранней юности и научился имъ основательно, а не чрезъ одно продолжительное чтеніе, какъ другой кто либо». Извѣщая о всемъ этомъ Василія Ивановича и митрополита, старцы присовокупляли, что Максимъ, хотя не знаетъ еще русскаго языка, а знаетъ только греческій и латинскій, но, какъ они надѣются, скоро навыкнетъ и русскому. Съ Максимомъ отправили они еще двухъ братовъ своихъ, іеромонаха Неофита, грека, и монаха Лаврентія, болгарина, и просили отпустить ихъ потомъ изъ Россіи опять въ родную обитель ([214]). Путешествіе

([214]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 257; VIII, 259; Ник. Лѣт. VI, 203. 205. Грамата Василія Ивановича на Аѳонъ и грамата ватопедскихъ старцевъ къ Василію Ивановичу напеч. въ Врем. М. Истор. Общ., кн. V, отд. III, 30–31. Въ послѣдней, между прочимъ, старцы благодарятъ нашего князя за своего собрата, находившагося тогда въ Москвѣ, іеромонаха Нифонта. Грамата тѣхъже старцевъ къ нашему митрополиту Варлааму – въ А. И. I, № 122. Въ рукописныхъ „Сказаніяхъ“ о Максимѣ грекѣ дѣло о вызовѣ его изложено нѣсколько иначе, и именно говорится, что Василій Ивановичъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, нашедши у себя множество греческихъ книгъ, которыхъ никто въ Москвѣ не могъ перевесть на русскій языкъ, обратился съ просьбою о переводчикѣ къ цареградскому патріарху, который, послѣ долгаго исканія въ разныхъ странахъ, нашелъ наконецъ двухъ, годныхъ къ тому, иноковъ на Аѳонской горѣ, Савву (или Даніила) и Максима, и послѣдняго прислалъ въ Россію (*Карамз.* VII, 107, примѣч. 339; *Евген.* Словар. Дух. Писател., въ статьѣ: о Максимѣ

Максима съ товарищами было медленно; онъ прожилъ нѣсколько времени въ Перекопѣ и прибылъ въ Москву уже 4-го марта 1518 г., гдѣ принятъ былъ великимъ княземъ съ честію и помѣщенъ сначала въ Чудовѣ монастырѣ, вмѣстѣ съ другими своими спутниками, а впослѣдствіи, вѣроятно, перемѣщенъ въ Симоновъ ([215]). Кто же былъ этотъ инокъ Максимъ и съ какою цѣлію онъ былъ къ намъ призванъ?

Максимъ родился въ послѣдней четверти XV-го вѣка, въ главномъ городѣ Албаніи, Артѣ. Родители его были греки Мануилъ и Ирина. Получивъ первоначальное воспитаніе на родинѣ, Максимъ отправился для дальнѣйшаго образованія въ Италію, куда переселилось, по паденіи Константинополя, множество грековъ, и гдѣ процвѣтали тогда науки. Посѣщая разные города Италіи, Максимъ слушалъ знаменитыхъ учителей, съ усердіемъ изучалъ древнюю греческую литературу, узналъ языкъ латинскій и занимался философіею, преимущественно Платона и Аристотеля. Эти послѣднія занятія и особенно господствовавшія тогда въ Италіи астрологія, крайнее вольномысліе и безвѣріе увлекли–было и юнаго Максима, но ненадолго. Возвратившись въ Грецію, онъ рѣшился посвятить себя иноческой жизни и около 1507 г. поступилъ въ аѳонскій Ватопедскій монастырь, можетъ быть, потому что

грекѣ). Но – а) оба извѣстныя „Сказанія“ о Максимѣ грекѣ составлены у насъ довольно поздно, уже къ концу XVI в.; нечужды очевидныхъ несообразностей, и потому мало заслуживаютъ довѣрія (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, стр. 579—581); б) въ частности, по дѣлу о вызовѣ Максима несогласны съ представленными нами подлинными граматами; в) тогдашній патріархъ царяградскій писалъ въ то самое время къ нашему митрополиту Варлааму и ни слова не сказалъ въ своемъ посланіи о Максимѣ (А. И. I, № 121).

([215]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 261; VIII, 263; Ник. Лѣт. VI, 212; А. Э. I, стр. 143; *Макс. грек.* Сочин. III, 174.

тамъ находилась богатая библіотека. Впродолженіе десяти проведенныхъ здѣсь лѣтъ, онъ могъ свободно заниматься изученіемъ богословскихъ наукъ и твореній св. отцевъ Церкви, и неоднократно посылаемъ былъ братіею для собиранія милостыни, пока, наконецъ, не былъ посланъ въ Россію ([216]). Первымъ дѣломъ, какое поручили Максиму у насъ, былъ переводъ Толковой Псалтыри. Въ Россіи издавна существовали въ славянскомъ переводѣ два толкованія на эту книгу: одно, усвояемое св. Аѳанасію александрійскому, и другое блаженнаго Ѳеодорита кирскаго. Новая Толковая Псалтирь соединяла въ себѣ толкованія многихъ св. отцевъ и учителей Церкви и притомъ древнѣйшихъ ([217]). Въ помощь Максиму, еще не освоившемуся съ русскимъ языкомъ, дали двухъ толмачей, знавшихъ латинскій языкъ, Димитрія Герасимова и Власія, которые неразъ бывали послами отъ нашего государя при разныхъ дворахъ ([218]); а для переписки назначили двухъ писцовъ: Михаила Медоварцева и Силуана, инока Троице-Сергіева монастыря. Максимъ принялся за трудъ съ неутомимою ревностію, самъ переводилъ съ греческаго на латинскій языкъ,

---

([216]) Жизнь Максима до прибытія его въ Россію довольно подробно изложена въ Приб. Твор. Св. Отц. XVIII, 144—170. Максимъ, разсказывая о Парижѣ и тамошнихъ училищахъ, замѣчаетъ: „якоже слышалъ отъ нѣкихъ“ (Соч. III, 179), а говоря далѣе о Флоренціи и другихъ городахъ Италіи, выражается: „ихъже самъ видѣхъ“ (—194). Потому сомнительно свидѣтельство Курбскаго, будто Максимъ учился и въ Парижѣ (Сказан. II, 247, с. п. б. 1833).

([217]) Описаніе этой Псалтири, по переводу Максима,—въ Опис. славянск. рукоп. М. Синод. библіот. II, I, стр. 83—100.

([218]) О Герасимовѣ, со словъ котораго писалъ свои записки о Россіи Павелъ Іовій—см. *Карамз.* IV, прим. 360; VII, 86. 108; VIII, прим. 71. 207. О Власіѣ, который былъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ Герберштейномъ и со словъ котораго писалъ о Россіи Іоаннъ Фабръ,—*Карамз.* VII, 108. 125, прим. 340; IX, примѣч. 371, и *Аделунг.* Обозр. путеш. иностр. по Россіи, въ Чтен. М. Ист. Общества.

а толмачи переводили съ латинскаго на славянскій ([219]). Черезъ годъ и пять мѣсяцевъ этотъ двойный переводъ огромной книги былъ конченъ. И Максимъ, поднося ее государю, въ своемъ посвященіи или предисловіи ясно засвидѣтельствовалъ, что она-то и была причиною и цѣлію его вызова въ Россію. «Поистинѣ, — говорилъ онъ Василію Ивановичу, — помазаніе Божіе подвигло твою державу къ переложенію толкованій на псалмы, которыя много лѣтъ были заключены въ книгохранилищѣ и не приносили людямъ никакой пользы. Просвѣщенный благодатію, въ тебѣ пребывающею, исполненный божественною ревностію, ты немедленно сообщилъ свое намѣреніе (совѣтъ) преосвященнѣйшему отцу своему о Господѣ, господину Варлааму, митрополиту всей Россіи, и принявъ отъ него молитву и благословеніе, поспѣшилъ отправить граматы къ проту и инокамъ св. горы, призывая къ себѣ изъ честной обители Ватопедской священноинока Савву, на мѣсто котораго, за его старостію, посланъ былъ въ преславный градъ Москву я - монахъ Максимъ, твой послѣдній богомолецъ. И, по приходѣ сюда, принявъ отъ твоей державы сію свящ. книгу, врученную мнѣ съ благословенія святѣйшаго Варлаама, я удостоился, съ Божіею помощію, окончить переложеніе ея съ греческаго языка на русскій въ одинъ годъ и пять мѣсяцевъ». Сказавъ потомъ въ томъже предисловіи о высокомъ достоинствѣ переведенной книги и о всѣхъ толкователяхъ,

([219]) Герасимовъ въ письмѣ къ дьяку Мисюрю-Мунехину говорилъ о Максимѣ: „а нынѣ, господине, переводитъ Псалтырь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ, перемѣняяся: онъ сказываетъ по-латиньски, а мы сказываемъ по-русски писаремъ; а въ ней 24 толковника“ (Письмо напеч. въ Приб. къ Тв. Св. Отц. XVIII, 190—192).

которыхъ толкованія помѣщены въ ней, Максимъ, въ заключеніе, рекомендовалъ вниманію государя своихъ сотрудниковъ: толмачей и переписчиковъ, а себѣ, какъ исполнившему уже возложенное порученіе, просилъ одного: «мнѣ же и находящимся со мною братіямъ позволь возвратиться во св. гору, избавь насъ отъ печали долгой разлуки, отпусти насъ назадъ въ честный Ватопедскій монастырь, давно уже и непрестанно насъ ожидающій» ([220]). Впослѣдствіи времени Максимъ еще яснѣе говорилъ: «я ни на что болѣе ненуженъ славному городу Москвѣ; то неистощимое сокровище, которое онъ желалъ получить чрезъ меня — грѣшнаго, онъ уже получилъ, разумѣю соборное толкованіе на 150 богодухновенныхъ псалмовъ» ([221]). Такимъ образомъ желаніе видѣть въ славянскомъ переводѣ греческую Толковую Псалтырь — вотъ что побудило нашего государя вызвать переводчика съ Аѳонской горы. Какъ возникло это желаніе и почему выборъ государя палъ на эту, а не на другую книгу, о томъ можно только гадать. Можетъ быть, тотъже самый ватопедскій іеромонахъ Нифонтъ, котораго принималъ у себя Василій Ивановичъ въ 1515 г., еще до посольства на Аѳонъ, съ великою любовію, пересматривая изъ любопытства библіотеку великаго князя, остановился почему либо особенно на рукописной Толковой Псалтыри, прочелъ ее и сдѣлалъ о достоинствахъ ея самый высокій отзывъ. Отзывъ этотъ тѣмъ болѣе могъ привлечь вниманіе государя и потомъ митрополита и возбудить въ нихъ желаніе прочесть ее послявянски, что

([220]) *Максим.* Сочин. II, 299–317.
([221]) Тамъ же II, 377–378.

книга псалмовъ, изъ всѣхъ книгъ священнаго писанія, имѣла у насъ самое обширное употребленіе, и церковное и домашнее, и служила любимымъ чтеніемъ для всѣхъ, иноковъ и мірянъ. Можетъ быть, при выборѣ этой книги для перевода имѣли въ виду и современныхъ еретиковъ, жидовствующихъ, которые, отвергая божество І. Христа, исказили, какъ извѣстно, псалмы и другія книги пророческія, и противъ которыхъ православные русскіе могли находить въ Толковой Псалтыри достаточныя опроверженія ([222]). Какъ бы то ни было, достовѣрно только одно, что Максимъ грекъ призванъ былъ къ намъ собственно для перевода Толковой Псалтыри.

Принявъ отъ Максима переведенную книгу, великій князь передалъ ее митрополиту для соборнаго разсмотрѣнія. Наши іерархи, конечно, не могли судить о достоинствѣ перевода и сличать его съ подлинникомъ, но могли судить о достоинствѣ содержанія книги и о вразумительности слога. Черезъ нѣсколько дней они явились къ государю, во главѣ съ митрополитомъ, и соборнѣ одобрили новопереведенную Псалтырь, называя ее источникомъ благочестія. Государь съ радостію почтилъ трудившагося не только великими похвалами, но и сугубою мздою ([223]). Товарищи Максима, вмѣстѣ съ нимъ прибывшіе изъ Ватопеда, немедленно (11-го сент. 1519 г.) были отпущены, щедро надѣленные и съ довольною милостынею для св. горы ([224]). А самого Максима убѣдили еще

([222]) Самъ Максимъ, дѣйствительно, хвалитъ переведенную имъ Псалтырь и какъ оружіе „противу предателей ересемъ“ (Сочин. II, 303).

([223]) Объ этомъ сказано въ рукописномъ „Сказаніи о Максимѣ грекѣ“ (См. примѣч. 214).

([224]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 269; Ник. Лѣт. VI, 224.

остаться въ Россіи. Угодилъ онъ лично государю: ибо для него непосредственно и по его порученію перевелъ Толковую Псалтырь; успѣлъ угодить лично и митрополиту: ибо еще въ то время, какъ занимался переводомъ Псалтыри, онъ, по желанію митрополита, при помощи толмача Власія перевелъ толкованія неизвѣстнаго на послѣднія главы Дѣяній Апостольскихъ, начиная съ 13-й, и окончилъ этотъ переводъ въ мартѣ 1519 г., слѣдовательно даже прежде, нежели переводъ самой Псалтыри ([225]). Митрополитъ и государь, естественно, могли желать и ожидать отъ Максима еще такихъ же полезныхъ трудовъ. И дѣйствительно, ему поручено было теперь весьма важное дѣло—исправленіе богослужебныхъ книгъ, которое онъ и началъ съ Тріоди, при помощи прежнихъ своихъ сотрудниковъ—Димитрія и Власія ([226]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимъ находилъ возможность заниматься новыми переводами: напримѣръ, перевелъ въ 1521 г. житіе пресвятой Богородицы, составленное Метафрастомъ ([227]), а можетъ быть, написалъ тогда же и нѣкоторыя изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій, хотя мы не въ состояніи опредѣлить, какія именно. Максима уважали бояре и вельможи, и самъ государь принималъ его ходатайство за подвергавшихся опалѣ; уважали

([225]) Въ припискѣ къ этому толкованію сказано: „помощію Божіею и повелѣніемъ Варлаама митрополита всея Руси написано толкованіе Дѣяніемъ св. апостолъ отъ 31 зачала до конца зачала 51-го; и преложено съ греческаго языка на русской монахомъ Максимомъ съ горы Аѳонъ...., да Власіемъ, толмачемъ латинскимъ и нѣмецкимъ.... въ лѣто 7027-е, марта“ (Опис. Сергіев. Лавры, 158—159, М. 1857).

([226]) Максим. Сочин. I, 33. 37.

([227]) Въ 1531 г. митрополитъ Даніилъ, на соборѣ противъ старца Вассіана, сказалъ: „то житіе Пречистыя какъ написано, тому уже десять лѣтъ“ (Прѣн. м. Даніила съ стар. Васс., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. IV, 9).

и представители Церкви, и цѣлый соборъ, какъ мы упоминали, обращался къ нему за совѣтомъ, какъ поступить съ жидовиномъ Исаакомъ ([228]). Къ прискорбію, скоро начались для Максима и неблагопріятныя обстоятельства. Первое состояло въ томъ, что онъ сблизился (ок. 1521 г.) съ извѣстнымъ княземъ-инокомъ Вассіаномъ, сильнымъ при дворѣ, но противникомъ всего духовенства и въ особенности Іосифова волоколамскаго монастыря; а второе—въ томъ, что митрополитъ Варлаамъ, благопріятствовавшій Максиму, удалился съ своей святительской каѳедры.

Какъ кончилъ митрополитъ Варлаамъ свое поприще, лѣтописи наши говорятъ весьма кратко и глухо. Двѣ изъ нихъ выражаются только, что онъ «оставилъ святительство» (17-го дек. 1521 г.); третья свидѣтельствуетъ, что онъ «оставилъ митрополію и сошелъ на Симоново, а съ Симонова *сосланъ* въ Вологодской уѣздъ на Каменое» ([229]). У Герберштейна изложены нѣкоторыя подробности. «Въ то время,—пишетъ онъ,—какъ я находился въ Москвѣ посломъ императора Максиміліана, митрополитомъ былъ Варѳоломей (описка имени Варлаама), мужъ святой жизни. Когда великій князь нарушилъ клятву, данную имъ самимъ и митрополитомъ князю Шемячичу, и предпринялъ нѣкоторыя другія дѣла, которыя казались противными достоинству и власти митрополита, тогда послѣдній пришелъ къ князю и сказалъ: если ты восхищаешь себѣ всю власть, и злоупотребляешь ею, то я не могу болѣе проходить моей должности. И вслѣдъ за тѣмъ, поднесши князю

([228]) А. Э. I, стр. 141—142.
([229]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 264; VIII, 269; Ник. Лѣт. VI, 264.

своіі посохъ, отказался отъ должности. Князь немедленно принялъ посохъ, вмѣстѣ съ должностію, отъ митрополита, и, заковавъ бѣдняка въ кандалы, тотчасъ отправилъ на Бѣлоозеро. Тамъ, говорятъ, онъ нѣсколько времени оставался въ цѣпяхъ, а потомъ былъ освобожденъ и остатокъ днеій своихъ проводилъ частнымъ человѣкомъ въ монастырѣ». Въ разсказѣ Герберштейна есть важная ошибка: событіе съ Шемячичемъ случилось вовсе не при Варлаамѣ, а при его преемникѣ (въ 1523 году), и эту ложь могли сообщить нѣмецкому послу (въ 1526) намѣренно люди партіи, враждебной в. к. Василію Ивановичу. Но прочія частности разсказа не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго ([230]).

Чрезъ два мѣсяца и десять днеій по удаленіи Варлаама поставленъ былъ (27-го февр. 1522) на русскую митрополію Даніилъ, игуменъ Іосифова монастыря ([231]). Кѣмъ онъ былъ избранъ, лѣтописи молчатъ; но, вѣроятно, самимъ великимъ княземъ, какъ и прежніе митрополиты. Незадолго предъ своею кончиною (1515 г.) прен. Іосифъ Волоколамскій написалъ посланіе къ Василію Іоанновичу и поручалъ ему свою обитель подъ особенное его покровительство. Съ того времени князь заботился о неіі съ особеннымъ усердіемъ, часто посѣщалъ ее, вникалъ во всѣ ея нужды и дѣла, и здѣсь-то могъ близко

([230]) Herberst. Rer. Moscovit. Comment., apud Starczew. I, 20. Этого Шемячича вызывали въ Москву еще въ 1511 г. (Собр. Госуд. Грам. II, №№ 28 и 29); потомъ въ 1517 г., при митрополитѣ Варлаамѣ, и отпустили съ честію (*Карамз.* VII, 75); наконецъ въ 1523 г., при митрополитѣ Даніилѣ, когда, вопреки обѣщанію, схватили и заключили въ темницу (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 264; VIII, 270; *Карамз.* VII, 75), — за что современники и осуждали Даніила (А. Э. I, 111). У *пр. Филарета*, безъ всякой повѣрки, повторена ошибка Герберштейна (Ист. Р. Ц. III, 47, изд. 2).

([231]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 264; VIII, 269.

узнать и оцѣнить игумена Даніила, котораго и избралъ на митрополитскую каѳедру. Каковъ же былъ этотъ избранный? Въ упомянутомъ посланіи къ Василію Іоанновичу преп. Іосифъ поименовалъ десять старшихъ братій своей обители, которыхъ онъ считалъ наиболѣе способными къ управленію ею: въ числѣ этихъ десяти пѣтъ имени Даніила. Но когда вслѣдъ за тѣмъ Іосифъ поручилъ самимъ братіямъ избрать себѣ, на мѣсто его, новаго игумена, то они «полюбили въ совѣтѣ своемъ старца, любящаго нищету и пребывающаго въ трудахъ, постѣ и молитвахъ и не любящаго празднословія, именемъ Даніила, по прозвищу рязанца, о которомъ притомъ узнали, что онъ хочетъ въ другой монастырь на игуменство». Такой отзывъ о Даніилѣ всѣхъ братій Іосифовой обители и предпочтеніе его даже тѣмъ старцамъ, на которыхъ указывалъ самъ Іосифъ, весьма много говорятъ въ пользу Даніила, хотя желаніе его поступить на игуменство въ иную обитель заставляетъ предполагать въ немъ честолюбіе. Іосифъ охотно согласился видѣть Даніила своимъ преемникомъ, и послѣдній, еще при жизни святаго старца, былъ поставленъ въ игумена митрополитомъ Варлаамомъ ([232]).

О достоинствахъ Даніила въ должности настоятеля можемъ заключать изъ того, что онъ заслужилъ особенное благоволеніе самого государя, часто посѣщавшаго монастырь, и удостоился быть избраннымъ прямо въ санъ митрополита. На митрополитской же каѳедрѣ Даніилъ явился такимъ архимастыремъ, какихъ у насъ бывало немного. Онъ былъ, по своему времени, человѣкъ очень образованный и весьма начи-

([232]) *Савв.* Жит. Іосифа, 59. 63—65; Дополн. къ А. И. I, № 217.

танный, какъ свидѣтельствуютъ его сочиненія и другіе памятники. Онъ съ ревностію проповѣдывалъ истины св. вѣры, какъ въ храмахъ,—что составляло тогда у насъ рѣдкость,—такъ и чрезъ посланія разнымъ лицамъ; смѣло обличалъ современные пороки въ обществѣ, въ духовенствѣ, въ самыхъ вельможахъ. Особенно онъ вооружался противъ господствовавшаго тогда у насъ вольнодумства и неповиновенія уставамъ Церкви, старался охранить свое духовное стадо «отъ еретиковъ, хулившихъ Христа Бога и Его пречистую Матерь», т. е. жидовствующихъ, которые, значитъ, еще существовали, и въ своихъ поученіяхъ и обличеніяхъ говорилъ всегда *яко власть имѣяй*,—что нѣкоторымъ могло показаться гордостію,—и держась во всемъ неуклонно основныхъ началъ православія: св. писанія, ученія и правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ ([233]). Правда, сохранились о Даніилѣ и свидѣтельства для него невыгодныя. Но чьи это свидѣтельства? Во-первыхъ,—людей недовольныхъ, находившихся въ опалѣ, за которыхъ онъ не хотѣлъ ходатайствовать и которые, естественно, могли всячески порицать его въ своихъ домашнихъ бесѣдахъ; такъ, одинъ изъ нихъ говорилъ: «не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ, и Даніилъ митрополитъ ли, или простой черпецъ; учительнаго слова отъ него нѣтъ никакого и ни о комъ онъ не печалуется, тогда какъ прежніе святители печаловались предъ государемъ о всѣхъ людяхъ» ([234]). А во-вторыхъ—свидѣтельства людей, враждеб-

([233]) *Бѣляев.* Даніилъ, митроп. Москов., въ Изв. II-го отд. Ак. наукъ, V, 197—207; *Горск.* и *Невостр.* Опис. слав. рукоп. М. Синод. библ. II, 3, стр. 147—164; Памятник. старинн. Русск. Литер. IV, 194. 200

([234]) А. Э. I, № 172, стр. 141. Извѣстно напротивъ, что Даніилъ часто ходатайствовалъ (*Соловьев.* Ист. Россіи, V, 417).

ныхъ Даніилу, людей партіи князя-инока Вассіана и Максима грека, или враждебныхъ и великому князю, каковъ былъ впослѣдствіи князь Андрей Курбскій. Потомокъ древнихъ удѣльныхъ князей, онъ свою родовую и личную ненависть къ царю Іоанну IV перенесъ и на отца его Василія, и въ своей извѣстной «Исторіи князя великаго Московскаго» старался изобразить Василія Іоанновича, какъ величайшаго злодѣя и тирана. А вслѣдъ за тѣмъ, до крайности восхваляя всѣхъ, которые имѣли несчастіе подвергнуться его гнѣву, въ особенности князя-инока Вассіана и Максима грека, также неумѣренно порицалъ людей, пользовавшихся благоволеніемъ Василія Ивановича, въ особенности иноковъ Іосифова монастыря и митрополита Даніила: первыхъ называлъ не иначе, какъ презлыми и прелукавыми, а послѣдняго «прегордымъ, лютымъ и проклятымъ» ([235]). Вообще вся «Исторія» Курбскаго дышетъ очевиднымъ пристрастіемъ къ людямъ его партіи и почему либо ему близкимъ (къ числу такихъ относился и Максимъ грекъ: Курбскій любилъ называть себя его ученикомъ) и нескрываемою ненавистію къ Іоанну IV, его отцу и дѣду — великимъ князьямъ московскимъ, на которыхъ тогдашніе наши бояре, потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, смотрѣли не иначе, какъ на беззаконныхъ нарушителей ихъ стародавнихъ правъ

([235]) *Курбск.* Сказан. I, 4. 49. 52 и др. А князя-старца Вассіана, который принялъ иночество неволею и провелъ въ пустынѣ всего около четырехъ лѣтъ (см. выше примѣч. 172), а потомъ жилъ въ Москвѣ, былъ страшнымъ временщикомъ у вел. князя (примѣч. 207), производилъ пытки (см. текстъ, къ которому относится примѣч. 208) и пользовался роскошнымъ столомъ отъ вел. князя (*Зимов.* Истин. Показ. 899–900. 904). Курбскій не стыдился уподоблять, по святости и строгости жизни, прямо Антонію великому и Іоанну Крестителю (Сказан., стр. 3).

и какъ на грабителей. А потому въ Исторіи этой немало извѣстій, иногда только неточныхъ, иногда искаженныхъ, а иногда и совершенно ложныхъ и вымышленныхъ ([236]). Враги Даніила, либералы того времени, противъ которыхъ онъ возставалъ съ такою силою въ своихъ сочиненіяхъ, чернили его еще при его жизни, и они-то, по всей вѣроятности, увѣрили Герберштейна, будто Даніилъ избранъ (въ 1522 г.) въ митрополита только тридцати лѣтъ и будто онъ, чтобы не казаться болѣе преданнымъ чреву, нежели посту, бдѣнію и молитвѣ, окуривалъ лицо свое сѣрою, для приданія ему блѣдности, каждый разъ, когда шелъ на богослуженіе и являлся предъ народомъ ([237]). Между тѣмъ какъ еще при избраніи Даніила во игумена въ 1515 г. его называли «старцемъ» (хорошъ былъ бы старецъ и игуменъ — 22-хъ лѣтъ!); да онъ не могъ удостоиться тогда, по дѣйствовавшимъ правиламъ, даже священства или іеромонашества, не имѣя трид-

---

([236]) Довольно подробно разсмотрѣна эта Исторія Курбскаго *С. Горскимъ* въ сочиненіи: „Жизнь и историческое значеніе князя Андрея Михайловича Курбскаго“, Казан. 1858, стр. 213–348. Замѣтивъ предварительно, что Курбскій не заслуживаетъ полнаго довѣрія, какъ человѣкъ партіи, какъ бѣглецъ изъ отечества и врагъ Россіи и ея царю, какъ писавшій о многомъ только по однимъ слухамъ (родился въ 1528 г., а бѣжалъ изъ Россіи въ 1564 г.), авторъ провѣрилъ за тѣмъ критически, одно за другимъ, многія сказанія Курбскаго и показалъ, какъ они неточны, или противорѣчивы, или совершенно ложны. Напримѣръ, о в. к. Іоаннѣ III Курбскій написалъ, что онъ брата своего Андрея удавилъ въ темницѣ веригами, сына своего Іоанна и его жену *святую* Елену отравилъ ядомъ, и сына ихъ—своего внука—Димитрія удавилъ въ темницѣ; между тѣмъ какъ всѣ эти лица умерли своею смертію; притомъ Елена вовсе не была святою, а была еретичкою, послѣдовательницею ереси жидовствующихъ, Димитрій же скончался въ темницѣ уже при Василіѣ Іоанновичѣ (*Горск.* стр. 219–229). На другія, столько же ложныя, свидѣтельства Курбскаго, какія только касаются нашей церковной исторіи, мы будемъ указывать сами, гдѣ придется.

([237]) *Герберштт.* у *Старчевск.* Hist. Ruthen. script. exter. I, 20.

цати лѣтъ. И братія, какъ мы видѣли, за то именно и избрали Даніила себѣ въ настоятеля, что онъ любилъ пребывать въ трудахъ, постѣ и молитвахъ.

Взысканный милостію государя и пользуясь его неизмѣннымъ благоволеніемъ, митрополитъ Даніилъ, естественно, долженъ былъ платить государю взаимною совершенною преданностію и старался во всемъ угождать ему, хотя иногда, быть можетъ, и болѣе надлежащаго. По крайней мѣрѣ, извѣстны два такого рода случая. Въ 1523 году позванъ былъ въ Москву, и уже не въ первый разъ, внукъ извѣстнаго князя Димитрія Шемяки, Сѣверскій князь Василій Шемячичъ, по подозрѣнію его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою. Великій князь и митрополитъ напередъ выслали ему свои «опасныя» граматы съ удостовѣреніемъ его въ личной безопасности. И когда онъ прибылъ въ Москву, то принятъ былъ съ честію; но чрезъ нѣсколько дней его схватили, какъ уличеннаго въ измѣнѣ, и заключили въ темницу. Нѣкоторые не вѣрили этой измѣнѣ и осуждали великаго князя и митрополита за неправду. Боярин Беклемишевъ-Берсень, находившійся подъ опалою князя, сказалъ однажды въ домашней бесѣдѣ, будто Даніилъ выражалъ радость, что Богъ избавилъ государя отъ «запазушнаго» врага Шемячича, а «то митрополитъ позабылъ, что самъ писалъ къ Шемячичу грамату, и приложилъ къ ней свою руку и печать, и взялъ его на образъ Пречистыя и чудотворцевъ, да на свою душу», — хотя впослѣдствіи Берсень отказался отъ этихъ своихъ словъ ([238]). Другіе,

([238]) А. Э. I, стр. 144—145. Снес. П. Собр. Р Лѣт. VI, 264; VIII, 270; *Карамз.* VII, 75; *Курбск.* Сказан. I, 170.

напротивъ, говорили, что Шемячичъ точно былъ виноватъ, что уликою ему послужило его собственное письмо, которое онъ послалъ-было къ польскому королю чрезъ кіевскаго воеводу, а воевода доставилъ прямо Василію Ивановичу ([239]). Это послѣднее извѣстіе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Шемячичъ и прежде два раза (въ 1511 и 1517 году) былъ вызываемъ въ Москву по бывшимъ на него доносамъ о сношеніяхъ его съ польскимъ королемъ, но каждый разъ оправдывался предъ государемъ и съ честію былъ отпускаемъ въ свой удѣлъ ([240]). Теперь же, вѣрно, не могъ оправдаться и обличенъ былъ неопровержимою уликою. А еслибы Василій Ивановичъ хотѣлъ только погубить Шемячича, даже безвинно, чтобы воспользоваться его удѣломъ, то, конечно, въ состояніи былъ бы сдѣлать это и въ оба первые раза. И слѣдовательно обвиненія, взводимыя на митрополита Даніила по дѣлу князя Шемячича, можетъ быть, несправедливы.

Другой случай гораздо важнѣе. Прошло уже около двадцати лѣтъ, какъ Василій Іоанновичъ вступилъ въ бракъ (4-го сент. 1505 г.) съ дочерью князя Юрія Константиновича Сабурова, Соломоніею, но не имѣлъ отъ нея дѣтей. Такое неплодство жены сильно огорчало государя, тѣмъ болѣе что онъ желалъ оставить по себѣ наслѣдникомъ на престолѣ своего сына. Однажды Василій открылъ свою скорбь предъ боярами, и началъ съ плачемъ говорить имъ: «кому по мнѣ царствовать на русской землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ? Братіямъ отдать? Но они и своихъ удѣловъ упра-

([239]) *Герберштейн.* у *Старчевск.* I, 45.
([240]) См. выше примѣч. 230.

вить не умѣютъ». Бояре отвѣчали: «неплодную смоковницу посѣкаютъ и извергаютъ изъ виноградника», — намекая на необходимость развода ([241]). Бояре, конечно, знали слабость государевыхъ братьевъ, могли страшиться за будущность отечества и, въ видахъ государственной пользы, могли дать такой совѣтъ. Но не боярамъ предлежало рѣшить этотъ вопросъ, а власти церковной. Сохранилось преданіе, будто великій князь, по совѣту митрополита Даніила, посылалъ грамату ко всѣмъ четыремъ патріархамъ востока и просилъ у нихъ разрѣшенія развестися съ неплодною женою и вступить въ новый бракъ, и будто патріархи всѣ отвѣчали князю рѣшительнымъ отказомъ: дѣло весьма возможное, хотя самое сказаніе мало возбуждаетъ къ себѣ довѣрія ([242]). Да и въ Россіи,

---

([241]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 269.

([242]) Сказаніе напеч. въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1847, VIII, отд. IV, подъ названіемъ: „Выпись изъ государевой граматы, что̀ прислана къ в. к. Василію Ивановичу, о сочетаніи втораго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради, твореніе *Паисьино, старца Ферапонтова монастыря*“. Кто былъ этотъ старецъ Паисій и когда жилъ, неизвѣстно; но, очевидно, онъ не одно лице съ Паисіемъ Ярославовымъ, старцемъ не Ферапонтова, а *Спасо-каменнаго* монастыря, жившимъ во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣка (вопреки *Филар.* Обз. Р. Дух Литер. § 106). Если имя автора сказанія не вымышлено: то можно догадываться, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые держались стороны князя-старца Вассіана и глубоко его чтили, писалъ не прежде, какъ во второй половинѣ XVI вѣка, при царѣ Грозномъ или даже по его смерти, и пользовался только устными преданіями, изукрашенными и искаженными, какъ пользовался ими и Курбскій, говоря о временахъ в. к. Василія Іоанновича. Ибо авторъ — а) превозноситъ Вассіана чрезвычайными похвалами, которыя влагаетъ во уста самого великаго князя; б) говоритъ, будто іерусалимскій патріархъ Марко предсказалъ Василію Іоанновичу, что если онъ разведется съ своею женою и вступитъ въ бракъ съ другою, то будетъ имѣть отъ нея наслѣдника, отъ котораго все царство наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, города запылаютъ... и проч., короче — такого наслѣдника, какимъ и былъ Іоаннъ Грозный; в) утверждаетъ, подобно Курбскому, будто старецъ Вассіанъ, когда не совѣтовалъ князю развестись съ женою, вслѣдъ за тѣмъ былъ заточенъ въ Іосифовъ монастырь, между тѣмъ какъ Вассіанъ, и послѣ развода Василія Ивановича, пользовался его благоволеніемъ и уже лѣтъ черезъ пять, совсѣмъ по

если вѣрить Курбскому, нашлись люди, которые смѣло объясняли Василію Ивановичу всю противозаконность его намѣренія ([243]). Но Даніилъ, глава русской Церкви, вопреки ясному ученію Евангелія и церковныхъ правилъ, дозволилъ государю разводъ съ его женою за одно только ея неплодство. И несчастная Соломонія, по однимъ извѣстіямъ, добровольно, а по другимъ — вслѣдствіе крайняго насилія, пострижена въ черницы подъ именемъ Софіи 28-го ноября 1525 года, и потомъ отпущена въ суздальскій Покровскій монастырь. Этого мало: не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ незаконнаго развода, какъ митрополитъ, опять вопреки церковныхъ правилъ, благословилъ Василія вступить въ новый бракъ съ княжною Еленою Глинскою, и даже самъ 21-го января 1526 года обвѣнчалъ ихъ ([244]). Быть не можетъ, чтобы Даніилъ не понималъ своей вины; но онъ могъ успокоивать себя мыслію, что беретъ на душу грѣхъ изъ любви къ отечеству, ради государственной пользы, или могъ извинять себя тѣмъ, что дѣйствуетъ по неволѣ, уступая силѣ и власти. У него недостало мужества отказать государю и чрезъ то подвергнуться его гнѣву и, можетъ быть, лишиться сана и даже жизни. Но многіе ли способны къ такому героизму? Вспомнимъ, какъ

другому дѣлу, былъ сосланъ въ Іосифовъ монастырь, какъ увидимъ далѣе. Не говоримъ уже о томъ, что бесѣда Василія Ивановича съ Вассіаномъ изложена такимъ книжнымъ, вычурнымъ, многорѣчивымъ языкомъ, какимъ они не могли объясняться, и что вообще сочиненіе написано слишкомъ искуственно и витіевато и содержитъ немало словъ вовсе нерусскихъ (*Карамз.* VII, примѣч. 277).

([243]) *Курбск.* Сказан. I, 3–4.

([244]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 264; VIII, 271; Ник. Лѣт. VI, 231; *Карамз.* VII, 84, примѣч. 280; *Соловьев.* V, прим. 375. Курбскій и тутъ исказилъ дѣло, говоря, будто Василій Ивановичъ жилъ съ Соломоніею 26 лѣтъ и, постригши ее насильно, заточилъ „въ далѣчайшій монастырь.., въ землѣ *Каргопольской* лежащь“, и тамъ затворилъ ее въ темницу (Сказан. I, 2).

въ послѣдующее время наши святители находились вынужденными уступать слову Грознаго царя, требовавшаго себѣ разрѣшенія на незаконные браки. Достойно замѣчанія, что Даніилъ счелъ нужнымъ какбы объясниться съ своею духовною паствою по этому случаю и написалъ цѣлыхъ три слова, въ которыхъ доказывалъ, на основаніи церковныхъ правилъ, что ни разводъ, ни второй бракъ послѣ развода не позволительны, и что уступка противъ церковнаго закона по государственнымъ нуждамъ не можетъ служить примѣромъ для частныхъ лицъ ([245]).

У насъ существуетъ мнѣніе, что дѣло о разводѣ и второмъ бракѣ великаго князя Василія Ивановича имѣло вліяніе на судьбу Максима грека и князя - старца Вассіана Косаго, и было первою причиною ихъ несчастій. Мнѣніе это основывается, сколько извѣстно, на словахъ Курбскаго, Паисія - старца Ѳеранонтова монастыря и одного хронографа, но не заслуживаетъ полной вѣры ([246]). Курбскій свидѣтельствуетъ, что въ числѣ многихъ, возбранявшихъ великому князю разводъ и второй бракъ, дѣйствительно находился Вассіанъ, и что Василій Ивановичъ не только ихъ не послушалъ, но велѣлъ невиннаго Вассіана схватить, сослать въ Іосифовъ монастырь и уморить скорою смертію, равно и «другихъ св. мужей, овыхъ заточилъ на смерть, отъ нихъже единъ Максимъ философъ, а другихъ погубити повелѣлъ». Паисій также говоритъ о гнѣвѣ великаго князя на Вассіана и ссылкѣ его

([245]) *Быліев.* Даніилъ, митр. Моск., въ Изв. 2-го отд. Ак. Наукъ, V, 206; *Горск. и Невостр.* Опис. рукоп. М. Синод. библ. II, 3, стр. 163.

([246]) *Карамз.* VII, 103, примѣч. 343; *Филаретъ.* Максимъ грекъ въ Москвит. 1812, VI, № II, стр. 54—55; Христ. Чтен. 1862, I, 345 и др.

въ Іосифовъ монастырь. Наконецъ въ хронографѣ сказано, что великій князь прогнѣвался на Максима и прочихъ за ихъ обличенія противъ развода, котораго онъ желалъ, и что потому старецъ Вассіанъ сосланъ въ Іосифовъ монастырь, а Максимъ въ Тверь (247). Но сохранился самый подлинникъ одной граматы Василія Ивановича, которую онъ далъ 14-го сент. 1526 г., слѣд. уже послѣ своего развода и втораго брака, Пиловой Сорской пустынѣ, *по ходатайству старца князя Вассіана*, и граматы важной—о неподсудимости пустыни власти епархіальнаго архіерея (248). Что же это значитъ? Значитъ, что старецъ Вассіанъ не только не былъ удаленъ или сосланъ куда либо, но продолжалъ оставаться въ силѣ у государя. А отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или Вассіанъ вовсе не дѣлалъ возраженій противъ развода и втораго брака государева, или если и дѣлалъ, то государь за эти возраженія не прогнѣвался на него, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы лишить его своего благоволенія. Странно было бы, еслибы за тоже самое государь могъ прогнѣваться только на Максима грека, и въ такой степени, что рѣшился преслѣдовать его изъ мести. Съ другой стороны извѣстно, что и старецъ Вассіанъ и Максимъ грекъ дѣйствительно были сосланы первый въ Іосифовъ монастырь, а послѣдній въ Тверь, но уже въ 1531 г., и вовсе, какъ увидимъ, не за сопротивленіе разводу и второму браку Василія Ивановича. Нѣтъ, были другія причины и обстоятельства, по которымъ измѣнилась судьба Максима грека и старца Вассіана.

(247) *Курбск.* Сказан. I, 3—4; *Пансій-* въ Чтен. М. Истор. Общ 1847, VIII, отд. IV, 4; Хроногр у *Карамз.* VII, примѣч. 343.
(248) А. Э. I, № 173.

Главный трудъ, за который принялся Максимъ послѣ перевода Толковой Псалтыри, состоялъ въ пересмотрѣ и исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ. Въ спискахъ этихъ книгъ онъ встрѣтилъ множество ошибокъ, нерѣдко грубыхъ, а иногда и еретическихъ, и имѣлъ неосторожность оглашать ихъ, да и не могъ утаить. Между русскими явился ропотъ; стали говорить, что Максимъ «прилагаетъ досаду» возсіявшимъ въ нашей землѣ чудотворцамъ, которые именно «спцевыми священными книгами благоугодиша Богу», т. е. по нимъ спаслись. Сверхъ того, Максимъ, приступая къ пересмотру нашихъ книгъ, еще не зналъ достаточно русскаго языка, а пользовался пособіемъ переводчиковъ, вслѣдствіе чего при исправленіяхъ и самъ легко могъ допустить невольныя погрѣшности, и не могъ предотвратить ошибокъ или описокъ со стороны своихъ сотрудниковъ. Такія погрѣшности дѣйствительно оказались, даже значительныя, и неизбѣжно поднялся новый говоръ: Максимъ не исправляетъ, а портитъ наши священныя книги, сѣетъ еретичество. Обвиненіе слишкомъ важное, особенно при тогдашней степени просвѣщенія въ нашемъ духовенствѣ и во всѣхъ мірянахъ. Князь-инокъ Вассіанъ одинъ превозносилъ Максима и говорилъ: «здѣшнія книги всѣ лживы, а здѣшнія правила—кривила, а не правила; до Максима мы по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, нынѣ же мы познали Бога Максимомъ и его ученіемъ» ([249]). Подобные отзывы и изъ устъ извѣстнаго защитника еретиковъ-жидовствующихъ и врага православнаго духо-

([249]) *Максим.* Сочин. III, 88; Прѣн. и Даніила съ Максим., въ Чтен. М. Истор. Общ. VII, отд. II, стр. 7. 10.

венства могли только еще болѣе возбуждать русскихъ противъ Максима. Кромѣ исправленія богослужебныхъ книгъ, Максимъ занимался переводами другихъ книгъ и писалъ много своихъ сочиненій, хотя необширныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ позволилъ себѣ рѣзко нападать на современные недостатки и пороки въ народѣ, въ вельможахъ, въ духовенствѣ. Еще болѣе неосторожности было въ томъ, что онъ усвоилъ себѣ мысль старца Вассіана-Косаго о неприличіи монастырямъ и святителямъ владѣть недвижимыми имуществами и для распространенія ея написалъ нѣсколько статей ([250]): этимъ онъ шелъ не только противъ собора, недавно рѣшившаго вопросъ совсѣмъ иначе, не только противъ иноковъ, святителей, митрополита, но и противъ великаго князя, который продолжалъ надѣлять монастыри новыми владѣніями и новыми жалованными граматами. Митрополитъ Даніилъ сначала былъ, кажется, въ добрыхъ отношеніяхъ къ Максиму: приводилъ въ своихъ словахъ мѣста изъ Толковой Псалтыри, переведенной Максимомъ; а послѣдній окончилъ въ 1524 г. переводъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на Евангелія Матѳея и Іоанна «благословеніемъ, радѣніемъ и тщаніемъ Даніила митрополита» ([251]). Но когда Даніилъ предложилъ Максиму перевесть исторію блаж. Ѳеодорита и повторялъ это предложеніе три раза, Максимъ не послушался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ исторіи помѣщены и письма нѣкоторыхъ еретиковъ, которыя могутъ быть опасны для «простоты». Да-

---

([250]) *Максим.* Сочин. II, 89. 153. 214. 220; III, 178 и др.

([251]) Опис. старопеч книгъ Царск. № 191; Опис. Сергіев. Лавры 159, М. 1857.

ніилъ глубоко оскорбился этимъ троекратнымъ непослушаніемъ ([252]). Самая же важная неосторожность Максима состояла въ томъ, что онъ позволялъ себѣ дѣйствія, которыя могли возстановить противъ него непосредственно великаго князя: напримѣръ, принималъ у себя бояръ, находившихся подъ опалою государя и бесѣдовалъ съ ними наединѣ; имѣлъ сношенія съ турецкимъ посломъ, находившимся тогда въ Москвѣ и враждебнымъ Россіи. За такія-то дѣйствія прежде всего и пришлось Максиму поплатиться.

Въ первый разъ онъ привлеченъ былъ къ суду въ февралѣ 1525 г., слѣдовательно за девять слишкомъ мѣсяцевъ до развода великаго князя Василія Іоанновича, и привлеченъ по дѣлу о двухъ опальныхъ боярахъ Иванѣ Беклемишевѣ-Берсенѣ и Ѳедорѣ Жареномъ. Весь актъ этого слѣдственнаго дѣла до насъ не сохранился; потому мы и не можемъ опредѣлить вполнѣ, насколько тутъ виновенъ былъ Максимъ. А сохранился только отрывокъ о двухъ засѣданіяхъ суда. Въ одномъ засѣданіи келейникъ Максимовъ Аѳанасій грекъ показалъ, что къ Максиму хаживали шесть человѣкъ ([253]), но изъ нихъ «добрѣ совѣтенъ» былъ Максиму именно Иванъ Берсень, и что когда приходили прочіе, то они «спиралися межь себя о книжномъ», и Максимъ келейниковъ своихъ не высылалъ, а когда приходилъ Берсень, Максимъ высылалъ всѣхъ келейниковъ и долго сиживалъ съ нимъ одинъ на одинъ. Самъ Максимъ показалъ, что Берсень дѣйствительно приходилъ къ нему,

([252]) *Максим.* Сочин. II, 372.

([253]) Это были: Иванъ Берсень, князь Иванъ Токмакъ, Василій Тучковъ, Иванъ Даниловъ Сабуровъ, князь Андрей Холмскій и Юшко Тютинъ.

а также, какія рѣчи велъ съ нимъ Берсень и какія Ѳедоръ Жареный про государя, его мать Софію и митрополита: между ними были, точно, оскорбительныя, особенно для государя. Берсень отказался отъ этихъ своихъ рѣчей, Жареный не отказался. Въ другомъ засѣданіи, происходившемъ 22-го февраля, Максима не было: его незадолго передъ тѣмъ, по выраженію Берсеня, «ужъ изымали», а были только Берсень и Жареный. Первый сознался теперь, что Максимъ показывалъ на него правду; Жареный сказалъ, что великій князь «присылалъ къ нему игумена троицкаго, чтобы ему на Максима всю истину сказалъ». Значитъ, Максимъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе. Другихъ подробностей дѣла не знаемъ; но оно считалось, вѣрно, очень важнымъ и кончилось тѣмъ, что великій князь приказалъ Берсеню отрубить голову, а Жареному вырѣзать языкъ ([254]).

Черезъ мѣсяцъ начался цѣлый рядъ соборовъ, происходившихъ то во дворцѣ государя, то въ палатахъ митрополита впродолженіе апрѣля и мая, на Максима и его единомышленниковъ, изъ которыхъ извѣстенъ Савва, также святогорецъ, родомъ грекъ, новоспасскій архимандритъ. Къ сожалѣнію, до насъ дошла запись только объ одномъ изъ этихъ соборовъ, а что происходило на прочихъ, мы знаемъ лишь вкороткѣ изъ акта позднѣйшаго собора, бывшаго уже въ 1531 г. на тогоже Максима, когда митрополитъ счелъ нужнымъ напомнить Максиму, за что онъ былъ судимъ и осужденъ въ 1525 году. Изъ этихъ напоминаній и изъ названной записи видимъ, что Максима судили въ 1525 г. за вины противъ

([254]) А. Э. I, № 172; *Карамз.* VII, примѣч. 335.

государя и Россіи, за вины противъ русскаго духовенства и русской Церкви, за вины противъ православной вѣры.

«Вы,—говорилъ митрополитъ Даніилъ въ своихъ напоминаніяхъ Максиму,—пришли отъ св. горы изъ турецкой державы къ нашему благочестивѣйшему государю для милостыни, и государь жаловалъ васъ милостынями, посылалъ многіе дары въ ваши монастыри, почелъ васъ великою честію: и вамъ слѣдовало бы молить Бога за благочестиваго государя и за всю его державу. А вы съ Саввою, вмѣсто добра, умышляли зло великому князю, и посылали граматы къ турецкимъ пашамъ и къ самому турецкому царю, подымая его на нашего благочестиваго государя и его державу. Да вы же знали совѣты и похвальбы турецкаго посла Скиндера (родомъ грека, приходившаго тогда въ Москву нѣсколько разъ), что онъ хотѣлъ поднять турецкаго царя на нашего государя и его державу: ты зналъ то, Максимъ, но не сказалъ ни государю, ни его боярамъ. Да ты же говорилъ многимъ людямъ: быть на русской землѣ турецкому султану, ибо онъ не любитъ сродниковъ царей цареградскихъ. Ты же, Максимъ, называлъ великаго князя гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ прежде бывали нечестивые гонители и мучители. Ты же говорилъ: князь великій Василій выдалъ землю крымскому царю, а самъ, оробѣвъ, бѣжалъ отъ турецкаго»... и проч. Неизвѣстно, что отвѣчалъ Максимъ на такія важныя обвиненія, какъ оправдывался. Но, видно, оправданія его признали недостаточными и даже черезъ шесть лѣтъ его снова обвиняли въ томъже. Еще замѣчательнѣе то, что Максимъ тутъ обвинялся не одинъ, а вмѣстѣ съ святогорцемъ Саввою, который потомъ и пострадалъ, былъ сосланъ въ Зосимінъ мона-

стырь ([255]). Значитъ ложно предположеніе, будто хотѣли обвинить только Максима.

«Ты, Максимъ, — продолжалъ митрополитъ, обращаясь уже къ одному Максиму, — укоряешь и хулишь наши церкви и монастыри за то, что они имѣютъ стяжанія, села, доходы; а въ вашихъ монастыряхъ на св. горѣ и въ другихъ мѣстахъ вашей земли у церквей и монастырей села есть, да и въ писаніяхъ отеческихъ это дозволено. Ты же, Максимъ, укоряешь и хулишь св. чудотворцевъ Петра, Алексія и Іону, митрополитовъ всея Россіи, и прен. чудотворцевъ Сергія, Варлаама, Кирилла, Пафнутія и Макарія, и говоришь: они держали города, волости, села, людей, собирали пошлины и оброки, имѣли богатства, а потому имъ нельзя быть чудотворцами». Не знаемъ, что и на это отвѣчалъ Максимъ. Но когда ему напомнили: «ты говорилъ многимъ людямъ, что здѣсь въ Москвѣ митрополитъ поставляется своими епископами, безъ благословенія цареградскаго патріарха, а все то за гордость не принимаютъ патріаршаго благословенія и ставятся собою самочинно и безчинно»; Максимъ сознался, что дѣйствительно спрашивалъ, на какомъ основаніи ставятся русскіе митрополиты не по прежнему обычаю у патріарха, и что хотя много допытывался благословенной граматы, какую будтобы далъ на то русскимъ цареградскій патріархъ, но доселѣ не видалъ ее, и думаетъ, что русскіе митрополиты ставятся такъ по гордости. Наконецъ, когда Максиму напомнили: «на тебя подали запись протопопъ Аѳанасій, попъ Василій,

([255]) Прѣп. м. Даніила съ Макс., въ Чт. М. Ист. Общ. VII, отд. II, 4—5; *Карамз* VII, примѣч 343.

да протодіаконъ Иванъ Чюшка, что ты здѣшнія книги хулишь и сказываешь, что на Руси нѣтъ ни Евангелія, ни Апостола, ни Псалтыри, ни правилъ, ни уставовъ, ни отеческихъ, ни пророческихъ книгъ»; Максимъ сталъ препираться съ протопопомъ и утверждалъ, что того не говаривалъ, а говорилъ только, что здѣсь на Руси книги непрямы, а иныя перепорчены переводчиками, потому должны быть переведены вновь ([256]). Какъ ни судить о всѣхъ этихъ обвиненіяхъ на Максима, но они, очевидно, были не вымышленныя, а основанныя на дѣйствительности, и не могли не казаться, особенно нѣкоторыя, неоскорбительными для русскаго духовенства и Церкви.

Самая важная вина Максима противъ православной вѣры состояла въ слѣдующемъ: онъ говорилъ и училъ многихъ, и писалъ о Христѣ, что сидѣніе Его одесную Отца есть мимошедшее, минувшее, подобно тому, какъ пребываніе Адама въ раю и сидѣніе его прямо рая—мимошедшее. Потому гдѣ было въ нашихъ книгахъ написано: «Христосъ *взыде* на небеса и *сѣде* одесную Отца», или: «*сѣдяй* одесную Отца», Максимъ то зачеркалъ или выскребъ, а вмѣсто того написалъ: «*сѣдывъ* одесную Отца», или «*сѣдывшаго* одесную Отца», а въ иномъ мѣстѣ: «*сидылъ* одесную Отца». Здѣсь дѣйствительно скрывается мысль ложная, даже еретическая: мы исповѣдуемъ Христа, какъ истиннаго Сына Божія, единосущнымъ, совѣчнымъ и сопрестольнымъ Богу Отцу, и слѣдовательно сидѣніе Христа одесную Отца есть никогда непрестающее, а не прошедшее, не минувшее. Къ изумленію, Максимъ и на

([256]) Прѣн. м. Даніила съ Максим., тамъ же 13.

соборѣ отвѣчалъ: «въ томъ нѣтъ никакой разности, — какъ пребываніе Адама въ раю и сидѣніе прямо рая есть мимошедшее, такъже и Христово сидѣніе одесную Отца есть мимошедшее». И этотъ самый отвѣтъ повторилъ черезъ шесть лѣтъ на соборѣ 1531 года ([257]). Могли ли же отцы собора не обвинить Максима въ такомъ важномъ и вмѣстѣ упорномъ заблужденіи? Уже впослѣдствіи, въ 1534 г., въ своемъ исповѣданіи вѣры, Максимъ оправдывалъ себя въ этой погрѣшности тѣмъ, что при исправленіи книгъ онъ не зналъ достаточно русскаго языка, а передавалъ свои мысли полатыни толмачамъ Димитрію и Власу, и потому если есть что либо хульнаго въ реченіяхъ: *сѣдѣлъ еси, сѣдѣвъ*, то слѣдуетъ вмѣнить такое «нелѣпое презрѣніе» не ему, а толмачамъ: онъ не понималъ тогда различія въ такихъ реченіяхъ ([258]). Что касается до другихъ догматическихъ заблужденій, въ которыхъ обвиняли Максима на соборѣ 1525 г., то онъ старался отклонять ихъ отъ себя. Напримѣръ, когда его спросили: зачѣмъ вы написали въ своихъ правилахъ: аще кто нарече пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ? Максимъ отвѣчалъ: я того не писалъ и не велѣлъ писать; это описка, а описки бываютъ и въ нашихъ книгахъ, и въ вашихъ; вы за то насъ не обвиняйте. Когда ему сказали: гдѣ въ нашихъ книгахъ написано: *безстрастно* божество, — ты то загладилъ и написалъ: *нестрашно* божество, а въ другомъ мѣстѣ: *безстрашно* божество; Максимъ отвѣчалъ: то опись, а описался писецъ; вы сами то исправляйте. Былъ и такой во-

---

([257]) Тамъ же стр. 12

([258]) *Максим.* Сочин. I, 33. 34.

просъ Максиму: для чего ты многократно говорилъ многимъ людямъ: Христосъ взошелъ на небеса, а тѣло свое оставилъ на землѣ, и оно ходитъ по пустымъ мѣстамъ между горъ, и отъ солнца погорѣло и почернѣло, какъ головня? Максимъ отвѣчалъ: это на меня ложь, я того не говорилъ. Но какъ тотчасъ же, съ очей на очи съ Максимомъ, Михаилъ Медоварцевъ, старецъ Вассіанъ Рушанинъ, келейникъ Максимовъ— инокъ Аѳанасій грекъ, да Ѳедоръ Сербинъ, подтвердили, что все то Максимъ говорилъ; онъ сознался, что виноватъ, что онъ точно когда-то разсказывалъ, какъ все то говорятъ люди лихіе, невѣрные; но самъ онъ такъ не лжемудрствуетъ ([259]).

Повторяемъ: отнюдь не въ вымышленныхъ какихъ-то заблужденіяхъ и погрѣшностяхъ обвиняли Максима, а, сколько извѣстно, въ дѣйствительныхъ. И если нѣкоторыя изъ нихъ онъ отклонялъ отъ себя, за то въ другихъ, и очень немаловажныхъ, сознался предъ лицемъ собора. Слѣд., невѣрно мнѣніе, будто Максима тогда судили и осудили совершенно невинно, по однимъ клеветамъ, по одной «зависти» митрополита Даніила, какъ написалъ Курбскій ([260]). Пусть будетъ справедливо, что главные судіи, самъ государь и митрополитъ, питали къ Максиму враждебныя чувства и, можетъ быть, старались обвинить его; но не самъ ли Максимъ возбудилъ къ себѣ эти непріязненныя чувства своими прежними, неосторожными поступками? «Многіе соборы», бывшіе на Максима въ 1525 г., кончились тѣмъ, что онъ посланъ былъ въ Іосифовъ волоколамскій монастырь и заключенъ въ темницу

([259]) Прѣн. м Даніила съ Максим., тамъ же 11—12.
([260]) *Курбск.* Сказан. I, 49.

«обращенія ради, и покаянія, и исправленія», и чтобы онъ тамъ никого не училъ, ничего не писалъ и не сочинялъ, ни къ кому не посылалъ и ни отъ кого не получалъ посланій ([261]). Находясь въ темницѣ, Максимъ терпѣлъ «различныя озлобленія и томленія и отъ голода, и отъ холода, и отъ дыма, отъ чего иногда дѣлался какбы мертвымъ» ([262]). Къ сожалѣнію, Максимъ не хотѣлъ покориться рѣшенію собора: покаянія и исправленія не показывалъ и продолжалъ писать посланія. Къ нему приставлены были два старца: старецъ Тихонъ Лелковъ для надзиранія за нимъ и старецъ Іона священникъ, въ качествѣ духовника. И Максимъ говорилъ имъ: «я чистъ отъ чрева матери моей донынѣ отъ всякаго грѣха, не имѣю на себѣ никакой вины, и меня напрасно держатъ безъ вины». Къ этому присовокуплялъ: «я учился философству, и на меня находитъ гордость; я знаю все вездѣ, гдѣ что ни дѣется». Такъ же оправдывалъ онъ себя, и превозносилъ, и называлъ невиннымъ вездѣ (вѣроятно, чрезъ свои посланія). Между тѣмъ въ переводахъ и исправленіяхъ его открывались новыя погрѣшности. И вотъ, взирая на такой «необратный нравъ» и на вновь открывшіяся «богохульныя вины» Максима, его потребовали изъ Іосифова монастыря въ Москву и поставили предъ митрополитомъ Даніиломъ и соборомъ. Это случилось въ 1531. году. Новыя вины, за которыя теперь судили Максима, кромѣ нераскаянности его въ прежнихъ, были немногочисленны, но весьма важны, какъ сознавался самъ Максимъ, хотя и старался отклонить ихъ отъ себя.

([261]) Прѣн. м. Даніила съ Максим., тамъ же 4.

([262]) *Максим.* Сочин. II, 365; *Горск. и Невостр.* Опис. рукоп. М. Синод. библ. II, 2, стр 579.

Первая вина—вина противъ догмата о пресв. Дѣвѣ Богородицѣ. Лѣтъ за десять предъ тѣмъ (слѣд. ок. 1521 г.) Максимъ перевелъ житіе пресв. Богородицы, составленное Метафрастомъ. Въ этомъ переводѣ находились слѣдующія строки: «обрѣтеся убо Іосифъ якова искаше слова отъ тогоже колѣна и отечества Дѣвицы, и обручаетъ, по совѣщанью іереовъ, себѣ отроковицу, *совокупленія же до обрученія бы*»; а въ другомъ мѣстѣ: «и носимаго въ Ней плода утробы преславнѣ нарицаетъ, *аки* (т. е. какбы) сѣмени мужеска никакоже причастившеся»; въ третьемъ: «тайное отпущеніе устрояше Іосифъ, *аки* праведенъ сый, глаголетъ»... Когда Максима спросили, онъ ли переводилъ означенное житіе, Максимъ отвѣчалъ, что—онъ со старцемъ Селиваномъ да съ Михаиломъ Медоварцевымъ, и что житіе тогда же списано Медоварцевымъ для себя, а Исакомъ Собакою для старца-князя Вассіана, отъ котораго этотъ списокъ переданъ великому князю, и у послѣдняго хранится въ казнѣ. Когда же Максиму прочитали на соборѣ приведенныя нами строки изъ житія, онъ началъ говорить: «это *ересь жидовская*; я такъ не переводилъ, и не писалъ, и не приказывалъ писать; то на меня ложь; если же я такую хулу мудрствовалъ или писалъ, да буду проклятъ». Между тѣмъ противъ Максима свидѣтельствовалъ самый списокъ житія пресв. Богородицы, изъ котораго приведены были на соборѣ хульныя слова: это былъ именно тотъ списокъ, который, по словамъ самого Максима, сдѣланъ былъ съ его подлинника для старца-князя Вассіана и доселѣ хранился у великаго князя. Противъ Максима свидѣтельствовалъ Михаилъ Медоварцевъ, который говорилъ на соборѣ: «я съ Максимомъ того житія не переводилъ; оно переведено Мак-

симомъ и старцемъ Селиваномъ, и списалъ я то житіе не у Максима, а у Юшки Елизарова. И какъ стали носиться рѣчи о тѣхъ строкахъ въ житіи и князь-старецъ Вассіанъ спросилъ меня, есть ли оно у меня, и объявилъ, что о тѣхъ строкахъ уже говорятъ, я поспѣшилъ тотчасъ же исправить ихъ въ моихъ тетрадяхъ, и вмѣсто «*совокупленія*» написалъ «*совыщанія*», вмѣсто «*аки* сѣмени мужеска» написалъ «*яко* сѣмени мужеска», вмѣсто «*аки* праведенъ сыи» написалъ «*яко* праведенъ сыи». Далѣе на вопросъ митрополита, зачѣмъ онъ-Михаилъ доселѣ не сказывалъ духовнымъ властямъ о тѣхъ строкахъ, Медоварцевъ отвѣчалъ: «я много разъ спрашивалъ о всѣхъ тѣхъ строкахъ старца-князя Вассіана и Максима грека, и они мнѣ говорили: «не твое дѣло; ты только пиши; а то такъ и надобно, то есть истина». Я хотѣлъ сказать тебѣ, митрополиту, и владыкамъ: но Вассіанъ и Максимъ не велѣли ничего сказывать, говоря: «они того не вѣдаютъ, а знаютъ только одно,—имъ надобны пиры и села, да скакать и смѣяться съ ворами». И не я одинъ, но и старецъ Селиванъ вмѣстѣ со мною много разъ говорилъ имъ о тѣхъ строкахъ, и они намъ возбраняли и говорили: «то такъ и надобно». Противъ Максима свидѣтельствовалъ еще чернецъ Вассіанъ Рушанинъ, клирошанинъ, который жилъ въ Чудовомъ монастырѣ и нѣсколько времени побылъ въ келліи князя-старца Вассіана (значитъ, тамъ живнаго), правя у него книги. Этотъ чернецъ показывалъ, что спрашивалъ князя Вассіана о тѣхъ строкахъ, и Вассіанъ послалъ за Максимомъ и оба они, посовѣтовавшись между собою, отвѣчали: «такъ то и надобно»; въ другой разъ спрашивалъ о томъ одного Максима, и получилъ отъ него такой же отвѣтъ. Показанія

свои, какъ Медоварцевъ, такъ и Рушанинъ повторили предъ лицемъ собора на очной ставкѣ съ Максимомъ въ присутствіи старца-князя Вассіана; но Максимъ и Вассіанъ запирались и отвѣчали: «мы отъ васъ того не слышали и вамъ того не говорили». Можно думать, что въ тѣхъ хульныхъ строкахъ о пресв. Богородицѣ, которыя Максимъ справедливо назвалъ жидовскою ересію, онъ самъ не былъ виновенъ, по крайней мѣрѣ, сознательно, но болѣе виновенъ былъ князь-старецъ Вассіанъ, который, какъ увидимъ, дѣйствительно раздѣлялъ и другія еретическія мысли жидовствующихъ и былъ постояннымъ ихъ покровителемъ. Максимъ въ то время, какъ переводилъ житіе пресв. Богородицы, еще мало зналъ русскій языкъ и могъ въ точности не разумѣть соблазнительнаго смысла означенныхъ строкъ; но Вассіанъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ этотъ смыслъ, какъ разумѣли старецъ Селиванъ, Медоварцевъ и Рушанинъ. А потому когда послѣдніе обратились къ нему-Вассіану съ своими сомнѣніями, онъ могъ бы вразумить и Максима. Между тѣмъ князь-старецъ не только не вразумилъ Максима, но, напротивъ, посовѣтовавшись съ нимъ, сталъ утверждать вмѣстѣ съ Максимомъ: «то такъ и надо, то—истина». Максимъ положился на Вассіана, какъ природнаго русскаго, а Вассіанъ расчелъ, можетъ быть, воспользоваться авторитетомъ Максима, чтобы чрезъ его переводъ содѣйствовать распространенію хульныхъ мыслей о Богородицѣ. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что чрезъ десять лѣтъ послѣ этого перевода Максимъ, уже достаточно узнавшій нашъ языкъ, прямо назвалъ на соборѣ тѣ строки еретическими, а мудрствующаго такъ призналъ достойнымъ проклятія.

Вторая вина—вина противъ догмата о Христѣ, какъ Сынѣ

Божіемъ. Митрополитъ спросилъ Максима: «зачѣмъ ты въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ загладилъ слѣдующія слова о вѣрѣ въ Господа І. Христа, Сына Божія: *рече Филиппъ каженику: аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, можно ти есть* (креститися); *отвѣщавъ же каженикъ, рече: вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа* (Дѣян. 8, 37)?» Максимъ отвѣчалъ: «то загладилъ Михаилъ Медоварцевъ; а я такъ не писалъ, и не приказывалъ писать, и не мудрствовалъ; если же я такъ писалъ, или велѣлъ писать, или мудрствовалъ, да буду проклятъ». Тогда Медоварцевъ, спрошенный митрополитомъ, показалъ: «мнѣ велѣлъ загладить Максимъ; а князь-старецъ Вассіанъ велѣлъ мнѣ слушать его, и я слушалъ его и писалъ, а иное заглаживалъ. Много разъ сказывалъ я о томъ Вассіану, но онъ мнѣ говорилъ: мало ли что бредили и писали! А когда я замѣтилъ, что русскія книги переведены съ греческихъ, которыя написаны отъ Св. Духа св. апостолами, Вассіанъ воскликнулъ: отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа (хула жидовствующихъ противъ писаній апостольскихъ)! Ты слушай меня да Максима грека, и какъ тебѣ велитъ писать или заглаживать, такъ и дѣлай. Здѣшнія книги всѣ лживыя, и здѣшнія правила—кривила, а не правила». Услышавъ это митрополитъ снова спросилъ Медоварцева: «зачѣмъ же ты не сказывалъ о такихъ хульныхъ рѣчахъ намъ еще на прежнемъ соборѣ, бывшемъ на Максима?» Медоварцевъ отвѣчалъ: «боялся объявлять о такихъ вещахъ, боялся старца Вассіана, чтобы онъ не уморилъ меня; въ томъ я виноватъ, что заглаживалъ изъ страха предъ Вассіаномъ». Во всякомъ случаѣ трудно повѣрить, чтобы Медоварцевъ, который былъ только писцомъ при Максимѣ, осмѣлился самовольно загладить озна-

ченныя слова въ свящ. книгѣ, исправляемой Максимомъ, если бы Максимъ и Вассіанъ того не хотѣли: они могли бы немедленно заставить его, чтобы онъ исправилъ сдѣланную имъ ошибку.

Третья и послѣдняя вина — вина противъ догмата о Св. Духѣ и всей Пресв. Троицѣ. Митрополитъ спросилъ Максима: «зачѣмъ ты загладилъ больной отпустъ въ Троицкую вечерню, представляющій такое премудрое изложеніе о Пресв. Троицѣ и Св. Духѣ?» Максимъ отвѣчалъ: «то вѣдаетъ Михаилъ Медоварцевъ»; а Медоварцевъ сказалъ: «мнѣ велѣлъ загладить Максимъ, и я, загладивъ только двѣ строки, усомнился и объявилъ Максиму, что не могу заглаживать, дрожь меня проняла великая и на меня напалъ ужасъ. Тогда Максимъ взялъ книгу да самъ загладилъ все до конца». «Такъ ли то было?»—спросилъ Максима митрополитъ, и Максимъ отвѣчалъ: «мнѣ велѣлъ загладить митрополитъ Варлаамъ, да владыка суздальскій Симеонъ, да владыка крутицкій Досиѳей, да князь-старецъ Вассіанъ (который, значитъ, имѣлъ власть повелѣвать Максиму); а свидѣтелемъ при этомъ былъ Михаилъ Медоварцевъ». Но Медоварцевъ сказалъ: «я ничего того не слышалъ отъ Варлаама митрополита и отъ Симеона и отъ Досиѳея; одинъ князь-старецъ Вассіанъ приказалъ мнѣ слушать Максима и заглаживать, какъ повелитъ, и я дѣйствовалъ по ихъ велѣнью. А преслушать Вассіана я боялся, потому что онъ былъ великій временный человѣкъ и ближній у великаго князя; я и государя такъ не боялся, какъ боялся его-Вассіана». Вслѣдъ за тѣмъ и Досиѳей владыка крутицкій, присутствовавшій на соборѣ, объявилъ, что онъ въ совѣтѣ о томъ съ митрополитомъ Варлаамомъ не бывалъ и

загладить отпустъ Троицкой вечерни никому не приказывалъ, ни Максиму, ни Вассіану. Такимъ образомъ Максиму не удалось отклонить отъ себя и этого послѣдняго обвиненія.

По разсмотрѣніи новыхъ винъ Максима, его спрашивали и о прежнихъ винахъ, въ которыхъ онъ не хотѣлъ раскаяться, — и Максимъ повторялъ свои прежніе отвѣты и, между прочимъ, опять утверждалъ, что сидѣніе І. Христа одесную Отца есть мимошедшее, какъ сидѣніе Адама прямо рая ([263]). Подъ конецъ, однакожъ, Максимъ самъ сознался себя виновнымъ, три раза повергался ницъ предъ свящ. соборомъ и просилъ себѣ прощенія; но сознался себя виновнымъ не болѣе, какъ только «въ нѣкіихъ малыхъ описяхъ», найденныхъ въ его переводѣ, и говорилъ, что онъ сдѣлалъ эти описи вовсе не по ереси и не по лукавству какому либо, а случайно, или по забвенію, или по скорби, его смущавшей, или иногда по излишнему винопитію. Между тѣмъ какъ соборные акты, нами разсмотрѣнные, показываютъ, что Максимъ виновенъ былъ болѣе, нежели въ однѣхъ малыхъ и случайныхъ описяхъ, и что нѣкоторыя его вины были отнюдь немаловажны, а въ то время могли казаться даже весьма важными и прямо еретическими. Потому неудивительно, если отцы собора не простили Максима, а осудили «аки хульника и священныхъ писаній тлителя», отлучили его отъ св. Христовыхъ таинъ и снова въ оковахъ послали на заточеніе, только не въ Іосифовъ-волоколамскій монастырь, а въ Отрочъ-тверскій ([264]). Что отцы

([263]) Прѣн. м. Данійла съ Максим., тамъ же 7—11.

([264]) *Максим.*, Сочин. II, 369–370. 374. Въ посланіи къ митроп. Макарію Максимъ говоритъ, что лишенъ причастія уже 17 лѣтъ (Сочин. II, 364). Но посланіе это писано уже послѣ 1544 г.: потому что здѣсь Максимъ упоми-

собора, съ митрополитомъ Даніиломъ во главѣ, дѣйствовали здѣсь собственно по убѣжденію въ важности тѣхъ винъ, за которыя судили Максима, доказательствомъ служитъ осужденіе вмѣстѣ съ Максимомъ и Михаила Медоварцева, который тогда же сосланъ былъ въ Коломну, хотя виновность послѣдняго далеко не могла равняться съ Максимовою ([265]). А еслибы Даніилъ руководился тутъ одною личною непріязнію къ Максиму, которой дѣйствительно отвергать нельзя, и имѣлъ въ виду только притѣснить и погубить его: въ такомъ случаѣ Медоварцевъ, за свои смѣлыя и подробныя показанія противъ Максима, заслужилъ бы, конечно, милость отъ митрополита, но не казнь.

Дошла, наконецъ, очередь и до князя-старца Вассіана Косаго. Едва окончился соборъ, судившій и осудившій Максима, какъ открылся новый соборъ (11-го мая 1531 г.) для суда надъ Вассіаномъ. Ненапрасно еще прежде укоряли его въ гордости и дерзости, о чемъ онъ самъ неразъ замѣчаетъ въ своихъ сочиненіяхъ ([266]): теперь его гордость и дерзость обнаружились въ высшей степени. Понятна эта гордость въ человѣкѣ, который былъ сынъ перваго вельможи въ государствѣ, занималъ самъ должность воеводы, приходился въ родствѣ великому князю, и хотя подвергся-было опалѣ и насильно

наетъ о ходатайствѣ за него вселенскаго патріарха Діонисія (—366), который написалъ о немъ ходатайственное посланіе къ нашему в. князю во время самаго посвященія своего въ санъ патріарха, именно въ іюнѣ 1544 г. (Посланіе напечатано въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, № VIII, отд. II, 272—275, а о времени посвященія Діонисія см. Списокъ Царегр. Патріарх. въ Христ. Чтен. 1861, III, 81). Значитъ, Максимъ отлученъ отъ св. причастія не съ 1525, а съ 1531 года.

([265]) *Карамз.* VII, примѣч. 343.

([266]) Нацеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1863, III, 111. 182. 188.

постриженъ въ монашество, но вскорѣ снова приблизился ко двору, и, живя въ монастырѣ, пользовался роскошнымъ столомъ отъ государя, сдѣлался его ближайшимъ совѣтникомъ и временщикомъ, грознымъ для всѣхъ. Но непростительна эта гордость въ инокѣ и старцѣ-пустынникѣ, какимъ Вассіанъ любилъ самъ выставлять себя,—непростительна тѣмъ болѣе, что она выражалась не въ какихъ либо мірскихъ дѣлахъ, а въ дѣлахъ вѣры и Церкви. Съ возмутительною дерзостію относился онъ къ предметамъ, самымъ священнымъ для всякаго православнаго христіанина, ко всѣмъ духовнымъ властямъ, ко всѣмъ православнымъ, не раздѣлявшимъ его мыслей, называя ихъ всѣхъ еретиками, даже отступниками, и не хотѣлъ, напримѣръ, признать святость преп. Макарія колязинскаго потому только, что онъ былъ будтобы «сельской мужикъ». Долго терпѣли Вассіана церковныя власти, можетъ быть, потому, что боялись его, какъ сильнаго временщика, или и потому вмѣстѣ, что не знали нѣкоторыхъ важнѣйшихъ его дерзостей. Но когда дерзости эти раскрылись вполнѣ, когда Вассіанъ лишился прежней силы: его потребовали къ отчету на соборъ ([267]).

Извѣстно, какое значеніе въ православной Церкви имѣетъ книга правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцевъ, называемая обыкновенно Кормчею. И эту-то книгу Вассіанъ вздумалъ переправить по своему: иное выбросилъ изъ нея, другое переставилъ въ ней и перемѣшалъ, третье помѣстилъ въ ней и прибавилъ отъ своего

([267]) Дѣяніе этого собора, подъ заглавіемъ: „Прѣніе Данила съ старцемъ Васьяномъ“, напечатано въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, IX, отд. IV.

домышленія, согласно съ своими любимыми мыслями. «Какъ смѣлъ ты дерзнуть на такое дѣло?»—спросилъ Вассіана митрополитъ Даніилъ. И Вассіанъ отвѣчалъ: «меня понудилъ на то митрополитъ Варлаамъ со священнымъ соборомъ, а на томъ соборѣ были владыки — Вассіанъ ростовскій, Симеонъ суздальскій и Досиѳей крутицкій». Но находившійся тутъ же Досиѳей сказалъ: «я на томъ соборѣ не бывалъ и не слышалъ о немъ, и митрополитъ Варлаамъ того старцу Вассіану не приказывалъ; какъ Вассіанъ св. правила, апостольскія и отеческія, разрушилъ, а новыя свои правила написалъ, тому 14 лѣтъ (слѣд. въ 1517 г.); а Вассіанъ ростовскій и Симеонъ суздальскій преставились еще за два года прежде, тому лѣтъ 16 (дѣйствительно, оба скончались въ 1515 г., первый 28-го авг., а послѣдній 13-го ноября). Вассіанъ взводитъ на меня ложь» ([268]). Даніилъ, съ своей стороны, замѣтилъ Вассіану: «правда, случалось иногда, что по нуждѣ поручаемы были нѣкоторыя церковныя дѣла и людямъ, не облеченнымъ въ св. санъ, но только людямъ премудрымъ и благочестивымъ, а не строптивымъ и развращеннымъ, какъ ты, который строптивое и развращенное и говоришь, и проповѣдуешь, и пишешь». Даже если согласиться, что Варлаамъ точно поручалъ Вассіану пересмотрѣть и исправить книгу правилъ: это еще отнюдь не значило, будто Вассіанъ упол-

([268]) Кормчая эта сохранилась доселѣ и на ней дѣйствительно сдѣлана надпись (вѣрно ли, или не вѣрно, не знаемъ), что она „списана въ 7025 году (1517), по благословенію всероссійскаго митрополита Варлаама“ (Опис. рукоп. гр. Толстова, отд. I, № 169, стр, 92). О другомъ спискѣ тойже Кормчей, находящемся нынѣ въ библ. Моск. Д. Академіи, говорится въ статьѣ: „Замѣтка для исторіи Стоглава“, напеч. въ Лѣтоп. Русск. Литер. и древн. *Тихонрав.* V, отд. III, 140—141, М. 1863.

помоченъ былъ исказить ее и внести въ нее свои хульныя мысли. «Въ чемъ мое стропотство и развращеніе?» — спросилъ онъ Даніила.

«Ты,—молвилъ митрополитъ,—развратилъ на свой разумъ св. великую книгу правилъ и написалъ въ ней отъ себя такъ: «есть въ св. правилахъ сопротивное Евангелію, и Апостолу, и жительству св. отцевъ» ([269]). А въ другихъ мѣстахъ написалъ и многимъ людямъ говорилъ: «правила писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа». А Христа называешь тварію и въ нетлѣнную ересь (т. е. будто плоть Христова была нетлѣнна отъ самаго рожденія, а не подобна во всемъ плоти человѣческой, кромѣ грѣха) вѣруешь и пребываешь въ ней. А чудотворцевъ называешь смутотворцами, потому что они имѣли у монастырей села и людей». Обвиненія, какъ всякій видитъ, весьма важныя, даже чрезвычайно важныя. Что же отвѣчалъ на нихъ Вассіанъ? Онъ какбы не обратилъ на нихъ и вниманія, не счелъ нужнымъ и отвѣчать на нихъ, а только сказалъ: «я писалъ о селахъ: во Евангеліи писано (гдѣ?), не велѣно селъ монастырямъ держать». Когда же, по приказанію митрополита, прочитаны были Вассіану разныя мѣста изъ церковныхъ правилъ, изъ писаній и житій св. отцевъ, свидѣтельствовавшія, что монастырямъ имѣть земли и села не возбранено, что и въ прежнія времена монахи, хотя владѣли селами, однако умѣли благоугождать Богу и спасались,

([269]) Дѣйствительно, въ означенной (прим. 268) Кормчей, на послѣднемъ листѣ, написано: „есть въ св. правилѣхъ супротивно св. Евангелію и Апостолу и всѣхъ св. отецъ жительству, но не смѣхъ на своей души сего положити, и о семъ возвѣстихъ господину отцу моему митрополиту Варлааму и всему свящ. собору. И они ми не велѣли ничего выставливати, глаголя: кто цѣломудръ разумъ имѣетъ, той лучшего держится, еже есть по Возѣ; такожде и мы хотимъ и благословляемъ“ (Опис. рукоп. Толст., стр. 92—93).

Вассіанъ вынужденъ былъ отвѣчать: «тѣ села держали, но пристрастія къ нимъ не имѣли». На это митрополитъ справедливо молвилъ: «какъ древніе св. отцы и чудотворцы, имѣвшіе у своихъ монастырей села, не имѣли къ нимъ пристрастія, такъ точно поступали и въ нынѣшнія лѣта св. отцы и чудотворцы, имѣвшіе у монастырей села: почему же ты думаешь, что нынѣшніе чудотворцы были пристрастны къ селамъ?» И Вассіанъ отвѣчалъ: «я не вѣдаю, чудотворцы ли то были»,—отвѣтъ, вовсе не свойственный покорному сыну православной Церкви.

«Ты, продолжалъ митрополитъ, въ своихъ правилахъ написалъ: «иноками жить по Евангелію, селъ не держать и не владѣть ими; если же иноки не хранятъ своего обѣщанія, то св. писаніе именуетъ ихъ отступниками и предаетъ проклятію». Ино ты оболгалъ божественное писаніе и священныя правила: они не возбраняютъ монастырямъ держать села и инокамъ отъ нихъ питаться; не именуютъ отступниками и не предаютъ проклятію людей, если они согрѣшаютъ. Ты всѣхъ называешь грѣшниками, а одного себя безгрѣшнымъ и законоположителемъ. Ты похулилъ въ своихъ правилахъ всѣхъ, православно-вѣрующихъ во Христа, и всѣхъ назвалъ еретиками, отступниками и законопреступниками» ([270]). На все

([270]) Въ означенной своей Кормчей Вассіанъ, по невѣжеству ли, или по крайнему упорству въ своихъ мысляхъ, между прочимъ, написалъ совершенно вопреки исторической истинѣ: „такожь и Росейскыа земли здѣшніе наши начальницы и чюдотворцы: Антоній и Ѳеодосій Печерскыи, иже въ Кіевѣ чудотворци, и Сергій радонежскый и Кириллъ бѣлозерскый и Варламъ новгородскый, и Діонисій глушицкый, и Павелъ комельскый—*селъ къ своимъ монастыремъ не имали*, но своихъ учениковъ учили по Евангелію жити и по иноческому обѣщанію, но и паче запрѣщали имъ о семъ своимъ писаніемъ“ (Замѣт. для ист. Стогл., въ Лѣт. Русск. Литер. V, отд. III, 140. Снес. Приб. къ Твор. Св. Отц. X, 513).

это Вассіанъ отвѣчалъ только: «я писалъ для себя, на воспоминаніе своей души, да и тѣхъ не похваливаю, которые села держатъ». Есть ли тутъ какое либо оправданіе?

Два свидѣтеля обличали князя-старца Вассіана на соборѣ за извѣстныя уже намъ хульныя строки въ житіи преєв. Богородицы, переведенномъ Максимомъ грекомъ. Нѣкто Вассіанъ Рогатая-Вошь показывалъ, что князь Вассіанъ послалъ списокъ этого житія въ свою пустынь на Бѣлоозеро и потомъ, когда начались розыски о тѣхъ строкахъ, отправилъ туда же грамату къ строителю Христофору, чтобы послѣдній совершенно загладилъ хульныя строки. Князь-старецъ сперва заперся-было въ этомъ, но послѣ очной ставки сказалъ: «не помню, посылалъ ли я, или не посылалъ». Другой свидѣтель, черпецъ Вассіанъ Рушенинъ, бывши въ Новгородѣ, разсказалъ о хульныхъ строкахъ архіепископу Макарію, равно и о томъ, какъ князь-старецъ Вассіанъ и Максимъ отвѣчали на спросъ его — Рушенина о тѣхъ строкахъ: «такъ то и надобно». Макарій прислалъ объ этомъ митрополиту грамату, а Даніилъ заявилъ ее на соборѣ. Кромѣ того Рушенинъ и лично повторилъ свое показаніе предъ соборомъ на очной ставкѣ съ княземъ Вассіаномъ. Но Вассіанъ не сознался.

Еще одинъ старецъ, изъ постриженниковъ Іосифова монастыря, по имени Досиѳей, подалъ митрополиту записку, въ которой изложилъ, какъ князь Вассіанъ выражалъ предъ нимъ жидовскія мысли о самомъ Христѣ-Спасителѣ и другія. Вассіанъ, пока не увидѣлъ этого старца, сказалъ Даніилу: «Іосифова монастыря старцы у меня и въ кельи не бывали; я ихъ къ себѣ не пущаю, и дѣла мнѣ до нихъ нѣтъ». Но когда увидѣлъ Досиѳея, примолвилъ: «Досиѳей старецъ великій и

добрый, онъ у меня въ келіи много разъ бывалъ». И этотъ-то добрый старецъ на очной ставкѣ съ Вассіаномъ показалъ слѣдующее, согласно съ своею запискою: «позвалъ меня Вассіанъ на Симоновѣ въ свою келлію, и далъ мнѣ недѣльное евангеліе толковое о Самарянинѣ, и указалъ строку: «тварь покланяется твари», да молвилъ: «той строки я, еще живучи въ пустыни, изыскивалъ»,—думая привесть и меня къ своему злоумію; но я посмотрѣлъ въ книгу да и отдалъ ее. Пришедши въ церковь, я опять сталъ смотрѣть на ту строку; а онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «что смотришь?» Я отвѣчалъ: «вчерашнюю строку». И онъ молвилъ: «покинь; Христосъ, де, самъ тварь, твари покланяется тварь». Я ему тогда не возразилъ. А онъ опять подошелъ ко мнѣ и крикнулъ: «дьявольскимъ духомъ писали отцы на соборахъ, а не Святымъ!» Братъ Голова совѣтовалъ мнѣ: «молчи, иначе уморитъ тебя». Но я сказалъ: «не боюсь», и, идя отъ обѣдни, молвилъ Вассіану: «какъ ты давеча говорилъ, что не Св. Духомъ св. отцы писали»?—и началъ съ нимъ браниться.....Потомъ, однажды послѣ меѳимона сталъ Вассіанъ со мною говорить: «Богъ, де, къ себѣ молвилъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему*». А я отвѣчалъ: «такъ говорятъ еретики; колибъ къ себѣ одному, Онъ бы сказалъ: сотворю человѣка по образу моему; но Онъ сказалъ къ Сыну и Духу: *сотворимъ человѣка по образу нашему*». Вассіанъ замолчалъ, видя, что во мнѣ ему нѣтъ части, и покинулъ меня». Вассіанъ, выслушавъ на соборѣ показанія Досиѳея, во всемъ заперся. Нельзя не припомнить, что такъ именно дѣйствовали всегда еретики жидовствующіе, которымъ Вассіанъ покровительствовалъ: они обыкновенно старались казаться православными, открывали свое лжеученіе не

каждому, а только тому, кого надѣялись увлечь, и когда ихъ начинали обличать въ ереси, они запирались во всемъ, иногда даже съ клятвою.

Достойны замѣчанія и нѣкоторыя другія пренія митрополита Даніила съ Вассіаномъ, происходившія на томъже соборѣ. *Митрополитъ*: ты предо мною, митрополитомъ, и предъ владыками, прежде нынѣшняго собора, называлъ божественное правило кривиломъ. *Вассіанъ*: ино воленъ Богъ, да ты. *Митрополитъ:* ты говорилъ про чудотворцевъ: «Господи! что это за чудотворцы? Сказываютъ, въ Колязинѣ Макарѣ чудеса творитъ, а мужикъ былъ сельской». *Вассіанъ*: я его зналъ, простой былъ человѣкъ, а чудотворецъ ли онъ, пусть будетъ, *какъ вамъ любо* и съ нимъ, чудотворецъ ли или не чудотворецъ ([271]). *Митрополитъ* справедливо замѣтилъ, что въ дѣлѣ святости важно «не тѣлесное благородіе, но духовное», что въ числѣ святыхъ и чудотворцевъ бывали всегда и люди простые, не только свободные, но и рабы. *Вассіанъ:* ино вѣдаетъ Богъ, да ты и съ своими чудотворцами. *Митрополитъ*: всѣ православные покланяются честному гробу и св. мощамъ св. Іоны чудотворца, митрополита всея Россіи, а ты одинъ только не покланяешься ему и не чтишь его, какъ слѣдуетъ воздавать честь святымъ. *Вассіанъ*: я не вѣдаю, чудотворецъ ли

([271]) Чтобы понять всю горечь этихъ словъ, надобно знать, что мощи преп. Макарія колязинскаго, открытыя еще въ 1521 г., начали торжественно чествоваться при самомъ митрополитѣ Даніилѣ съ его разрѣшенія, и что въ это самое время отъ нихъ совершались многочисленныя чудеса (Обрѣтен. мощей преп. Макарія колязинск., въ рукоп. Сборн. моей библ. № 4 й, л. 102—113; Сборн. Новгор. Соф. библ. № 1419: см. Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., вып. III, отд. III, 87). Да Макарій отнюдь не былъ простой мужикъ, но былъ сынъ прославившагося въ бояхъ боярина Василія Кожи, родоначальника дворянъ Кожиныхъ (*Филар.* Русск. Свят. Март. 17-го числа).

Іона. А между тѣмъ, прибавимъ отъ себя, праздновать въ честь св. Іоны митрополита начали по всей русской землѣ еще со времени открытія нетлѣнныхъ мощей его, въ 1472 г., хотя окончательно празднованіе это утверждено Церковію уже въ 1547 г. ([272]). *Митрополитъ*: ты и самъ мудрствовалъ и другихъ училъ, что плоть Господня была нетлѣнна и прежде воскресенія ея; ино то противно Евангелію, и Апостолу, и ученію св. отцевъ; то ересь древняя, проклятая вселенскими и помѣстными соборами. *Вассіанъ*: я какъ прежде говорилъ, такъ и теперь говорю: плоть Господня нетлѣнна, до гроба и во гробѣ нетлѣнна. *Митрополитъ*: гдѣ ты слышалъ и видѣлъ то, что говоришь: плоть Господня нетлѣнна отъ воплощенія Его и до воскресенія Его? *Вассіанъ:* слышалъ и видѣлъ такъ. *Митрополитъ*: скажи и намъ, у кого слышалъ, и гдѣ видѣлъ такъ написано. *Вассіанъ*: а то вѣдаетъ Богъ, да ты; кто хочетъ искать, тотъ и найдетъ. *Митрополитъ*: нечего искать, потому что то мудрованіе есть еретическое, то ересь древнихъ еретиковъ, изъ которыхъ одни учили, что Христосъ воплотился по привидѣнію, а не истинно; другіе, что Онъ снесъ плоть свою съ неба и прошелъ чрезъ утробу Дѣвы, какъ вода чрезъ трубу; третьи, что тѣло Христово несозданно и нетлѣнно отъ самаго его зачатія. Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію митрополита, прочитаны были Вассіану весьма многія свидѣтельства изъ древнихъ св. отцевъ, доказывавшія, вопреки лжеученію еретиковъ, что Христосъ воплотился и родился отъ пресв. Дѣвы Маріи, что Онъ совершенно едино-

---

([272]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 196; VIII, 178. 202. 203; Степ. кн. II, 88; Пролог. 27 мая; А. Э. I, № 213.

сущенъ намъ по человѣчеству, что Онъ воспріялъ на Себя нашу человѣческую плоть со всѣми ея свойствами, а не какую нибудь другую, отличную отъ нашей, небесную, нетлѣнную, духовную; что Онъ, подобно намъ, своею плотію и алкалъ, и жаждалъ, и чувствовалъ усталость и всѣ мученія, которыя потерпѣлъ за насъ.

Конца соборнаго акта не сохранилось, и мы не знаемъ, не былъ ли Вассіанъ обличаемъ еще въ другихъ какихъ либо заблужденіяхъ и вольныхъ мысляхъ. Но изъ другаго источника извѣстно, что соборъ осудилъ Вассіана и послалъ его, съ соизволенія великаго князя, въ заточеніе въ тотъ самый монастырь, противъ котораго Вассіанъ всего болѣе враждовалъ и который старался даже разорить, именно въ Іосисовъ—волоколамскій, гдѣ онъ и скончался ([273]). Какъ бы снисходительно мы ни судили о старцѣ-князѣ Вассіанѣ, но, имѣя въ виду извѣстныя его дѣйствія и особенно соборное дѣяніе о немъ, мы никакъ не можемъ сказать, чтобы онъ былъ христіанинъ, православный во всемъ и покорный сынъ Церкви; напротивъ должны сознаться, что по нѣкоторымъ предметамъ онъ былъ дерзкій вольнодумецъ и упорный противникъ православной Церкви, былъ даже еретикъ, по крайней мѣрѣ, держался нѣкоторыхъ еретическихъ мнѣній и, очень вѣроятно, не былъ чуждъ ереси жидовствующихъ. Называть подобную личность передовымъ человѣкомъ своего времени не

([273]) .... „Онъ же въ монастырѣ и преставися, и погребенъ бысть тамо“ (Прибавл. къ Твор. Св. Отц. X, 508). А Курбскій пишетъ, будто великій князь повелѣлъ „блаженнаго Васьяна“ заточить „въ прегорчайшую темницу“ въ Іосифовомъ монастырѣ и „скорою смертію уморити“, и иноки будто „умориша его вскорѣ“ (Сказан. I, 4).

согласится безпристрастная исторія, особенно исторія церковная, тѣмъ болѣе, что и по своему уму и образованію Вассіанъ, какъ показываютъ немногія уцѣлѣвшія его сочиненія и дѣйствія, нимало не выдавался изъ ряду другихъ образованныхъ своихъ современниковъ и далеко не могъ равняться ни съ преп. Іосифомъ волоколамскимъ, противъ котораго враждовалъ, ни съ Максимомъ грекомъ, къ которому былъ расположенъ.

Правленіе митрополита Даніила продолжалось еще около семи лѣтъ; но о дѣйствіяхъ его въ это время извѣстно весьма немного. Послѣднюю услугу великому князю Василію Ивановичу оказалъ онъ незадолго предъ его кончиною (3-го дек. 1533 г.). Пришедши уже въ крайнее изнеможеніе, государь выразилъ давнее свое желаніе постричься. Нѣкоторые бояре стали-было противиться этому и говорили: «великій князь Владиміръ кіевскій и другіе великіе князья умерли не въ чернецахъ, а сподобились покоя съ праведными». Тогда митрополитъ, съ гнѣвомъ выразивъ свое неблагословеніе главному изъ возражателей, Андрею Ивановичу Воронцову, присовокупилъ: «хорошъ сосудъ серебряный, но лучше позлащенный», и поспѣшилъ исполнить волю умиравшаго князя, далъ ему при постриженіи имя Варлаама, и въ монашескихъ одеждахъ похоронилъ его въ Архангельскомъ соборѣ ([274]). Умирая, Василій Іоанновичъ «приказалъ» сына своего и наслѣдника Іоанна, которому не исполнилось еще четырехъ лѣтъ, отцу своему Даніилу митрополиту. И Даніилъ, едва только скончался государь, немедленно привелъ братьевъ его и бояръ къ присягѣ новому государю и матери его, правительницѣ государства,

([274]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 274; VIII, 285.

Еленѣ. А чрезъ нѣсколько времени, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи духовенства, князей, бояръ и народа, торжественно благословилъ Іоанна св. крестомъ на великое княженіе ([275]). Пока жива была Елена, Даніилъ не чувствовалъ надъ собою никакой перемѣны. Его приглашали въ государственную думу для совѣщаній и просили его благословенія предъ начатіемъ войны съ Литвою; онъ являлся посредникомъ для примиренія великаго князя и его матери съ младшимъ братомъ покойнаго государя Андреемъ ([276]). Но когда Елена скончалась (3-го апр. 1538 г.) и настали смуты бояръ, тѣснившихъ и давившихъ другъ друга изъ-за власти, судьба митрополита скоро измѣнилась. Онъ имѣлъ неосторожность пристать къ сторонѣ князя Ивана Бѣльскаго, пользовавшагося нѣкоторое время особенною довѣренностію малолѣтняго Іоанна. Но князья Шуйскіе успѣли низложить Бѣльскаго и заключить въ темницу. За тѣмъ свергли съ престола и митрополита Даніила (въ началѣ февр. 1539 г.) и сослали его въ волоколамскій монастырь, гдѣ онъ прежде былъ игуменомъ. Тамъ, спустя почти два мѣсяца, заставили его написать грамату, въ которой онъ отрекался отъ митрополіи не по болѣзни или немощи, какъ нѣкогда отрекся митрополитъ Зосима, а,—къ изумленію,—по сознанію своей неспособности къ такому высокому служенію, и свидѣтельствовалъ, будто онъ отпущенъ государемъ и великимъ княземъ въ безмолвное житіе по ходатайству всего святительскаго собора ([277]).

([275]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 299; VI, 270.

([276]) А. И. I, № 139; П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 288. 292.

([277]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 295; Ник. Лѣт. VII, 19; *Курбск.* Сказ. II, 49; *Карамз.* VIII, 32. 33; А. Э. I, № 185.

Эту грамату бывшій митрополитъ подписалъ 26-го марта 1539 года, а еще 6-го февраля былъ избранъ, нареченъ и возведенъ на митрополичій дворъ и 9-го февраля поставленъ новый митрополитъ Іоасафъ Скрыпицынъ изъ игуменовъ Троицко-Сергіева монастыря, воспринимавшій отъ купѣли Іоанна. Повидимому, и избраніе и поставленіе были совершенно законны: въ томъ и другомъ участвовали святители: Макарій новгородскій, Іона рязанскій, Акакій тверскій, Досиѳей сарскій и Алексій пермскій. Но святители немало погрѣшили въ томъ, что, вѣроятно, уступая давленію мірской власти, избрали и поставили новаго митрополита прежде, нежели прежній отрекся отъ своей каѳедры ([278]). Свергнувъ Даніила, князь Иванъ Шуйскій естественно могъ разсчитывать, что въ новомъ, избранномъ по его желанію, первосвятитель найдетъ себѣ вѣрнаго союзника и твердую опору; но скоро увидѣлъ свою ошибку. Іоасафъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, въ іюлѣ 1540 г. осмѣлился ходатайствовать предъ государемъ объ освобожденіи изъ темницы князя Бѣльскаго, заключеннаго туда Шуйскими, — и Бѣльскій былъ освобожденъ. Съ того времени Бѣльскій и митрополитъ сдѣлались самыми приближенными лицами у государя, его «первосовѣтниками» и, надобно сказать, старались употреблять свою власть для умиротворенія и благоденствія отечества. Но чѣмъ больше отличалъ ихъ государь, тѣмъ сильнѣе негодовали на нихъ бояре, сторонники Шуйскаго, и составили противъ нихъ заговоръ, въ которомъ приняли участіе многіе дворяне, дѣти боярскіе и новгородцы. Самъ Шуйскій, находившійся тогда съ войскомъ

([278]) А. Э. I, № 184.

въ Новгородѣ, въ ночь на 3-е января 1542 г. прибылъ въ Москву безъ вѣдома государя, прислалъ туда напередъ сына своего съ тремя стами всадниковъ. Въ туже ночь въ кремлѣ произошла сильная тревога: схватили Бѣльскаго въ его домѣ и утромъ отправили на Бѣлоозеро, гдѣ впослѣдствіи его умертвили; схватили и двухъ главныхъ его совѣтниковъ и разослали по городамъ, окружили келліи митрополита, бросали въ нихъ камнями и разбудили его. Испуганный, онъ думалъ найти убѣжище во дворцѣ; но заговорщики бросились за нимъ и туда и своимъ шумомъ разбудили государя и привели его въ трепетъ. Митрополитъ бѣжалъ на Троицкое подворье, но дѣти боярскіе и новгородцы преслѣдовали его съ бранными словами и едва не убили его на подворьѣ: только троицкій игуменъ Алексѣй именемъ преп. Сергія чудотворца да князь Димитрій Палецкій съ трудомъ умолили ихъ воздержаться отъ убійства. Митрополитъ былъ взятъ и сосланъ на Бѣлоозеро въ Кириловъ монастырь, откуда впослѣдствіи былъ переведенъ въ Троицко-Сергіевъ, гдѣ и скончался ([279]).

Вся власть снова перешла въ руки Шуйскаго: онъ сдѣлался главою бояръ. И потому очень вѣроятно, что подъ его преобладающимъ вліяніемъ совершилось избраніе и новаго митрополита, тѣмъ болѣе, что выборъ палъ на архіепископа новгородскаго Макарія, внушеніямъ котораго Шуйскій могъ приписывать такое горячее участіе новгородцевъ въ сверженіи Бѣльскаго и Іоасафа.

([279]) Ник. Лѣт. VII, 19. 23. 33. 34; *Курбск.* Сказан. II, 51; *Карамз.* VIII, 36; *Соловьев.* VI, 42 и слѣд. Отзывъ царя Іоанна IV о жизни митр. Іоасафа въ Сергіевой лаврѣ—въ А. И. I, стр. 382—383.

IV.

Марта 9-го числа 1542 года архіепископъ новгородскій Макарій пріѣхалъ въ Москву, 16-го былъ избранъ соборомъ святителей по соизволенію великаго князя, нареченъ и возведенъ на митрополичій дворъ, а 19-го поставленъ въ митрополита. На поставленіи его присутствовали архипастыри всѣхъ епархій московской митрополіи: ростовской Досиѳей, суздальской Ѳерапонтъ, смоленской Гурій, рязанской Іона, тверской Іоанникій, коломенской Вассіанъ, сарской Досиѳей и вологодской Досиѳей. Самъ Макарій свидѣтельствуетъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, что онъ усильно отказывался отъ предлагаемаго сана, но не смогъ преслушаться и былъ понужденъ не только всѣмъ соборомъ святителей, но и самимъ благочестивымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ ([280]). Какъ бы то ни было, только настоящій выборъ принадлежалъ къ числу самыхъ счастливыхъ: Макарій, по своему образованію и архипастырской дѣятельности, явился знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ XVI вѣка.

Онъ показалъ себя достойнымъ архипастыремъ еще на каѳедрѣ новгородской, на которую былъ возведенъ изъ архимандритовъ можайскаго Лужецкаго монастыря въ 1526 г. марта 4-го. Управляя этою епархіею, онъ заботился о распространеніи христіанства на сѣверѣ Россіи и посылалъ проповѣдниковъ къ Чуди и Лопарямъ; заботился объ исправленіи духовенства, особенно монашествующаго: ввелъ общежи-

([280]) Ник. Лѣт. VII, 35; А. И. I, № 172.

тіе въ новгородскихъ обителяхъ и установилъ, чтобы женскими монастырями управляли не игумены, а игумены, и богослуженіе въ женскихъ монастыряхъ совершали не монахи, а женатые священники. Онъ исправилъ, разширилъ, обновилъ и богато украсилъ Софійскій соборъ. Но самымъ любимымъ, если не самымъ главнымъ занятіемъ Макарія для пользы не только новгородской паствы, но и всей русской Церкви, было дѣло книжное. Онъ поручалъ однимъ составлять жизнеописанія отечественныхъ святыхъ, другимъ—переводить полезныя книги съ иностраннаго на русскій языкъ. Содержалъ при себѣ множество писцовъ и не щадилъ никакихъ издержекъ, чтобы собирать и списывать житія святыхъ, книги св. писанія, творенія св. отцевъ и вообще назидательныя сочиненія, самъ пересматривалъ и исправлялъ рукописи и переводы и впродолженіе двѣнадцати лѣтъ составилъ огромнѣйшій сборникъ, извѣстный подъ именемъ великихъ Четіи-Миней на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ года. Преданный постоянно дѣламъ церковнымъ, Макарій умѣлъ въ тоже время заслужить благоволеніе гражданскаго правительства. Въ 1534 г. великій князь Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ матерію своею Еленою, пригласилъ его къ сбору денежныхъ пожертвованій для выкупа плѣнниковъ русскихъ, увлеченныхъ татарами, и Макарій немедленно собралъ семьсотъ рублей съ монастырей своей обширной епархіи и отправилъ въ Москву 22-го ноября. Вслѣдъ затѣмъ великій князь велѣлъ ему самому пріѣхать въ Москву. Здѣсь владыка, представляясь малолѣтнему государю и его матери (10-го генв. 1535 г.), поднесъ имъ, «по обычаю», многіе дары; потомъ впродолженіе 18-ти дней черезъ день бывалъ у государя и ходатайствовалъ предъ нимъ о церквахъ

своей архіепископіи и о разныхъ лицахъ, находившихся въ опалѣ. Государь уважилъ его ходатайство, многихъ помиловалъ и, одаривъ самого ходатая, съ честію отпустилъ въ Новгородъ. Въ томъже году, когда воеводы русскіе поставили въ литовской землѣ новый городокъ на озерѣ Себежѣ и построили въ немъ три церкви, великій князь поручилъ Макарію дать имя этому городку и освятить церкви. Владыка исполнилъ волю государеву и назвалъ городъ *Иваньгородомъ* ([281]).

Неспрасно Макарій желалъ уклониться отъ каѳедры митрополитской. Онъ видѣлъ судьбу двухъ послѣднихъ митрополитовъ, видѣлъ своеволіе бояръ и малолѣтство великаго князя, которому только окончился двѣнадцатый годъ. Но, рѣшившись наконецъ занять мѣсто въ главѣ русской іерархіи, этотъ святитель нашелъ въ себѣ довольно мудрости и силы воли, чтобы устоять на немъ до конца своей жизни и быть истинно-полезнымъ и для отечества и для Церкви. Своеволіе бояръ не замедлило обнаружиться вновь. Князья Шуйскіе, Кубенскіе, Палецкіе, съ своими клевретами, враждуя противъ новаго любимца государева — Воронцова, возстали на него однажды въ самой думѣ, начали его бить, повлекли въ другую комнату. Государь, тутъ же находившійся, послалъ вслѣдъ за ними митрополита для убѣжденія. Не устыдились и первосвятителя, стѣснили его, порвали на немъ мантію; но онъ успѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать неистовыхъ отъ смертоубійства (9-го сент. 1543 г.). Чрезъ два года нѣкоторые изъ этихъ самыхъ бояръ подверглись опалѣ великаго князя:

([281]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 282—301. О литературныхъ трудахъ Макарія подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Макарій ходатайствовалъ и за нихъ, и князь уважилъ его ходатайство (дек. 1545 г.). Достигнувъ семнадцати лѣтъ жизни, Іоаннъ пригласилъ къ себѣ митрополита, долго совѣщался съ нимъ наединѣ, и слѣдствіемъ этихъ совѣщаній было то, что чрезъ три дня юный государь объявилъ предъ боярами и другими сановниками два свои желанія: вѣнчаться на царство и вступить въ бракъ. И 16-го генваря 1547 г. въ успенскомъ соборѣ митрополитъ торжественно совершилъ священный обрядъ царскаго вѣнчанія надъ Іоанномъ, возложивъ на него животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы, а 13-го февраля самъ сочеталъ боговѣнчаннаго царя законнымъ бракомъ съ избранною имъ дѣвицею изъ дома Романовыхъ-Захарьиныхъ, Анастасіею, и преподалъ новобрачнымъ обширное и приличное наставленіе ([282]). Когда Іоаннъ, послѣ страшнаго пожара московскаго (24-го іюня 1547 года), глубоко поразившаго его душу, рѣшился исправиться и пожелалъ исповѣдать и прежніе свои недостатки и свое доброе намѣреніе предъ выборными представителями земли русской: то, явившись предъ ними на лобномъ мѣстѣ, онъ прежде всего обратился къ митрополиту и сказалъ: «молю тебя, св. владыко, будь мнѣ помощникомъ и поборникомъ въ любви: я знаю, что ты желатель добрыхъ дѣлъ и любви». И съ того времени мы видимъ митрополита однимъ изъ самыхъ ближайшихъ совѣтниковъ царя вмѣстѣ съ извѣстными — іереемъ Сильвестромъ и окольничимъ Адашевымъ. По совѣщаніи съ митрополитомъ и боярами, отправившись изъ Москвы (3-го дек. 1549 г.) въ

([282]) Ник. Лѣт. VII, 41. 46; *Курбск.* Сказан. II, 52; Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 227; *Карамз.* VIII, 48. 51.

походъ на Казань, Іоаннъ вызвалъ къ себѣ во Владиміръ митрополита: здѣсь Макарій благословилъ и государя на земское дѣло, благословилъ потомъ и войско и убѣждалъ всѣхъ бояръ, воеводъ, князей и прочихъ ратниковъ, чтобы они, возложивъ надежду на Бога и Его святыхъ угодниковъ, съ усердіемъ послужили государю за св. церкви и православное христіанство, забыли всякую гордость, всякую рознь и мѣстничество, а связуясь взаимною любовію, мужественно постояли противъ враговъ отечества. Предъ основаніемъ въ странѣ казанской города Свіяжска, Іоаннъ просилъ благословенія и молитвъ митрополита, и митрополитъ, благословляя его, сказалъ, что долгъ государя подвизаться за ввѣренный ему отъ Бога народъ и за благочестіе, а долгъ пастырей Церкви молиться о ниспосланіи государю помощи отъ Бога. Въ новоустроенномъ Свіяжскѣ открылась страшная цынга, отъ которой умирало много людей; между тѣмъ казанцы начали дѣлать нападенія на русскихъ воиновъ, оканчивавшіяся для насъ неудачно. Съ вѣстію о всемъ этомъ дошли въ Москву и другіе скорбные слухи, будто нѣкоторые изъ свіяжскихъ обитателей предаются грѣху содомскому и вообще распутству, увлекаясь казанскими плѣнницами и изъ угожденія имъ даже «кладутъ бритву на брады свои». Царь съ горестію обратился къ митрополиту, и митрополитъ подалъ совѣтъ: освятить воду въ успенскомъ соборѣ погруженіемъ животворящаго древа крестнаго и чрезъ омовеніе св. мощей, находящихся въ благовѣщенскомъ соборѣ, и послать эту воду въ Свіяжскъ для окропленія ею всего города и находящихся въ немъ, а вмѣстѣ послать къ нимъ пастырское поученіе, чтобы они раскаялись въ своихъ грѣхахъ, которыми привлекаютъ на

себя гнѣвъ Божій. Совѣтъ весьма понравился государю и немедленно былъ исполненъ. Митрополитъ отправилъ въ Свіяжскъ архангельскаго протопопа Тимоѳея съ св. водою и съ своимъ поученіемъ (21-го мая 1552 г.). Въ поученіи къ воеводамъ и прочимъ жителямъ города святитель говорилъ, что имъ слѣдовало бы благодарить Бога исполненіемъ Его заповѣдей за созданіе Свіяжска и другія Его милости царству русскому; а они, какъ слышно, предаются такому гнусному разврату и прогнѣвляютъ Бога; умолялъ виновныхъ покаяться и исправиться и угрожалъ, что если они и впредь будутъ «бороды брити или обсѣкати, или усы подстригати» и предаваться распутству, то подвергнутся опалѣ отъ князя и церковному отлученію ([383]). Менѣе нежели черезъ мѣсяцъ государь, отправляясь (16-го іюня) противъ крымцевъ, вторгнувшихся въ Россію, поручалъ свою столицу и семейство особому попеченію первосвятителя и сказалъ: «ты, отецъ мой, позаботься, сколько Богъ тебѣ дастъ, во всемъ соблюсти мое царство, а брата нашего и бояръ, здѣсь остающихся, во всемъ наставляй; равно побереги духовно и жену мою, царицу Анастасію, теперь непраздную». Изъ Коломны, во время приготовленій къ бою съ приближавшимися врагами, Іоаннъ писалъ къ митрополиту и просилъ его молитвъ, а когда враги были прогнаны, извѣщалъ царицу и митрополита о побѣдѣ и просилъ его молитвъ и благословенія на новый походъ противъ Казани. Митрополитъ отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ (13-го іюля 1552 г.), въ которомъ, призывая на царя и все

([383]) Ник. Лѣт. VII, 66. 67. 74. 106—108; А. И. I, № 159; *Карамз.* VIII, 64. 65. 74. 76, примѣч. 182.

его войско благословеніе Божіе, писалъ, что за нихъ усердно молятся всѣ святители, все духовенство, всѣ православные люди; убѣждалъ царя и всѣхъ воиновъ пребывать въ чистотѣ и цѣломудріи и другихъ добродѣтеляхъ и хранить себя отъ гордости и пьянства и всякаго грѣхопаденія; обѣщалъ на небеси мученическіе вѣнцы тѣмъ, которые проліютъ свою кровь и падутъ въ борьбѣ съ врагами креста Христова, и въ особенности наставлялъ государя, да хранитъ четыре св. заповѣди: храбрость, мудрость, правду и цѣломудріе. Посланіе митрополита государь принялъ съ благодарностію и въ отвѣтной своей граматѣ къ нему билъ ему челомъ отъ лица всѣхъ своихъ сподвижниковъ, и снова просилъ его молитвъ и благословенія. По взятіи Казани Іоаннъ, возвращаясь съ торжествомъ въ свою столицу и будучи встрѣченъ предъ Москвою духовенствомъ и безчисленнымъ множествомъ народа, сказалъ рѣчь митрополиту и всему освященному собору, приписывалъ весь успѣхъ свой Богу и ихъ неусыпнымъ молитвамъ и, во свидѣтельство своей благодарности, поклонился предъ ними до земли со всѣмъ своимъ войскомъ. Митрополитъ отвѣчалъ государю также рѣчью, восхвалялъ его твердую надежду на Бога, его труды и подвиги за Церковь и отечество, изображалъ величіе дѣла, совершеннаго чрезъ него Богомъ и, въ благодарность за все это, палъ ницъ предъ Іоанномъ со всѣми святителями, сановниками и народомъ ([284]). Зная по извѣстіямъ, какое значеніе имѣлъ у нашего государя голосъ митрополита Макарія, литовскіе папы неразъ (въ 1553, 1555 и 1556 г.) присылали къ нему свои граматы и пословъ и просили его хода-

([284]) Ник. Лѣт. VII, 119—122. 127. 130. 140. 141; *Карамз.* VIII, 90—93.

тайствовать предъ Іоанномъ, чтобы онъ поддерживалъ съ ихъ королемъ вѣчный миръ. И Макарій охотно соглашался быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ для блага отечества и отправлялъ, съ своей стороны, въ Литву граматы и пословъ. Даже и тогда, какъ началась война съ литовцами (1562 г.) и счастіе видимо благопріятствовало русскимъ, митрополитъ, хотя отвѣчалъ литовскимъ вельможамъ, снова обратившимся къ нему съ прежними просьбами: «мы люди церковные, и намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ», но присовокупилъ: «мы били челомъ государю, и онъ нашего челобитья не презрилъ, послалъ на литовскихъ пословъ опасную грамату». Слѣдствіемъ этой войны для русскихъ было взятіе Полоцка (15-го февр. 1563 г.), и торжествующій Іоаннъ первую вѣсть объ успѣхѣ послалъ митрополиту, благодарилъ его за его молитвы и велѣлъ вручить ему отъ себя серебряный, позлащенный крестъ съ каменьями ([285]). Люди, подвергавшіеся опалѣ или только искавшіе милостей государя, обращались къ митрополиту и чрезъ его ходатайство достигали того, чего искали: иногда Іоаннъ самъ свидѣтельствовалъ, что жалуетъ того или другаго «для отца своего митрополита Макарія». Свою любовь и уваженіе къ Макарію Іоаннъ неразъ показывалъ въ своихъ дѣлахъ семейныхъ: по его приглашенію святитель самъ былъ воспріемникомъ отъ купѣли его сыновей — Іоанна и Ѳеодора и дочери Евдокіи и второй его супруги, черкешенки Маріи ([286]).

Переходя собственно къ церковной дѣятельности митропо-

([285]) Ник. Лѣт. VII, 205. 244. 251; А. И. I, № 168; *Карамз.* IX, 21; *Соловьев.* VI, 249

([286]) Ник. Лѣт. VII, 60. 214. 286; Степ. кн. II. 269; Дополн. къ А. И. I, № 52, стр. 93—113; *Карамз.* IX, 20.

лита Макарія, прежде всего встрѣчаемъ здѣсь такія предпріятія и распоряженія, которыя, обширностію своею, далеко превосходятъ все, что только совершалось у насъ прежде въ томъ же родѣ.

Церковь русская, впродолженіе пяти слишкомъ вѣковъ своего существованія, воспитала уже весьма много угодниковъ Божіихъ. Но почти всѣ они чествуемы были доселѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подвизались и покоились по смерти, а не по всей Россіи. Да и эти мѣстныя чествованія, какъ неутвержденныя высшею властію въ русской Церкви, властію митрополита и собора, не могли имѣть полной законности и полной обязательности для православныхъ ([287]). Если же иногда учреждаемы были у насъ церковною властію и общія или повсемѣстныя празднества въ честь того или другаго святаго, наприм., въ XI вѣкѣ въ честь св. муч. Бориса и Глѣба, въ началѣ XII—въ честь преп. Ѳеодосія печерскаго, въ XIV—въ честь святителя Петра, митрополита московскаго, въ XV—въ честь св. митрополита Алексія: то подобныя событія были крайне рѣдки и совершались отдѣльно одно отъ другаго. Митрополиту Макарію пришла мысль собрать, по возможности, свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ святыхъ, о ихъ подвигахъ и чудесахъ, разсмотрѣть эти свѣдѣнія на соборѣ и затѣмъ опредѣлить, какимъ изъ угодниковъ Божіихъ установить праздники во всей отечественной Церкви, если таковые еще не были установлены, и какимъ установить или только утвердить праздники мѣстные. И вотъ, по повелѣнію великаго князя Іоан-

([287]) Сколько извѣстно, въ Ростовѣ и Новгородѣ мѣстныя празднества въ честь мѣстныхъ святыхъ учреждали только мѣстные святители: наприм. Іоаннъ ростовскій—Леонтію и Исаіи, Евѳимій новгородскій—князю Владиміру новгородскому и матери его Аннѣ, и проч.

на IV, въ 1547 году состоялся въ Москвѣ соборъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, находилось семь святителей, кромѣ прочаго духовенства: Алексіи ростовскіи, Іона суздальскіи, Іона рязанскіи, Акакіи тверскіи, Ѳеодосіи коломенскіи, Савва сарскіи и Кипріанъ пермскіи. На этомъ соборѣ, послѣ предварительныхъ изслѣдованіи и разсужденіи, опредѣлено было—двѣнадцати святымъ «пѣть и праздновать повсюду» въ русской Церкви, а девяти—только мѣстно. Перваго рода праздники учреждены: а) св. Іоанну архіепископу новгородскому († 1186)—7 сентября; б) св. Александру невскому († 1263)—23 ноября; в) прп. Никону, игумену радонежскому († 1426)—17 ноября; г) прп. Павлу обнорскому († 1429)—10 января; д) прп. Савватію соловецкому († 1435)—27 сентября; е) прп. Діонисію глушицкому († 1437)—1 іюня; ж) прп. Михаилу клопскому († 1452)—11 января; з) св. Іонѣ, митрополиту московскому († 1461)—30 марта; и) прп. Пафнутію боровскому († 1477)—1 мая; і) прп. Зосимѣ соловецкому († 1478)—17 апрѣля; к) прп. Макарію колязинскому († 1483)—17 марта; л) прп. Александру свирскому († 1533)—1 августа. Мѣстно праздновать положено: а) въ Москвѣ св. Максиму юродивому († 1433)—13 августа; б) въ Твери св. Арсенію, епископу тверскому († 1409)—2 марта; в) въ Муромѣ св. князю Константину († 1129) и чадамъ его Михаилу и Ѳеодору—21 мая; г) въ Муромѣ же св. князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ († 1228)—25 іюня; д) въ Устюгѣ прп. Прокопію († 1285) и Іоанну (1494) устюжскимъ—8 іюля ([288]). По всеи вѣроят-

([288]) А. Э. I, № 213. Здѣсь рязанскій епископъ, присутствовавшій на соборѣ, названъ Іосифомъ, вмѣсто Іоны, и ложно сказано, будто соборъ устано-

ности, соборъ установилъ празднества исчисленнымъ святымъ не потому, что ихъ однихъ призналъ достойными чествованія и прославленія, а потому, что объ нихъ только имѣлъ подъ руками необходимыя данныя, на основаніи которыхъ могъ утвердить свой приговоръ. Ибо, по благословенію этого же самаго собора, семнадцатилѣтній государь Іоаннъ Васильевичъ обратился съ просьбою ко всѣмъ святителямъ русской земли, чтобы они позаботились, каждый въ предѣлахъ своей епархіи, «извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцахъ» въ городахъ, весяхъ, монастыряхъ и пустыняхъ, пользуясь показаніями князей, бояръ, иноковъ и вообще богобоязненныхъ людей. Святители отозвались на предложеніе государя съ сердечною радостію и вскорѣ, каждый въ своемъ предѣлѣ, собрали «каноны, житія и чудеса» новыхъ чудотворцевъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ каждый изъ нихъ просіялъ добрыми дѣлами и чудесами, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей всякаго рода и званія. Въ 1549 г., по волѣ государя и митрополита Макарія, состоялся новый соборъ въ Москвѣ, предъ которымъ святители и «положили» собранныя ими свѣдѣнія. Соборъ «свидѣтельствовалъ» всѣ эти каноны, житія и

вилъ праздновать преп. Савватію соловецкому въ одинъ день съ преп. Зосимою соловецкимъ, 17 апрѣля. Вѣрнѣе и точнѣе списокъ этой граматы у *Карамзина* IX, примѣч. 87. А что на соборѣ было предварительное *изысканіе*, объ этомъ свидѣтельствуетъ составитель житія св. Александра невскаго, писавшій тотчасъ послѣ собора, по порученію митрополита Макарія, въ слѣд. словахъ: „благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ, поболѣвъ душею о ненаписанныхъ о св. Александрѣ ни отъ когоже, положилъ благъ совѣтъ съ преосв. митр. Макаріемъ, яко да подвигшеся извѣстно изыскати о святѣмъ... и писанію предати .., и митрополитъ Макарій царево желаніе, паче же Божіе изволеніе, тщася исполнити, *созвалъ всесвященный архіерейскій соборъ*, трудолюбно подвигся, по свящ. правиламъ *изыскавъ извѣстно* обрѣте, со всяцѣмъ опасеніемъ повелѣ мнѣ, убогому, написати сіе“ (Рукоп. библ. Спб. Дух. Ак. № 327).

чудеса и «предалъ Божіимъ церквамъ пѣть и славить и праздновать» новымъ чудотворцамъ, какъ то совершалось прочимъ святымъ, Богу угодившимъ, во дни ихъ преставленія и открытія мощей ихъ ([289]). Какимъ именно чудотворцамъ положено на этомъ соборѣ праздновать, свѣдѣній не сохранилось; но судя по тому, что собору были представлены свѣдѣнія, по возможности, о всѣхъ мѣстныхъ чудотворцахъ каждой епархіи, можно думать, что теперь установлено было чествованіе весьма многимъ, если даже не всѣмъ русскимъ святымъ, какіе подвизались до половины XVI вѣка и которымъ не было еще установлено такого чествованія, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, о комъ не было представлено собору свѣдѣній. По крайней мѣрѣ, другаго времени, когда могло быть учреждено чествованіе весьма многихъ изъ этихъ святыхъ, которые, однакожъ, доселѣ чтутся не мѣстно только, а во всей русской Церкви, мы указать не можемъ: каковы, напримѣръ, Кипріанъ и Фотій, святители московскіе, Никита, Евѳимій и Іона—новгородскіе, Леонтій, Исаія, Игнатій и Іаковъ—ростовскіе, Стефанъ—пермскій, Михаилъ, князь черниговскій съ боляриномъ Ѳеодоромъ, преподобные Авраамій и Исидоръ ростовскіе, Варлаамъ хутынскій, Кириллъ бѣлоезерскій, Никита переяславскій и другіе. Достойно замѣчанія, что почти всѣ эти святые упоминаются вскорѣ послѣ собора 1549 года самимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и митрополитомъ Макаріемъ, какъ угодники Божіи и молитвенники предъ Богомъ, наравнѣ съ святителями Петромъ, Алексіемъ и Іоною московскими и

([289]) Стоглавъ, гл. 4, стр. 43—45, изд. Казан. 1862.

преп. Сергіемъ радонежскимъ, а многіе внесены и въ мѣсяцесловы того времени (290).

Эти два собора, на которыхъ разомъ были канонизованы, т. е. причтены къ лику святыхъ и почтены особыми праздниками столько русскихъ чудотворцевъ, были первыми соборами въ царствованіе Іоанна IV, послѣ того какъ онъ, потрясенный до глубины души страшными московскими пожарами, рѣшился исправиться и торжественно на лобномъ мѣстѣ, предъ выборными всей земли русской, пригласилъ себѣ въ «помощника и любви поборника» митрополита Макарія. Воздавъ такимъ образомъ подобающее чествованіе угодникамъ Божіимъ, которыхъ признавалъ ближайшими заступниками и ходатаями на небеси за себя и за всю землю русскую и «молитвами» которыхъ, по его собственнымъ словамъ, онъ «началъ править царство свое», юный государь немедленно приступилъ къ дѣлу земскаго или гражданскаго благоустроенія и еще на соборѣ 1549 года благословился у митрополита и прочихъ святителей пересмотрѣть и исправить Судебникъ, чтобы впредь судъ былъ праведный и всякія дѣла совершались законно (291). Когда трудъ этотъ былъ оконченъ, Судебникъ исправленъ и дополненъ, государь выразилъ желаніе, чтобы подобное сдѣлано было и для благоустроенія церковнаго, и для того въ началѣ 1551 года созвалъ въ Москвѣ соборъ, важнѣйшій изъ всѣхъ соборовъ, какіе только были доселѣ въ Церкви русской. Свѣдѣнія о немъ, вовсе не встрѣчающіяся въ нашихъ лѣтописяхъ, сохранились въ особой кни-

(290) А. И. I, стр 320 331; Стоглавъ, стр. 28—29; Ник. Лѣт. VII, 133—134; Степ. кн. II, 269. 270; Опис. Румянц. Муз. № CCCXCVII, стр. 592—604.

(291) *Карамз.* VIII, примѣч. 182; Стоглав , стр. 46.

гѣ, извѣстной подъ именемъ *Стоглава* или *Стоглавника*, потому что она раздѣлена на сто главъ, отъ чего и самый соборъ обыкновенно называется *Стоглавымъ*. Книга эта содержитъ въ себѣ и дѣянія собора и постановленія, а не одни послѣднія. Подлинность ея, какъ «книги соборной» и заключающей въ себѣ дѣйствительныя постановленія (каноны) Стоглаваго собора или «соборное уложеніе», а не черновыя записки его, представляется намъ нынѣ несомнѣнною, послѣ нѣкоторыхъ новыхъ открытій ([292]).

Какъ же происходилъ Стоглавый соборъ? — «Державный самодержецъ,—читаемъ въ соборной книгѣ,—прекроткій царь Иванъ, осіяваемый благодатію Св. Духа, подвигся теплымъ желаніемъ не только о устроеніи земскомъ, но и объ исправленіи многоразличныхъ дѣлъ церковныхъ. Онъ возвѣстилъ о

([292]) Разумѣемъ преимущественно двѣ наказныя грамоты митрополита Макарія, писанныя вскорѣ послѣ собора и отъ лица собора: грамату въ Симоновъ и другіе монастыри и грамату во Владиміръ и, вѣроятно, другіе города къ бѣлому духовенству. Изъ первой граматы и приписки къ ней, писанной въ іюлѣ 1551 года, очевидно: а) что тогдашній соборъ дѣйствительно составилъ „соборное уложеніе по вопросамъ благочестиваго царя о многоразличнѣхъ церковныхъ чинѣхъ“; б) что уложеніе это изложено было въ „соборной книгѣ“, которая раздѣлена была на *главы*, и — в) что изъ этой соборной книги *выписаны* были цѣликомъ и разосланы по монастырямъ *главы*, относящіяся до монастырей, именно: 49, 50, 51 (всего девять); а подъ этими самыми числами и въ нынѣшней книгѣ „Стоглавъ“ находятся именно главы, относящіяся до монастырей (см. Стоглавъ, стр. 258–260, въ примѣч., Казан. 1862, и снес. *Тихонрав.* Лѣтоп. Русск. Литер. и древн. V, отд. III, 127, въ примѣч.). Въ граматѣ же, посланной во Владиміръ – въ 1551 г., а потомъ въ Каргополь – въ 1558 году, въ которой сказано, что она писана „по соборному уложенію“ и есть только сокращеніе его, дѣйствительно изложены частію буквально сходно съ нынѣшнею книгою – Стоглавъ, а частію въ сокращеніи многочисленныя постановленія, находящіяся въ этой книгѣ (напеч. при №№ 11 и 12 газеты „День“ за 1863 г. и въ Правосл. Собес. 1863 г. I, 87. 102). Подробнѣе съ состояніемъ вопроса о подлинности книги: Стоглавъ, какъ соборнаго уложенія, можно познакомиться изъ статей *и. Бѣляева* и *Добротворскаго*, напеч. въ Правосл. Обозр. 1863 г., II, 189, и Правосл. Собес. 1862, III, 297; 1863, 317. 421.

томъ отцу своему, митрополиту Макарію, и повелѣлъ составить соборъ. Когда повелѣніе царское услышали архіереи русской земли, они объяты были невыразимою радостію и, какъ небопарные орлы, поспѣшили въ Москву, и чудно было видѣть царствующій градъ, красовавшійся пришествіемъ отцевъ». Тутъ собрались всѣ до одного святители московской митрополіи: новгородскій Ѳеодосій, ростовскій Никандръ, суздальскій Трифонъ, смоленскій Гурій, рязанскій Кассіанъ, тверскій Акакій, коломенскій Ѳеодосій, сарскій Савва и пермскій Кипріанъ, съ честными архимандритами, игуменами, духовными старцами, пустынниками и множествомъ прочаго духовенства. Собравшіеся, прежде всего, совершили торжественное молебствіе въ соборной церкви Успенія пресв. Богородицы; потомъ перешли въ царскія палаты. Это было 23-го февраля 1551 года. Царь сѣлъ на своемъ престолѣ, и когда водворилось глубокое молчаніе и взоры всѣхъ устремились на державнаго, онъ внезапно всталъ съ своего мѣста и, съ свѣтлымъ взоромъ и веселымъ лицемъ, приблизившись къ святителямъ, сказалъ: «молю васъ, святѣйшіе отцы мои, если я обрѣлъ благодать предъ вами, утвердите на мнѣ любовь свою, какъ на присномъ вашемъ сынѣ, и не облѣнитесь изречь слово единомысленно о православной нашей вѣрѣ, и о благостояніи св. Божіихъ церквей, и о нашемъ благочестивомъ царствѣ, и о устроеніи всего православнаго христіанства. Я весьма желаю и съ радостію соглашаюсь быть сослужебнымъ вамъ поборникомъ вѣры во славу св. животворящей Троицы и въ похвалу нашей благочестивой вѣры и церковныхъ уставовъ. Почему повелѣваю, чтобы отнынѣ удалилось отъ насъ всякое разногласіе и утвердилось между нами согласіе и еди-

номысліе» (глав. 1 и 2). Затѣмъ царь предложилъ собору «своея руки писаніе», которое и было прочитано вслухъ всѣхъ. Здѣсь Іоаннъ, именемъ трінпостаснаго Бога, пресв. Дѣвы Богородицы и всѣхъ святыхъ, особенно отечественныхъ, снова умолялъ собравшихся пастыреи потрудиться для утвержденія истинноі вѣры Христовеі, для исправленія церковнаго благочинія, и царскаго благозаконія, и всякаго земскаго строенія. Призывалъ не только духовныхъ, но и князеі, бояръ, воиновъ и вообще православныхъ христіанъ покаяться вмѣстѣ съ нимъ и обратиться на путь добродѣтели, указывая на примѣры, древніе и современные, страшныхъ казнеі Божіихъ за грѣхи. Со слезами воспоминалъ о смерти своего отца, своеі матери, объ умерщвленіи своихъ дядеі, о своеволіи и злоупотребленіяхъ бояръ, правившихъ царствомъ, о своемъ сиротствѣ и отрочествѣ, проведенномъ въ пренебреженіи, безъ всякаго наученія и въ порокахъ, о казняхъ Божіихъ, постигшихъ Россію за беззаконія, и въ особенности о великихъ московскихъ пожарахъ. «Тогда, замѣтилъ государь, страхъ вошелъ въ мою душу и трепетъ въ мои кости, и смирился духъ мой, и я умилился и позналъ мои согрѣшенія, и прибѣгъ къ св. Церкви, и испросилъ у васъ, святителеи, благословенія и прощенія моихъ злыхъ дѣлъ, а по вашему благословенію преподалъ прощеніе и моимъ боярамъ въ ихъ грѣхахъ противъ меня, и началъ, по вашему благому совѣту, устроять и управлять врученное мнѣ Богомъ царство»..... Выразивъ потомъ надежду на милосердіе Божіе, Іоаннъ продолжалъ: «а вы, отцы наши, пастыри и учители, прося помощи у Бога, наставляйте и просвѣщайте меня, сына своего, на всякое благочестіе, во всякихъ царскихъ праведныхъ зако-

нахъ, братьевъ же моихъ, и всѣхъ князей и бояръ, и все православное христіанство тщательно и нелѣностно вразумляйте и утверждайте, да сохраняютъ истинный христіанскій законъ. Прежде же всего просвѣтитесь и утвердитесь сами, и умножите данный вамъ отъ Бога талантъ, да и мы, видя ваши добрыя дѣла и внимая вашимъ духовнымъ наставленіямъ, обратимся къ истинному покаянію и получимъ милость отъ Бога здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ. Нынѣ молю васъ, о Богособранный соборъ, ради Бога и пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ, трудитесь для непорочной и православной вѣры, утвердите и изъясните, какъ предали намъ св. отцы по божественнымъ правиламъ, и, еслибы пришлось, даже пострадайте за имя Христово, хотя васъ не ожидаетъ ничего, кромѣ труда и развѣ еще поношенія отъ безумныхъ людей: на то я и собралъ васъ. А самъ я всегда готовъ, вмѣстѣ и единодушно съ вами, исправлять и утверждать православный законъ, какъ наставитъ насъ Духъ Святый. Если, по нерадѣнію вашему, окажется какое либо нарушеніе божественныхъ правилъ, я въ томъ непричастенъ, и вы дадите за то отвѣтъ предъ Богомъ. Если я буду вамъ сопротивенъ, вопреки божественныхъ правилъ, вы о томъ не молчите; если буду преслушникомъ, воспретите мнѣ, безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя, да непорочнъ будетъ православный христіанскій законъ и да славится пресвятое имя Отца и Сына и Св. Духа». Когда окончилось чтеніе этой рѣчи на соборѣ, всѣ присутствовавшіе поражены были удивленіемъ, и благодарили Бога, и плакали отъ радости, видя такую заботливость царя о пользѣ Церкви (глав. 3).

Тогда царь далъ собору другое свое писаніе. Въ немъ

Іоаннъ напоминалъ святителямъ, какъ въ семнадцатое лѣто своего возраста (въ 1547 г.) онъ, по ихъ соборному благословенію, возревновалъ о «великомъ и неистощимомъ богатствѣ, съ давнихъ лѣтъ сокрытомъ и преданномъ забвенію», именно о святыхъ чудотворцахъ русскихъ, заступникахъ родной земли; какъ въ девятнадцатое лѣто его возраста (въ 1549 г.) на новомъ соборѣ установлены празднества въ честь этихъ чудотворцевъ, молитвами которыхъ онъ-Іоаннъ началъ править свое царство, и какъ въ двадцать первое лѣто отъ своего рожденія (въ 1551 г.) онъ созвалъ еще соборъ, только-что начавшійся, а за годъ предъ тѣмъ благословился у святителей исправить Судебникъ. «И по благословенію вашему, продолжалъ царь, я исправилъ Судебникъ, и написалъ уставныя граматы: вотъ онъ предъ вами вмѣстѣ съ грамотами. Прочтите и разсудите и, если дѣло это достойно, подпишите Судебникъ и граматы. Разсудите и утвердите по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякіе обычаи строились по Богѣ въ нашемъ царствѣ, при вашемъ святительствѣ, а при нашей державѣ. А которые обычаи въ прежнія времена, послѣ отца моего, великаго князя Василія Ивановича, и до настоящаго времени поизшатались или по своеволію законы которые порушены или по небреженію ослаблены, о всемъ о томъ вы посовѣтуйтесь между собою довольно и возвѣстите намъ. Мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтоваться съ вами желаемъ, а объ нашихъ нуждахъ и земскихъ нестроеніяхъ вамъ возвѣщаемъ. И вы, разсудя по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, утверждайте общимъ вашимъ согласіемъ. Я же вамъ, отцамъ своимъ, съ братіею и своими

боярами челомъ бью» (гл. 4). Очень вѣроятно, что послѣ такого обращенія царя къ членамъ собора, они прежде всего занялись разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ Судебника и уставныхъ граматъ, представленныхъ царемъ, хотя соборная книга о томъ умалчиваетъ.

Переходя къ церковнымъ дѣламъ, для которыхъ преимущественно и созванъ былъ соборъ, царь далъ собору на бумагѣ 37 вопросовъ для обсужденія, и въ первомъ изъ нихъ говорилъ: «отецъ мой Макарій, митрополитъ всей Россіи, и всѣ архіепископы и епископы! Воззрите на свои паствы, врученныя вамъ отъ Бога, и помыслите о святыхъ Божіихъ церквахъ, и о честныхъ иконахъ, и о всякомъ церковномъ строеніи, чтобы по св. церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Ибо нынѣ мы видимъ и слышимъ, что многіе церковные чины совершаются не сполна, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. И вы бы, о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудивъ, указъ чинили, а равно и о всякомъ священническомъ и иноческомъ и церковномъ причтѣ, и уставили бы поповскихъ старостъ надъ всѣми священниками и прочіе чины по правиламъ. Ибо вамъ поручено пасти церковь Божію и установлять церковныхъ чиновниковъ и поучать, да и мы отъ нихъ спасеніе получимъ»..... и проч. Въ послѣдующихъ вопросахъ указаны были болѣе частные предметы, на которые царь хотѣлъ обратить вниманіе собора (гл. 5). Отцы собора обсудили всѣ эти царскіе вопросы и сдѣлали по нимъ свои опредѣленія (гл. 6—40). Царь предложилъ еще 32 вопроса, на которые также соборъ далъ свои отвѣты (гл. 41), и вслѣдъ затѣмъ изложилъ и много другихъ своихъ постановленій, частію на первые во-

просы царскіе, частію на вторые, а частію о предметахъ, прямо неуказанныхъ въ вопросахъ царя (гл. 12—97). Наконецъ, по совѣту царя, митрополита и прочихъ святителей, «царское предисловіе», т. е. всѣ рѣчи царя предъ началомъ собора, царскіе вопросы и соборные на нихъ отвѣты были «преданы писанію», и отправлены въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшимъ: митрополиту Іоасафу, архіепископу ростовскому Алексію, архимандриту чудовскому Вассіану, игумену троицкому Іонѣ, проживавшимъ въ томъ монастырѣ, равно какъ и ко всѣмъ соборнымъ старцамъ. Это была первая редакція книги Стоглавъ, въ которой, вѣроятно, еще не было раздѣленія на главы, и, безъ сомнѣнія, недоставало двухъ нынѣшнихъ послѣднихъ главъ, судя по ихъ содержанію. Іоасафъ, вмѣстѣ съ прочими названными лицами, выслушавъ «царское и святительское уложеніе», изъявилъ свое согласіе на «соборное уложеніе» и послалъ свой отвѣтъ (гл. 99). Но въ отвѣтѣ счелъ нужнымъ сдѣлать свои замѣчанія противъ нѣкоторыхъ постановленій собора и при этомъ не ссылался на главы соборной книги, что было бы весьма удобно, если-бы главы въ ней существовали, а указывалъ на предметы постановленій безъ всякаго порядка (гл. 100). Соборъ, по прочтеніи отвѣта митрополита Іоасафа, призналъ большую часть его замѣчаній справедливыми и по нимъ измѣнилъ и дополнилъ нѣкоторыя свои постановленія ([293]). Въ это-то уже время книга Стоглавъ могла получить окончательную свою редакцію на соборѣ, съ постановленіями, уже измѣненными по

([293]) Снес. главу 100-ю Стоглава, въ которой изложены замѣчанія Іоасафа, съ главами—7,43,52, 70 и 85, въ которыхъ соборомъ сдѣланы исправленія или дополненія по этимъ замѣчаніямъ.

замѣчаніямъ митрополита Іоасафа, и съ раздѣленіемъ на главы, изъ которыхъ 99-ю составляетъ сказаніе о посылкѣ соборной книги на разсмотрѣніе Іоасафа, а 100-ю его отвѣтъ собору ([294]). Была ли тогда книга Стоглавъ подписана всѣми

([294]) Нынѣ извѣстны три редакціи соборной книги такъ-называемаго Стоглаваго собора. Первая редакція—*обширная*, въ которой книга раздѣлена на сто главъ и по которой она издана при казанской дух. академіи подъ именемъ: *Стоглавъ* (Казан. 1862). Списки этой редакціи наиболѣе распространены и изъ нихъ многіе восходятъ къ XVI вѣку, каковы списки: Румянцовскаго Музеума—два (№№ 126. 127), Сергіевой лавры (А. Э. I, стр. 219), Эрмитажной библіотеки (А. И. I, стр. 280), Волоколамскаго монастыря (*Тихонрав.* Лѣтоп. Русск. Литер. и древн., V, отд. III, 127, примѣч.), моей библіотеки (№ 38) и Болотовскій, писанный въ 1556 г., въ Новгородѣ (Стоглавъ, изд. Кожанчикова, предисл. стр. 6). Вторая редакція—*краткая*, также раздѣленная на сто главъ, но меньшая по объему: иное здѣсь изложено совершенно сходно съ обширною редакціею, но многое сокращено, а нѣкоторыя подробности и вовсе опущены. По списку этой редакціи Стоглавъ изданъ Кожанчиковымъ (С. п. б. 1863). Третья редакція отличается и отъ обширной и отъ краткой: а) тѣмъ, что въ ней вовсе нѣтъ раздѣленія на главы; б) тѣмъ, что нѣкоторыя статьи изложены въ ней, сравнительно съ обширною редакціею, короче, другія полнѣе, а нѣкоторыя съ значительнымъ несходствомъ по самому содержанію; в) наконецъ тѣмъ, что въ этой редакціи, по крайней мѣрѣ, по списку напечатанному, многихъ статей или главъ, особенно къ концу, вовсе недостаетъ (*Калачов.* Архивъ историч. и практич. свѣдѣній о Россіи, кн. V, стат. 5, С. п. б. 1863; снес. Прав. Собесѣдн. 1863, III, 159). Послѣдняя редакція, списокъ которой, доселѣ изданный, относится къ XVI в., по всей вѣроятности, есть редакція *первоначальная* и представляетъ соборную книгу въ томъ видѣ, въ какомъ она была послана на разсмотрѣніе митрополита Іоасафа, или даже редакція *черновая* (у насъ было въ обычаѣ хранить и черновые списки соборныхъ актовъ—см. А. Э. I, стр. 353), а отнюдь не редакція окончательная, принятая и утвержденная соборомъ: ибо въ окончательной редакціи, какъ несомнѣнно извѣстно, соборная книга была уже раздѣлена на главы (см. выше примѣч. 292). Краткая редакція явилась не прежде XVII в., когда существовали у насъ уже печатные служебники. Ибо авторъ ея, не желая (въ гл. 3) излагать подробно „указъ божественной службы“ по редакціи обширной, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „и глаголетъ діаконъ: благослови, владыко; іерей: благословенъ Богъ нашъ,— и прочее, *яко пишетъ нынѣ въ печатныхъ служебникахъ* предъ службою Іоанна Златоустаго“ (—стр. 67). Остается признать за *окончательную* редакцію соборной книги, принятую и утвержденную соборомъ, редакцію обширную, которая и представляетъ эту книгу раздѣленною на главы, и списками своими, донынѣ уцѣлѣвшими, восходитъ почти до времени самаго собора, именно до 1556 года.

присутствовавшими на соборѣ, неизвѣстно; но она могла остаться и не подписанною, потому что заключала въ себѣ не одни постановленія собора, а и дѣянія его, вовсе не требовавшія подписей.

О чемъ же происходили совѣщанія Стоглаваго собора, о чемъ состоялись его опредѣленія? Предметы для занятій собора были указаны въ 69 вопросахъ царя и были вообще многочисленны и разнообразны; но кругъ ихъ еще разширялся самими отцами собора при ихъ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ. Можно сказать, что кругъ этотъ обнималъ собою всю обширную область церковной жизни и касался, болѣе или менѣе, всѣхъ ея сторонъ: и ученія, по крайней мѣрѣ, символа вѣры и училищъ; и богослуженія съ его обрядами во всѣхъ подробностяхъ; и управленія или святительскаго суда, также во всѣхъ подробностяхъ; и поведенія духовенства, бѣлаго и монашествующаго, особенно устройства монастырей; и поведенія мірянъ, ихъ суевѣрій, нравовъ и обычаевъ, семейныхъ и общественныхъ; и отношеній церковной власти къ власти гражданской и къ самому государю. Стоглавый соборъ имѣлъ въ виду какбы обновить всю русскую Церковь, исправить всѣ недостатки, какіе существовали въ ней и усилились въ послѣднее время, и указать ей путь для правильнаго развитія всѣхъ отраслей ея жизни. На Стоглавомъ соборѣ, между прочимъ, вновь разсмотрѣны разные вопросы, которыми занимались наши прежніе соборы, напримѣръ, владимірскій 1274 г. и московскій 1503 года; но разсмотрѣно и множество другихъ вопросовъ, которыхъ вовсе не касались на нашихъ прежнихъ соборахъ. И въ этомъ отношеніи Стоглавый соборъ далеко превосходитъ всѣ, дотолѣ у насъ бывшіе. Уложеніе его или книга—Стоглавъ явилась, въ царствованіе Іоан-

на IV, почти такимъ же сводомъ узаконеній для русской Церкви, какимъ явился тогда же пересмотрѣнный Судебникъ для русскаго государства.

Что сказать, въ частности, о царскихъ вопросахъ, предложенныхъ собору? Это собственно не вопросы, за исключеніемъ весьма немногихъ, а положительныя указанія на разные недостатки въ Церкви, на которые царь хотѣлъ обратить вниманіе собора и требовалъ соборнаго рѣшенія. Одни изъ вопросовъ кратки, но другіе довольно обширны и содержатъ живыя обличенія недостатковъ и безпорядковъ. Вопросы называются *царскими* не потому, чтобы они были написаны самимъ царемъ, а потому только, что изложены отъ имени царя и имъ предложены собору. «Нѣкогда *дошло до слуха* боговѣнчаннаго царя,—говорятъ сами отцы собора, начиная свои отвѣты на первые царскіе вопросы,—что во многихъ св. церквахъ многіе церковные чины не сполна совершаются по правиламъ и не по уставу. И онъ, боголюбивый царь, не оставилъ того безъ вниманія, а разжегшись Духомъ Святымъ, *вскорѣ повелѣлъ написать* о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинахъ, которые совершаются не по уставу, и передалъ на соборѣ отцу своему Макарію митрополиту, и повелѣлъ ему о всѣхъ тѣхъ чинахъ разсудить и учинить указъ» (гл. 6). Да и трудно допустить, чтобы молодой царь, едва только оставившій забавы и развлеченія дѣтства и проведшій прежніе годы безъ всякаго наученія и руководства, могъ уже обладать такими обширными свѣдѣніями, какія замѣчаются въ вопросахъ даже о мельчайшихъ подробностяхъ богослуженія и обрядовъ, равно какъ о многихъ мѣстныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ и безпорядкахъ въ разныхъ городахъ, селахъ, мо-

настыряхъ и проч. ([205]). А частыя указанія на порядки и обыкновенія въ областяхъ новгородской и псковской, встрѣчающіяся въ вопросахъ, невольно приводятъ къ мысли, не написаны ли послѣдніе кѣмъ нибудь изъ двухъ ближайшихъ совѣтниковъ Іоанна, митрополитомъ Макаріемъ или священникомъ Сильвестромъ, которые оба, по прежней службѣ своей, были изъ Новгорода и могли знать тотъ край болѣе, нежели другія мѣста, хотя и самъ Іоаннъ посѣтилъ уже Новгородъ и Псковъ,— что̀ и замѣчено отъ его имени въ вопросахъ (вопр. 31). Этимъ-то совѣтникамъ и въ особенности митрополиту Макарію, по всей вѣроятности, принадлежала и самая мысль о созваніи Стоглаваго собора, а не одно составленіе царскихъ вопросовъ; царю же принадлежала и принадлежитъ только честь, что онъ съ любовію принялъ добрую мысль и ревностно устремился къ ея осуществленію: по крайней мѣрѣ, предполагать такой глубокій и всесторонній взглядъ на потребности отечественной Церкви въ самомъ Іоаннѣ, еще юномъ, неопытномъ и не получившемъ почти никакого образованія, неестественно. Впрочемъ, кѣмъ бы ни были написаны вопросы по повелѣнію государя, они написаны и размѣщены безъ всякаго опредѣленнаго порядка, какъ попало. Иногда одна и таже мысль изложена въ нѣсколькихъ вопросахъ, раздѣленныхъ между собою другими вопросами, тогда какъ съ большею точностію и удобствомъ могла бы быть изложена въ одномъ вопросѣ. А иногда въ одномъ вопросѣ затронуто нѣсколько разнородныхъ предметовъ, хотя одни изъясняются тутъже, а другіе

([205]) Снес. *Погодин.* Историко-критич. отрывки, I. 246—248, 259—262, М. 1846.

уже въ дальнѣйшихъ вопросахъ. Нѣкоторые изъ вторыхъ царскихъ вопросовъ повторяютъ то самое, что было сказано въ первыхъ вопросахъ, или относятся къ нимъ, по своему содержанію, какъ части къ цѣлому ([296]). Чтеніе царскихъ вопросовъ, предложенныхъ Стоглавому собору, можетъ производить въ душѣ самое тягостное впечатлѣніе о тогдашнемъ состояніи нашей Церкви и народа. Но надобно помнить, что царь намѣренно указывалъ въ своихъ вопросахъ на одни недостатки и нравственные недуги своего времени, требуя отъ собора мѣръ для ихъ исправленія и уврачеванія, а вовсе не имѣлъ нужды изображать предъ соборомъ свѣтлыя стороны современной жизни, которыя, безъ сомнѣнія, были. Притомъ, царь указывалъ на эти недостатки и недуги, не какъ на общія явленія, а, большею частію, какъ на исключенія изъ правила, какъ на недостатки многихъ, нѣкоторыхъ, или только мѣстные. Потому соединять всѣ эти указанія вмѣстѣ, обобщать и по нимъ однимъ начертывать картину тогдашняго состоянія русской Церкви было бы несправедливо.

Что сказать объ отвѣтахъ собора на царскіе вопросы или его опредѣленіяхъ? Отвѣты на первые вопросы изложены отдѣльно отъ самыхъ вопросовъ и, большею частію, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ вопросы. Есть отвѣты, изъ которыхъ въ каждомъ заключается рѣшеніе на одинъ какой либо вопросъ; но есть другіе отвѣты, содержащіе, каждый, рѣше-

([296]) Напримѣръ, изъ первыхъ вопросовъ—8-й, 9, 13, 37—о безпорядкахъ въ жизни иноковъ могли бы быть соединены въ одинъ вопросъ, а въ вопросѣ первомъ говорится о нѣсколькихъ разныхъ предметахъ: о церковномъ звонѣ, о учрежденіи поповскихъ старостъ, о соблюденіи полнаго устава при богослуженіи. Изъ вторыхъ же вопросовъ, наприм., 8-й сходенъ съ 35-мъ изъ первыхъ, а 31-й съ 8-мъ изъ первыхъ и проч.

ніе на два, даже на три вопроса; а на нѣкоторые вопросы надобно искать рѣшенія, по частямъ, въ нѣсколькихъ отвѣтахъ ([297]). Отвѣты эти, за исключеніемъ немногихъ, довольно обширны, и одни представляютъ подробныя наставленія и правила, особенно касательно разныхъ частей богослуженія, иные изложены въ видѣ указовъ, еще иные въ видѣ размышленій и поученій. Отвѣты на вторые вопросы изложены вмѣстѣ съ вопросами, такъ что за каждымъ вопросомъ тотчасъ слѣдуетъ и отвѣтъ на него; всѣ кратки и содержатъ прямыя постановленія или рѣшенія. Наконецъ, постановленія, слѣдующія за вторыми отвѣтами, большею частію обширны и, подобно первымъ отвѣтамъ, представляются то въ видѣ подробныхъ правилъ, то въ видѣ размышленій и поученій, то излагаютъ весь процессъ соборныхъ совѣщаній о какомъ либо предметѣ и приводятъ, одно за другимъ, самыя основанія соборныхъ рѣшеній. Раздѣленіе отвѣтовъ на главы, какъ и раздѣленіе вопросовъ, сдѣлано неудачно. Нѣкоторыя главы, трактующія объ одномъ и томъже предметѣ (наприм. 6 и 34 о поповскихъ старостахъ), раздѣлены вставочными главами, тогда какъ могли бы быть соединены въ одну главу или, по крайней мѣрѣ, изложены непрерывно одна за другою. Нѣкоторыя содержатъ въ себѣ только выписки изъ прежнихъ церковныхъ постановленій (наприм. гл. 77—79), какія приводились на соборѣ въ основаніе его рѣшеній, а самыя рѣшенія составляютъ особыя главы. Въ главѣ 24-й соединены два, совершенно разнородныя постановленія, именно: о четвертомъ

([297]) Напримѣръ, въ 8-й главѣ содержатся отвѣты на 9-й, 11 и 21 вопросы; а на первый, сложный, вопросъ находятся отвѣты, по частямъ, въ главахъ— 6. 7, 10, 11, 34 и друг.

бракѣ и о неупотребленіи вина прежде обѣда, — хотя естественнѣе они могли бы быть предложены въ особыхъ главахъ. При составленіи своихъ отвѣтовъ и опредѣленіи Стоглавый соборъ руководствовался тѣми самыми источниками и пособіями, какими и долженъ былъ или, по крайней мѣрѣ, могъ руководствоваться соборъ русской Церкви. Онъ ссылался на Слово Божіе, хотя рѣдко, на правила св. апостоловъ и св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, на правила и другія писанія св. отцевъ, на церковный уставъ, перешедшій къ намъ изъ Греціи, на узаконенія греческихъ императоровъ, вошедшія въ составъ Кормчей; а съ другой стороны указывалъ на постановленія прежнихъ русскихъ соборовъ и русскихъ святителей и учителей, на церковные уставы русскихъ князей, а иногда, весьма впрочемъ рѣдко, даже на обычай или неписанный законъ, существовавшій въ Россіи. Такимъ образомъ постановленія Стоглава, опираясь на общихъ, коренныхъ основахъ всякаго православнаго церковнаго законодательства, поставлены были въ тѣсную, родственную связь и съ прежнимъ законодательствомъ собственно отечественной Церкви и послужили какбы развитіемъ и, главное, дополненіемъ и обогащеніемъ этого, дотолѣ весьма еще скуднаго, законодательства. Но нельзя не сознаться, что Стоглавый соборъ пользовался своими источниками и пособіями не всегда безукоризненно: слова св. Писанія приводилъ иногда неправильно и объяснялъ произвольно и неудачно ([208]); на церковныя правила и уставъ ссылался, большею частію, неопредѣленно, выражаясь во-

([208]) Наприм., въ главѣ 40 й говорится, будто „Богъ ... Моисееви рече: *постризало да не взыдетъ на браду вашу*“; между тѣмъ какъ въ Писаніи читаемъ: *бритва да не взыдетъ на главу его*, т. е. назорея (Числ. 6, 5).

обще: *по священнымъ правиламъ*, или—*по преданію св. апостолъ и св. отецъ*, или—*по уставу*; если же указывалъ и на опредѣленныя правила, не приводя впрочемъ самого ихъ текста, то иногда на такія, которыя говорятъ совсѣмъ не о томъ, что нужно было собору ([299]); иногда приводилъ и самый текстъ правилъ, но или неясно и неполно, или съ прибавленіями и вообще въ искаженномъ видѣ, или смѣшивалъ нѣсколько различныхъ между собою правилъ и бралъ изъ нихъ по нѣскольку словъ и выраженій ([300]); иногда даже приводилъ правила подъ именемъ св. апостоловъ или св. соборовъ и писанія подъ именемъ св. отцевъ совершенно подложныя ([301]), равно какъ привелъ въ одной главѣ (79-й) мнимыя слова праведнаго Еноха, а въ другой (87-й) усвоилъ посланіе цареградскаго патріарха Нила его предшественнику Филоѳею. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти погрѣшности допущены отцами Стоглаваго собора ненамѣренно: они не знали подлиннаго текста свящ. книгъ, церковныхъ правилъ, писаній отеческихъ и не могли къ нему обращаться; а пользовались толь-

([299]) Наприм., въ тойже 40-й главѣ соборъ ссылается на 11-е правило VI-го вселенскаго собора, будтобы запрещающее „стризаніе брадъ", тогда какъ это правило ни слова не говоритъ о брадахъ, а запрещаетъ христіанамъ имѣть общеніе съ іудеями.

([300]) Смотр., напримѣръ, въ главѣ 75-й правила 12-е и 13-е VII вселенскаго собора, а въ гл. 90-й правила—16-е VII вселенскаго собора, 50-е и 51-е трульскаго и 69-е апостольскаго.

([301]) Такъ, въ гл. 40-й приведено подъ именемъ св. апостоловъ слѣдующее правило: „аще кто браду бреетъ и преставится тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія надъ нимъ пѣти, ни просфоры, ни свѣщи по немъ въ церковь принести, съ невѣрнымъ да причтется". А въ главѣ 56-й подъ именемъ V-го вселенскаго собора, который вовсе не оставилъ правилъ, приведено слѣдующее: „аще кто и сану пріобидѣти начнетъ или суды восхитятъ церковныя, или привлачитъ насиліемъ епископа, или попа, или дьякона...., да будетъ проклятъ".

ко славянскими переводами, какіе имѣли подъ руками, и съ одинаковою довѣрчивостію принимали все, что встрѣчали въ рукописяхъ, не умѣя различать подлинныхъ сочиненій отъ подложныхъ или искаженныхъ. Потому если и ошибались, то ошибались только «простотою и невѣжествомъ», какъ и выразился о погрѣшностяхъ Стоглаваго собора московскій соборъ 1667 года. Къ сожалѣнію, эта простота и невѣжество отразились не на одномъ только неумѣньи пользоваться источниками, но и на самыхъ правилахъ Стоглаваго собора, хотя очень немногихъ. Наибольшая часть его постановленій достойны всего уваженія, какъ согласныя съ правилами православно-каѳолической Церкви и направленныя къ благоустройству Церкви русской. Таковы многочисленныя главы о святительскомъ судѣ и церковномъ управленіи и не менѣе многочисленныя— о соблюденіи церковнаго устава въ богослуженіи, объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, писаніи св. иконъ, содержаніи церквей, благочиніи во храмахъ. Таковы же опредѣленія объ избраніи достойныхъ служителей алтаря, учрежденіи поповскихъ старостъ для надзора за духовенствомъ, объ искорененіи въ духовенствѣ пороковъ, объ исправленіи монастырей и монашеской жизни. Таковы, наконецъ, правила о заведеніи духовныхъ училищъ, о богадѣльныхъ домахъ, о выкупѣ плѣнныхъ, объ истребленіи суевѣрій и вредныхъ обычаевъ въ народѣ. Но въ числѣ этихъ достойныхъ правилъ встрѣчаются и недостойныя собора. Разумѣемъ преимущественно постановленія: о сложеніи двухъ перстовъ для крестнаго знаменія (гл. 31), о сугубой аллилуіи (гл. 12), о небритіи брады и усовъ (гл. 40). Тутъ отцы собора допустили двоякую погрѣшность: во-первыхъ, основали эти постановленія на правилахъ и во-

обще писаніяхъ, частію подложныхъ, частію испорченныхъ, частію невѣроятныхъ, хотя дѣйствительно тогда существовавшихъ въ славянскихъ рукописяхъ; а во вторыхъ—усвоили этимъ постановленіямъ, столько неважнымъ по содержанію, необычайную важность, возвели ихъ на степень догматовъ и отступленіе отъ нихъ назвали ересью, казнили анаѳемой. И слѣдовательно сугубо увлеклись «простотою и невѣжествомъ». Мы не станемъ разсматривать здѣсь подробно какъ этихъ, такъ и всѣхъ другихъ постановленій Стоглаваго собора: они касаются разныхъ сторонъ церковной жизни и съ большею удобностію будутъ разсмотрѣны нами по частямъ при обозрѣніи этихъ самыхъ сторонъ. Кѣмъ написаны отвѣты или опредѣленія, изложенныя въ Стоглавѣ, неизвѣстно. Но, кажется, они написаны не однимъ лицемъ: по крайней мѣрѣ, въ отвѣтахъ на вторые вопросы и въ послѣдующихъ за тѣмъ опредѣленіяхъ замѣчается болѣе точности, ясности, даже порядка, а менѣе многословія, растянутости и повторенія, нежели въ отвѣтахъ на первые вопросы. Очень вѣроятно, что если не всѣ, то многіе отвѣты изложены самимъ митрополитомъ Макаріемъ: онъ еще прежде нарочито занимался собираніемъ и изученіемъ церковныхъ законовъ, превосходилъ прочихъ членовъ собора своимъ образованіемъ и болѣе всѣхъ ихъ былъ способенъ написать соборныя рѣшенія. А съ другой стороны достойно замѣчанія, что въ постановленіяхъ Стоглаваго собора приводятся тѣже самыя доказательства въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ, тѣже царскія заповѣди и соборныя правила, и встрѣчаются тѣже самыя выраженія, какія находимъ и въ «Отвѣтѣ» митрополита Макарія о тѣхъже имуществахъ къ царю Ивану Васильевичу, писанномъ, какъ можно догадываться, не-

задолго предъ Стоглавымъ соборомъ ([302]). Также замѣчательно, что въ своихъ посланіяхъ къ войску въ Свіяжскъ и къ государю, писанныхъ вскорѣ послѣ Стоглаваго собора, Макарій излагаетъ такія нравственныя наставленія и другія мысли, которыя, по мѣстамъ, буквально сходны съ изложенными въ Стоглавѣ, хотя не указываетъ на самый Стоглавъ ([303]). Впрочемъ, кѣмъ бы ни были написаны постановленія Стоглава, окончательная редакція ихъ не могла состояться безъ просмотра или цензуры митрополита Макарія, какъ предсѣдателя собора и главнаго іерарха. А потому, во всякомъ случаѣ, постановленія эти, со всѣми своими достоинствами и недостатками, должны быть приписаны преимущественно ему—Макарію. Онъ отличался дѣйствительно обширнымъ образованіемъ и начитанностію; но не былъ выше своего вѣка, не былъ свободенъ, въ частности, отъ тѣхъ погрѣшностей, какія мы указали въ Стоглавѣ. Макарій довѣрчиво относился къ письменнымъ памятникамъ и не всегда отличалъ подложныя сочиненія отъ подлинныхъ, достойныя уваженія отъ недостойныхъ, какъ свидѣтельствуютъ составленныя имъ Четіи-Минеи ([304]); онъ строго запрещалъ брить усы и браду и считалъ это ересью латинскою, какъ видно изъ его посланій ([305]); училъ крестить-

([302]) „Отвѣтъ“ напечатанъ вполнѣ, съ предварительными замѣчаніями о немъ, въ Лѣтоп. Русск. Литерат. и древн., *Тихонрав.*, V, отд. III, 126—136. А послѣдняя половина этого Отвѣта, подъ заглавіемъ: „Челобитная Макарія митрополита московскаго....“, есть въ Румянц. Музеумѣ (Опис. стр. 50) и въ Архивѣ Свят. Синода (Опис. этого Архива, I, стр. 1).

([303]) Снос. А. И. I, №№ 159, 160 и Стогл. глав. 3. 52.

([304]) Въ чемъ самъ онъ сознается въ извѣстномъ предисловіи или „Лѣтописцѣ“ къ своимъ Четіи-Минеямъ (см. напеч. выпускъ этихъ Четіи-Миней за сентябрь).

([305]) Ник. Лѣт. VII, 111.

ся двумя перстами, какъ видно изъ его Наказа въ Кареградъ (1558), хотя прежде помѣстилъ въ своей Чети-Минеи (писанной въ Новгородѣ до 1544 г.) «Преніе Панагіота» съ ученіемъ о трисперстіи ([306]); могъ точно также принять и проповѣдывать ученіе о сугубой аллилуіи, повѣрив особенно житію преп. Евфросина псковскаго (нис. 1547 г.), гдѣ утверждалось, будто не только патріархъ цареградскій, но и сама пресв. Богородица заповѣдали двоить, а не троить аллилуію, хотя прежде и помѣстилъ въ своей Чети-Минеи посланіе неизвѣстнаго или «указъ о трегубой аллилуіи» ([307]). Въ объясненіе недостатковъ, замѣчаемыхъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора и въ самомъ ихъ изложеніи, можно указать еще на то обстоятельство, что всѣ эти многочисленныя постановленія составлены и написаны были весьма спѣшно: мало было времени, чтобы обстоятельно обсудить ихъ и исправить со всею точностію ([308]). Вообще же, разсматривая и царскіе вопросы и соборные отвѣты, изложенные въ Стоглавѣ, мы выносимъ убѣжденіе, что книга эта есть живой свидѣ-

([306]) Правосл. Собесѣдн. 1863, I, 205. А преніе Панагіота помѣщено въ означенной Чети-Минеи подъ 13 числомъ декабря.

([307]) Посланіе это напечатано въ Правосл. Собесѣдн. 1866, II, 137—166. Изъ чтенія этого посланія или указа легко убѣдиться, что оно писано не самимъ митроп. Макаріемъ, какъ нѣкоторые думали, а лицемъ неизвѣстнымъ вскорѣ послѣ Флорентійскаго собора (см. стр. 143. 147—148. 160. 161. 162).

([308]) Соборъ начался 23-го февраля 1551 г., а прежде 11-го мая соборная книга была уже составлена, разсмотрѣна митроп. Іоасафомъ, вновь пересмотрѣна и окончательно утверждена соборомъ: ибо 11-го мая состоялся новый приговоръ собора о церковныхъ имуществахъ, нѣсколько отличный отъ помѣщеннаго въ соборной книгѣ и уже не вошедшій въ составъ ея, а помѣщаемый особо въ концѣ ея, подъ именемъ 101-й главы. Кромѣ того, извѣстно, что соборная книга послана была къ м. Іоасафу, между прочимъ, чрезъ Серапіона, игумена Сергіевой лавры; а съ 17-го мая онъ уже не былъ игуменомъ, и 14-го іюня произведенъ въ архіепископа Новгороду.

тель, съ одной стороны, о тѣхъ нравственныхъ недугахъ, какими страдали въ половинѣ XVI вѣка русская Церковь и русское общество, а съ другой—о той степени просвѣщенія, на какой находились тогда даже лучшіе члены нашей Церкви и общества.

Какъ обнародованы были постановленія или «соборное уложеніе» Стоглаваго собора? Оно не было обнародовано разомъ по всей Россіи въ полномъ своемъ составѣ, а обнародовалось постепенно и по частямъ въ видѣ наказовъ или наказныхъ граматъ отъ лица царя, митрополита и всего собора. Такъ, еще въ томъже 1551 г. изданы были: а) грамата митрополита Макарія въ Симоновъ и другіе монастыри, съ приложеніемъ девяти главъ, относящихся собственно къ монастырямъ, цѣликомъ выписанныхъ изъ «соборной книги»; б) грамата тогоже митрополита во Владиміръ (и, вѣроятно, въ другія мѣста) ко всему бѣлому духовенству, въ которой частію буквально сходно съ соборною книгою или Стоглавомъ, а частію въ сокращеніи изложены многочисленныя постановленія, необходимыя для руководства приходскимъ священникамъ и церковнымъ причтамъ ([309]); в) наказъ отъ лица всего собора объ учрежденіи и обязанностяхъ поповскихъ старостъ въ Москвѣ (и, вѣроятно, въ другихъ мѣстахъ), представляющій въ сжатомъ видѣ нѣсколько главъ соборной книги объ этомъ предметѣ съ немногими дополненіями или поясненіями; г) окружный царскій наказъ объ обязанностяхъ поповскихъ старостъ, десятскихъ священниковъ, земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, по мѣстамъ буквально сходный съ Стоглавомъ съ не-

([309]) См. выше примѣч. 292.

большими измѣненіями и поясненіями ([310]). Впрочемъ, изъ этихъ же самыхъ граматъ и наказовъ видно, что уже тогда всѣ владыки имѣли у себя полную «соборную книгу» или «соборное уложеніе»: потому что они должны были давать по «соборному уложенію» наказы поповскимъ старостамъ; да и сами поповскіе старосты обязывались имѣть у себя соборныя «правила полныя», чтобы изучать ихъ и совѣщаться съ ними ([311]). Обнародованіе постановленій Стоглаваго собора продолжалось и въ слѣдующіе годы, но очень медленно, такъ что нѣкоторыя постановленія не были обнародованы еще въ 1553 году ([312]), а въ нѣкоторыя отдаленныя мѣста, наприм., въ Каргополь наказная грамата митрополита Макарія къ бѣлому духовенству отправлена была новгородскимъ архіепископомъ уже въ 1558 г. ([313]).

([310]) А. Э. I, №№ 231–232.

([311]) Въ царскомъ наказѣ читаемъ: „и вы бы тѣмъ (выбраннымъ) старостамъ поповскимъ и десятскимъ священникамъ.... имена написали на списокъ да отослали *ко владыкѣ*, и онъ къ тѣмъ старостамъ пошлетъ книги свои и *наказъ, по соборному уложенію*, какъ имъ тѣ дѣла святительскіе дѣлати отнынѣ и впредь о всемъ подлинно“ (А. Э. I, стр. 227). А въ наказѣ соборномъ о московскихъ старостахъ: „и тѣхъ избранныхъ старостъ предъ митрополита привести, и онъ, разсмотря ихъ, довольнѣ наказавъ, и придастъ имъ *законъ* божественныхъ писаній *соборнаго уложенія*“.... И далѣе: „старостамъ и священникамъ въ томъ св. храмѣ (назначенномъ для ихъ общихъ собраній) *божественные правила держати полные*, самимъ имъ въ нихъ всегда приницати“ (тамъже 227. 228).

([312]) Въ октябрѣ 1553 г., въ одномъ изъ засѣданій собора по дѣлу Башкина и Висковатаго, царь Иванъ Васильевичъ бесѣдовалъ съ митр. Макаріемъ и другими святителями, между прочимъ, и„ о прежнемъ соборномъ уложеніи (т. е. 1551 г.) о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ церковныхъ, которые дѣла исправилися и которые *еще не исправилися*. И царь и государь богомольцемъ своимъ говорилъ, чтобъ Богъ далъ впередъ и прочіе дѣла исправлены были“ (Розыскъ по дѣлу Висковатаго, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1858, II, отд. III, стр. 1–2).

([313]) Напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1863, I, 87. 202.

Надобно присовокупить, что, кромѣ постановленій, изложенныхъ въ соборной книгѣ, Стоглавый соборъ издалъ еще три отдѣльныхъ приговора, въ которыхъ частію только повторилъ, а частію дополнилъ и измѣнилъ нѣкоторыя прежнія свои постановленія. Первый приговоръ, данный 11-го мая 1551 г., относился ко всей русской Церкви и касался епископскихъ и монастырскихъ вотчинъ и ругъ. Въ Стоглавѣ объ этомъ предметѣ было опредѣлено: а) монастырскихъ и вообще церковныхъ имѣній ни отдавать, ни продавать, но «крѣпко хранить», за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами вкладчики напишутъ въ своемъ завѣщаніи, что пожертвованныя ими вотчины могутъ или должны быть возвращены ихъ потомкамъ за извѣстный выкупъ; б) монастыри, имѣющіе у себя довольно земель и селъ для своего содержанія, не должны просить у царя ни новыхъ угодій, ни льготныхъ граматъ, развѣ только въ случаѣ крайней нужды (гл. 75); в) руги и царскія милостыни оставить за монастырями только тѣ, которыя шли на нихъ ежегодно при покойномъ отцѣ царя Іоанна Васильевича; а вновь полученныя ими уже при самомъ Іоаннѣ оставить только за убогими монастырями и церквами, «не имущими ни откуду помощи»; монастырямъ же достаточнымъ, могущимъ прожить безъ этой новой руги и милостыни, въ царской волѣ—давать ее или не давать (гл. 97). Въ приговорѣ своемъ Стоглавый соборъ постановилъ: а) впредь, безъ доклада царю, вотчинъ святителямъ и монастырямъ не покупать и никому имъ не продавать; иначе проданныя вотчины будутъ отобраны на государя безденежно: это дополненіе къ тому, что сказано въ Стоглавѣ; б) вотчинъ, пожертвованныхъ въ монастыри, никому обратно не выку-

пать, за исключеніемъ случаевъ, когда сами вкладчики напишутъ въ завѣщаніи, что ихъ потомки имѣютъ выкупить тѣ вотчины: это повтореніе сказаннаго въ Стоглавѣ (гл. 75); в) милостыни и руги оставить за монастырями только тѣ, которыя шли при дѣдѣ и отцѣ царя Ивана Васильевича, а вновь данныя отмѣнить вообще для всѣхъ монастырей (слѣд. и для бѣдныхъ): это измѣненіе сказаннаго въ Стоглавѣ (гл. 97) ([314]). Два другіе приговора даны Стоглавымъ соборомъ отъ 26-го іюня и 15-го іюля 1551 г. собственно въ Новгородъ, по жалобницамъ тамошнихъ священниковъ. Въ этихъ приговорахъ говорится: сначала о подводахъ подъ архіепископа и о пошлинахъ, праздничныхъ и тіунскихъ, чего нѣтъ въ Стоглавѣ; потомъ о судѣ архіепископскихъ бояръ и дьяковъ «по соборному уложенію» согласно съ Стоглавомъ (гл. 68. 69), о выборѣ прихожанами священнослужителей также согласно съ Стоглавомъ (гл. 41, вопр. 14) и проч.; еще далѣе — о сборѣ съ новгородскихъ монастырей, кромѣ общежительныхъ, и съ приходскихъ церквей просфирныхъ пошлинъ на соборный-софійскій причтъ,—чего нѣтъ въ Стоглавѣ,—и, наконецъ, о платѣ за антиминсы по 25 копѣекъ «по цареву нынѣшнему уложенію» согласно съ Стоглавомъ (гл. 47) ([315]). Всѣ эти три приговора Стоглаваго собора, данные уже послѣ того, какъ окончательно состоялось соборное уложеніе, на которое два изъ нихъ и ссылаются, не были внесены въ книгу Стоглавъ самимъ соборомъ, а помѣщались переписчиками въ концѣ ея, и именно въ нѣкоторыхъ спискахъ, и

([314]) А. Э. I, № 227.
([315]) А. Э. I, № 229.

древнѣйшихъ, помѣщался одинъ первый приговоръ въ качествѣ 101-й главы, а въ другихъ, вѣроятно, писанныхъ собственно въ Новгородѣ, помѣщались два остальные приговора ([316]).

Какъ выполнилъ Стоглавый соборъ свое призваніе? Достаточны ли были его постановленія для цѣли, для которой они даны? Призваніе этого собора состояло въ томъ, чтобы указать надлежащія мѣры къ искорененію зла, существовавшаго тогда въ русской Церкви и обществѣ. И Стоглавый соборъ дѣйствительно указалъ такія мѣры, — указалъ съ подробностію, какъ исправить въ разныхъ частяхъ общественное богослуженіе, какъ упорядочить церковное управленіе, какъ содѣйствовать улучшенію нравовъ въ духовенствѣ, въ монашествѣ, въ народѣ и проч. и проч. Но «эти мѣры, говорятъ, были старыя; ими соборъ хотѣлъ поворотить русскую Церковь назадъ тогда, какъ жизнь рвалась впередъ, требовала обновленія». Старыми можно назвать мѣры, указанныя Стоглавымъ соборомъ, развѣ въ томъ смыслѣ, что они были заимствованы, большею частію, изъ древнихъ постановленій Церкви, изъ правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцевъ. Но эти-то, а не другія, мѣры и требовались для искорененія зла, у насъ существовавшаго, которое именно и состояло въ нарушеніи означенныхъ древнихъ постановленій и правилъ, въ забвеніи ихъ, въ пренебреженіи ими; эти-то мѣры, испытанныя вѣками, и могли обновить русскую Церковь, освободивъ ее отъ тѣхъ недостат-

([316]) См. Опис. Румянц. Муз. № 426, стр. 656; А. Э. I, стр. 219 и 223, примѣч.; также Стогл., изд. Казан., стр. 430.

ковъ и безпорядковъ, какіе въ ней существовали, и могли подвинуть ее впередъ изъ худшаго состоянія въ лучшее и совершеннѣйшее. А оторвать русскую Церковь отъ ея древнихъ основъ, дать ей узаконенія, не заимствованныя изъ древнихъ каноновъ и несогласныя съ ними, значило бы не обновить ее или подвинуть впередъ, а измѣнить самое ея устройство, лишить ее характера Церкви православной, внести въ нее сѣмена внутренняго разстройства и разложенія. Многоразличные виды зла, у насъ существовавшаго, зависѣли преимущественно отъ невѣжества, отъ недостатка просвѣщенія. И Стоглавый соборъ узаконилъ заведеніе училищъ и распространеніе просвѣщенія, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ народѣ, хотя понималъ просвѣщеніе по своему времени: этой мѣры, конечно, уже никто не назоветъ старою или устарѣлою. Впрочемъ, въ числѣ постановленій Стоглаваго собора были и собственно новыя, т. е. не заимствованныя прямо изъ древнихъ каноновъ, хотя и согласныя съ ними, а вызванныя обстоятельствами русской Церкви и приспособленныя къ нимъ: таковы многія постановленія объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, о поповскихъ старостахъ, о благочиніи монастырей, о церковныхъ имуществахъ, о церковныхъ и епископскихъ сборахъ, постановленія относительно народныхъ нравовъ и проч. Мы не можемъ также согласиться съ мыслію, будто Стоглавый соборъ указалъ мѣры противъ зла чисто внѣшнія, и потому безсильныя. Внѣшнія мѣры соборъ указалъ или, точнѣе, допустилъ только въ тѣхъ, сравнительно немногихъ, своихъ постановленіяхъ, исполненіе которыхъ, судя по свойству ихъ предметовъ, онъ предоставилъ «благочестивому царю и его царской заповѣди и грозѣ». А

во всѣхъ прочихъ постановленіяхъ Стоглава, предоставленныхъ церковной власти, указаны мѣры вовсе не внѣшнія: почти во всѣхъ этихъ постановленіяхъ соборъ обращается съ своими *увѣщаніями* то къ духовенству, то къ народу, заповѣдуетъ пастырямъ, чтобы они *учили* православныхъ христіанъ, или *убѣждаетъ* послѣднихъ, чтобы они слушались своихъ пастырей, и если иногда угрожаетъ наказаніями, то собственно церковными епитиміями. Другихъ мѣръ, болѣе духовныхъ, Церковь не имѣетъ. Нельзя сказать, чтобы и зло не уменьшалось отъ мѣръ Стоглаваго собора; напротивъ, оно уменьшалось и даже искоренялось тамъ, гдѣ принимали эти мѣры и пользовались ими. А если гдѣ не уменьшалось, то не по безсилію самихъ мѣръ, а потому, что не хотѣли ими воспользоваться: такова участь и совершеннѣйшихъ узаконеній. Лучше насъ могли видѣть дѣйствительность этихъ мѣръ и цѣнить достоинство постановленій Стоглаваго собора ближайшіе потомки. Не говоримъ о современникахъ: пока живы были митрополитъ Макарій и царь Іоаннъ, до тѣхъ поръ постановленія Стоглава могли распространяться и поддерживаться силою власти, хотя и тогда были случаи, когда, напримѣръ, иноки Юрьевскаго новгородскаго монастыря сами просили царя и его сподвижниковъ въ дѣлѣ Стоглаваго собора, чтобы у нихъ учрежденъ былъ архіепископскій судъ «по новому соборному уложенію» ([317]). Но вотъ не стало царя и его сподвижниковъ въ дѣлѣ Стоглаваго собора, а постановленія собора не теряли своего значенія и оставались въ силѣ. Списки Стоглава умножались и распространялись. Нѣкоторыя по-

([317]) Дополн. къ А. И. I, № 46.

становленія Стоглава, напримѣръ о поповскихъ старостахъ, издавались вновь въ царствованія Ѳеодора Іоанновича (1594) и Бориса Годунова (1604) ([318]). Патріархи Филаретъ Никитичъ, Іоасафъ, Іосифъ руководствовались Стоглавомъ, помѣщали обширныя извлеченія изъ него въ своихъ указахъ, вносили постановленія его въ печатавшіяся тогда богослужебныя книги ([319]). Такія же извлеченія изъ Стоглава и указанія на него встрѣчаемъ и въ царскихъ указахъ и граматахъ 1646, 1651 и 1667 годовъ ([320]). Даже послѣ великаго московскаго собора (1667 г.), осудившаго Стоглавъ за извѣстныя статьи, патріархъ Адріанъ въ 1700 г., на запросъ бояръ, занимавшихся составленіемъ новаго «уложенія», отвѣчалъ, что онъ руководствуется въ своемъ церковномъ судѣ и управленіи, послѣ Кормчей, книгою Стоглавомъ и указалъ именно на 53—64, 66 и 68 главы этой книги ([321]). Такимъ образомъ, цѣлыя полтораста лѣтъ постановленія собора Стоглаваго были дѣйствующими въ Россіи, и слѣд. признавались не только годными, но и полезными. Къ сожалѣнію, въ тоже время и извѣстныя ошибки Стоглаваго собора, хотя ненамѣренныя, но огражденныя имъ анаѳемою, болѣе и болѣе распространялись и утверждались въ народѣ, были внесены въ богослужебныя книги и сдѣлались главными началами для русскаго раскола, доселѣ терзающаго отечественную Церковь.

([318]) А. Э. I, № 360; II, № 223.

([319]) См. патр. *Филарета* „Соборное уложеніе", гл. 5; А. Э. III, № 264; IV, 321; Предисл. къ Служебникамъ патр. Іосифа (1651 г.) и патр. Никона (1652).

([320]) А. Э. IV, №№ 35. 174. 327.

([321]) Отвѣтъ патріарха, вмѣстѣ съ разными выписками, напеч. *Калачевымъ* въ Прилож. къ статьѣ: о Кормчей (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, III, отд. I, стр. 88; IV, отд. I, стр. 11—80).

Какъ ни многочисленны были предметы, о которыхъ разсуждалъ и сдѣлалъ свои постановленія Стоглавый соборъ; но догматовъ вѣры православной онъ почти не касался. За то едва протекло около двухъ лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, какъ открылась потребность въ новомъ соборѣ, который долженъ былъ разсуждать преимущественно объ истинахъ христіанской вѣры или, точнѣе, защищать ихъ противъ новыхъ проповѣдниковъ старой уже у насъ ереси жидовствующихъ. Мы знаемъ, что эта ересь, чрезъ нѣсколько времени послѣ происхожденія своего, явилась въ двоякомъ видѣ: одни изъ ея послѣдователей, люди простые и необразованные, отвергаясь вѣры христіанской, предпочитали ей іудейскую, принимали жидовство и иногда даже обрѣзывались; а другіе, люди образованные, книжные, не принимали самаго жидовства, но только усвояли себѣ воззрѣнія жидовствующихъ на христіанскую вѣру, и потому отвергали всѣ, собственно христіанскіе, догматы и установленія и дѣлались религіозными вольнодумцами. Знаемъ также, что, даже послѣ окончательнаго осужденія этой ереси въ 1504 году, слѣды ея и сочувствіе ей замѣчались еще въ странахъ заволжскихъ, между иноками вологодскими и бѣлозерскими, и что ея продолжали тайно держаться многіе въ Москвѣ, особенно между вельможами, противъ вольнодумства которыхъ находилъ нужнымъ ратовать митрополитъ Даніилъ. Когда не стало князя-старца Вассіана (осужденнаго въ 1531 г.), главнаго покровителя ереси жидовствующихъ или новгородскихъ еретиковъ, она, повидимому, исчезла въ Россіи. Но теперь, лѣтъ черезъ двадцать, подъ вліяніемъ отчасти новаго броженія умовъ, проникавшаго къ намъ съ запада, она обнаружилась вновь въ обоихъ своихъ видахъ. Въ качествѣ

вольнодумства, простиравшагося до отверженія всѣхъ догматовъ и установленій христіанскихъ, ее проповѣдывалъ нѣкто Матѳеи Семеновъ Башкинъ, жившій въ Москвѣ, человѣкъ книжный и, вѣроятно, если не знатный, то богатый или достаточный, потому что имѣлъ у себя слугъ и рабовъ. Въ качествѣ не только отверженія христіанства, но и приверженности къ іудейству или Моисееву закону, проповѣдывалъ эту ересь нѣкто Ѳеодосій Косой, бывшій слуга одного изъ московскихъ бояръ, обокравшій его, бѣжавшій на Бѣлоозеро, и тамъ принявшій монашество. Но обратимся къ подробностямъ.

Въ великій постъ 1553 года къ священнику придворнаго благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, Симеону, пришелъ Матѳей Семеновъ Башкинъ и умолялъ принять его на исповѣдь, а на исповѣди говорилъ: «ваше дѣло великое; *больше сея любве никтоже имать*, какъ написано, *да кто душу свою положитъ за други своя;* а вы полагаете за насъ души свои, и вдите о душахъ нашихъ». Послѣ того Башкинъ пріѣзжалъ къ Симеону на подворье, да читалъ бесѣды евангельскія и, между прочимъ, говорилъ: «ради Бога пользуй меня духовно; надобно не только читать написанное въ бесѣдахъ тѣхъ, а и совершать на дѣлѣ. А все начало отъ васъ: прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показать начало собою и насъ научить; да тутъ же въ Евангеліи и написано: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. А кому нужно быть кроткимъ и смиреннымъ? То все на васъ лежитъ; прежде вамъ должно творить, да и насъ учить». Чрезъ нѣсколько времени Башкинъ прислалъ за Симеономъ своего человѣка, и, когда Симеонъ пріѣхалъ къ Башкину, послѣдній началъ го-

ворить: «въ Апостолѣ написано, что весь законъ заключается въ словахъ: *возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе*; а мы Христовыхъ же рабовъ у себя держимъ. Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя, на иныхъ—полныя, а иные бѣглыхъ держатъ. Я благодарю Бога моего, что̀ было у меня кабалъ полныхъ, все изодралъ и держу у себя людей добровольно: кому хорошо у меня, тотъ живетъ, а кому нехорошо, идетъ себѣ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, надобно посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ намъ жить и какъ людей у себя держать и не томить ихъ». Всѣ эти рѣчи Башкина были, очевидно, очень хороши, и не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго ([322]). Но, вѣрно, онъ говорилъ многое и совсѣмъ въ другомъ родѣ,— потому что Симеонъ, когда наступилъ Петровъ постъ, сказалъ товарищу своему по собору, извѣстному священнику Сильвестру, любимцу царя Іоанна: «пришелъ ко мнѣ сынъ духовный *необыченъ* и великими клятвами умолилъ меня принять его на исповѣдь въ великій постъ; *многіе* предлагаетъ мнѣ вопросы *недоумынные*; требуетъ отъ меня поученія, а въ иномъ и самъ меня учитъ, и я удивился тому и весьма усомнился». Сильвестръ отвѣчалъ: «каковъ-то сынъ тотъ будетъ у тебя, а слава про него носится недобрая». Значитъ, про Башкина уже знали и толковали въ обществѣ съ невыгодной стороны, и Сильвестръ слышалъ о немъ отъ другихъ

([322]) Москов. соборы на еретиковъ XVI вѣка: жалобница Благовѣщ. попа Симеона, въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, III, отд. II, 22; А. Э. I, № 238, стр. 248. Надобно однакожъ помнить, что такъ показывалъ о Башкинѣ попъ Симеонъ чрезъ семь-восемь мѣсяцевъ, когда многое могъ уже забыть, и показывалъ съ цѣлью оправдать себя въ своихъ сношеніяхъ съ еретикомъ; а потому, естественно, старался сказать о началѣ своего знакомства съ Башкинымъ одно хорошее.

еще прежде. Царя не было тогда въ Москвѣ: онъ ѣздилъ для богомолья въ Кирилловъ монастырь. И Башкинъ снова пригласилъ къ себѣ Симеона, и показалъ ему Апостолъ, который былъ *извощенъ* (заканапъ воскомъ) во многихъ мѣстахъ, до трети, предлагалъ вопросы, а самъ толковалъ «не по существу и развратно». Когда Симеонъ молвилъ: «я самъ того не знаю, о чемъ ты спрашиваешь», Башкинъ отвѣчалъ: «ты, пожалуй, спрашивай у Сильвестра; онъ тебѣ скажетъ, и ты пользуй мою душу; я знаю, что тебѣ самому некогда вѣдать того за суетою мірскою: ни днемъ, ни почью покою не знаешь». Симеонъ передалъ о всемъ этомъ Сильвестру. Скоро возвратился въ Москву царь (это было въ іюнѣ, слѣд. еще до исхода Петрова поста), и Сильвестръ вмѣстѣ съ Симеономъ разсказали ему все про Башкина, а протопопъ Андрей и Алексѣй Адашевъ засвидѣтельствовали, что и они тоже про Башкина слышали. Государь велѣлъ Симеону представить книгу—Апостолъ, извощенную Башкинымъ. Башкинъ извощилъ ее всю, и Симеонъ принесъ ее къ церкви, гдѣ и видѣлъ книгу царь и всѣ слышали въ ней и рѣчь и мудрованіе Башкина. Но дѣло пришлось отложить: потому что царь, получивъ извѣстіе (6-го іюля) о предполагаемомъ набѣгѣ крымцевъ на Россію, поспѣшилъ въ Коломну ([823]). Впрочемъ, отъѣзжая, царь велѣлъ схватить Башкина, посадить его у себя въ подклѣть и поручилъ его двумъ іосифовскимъ старцамъ Герасиму Ленкову да Филоѳею Полеву. Башкинъ не сознавался въ ереси и исповѣдывалъ себя христіаниномъ; но скоро былъ постигнутъ гнѣвомъ Божіимъ

([823]) Мы сносимъ показанія попа Симеона, какъ они изложены и въ его жалобницѣ и въ жалобницѣ или челобитной попа Сильвестра. Чтен. М. Истор. Общ., тамъже 18. 22; А Э. I, стр. 246. 249. Прочее—въ Ник. Лѣт. VII, 203. 204. 206.

и началъ, какъ свидѣтельствуютъ современники, бѣсноваться и, извѣсивъ свой языкъ, долгое время кричалъ разными голосами и говорилъ «непотребная и нестройная». Потомъ онъ пришелъ въ разумъ и слышалъ будтобы голосъ: «нынѣ ты исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ, таишь». Устрашенный этимъ голосомъ, Башкинъ началъ каяться предъ своимъ отцемъ духовнымъ. Извѣстили митрополита, и, по его приказанію, Башкинъ «своею рукою исписа и свое еретичество и свои единомысленники о всемъ подлинно». Онъ указалъ, какъ на своихъ совѣтниковъ, на Григорія и Ивана Борисовыхъ и на другихъ, и сознался, что принялъ свое злое ученіе отъ аптекаря Матѳея, родомъ Литвина, да отъ Андрея Хотѣева—латынниковъ, и что заволжскіе старцы не только «не хулили его злобы», но еще «утверждали его въ томъ» ([324]). Значитъ, это лжеученіе хотя возникло собственно въ Башкинѣ, подъ вліяніемъ западнаго вольномыслія чрезъ названныхъ латынниковъ, но развивалось и укрѣплялось подъ вліяніемъ вольномыслія домашняго, уже существовавшаго въ Россіи между заволжскими старцами ([325]). Сущность же еретичества Башкина и его единомысленниковъ, по его показанію, состояла въ томъ, что они— а) хулили Господа Іисуса Христа, исповѣдуя Его неравнымъ

([324]) Ник. Лѣт. VII, 204; А. Э. I, № 239, стр. 250.

([325]) Курбскій также признаетъ дѣйствительность у насъ этой ереси, но называетъ ее отродіемъ не латинства, а „ересей Лютерскихъ“ (Сказ. I, 177). Онъ же свидѣтельствуетъ, что между заволжскими старцами бродило тогда вольнодумство: они, наприм., проповѣдывали, будто соборныя посланія апостольскія написаны не апостолами, а простыми священниками или старцами, и только для чести приписываются апостоламъ. „Сію ересь, говоритъ Курбскій, на Москвѣ слышахъ отъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ мниховъ, понеже между нѣкоторыхъ мнихъ таковая секта крыется“ (Опис. Румянц. Муз., стр. 243).

Богу Отцу; б) св. тѣло Его и кровь въ таинствѣ Евхаристіи считали простымъ хлѣбомъ и виномъ; в) Церковію называли только собраніе вѣрныхъ, а церкви или храмы вещественные признавали за ничто; г) отвергали вообще св. иконы и называли ихъ идолами; д) отвергали таинство покаянія и говорили: «какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, хотябы и не покаялся предъ священникомъ, ему нѣтъ болѣе грѣха»; е) преданія и житія св. отцевъ называли баснословіемъ; ж) вселенскіе соборы укоряли въ гордости, говоря: «все писали они для себя, чтобъ имъ владѣть всѣмъ и царскимъ и святительскимъ»; з) короче сказать, все божественное писаніе называли баснословіемъ, а Евангеліе и Апостолъ излагали неистинно ([326]). Легко замѣтить, какъ сходно это новое лжеученіе съ бывшимъ лжеученіемъ жидовствующихъ. Государь, когда возвратился въ Москву (18-го августа) и узналъ, въ чемъ состояла ересь Башкина, то «содрогнулся душею» и велѣлъ схватить единомысленниковъ его и созвать на нихъ соборъ ([327]). Оказалось, что этихъ единомысленниковъ,—единомысленниковъ, а отнюдь не учениковъ Башкина,—было весьма много, особенно между заволжскими старцами—пустынниками. Тогда, пишетъ одинъ изъ современниковъ, «митрополитъ Русскій, за

([326]) Это лжеученіе изложено и въ граматѣ митр. Макарія и собора въ Соловецкій монастырь (А. Э. I, стр. 250), и въ посланіи царя Ивана Васильевича къ Максиму греку (А. И. I, стр. 297). Макарій ясно говоритъ, что Башкинъ исповѣдалъ свою ересь еще *прежде собора* и „свое еретичество и хулы исписа своею рукою о всемъ подлинно“ (снес. Ник. Лѣт. VII, 204). Слѣд. ложно предположеніе, будто онъ наговорилъ самъ на себя уже *на соборѣ*, испугавшись грозныхъ допрашиваній царя. Да и самъ царь ясно свидѣтельствуетъ, что уже послѣ того какъ „многими глаголы вниде въ слухи“ его, чему и какъ учили еретики, онъ, содрогнувшись душею, повелѣлъ собраться собору (тамъже).

([327]) Ник. Лѣт. VII, 207; А. И. I, стр. 297.

повелѣніемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, имижъ церковь возмущали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Заволъскихъ: бо и тамъ прозябоша оная руганія» ([328]). Достойно замѣчанія, что царь посылалъ тогда звать въ Москву и Максима грека изъ Сергіевой лавры; но Максимъ, подумавъ, что его считаютъ съ Башкинымъ, оскорбился и не поѣхалъ. Послѣ этого царь отправилъ къ Максиму грамату, въ которой, изложивъ сущность новоявившейся ереси, просилъ его, по крайней мѣрѣ, показать свое «писаніе на нынѣшнее злодѣйство», и объяснялъ, что вовсе не считаетъ его, вѣрнаго, съ невѣрными, а приглашалъ въ Москву только затѣмъ, да покажется и онъ поборникомъ православія противъ еретиковъ ([329]). Въ Москвѣ размѣщали единомысленниковъ Башкина по монастырямъ и подворьямъ и нѣсколько разъ допрашивали на очныхъ ставкахъ съ нимъ еще до открытія собора ([330]).

Соборъ открылся не позже октября 1553-го года и продолжался и въ слѣдующемъ году ([331]). На этомъ соборѣ, имѣв-

([328]) *Курбск.* Сказан. I, 177. Повторяемъ: Курбскій отнюдь не отвергалъ дѣйствительности этой ереси, какъ нынѣ нѣкоторые у насъ отвергаютъ, хотя и не хвалилъ собора, ее разсматривавшаго (—178).

([329]) А. И. I, № 161.

([330]) А. Э. I, стр. 250.

([331]) Сохранилась помѣтка только объ одномъ изъ засѣданій этого собора, когда дьякъ Висковатый, доселѣ бывшій свидѣтелемъ противъ Башкина и другихъ еретиковъ, самъ высказалъ неправое мнѣніе о св. иконахъ, за что и подвергся соборному осужденію: это засѣданіе происходило 25-го октября 1553 года (Розыск. о Висков., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1858, II, отд. III, стр. 1). Съ другой стороны извѣстна грамата этого собора въ Соловецкій монастырь объ осужденномъ игуменѣ Артеміѣ, писанная 24-го генваря 1554 года (А. Э. I, № 239).

шемъ свои засѣданія въ царскихъ палатахъ, присутствовали, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, ростовскій архіепископъ Никандръ и епископы: Аѳанасій суздальскій, Кассіанъ рязанскій, Акакій тверскій, Ѳеодосій коломенскій и Савва сарскій, вмѣстѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Присутствовалъ и царь съ своими братьями и со всѣми боярами. Предъ лицемъ собора Башкинъ вновь исповѣдалъ свои заблужденія, каялся въ нихъ и началъ обличать своихъ единомысленниковъ съ очей на очи. Самъ государь «начатъ ихъ испытовати премудрѣ»; но они, хотя убоялись царя, такъ крѣпко поборавшаго по благочестію, однакожъ запирались и не сознавались. Только нѣкоторые изъ нихъ сказали сами на себя, что они не покланялись св. иконамъ и положили зарокъ и впредь имъ не покланяться ([332]). Для обличенія еретиковъ на соборъ принесена была книга преп. Іосифа волоколамскаго: знакъ, что лжеученіе ихъ соборъ считалъ однороднымъ съ ересію жидовствующихъ и какбы ея отраслію. Царь весьма похвалилъ эту книгу, а митрополитъ и весь священный соборъ назвали ее свѣтиломъ православія. Къ изумленію, одинъ изъ числа самихъ святителей,—Кассіанъ рязанскій,—началъ поборать за еретиковъ и особенно за своего старца Исаака Бѣлобаева, приведеннаго на соборъ изъ дальней пустыни Соловецкаго острова, а вмѣстѣ началъ хулить книгу преп. Іосифа и говорить, что ея свидѣтельства неподлинны, — за что и подвергся небесной казни: у него отнялись рука, нога и языкъ, и онъ, разслабленный, оставилъ свою епископію и отошелъ въ монастырь ([333]).

([332]) А. Э. I, стр. 250. 253.

([333]) Москов. соборы на еретик. XVI в., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, III, отд. II, стр. 1—2; *Карамз.* VIII, прим. 394. Далѣе въ томже сказаніи за-

Изъ всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ ереси и судившихся на соборѣ, только объ одномъ, именно о бывшемъ игуменѣ Троицкаго Сергіева монастыря Артеміѣ, дошла до насъ соборная грамата, изъ которой можно видѣть, въ чемъ обвинялся онъ и какіе давалъ отвѣты.

До игуменства своего Артемій жилъ въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ, потомъ поселился въ какой-то бѣлозерской пустыни и оттуда вызванъ былъ въ Москву. Здѣсь царь велѣлъ остановиться ему въ Чудовской обители, а священнику Сильвестру поручилъ поприсмотрѣться къ нему, поиспытать его. И когда Сильвестръ нашелъ, что Артемій имѣетъ «довольно книжнаго ученья и исполненъ добраго права и смиренія»: то, по просьбѣ троицкихъ братій и по повелѣнію государеву, Артемій поставленъ былъ въ игумена къ Троицѣ (въ 1551 году). У Артемія былъ ученикъ Порфирій; этотъ ученикъ, въ качествѣ старца-странника, неразъ приходилъ для духовной бесѣды къ благовѣщенскому священнику Симеону, который, замѣтивъ, что онъ «отъ писанія говоритъ не добро», передалъ все слышанное Сильвестру. Сильвестръ пригласилъ странника къ себѣ и, во время неоднократной бесѣды съ нимъ, замѣтилъ тоже самое и свои сомнѣнія пересказалъ царю. Царь обратилъ свое вниманіе на самого Артемія и началъ примѣчать «вся слабостная ученія» Порфирія и въ его учителѣ. Но Артемій скоро оставилъ игуменство «за свою совѣсть» и отошелъ въ пустыню. Когда начались разысканія по поводу ереси Башкина, тогда приведенъ былъ

мѣчено, что Кассіанъ и Христа Бога не называлъ Вседержителемъ и проч. Впрочемъ, Кассіанъ оставался на соборѣ до самаго конца его (А. Э. I, стр. 250).

въ Москву изъ своей пустыни и Артеміи вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Порфиріемъ и другими старцами ([384]). Артемію было сказано, будто онъ вызванъ, чтобы «говорить книгами» или состязаться съ Башкинымъ; но услышавъ въ Москвѣ, что Башкинъ указываетъ и на него, какъ на своего сообщника, тайно бѣжалъ изъ Андроникова монастыря, гдѣ былъ помѣщенъ, въ свою бѣлозерскую, Порфиріеву пустынь. Его, однакожъ, вновь взяли оттуда и представили предъ лице собора. Здѣсь прежде всѣхъ выступилъ противъ Артемія самъ Башкинъ и, какъ письменно, такъ и словесно, свидѣтельствовалъ, что Артеміи изрекалъ хулы на поклоненіе св. иконамъ, на таинство евхаристіи, на преданія св. отцевъ и многія другія. Но Артеміи ни въ чемъ не сознался и на всѣ убѣжденія митрополита покаяться отвѣчалъ: «я такъ не мудрствую; я вѣрую во Отца и Сына и Св. Духа, въ Троицу единосущную». Кромѣ Башкина еще шесть свидѣтелей, одинъ за другимъ, говорили противъ Артемія. Собственный его келейникъ и ученикъ Леоптіи разсказалъ только, какъ Артеміи бѣжалъ тайно изъ Андроникова монастыря въ свою пустынь. Артемій сознался, что бѣжалъ отъ навѣтующихъ, будто онъ не истинствуетъ въ христіанскомъ законѣ; самихъ же навѣтующихъ, не смотря на неоднократные допросы, не именовалъ. И соборъ поставилъ Артемію въ вину, за чѣмъ онъ не билъ челомъ царю и митрополиту на этихъ навѣтующихъ и не свелъ съ себя навѣта, а тайно бѣжалъ изъ Москвы. Бывшій ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій заявилъ предъ соборомъ: «Артемій говорилъ мнѣ о Троицѣ: въ книгѣ Іосифа

([384]) *Курбск.* Сказан. I, 168. 172; А. Э. I, стр. 246—248.

Волоцкаго написано негораздо, что Богъ посылалъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, т. е. Сына и Святаго Духа; да Артемій же новгородскихъ еретиковъ не проклинаетъ, и латынянъ хвалитъ, и поста не хранитъ, во всю четыредесятницу ѣлъ рыбу, и въ день Воздвиженія у царя за столомъ ѣлъ рыбу; да онъ же, Артемій, ѣздилъ изъ Пскова, изъ печерскаго монастыря, въ новый городокъ къ нѣмцамъ и восхвалялъ ихъ вѣру»... Артемій на это отвѣчалъ: «когда случалось мнѣ изъ пустыни бывать у христолюбцевъ, я ѣлъ рыбу, и у царя въ день Воздвиженія ѣлъ рыбу; въ городокъ къ нѣмцамъ ѣздилъ и спрашивалъ у нѣмецкаго князя, нѣтъ ли у нихъ человѣка, съ кѣмъ бы мнѣ поговорить книгами; я имѣлъ въ виду поговорить о томъ, таковъ ли христіанскій законъ у римлянъ, какъ у насъ; но мнѣ такого книжнаго человѣка не указали». Соборъ вмѣнилъ Артемію въ вину и то, что онъ нарушалъ постъ къ соблазну православныхъ, и то, что ѣздилъ къ нѣмцамъ для означенной цѣли: ибо онъ самъ вѣдаетъ, говорилъ соборъ, что наша есть истинная православная вѣра, а латинская вѣра отречена отъ православной святыми отцами и предана проклятію. Тотъже Нектарій обличалъ Артемія во многихъ богохульныхъ и еретическихъ рѣчахъ; но Артемій называлъ все это клеветою, и три старца-пустынника, на которыхъ сослался Нектарій, какъ на слышавшихъ тѣ богохульныя рѣчи, дѣйствительно не подтвердили его словъ и сказали, что «про Артемія хулы на божественное писаніе и христіанскій законъ не слыхали ничего». Третій свидѣтель, бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іона писалъ на Артемія, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: «нѣтъ-де въ томъ ничего; прежде-де

сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣ, своимъ произволеніемъ, большіе кресты на себѣ кладутъ; да и на соборѣ-де о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего». Артемій отвѣчалъ, что про крестное знаменіе Іонѣ не говарпвалъ, а про соборъ говорилъ, и именно про соборъ нынѣшній: и это поставлено Артемію въ вину. Четвертый свидѣтель, келарь Троицкаго Сергіева монастыря Адріанъ Ангеловъ показалъ предъ соборомъ: «говорилъ Артемій въ Корнильевѣ монастырѣ, въ кельѣ игумена Лаврентія, что нѣтъ пользы пѣть панихиды и обѣдни по умершимъ, тѣмъ они муки не избудутъ». Артемій отвѣчалъ: «я говорилъ про тѣхъ, которые жили растлѣннымъ житіемъ и грабили людей, что когда начнутъ пѣть по нихъ панихиды и обѣдни, то нѣтъ имъ пользы и чрезъ то имъ муки не избыть». Соборъ справедливо осудилъ эту ложную мысль и обвинилъ Артемія за то, что отнимаетъ у грѣшниковъ надежду спасенія, подобно Арію, который училъ, что не должно творить приношенія за умершихъ. Затѣмъ старецъ Троицкаго Сергіева монастыря Игнатій Курачовъ показалъ: «я слышалъ отъ Артемія про канонъ Іисусовъ: таки *Іисусе*, таки *Іисусе*; а про акаѳистъ: *радуйся* да *радуйся*». На это Артемій далъ такое объясненіе: «говорятъ въ канонѣ: *Іисусе сладкій*, а какъ услышатъ слово Іисусово, что надобно исполнять Его заповѣди, то въ горесть прелагаются; говорятъ въ акаѳистѣ: *радуйся* да *радуйся*, *Чистая*, а сами о чистотѣ нерадятъ; значитъ, только по обычаю говорятъ, а не по истинѣ». Соборъ назвалъ такое объясненіе «развратнымъ и хульнымъ» и замѣтилъ, что канонъ и акаѳистъ пречистой Богородицѣ надобно всякому христіанину держать честно. Послѣ трехъ по-

слѣднихъ свидѣтелей, которые всѣ были изъ Сергіева монастыря, гдѣ нѣсколько времени игуменствовалъ Артемій, явился обвинителемъ противъ него кирилло-бѣлозерскій игуменъ Симеонъ, который еще до собора писалъ царю: «какъ пришло повелѣніе быть Артемію въ Москвѣ, онъ находился въ нашей обители, и когда я сказалъ ему, что Матѳея Башкина поймали въ ереси, онъ—Артемій молвилъ: не вѣдаютъ того, что̀ ересь; сожгли Курицына да Руковаго и нынче сами не знаютъ, за что ихъ сожгли». Артемій сначала утверждалъ, на очной ставкѣ съ Симеономъ, что не говорилъ ему про новгородскихъ еретиковъ; но когда Симеонъ указалъ на кирилловскаго старца Никодима Бруднова и послѣдній засвидѣтельствовалъ, что и онъ слышалъ тѣ Артеміевы рѣчи, тогда Артемій молвилъ: «не упомню, такъ ли я говорилъ про новгородскихъ еретиковъ; я новгородскихъ еретиковъ не помню и самъ не знаю, за что ихъ сожгли; можетъ быть, я сказалъ, что *я* не знаю, за что ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, но не говорилъ, что *они* (т. е. судившіе) того не знаютъ: я сказалъ только про себя». Наконецъ, Артемій далъ предъ соборомъ показаніе и самъ на себя, хотя показаніе совсѣмъ другаго рода. «Когда меня нарекли, сказалъ онъ, во игумена къ Троицѣ и велѣли меня свидѣтельствовать,—я исповѣдывалъ отцу духовному мои блудные грѣхи, а онъ мнѣ говорилъ: то-де переступи (опусти)». Но духовникъ, ставъ съ очей на очи съ Артеміемъ, сказалъ: «я спрашивалъ тебя о убійственныхъ и блудныхъ грѣхахъ, и ты мнѣ ихъ не открылъ». Тогда Артемій началъ говорить: «другой священникъ, тутъ стоявшій, молвилъ: тоде переступи; а имени его не помню, тогда было семь свидѣтелей». За такое недостоинство свое, въ которомъ Артемій

самъ теперь сознался, и за клевету на отца духовнаго, соборъ немедленно лишилъ Артемія свящ. сана и отлучилъ по церковнымъ правиламъ. А за тѣ вины, которыя взводили на Артемія другіе и въ которыхъ онъ сознался, соборъ опредѣлилъ: чтобы Артемій не могъ, своимъ ученіемъ и писаніями, вредить другимъ, живя гдѣ захочетъ, сослать его въ Соловецкую обитель; тамъ помѣстить его въ самой уединенной келліи, лишить его всякой возможности переписываться или иначе сноситься съ кѣмъ бы то ни было, даже съ иноками, чтобы онъ не соблазнилъ кого либо изъ нихъ, и поручить наблюденіе за нимъ только духовнику и игумену; въ этомъ заключеніи оставаться Артемію до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не покается и не обратится отъ своего нечестія; если онъ истинно покается, и игуменъ донесетъ о томъ, тогда соборъ разсудитъ и приметъ его-Артемія въ единеніе съ Церковію, по священнымъ правиламъ; а если не покается, то держать его въ заключеніи до его кончины и только предъ смертію удостоить его св. причастія ([335]). Но Артемій не захотѣлъ оставаться въ Соловецкомъ монастырѣ и бѣжалъ оттуда въ Литву ([336]). Осужденіе Артемія соборомъ крайне не нравилось одному современнику, князю Курбскому, который, называя Артемія «неповиннымъ и святымъ мужемъ», утверждаетъ, будто его осудили по однимъ клеветамъ и злобѣ ([337]). Но слова Курбскаго, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь оказываются пристрастными и несправедливыми. Раз-

([335]) А. Э. I, стр. 251—255.
([336]) А. Э. I, стр. 353.
([337]) *Курбск.* Сказан. I, 178—181.

сматривая внимательно одно то, въ чемъ сознался Артемій, мы должны сказать, что хотя онъ вѣровалъ въ Пресв. Троицу и не былъ еретикомъ, проповѣдывавшимъ какое либо опредѣленное еретическое ученіе, но онъ любилъ вообще повольнодумничать о священныхъ предметахъ вѣры, и хотѣлъ казаться, какъ нынѣ выражаются, либераломъ и на словахъ и въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ; что этимъ своимъ вольничаньемъ, еслибы оно ограничивалось даже тѣмъ немногимъ, въ чемъ онъ сознался, онъ не могъ не оказывать вреднаго вліянія на православныхъ, особенно людей простыхъ, и что потому Артемій осужденъ отнюдь не неповинно, а ссылка его въ Соловецкій монастырь была мѣрою благоразумною, если не необходимою. Съ другой стороны, еслибы Артемій не чувствовалъ ничего за собою и признавалъ себя совершенно невиннымъ,—зачѣмъ онъ бѣжалъ изъ Москвы, едва только услышалъ, что его подозрѣваютъ въ единомысліи съ Башкинымъ? Зачѣмъ бѣжалъ потомъ и изъ Соловецкаго монастыря, а не покаялся и не возсоединился съ православною Церковію,—что̀ ему не было преграждено? До какой же степени былъ святымъ мужемъ этотъ старецъ-пустынникъ, свидѣтельствуетъ его собственное сознаніе, вслѣдствіе котораго онъ немедленно лишенъ былъ соборомъ свящ. сана. Нынѣ сдѣлались извѣстными посланія Артемія, писанныя имъ въ Литвѣ, въ которыхъ онъ является будтобы даже поборникомъ православія противъ Симона Буднаго и другихъ еретиковъ, тогда дѣйствовавшихъ въ нашемъ западномъ краѣ ([338]). Но если дѣйствительно таково содер-

([338]) Посланія эти недавно пріобрѣтены Москов. публичнымъ и Румянц. Музеемъ въ числѣ рукописей покойнаго библіографа В. М. Ундольскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, іюль, критич. и библіогр. замѣтки, стр. 254—255).

жаніе посланій: то это показываетъ только, что Артемій, наученный горькимъ опытомъ, отбросилъ свое прежнее либеральничанье и сдѣлался твердымъ христіаниномъ въ послѣдніе годы своей жизни, проведенные имъ въ Литвѣ.

Въ то самое время, какъ соборъ занимался дѣломъ Башкина и Артемія съ ихъ единомышленниками, неожиданно возникло другое дѣло, которымъ соборъ также долженъ былъ заняться, не оставляя и перваго. Въ числѣ свидѣтелей, обличавшихъ на соборѣ еретиковъ, въ особенности Башкина, находился дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый. Въ одно изъ засѣданій соборныхъ, когда царь, разговаривая съ митрополитомъ о прежнемъ соборномъ уложеніи (1551 г.), какія дѣла по нему уже исправлены и какія еще нѣтъ, выразилъ желаніе, чтобы и прочія дѣла были исправлены и чтобы, въ частности, иконники писали образа съ добрыхъ образцевъ, и когда митрополитъ отвѣчалъ государю, что въ Москвѣ, по соборному уложенію, установлены для наблюденія за иконописцами четыре старосты-иконника,—вдругъ возвысилъ свой голосъ Висковатый и сказалъ: «не слѣдуетъ изображать на иконахъ невидимаго Бога и безплотныхъ Силъ, какъ нынѣ видимъ на иконѣ: *вѣрую во единаго Бога*». «Да какъ же писать?»—спросилъ митрополитъ. «Писать бы на той иконѣ, отвѣчалъ Висковатый, сначала одни слова: *вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ*, а за тѣмъ уже со словъ: и *во единаго Господа Іисуса Христа*—до конца символа писать и изображать иконнымъ письмомъ, по плотскому смотрѣнію». Тогда митрополитъ сказалъ: «ты мудрствуешь о св. иконахъ не гораздо; живописцы отнюдь не описуютъ невидимаго Бо-

га, а изображаютъ Его по видѣнію пророческому (т. е. какъ являлся Онъ въ видѣніи пророкамъ) и по древнимъ образцамъ», и присовокупилъ: «ты сталъ на еретиковъ; смотри, не попадись и самъ въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены». Это происходило 25-го октября 1553 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Висковатый явился къ митрополиту и подалъ ему подробное изложеніе своихъ мнѣній и недоумѣній о св. иконахъ и просилъ разсмотрѣть дѣло на соборѣ. Здѣсь надобно пояснить, что послужило поводомъ къ недоумѣніямъ Висковатаго. Послѣ страшныхъ пожаровъ московскихъ 1547 г., когда погорѣли въ кремлѣ всѣ церкви и въ нихъ иконы, вызваны были изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ иконописцы написать новыя иконы для церквей и росписать царскія палаты. На многихъ изъ этихъ иконъ, по указанію священника Сильвестра, любимца Іоаннова, изображены были событія изъ священной исторіи: сотвореніе міра и человѣка, явленіе Пресв. Троицы въ видѣ трехъ ангеловъ Аврааму, видѣніе *Ветхаго деньми*, т. е. Господа Саваоѳа пророкомъ Даніиломъ, страсти Христовы и проч.; также представлены были въ лицахъ и образно содержаніе всего символа вѣры, содержаніе нѣкоторыхъ пѣсней церковныхъ, каковы: «Хвалите Господа съ небесъ», «Достойно есть», «Единородный Сыне», «Во гробѣ плотски» и др.; а царскія палаты росписаны были по стѣнамъ разными символическими изображеніями. Такъ какъ нѣкоторыя изъ новыхъ иконъ, особенно въ придворной благовѣщенской церкви, непохожи были на тѣ, какія прежде въ ней были и къ которымъ всѣ привыкли; такъ какъ одного изъ священниковъ этой церкви—Сильвестра, по распоряженію котораго и писаны новыя иконы,

Висковатый подозрѣвалъ въ единомысліи съ Артеміемъ, а другаго священника—Симеона признавалъ духовникомъ Башкина: то и пришелъ къ мысли, не проведены ли въ новыхъ иконахъ подъ видимыми образами еретическія мудрованія. Увлекшись такою мыслію, Висковатый началъ критиковать новыя иконы, порицалъ ихъ вслухъ всего народа къ соблазну православныхъ и, наконецъ, изложилъ свои сомнѣнія на бумагѣ и представилъ «списокъ своея руки» митрополиту ([339]). По приказанію государя списокъ Висковатаго разсмотрѣнъ былъ на соборѣ. Впродолженіе двухъ соборныхъ засѣданій Висковатый читалъ этотъ списокъ самъ, а митрополитъ давалъ ему свои отвѣты. Мы представимъ, для примѣра, только болѣе важныя недоумѣнія Висковатаго и рѣшенія на нихъ митрополита Макарія.

Висковатаго соблазняли изображенія Бога Отца или Господа Саваоѳа и Пресв. Троицы на новыхъ иконахъ: не должно, говорилъ онъ, изображать Бога Отца, невидимаго по существу, въ видѣ *Ветхаго деньми* (старца), по видѣнію пророка Даніила, и Пресв. Троицу въ видѣ трехъ ангеловъ, являвшихся Аврааму, потому что эти видѣнія или явленія были въ ветхомъ завѣтѣ, который уже прошелъ и отложенъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что не весь ветхій завѣтъ отложенъ, что Христосъ, восходя на небеса, оставилъ св. апостоламъ и ветхій и новый законъ, а апостолы, наставляемые Духомъ Святымъ, иное отложили изъ ветхаго завѣта (законъ обрядовый), иное же приняли и передали по себѣ св. Церкви,

---

([339]) Розыск. о Висковат. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1858, III, отд. III, стр. 1—3; А. Э. I, 247.

каковы пророчества и видѣнія пророковъ и бывшія богоявленія. Потому справедливо изображаютъ христіанскіе живописцы Бога Отца въ видѣ *Ветхаго деньми* и Пресв. Троицу въ видѣ трехъ ангеловъ, и это отнюдь не новость въ нашей Церкви: такія изображенія существуютъ во многихъ древнихъ храмахъ, въ Греціи, на Аѳонѣ, въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ ([340]). Живописцы наши не существо Божіе описуютъ, невидимое и непостижимое, а изображаютъ Бога по пророческому видѣнію и по древнимъ образцамъ. Еще болѣе соблазнялся Висковатый тѣмъ, что на новыхъ иконахъ, представлявшихъ сотвореніе міра и Адама, Сынъ Божій изображенъ въ видѣ ангела съ крылами: не скрывается ли тутъ, думалъ Висковатый, еретическая мысль единомысленниковъ Башкина, будто Сынъ неравенъ Отцу и относится къ числу духовъ служебныхъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего еретическаго, что живописцы изображаютъ такъ Сына Божія по пророчеству о Немъ Исаіи: *велика совѣта Ангелъ, Богъ крѣпокъ* и проч., и изображаютъ по древнимъ образцамъ. Висковатый указывалъ еще на то, что на нѣкоторыхъ новыхъ иконахъ Христосъ распятый изображенъ съ распростертыми дланьми, какъ и слѣдуетъ, а на другихъ съ руками сжатыми, на третьихъ съ руками ослабленными. Митрополитъ отвѣчалъ: гдѣ написанъ Христосъ на крестѣ съ сжатыми руками или ослабленными, то иконники написали не гораздо, не по древнимъ греческимъ образцамъ; тѣ иконы мы велѣли переписать ([341]).

([340]) Снес. Опис. Рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 639. 640.

([341]) Въ спискѣ Висковатаго все изложено слишкомъ растянуто: мы старались сократить и представить самое существенное (Чтен. М. Истор. Общ. 1858, II, отд. III, 3—29).

Вообще всѣ недоумѣнія Висковатаго относительно иконъ митрополитъ разрѣшилъ, съ одной стороны, объясненіемъ внутренняго смысла ихъ, а съ другой указаніемъ на то, что иконы эти вовсе не были новыя, а писаны были по древнимъ образцамъ. Кромѣ недоумѣній объ иконахъ Висковатый помѣстилъ въ своемъ «спискѣ» исповѣданіе своей вѣры, дѣйствительно православное, и писалъ митрополиту: «а что ты, государь, изрекъ на меня суровое слово, будто я еретикъ, то, если знаешь, не колеблясь, обличи меня». Митрополитъ отвѣчалъ: «ты написалъ это негораздо; я не назвалъ тебя тогда еретикомъ, а сказалъ только тебѣ: сталъ ты на еретиковъ, но нынѣ мудрствуешь о св. иконахъ негораздо; смотри, не попадись и самъ въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены». По выслушаніи и обсужденіи всего списка дьяка Висковатаго, соборъ сначала отлучилъ-было его отъ Церкви, не столько за его сомнѣнія и своевольныя мудрованія о св. иконахъ, сколько за то, что онъ разглашалъ свои мудрованія посреди многихъ людей на соблазнъ православнымъ и возмущалъ народъ, а не обратился съ своими недоумѣніями прямо къ правителямъ Церкви. Но черезъ двѣ недѣли, когда отлученный подалъ собору свое «Покаяніе», въ которомъ подробно сознавался во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ и просилъ прощенія, соборъ принялъ Висковатаго къ св. соборной Церкви, возложивъ однакожъ на него трехлѣтнюю епитимію: одинъ годъ онъ долженъ былъ стоять за церковными дверьми и исповѣдать свои согрѣшенія всѣмъ, входящимъ въ церковь; другой годъ—стоять въ церкви, но только для слушанія Слова Божія (до литургіи вѣрныхъ); третій—стоять въ церкви и съ вѣрными, но безъ причастія св. таинъ, и уже по

истеченіи трехъ лѣтъ имѣлъ быть удостоенъ св. причастія. Трехлѣтняя епитимія назначена была Висковатому за то, что онъ «три года, не испытавъ божественнаго писанія, сомнѣніе имѣлъ о св. иконахъ, и вопилъ, и возмущалъ народъ православный, въ соблазнъ и въ поношеніе многимъ». Въ тоже время били челомъ собору на дьяка Ивана Висковатаго благовѣщенскіе священники Сильвестръ и Симеонъ за то, что онъ оговорилъ ихъ въ своемъ спискѣ, и подали «жалобницы», въ которыхъ подробно изложили свои бывшія отношенія къ Башкину и Артемію, намъ уже извѣстныя, а Сильвестръ изложилъ и исторію написанія новыхъ иконъ и свидѣтельствовалъ, что всѣ онѣ писаны по древнимъ образцамъ. По прочтеніи этихъ жалобницъ на соборѣ, Висковатый билъ челомъ Сильвестру и Симеону и испросилъ у нихъ прощеніе. Наконецъ, чтобы на будущее время предохранить Висковатаго отъ подобныхъ увлеченій, соборъ напомнилъ ему 64-е правило шестаго вселенскаго собора, которое гласитъ: «не подобаетъ мірянину предъ народомъ произносити слово, или учити, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину, отверзати ухо пріявшимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися божественному. Ибо въ единой церкви разные члены сотворилъ Богъ»... и проч. ([342]).

Приговоръ о трехлѣтней епитиміи Висковатому подписанъ соборомъ 14-го января 1554-го г. А чрезъ десять дней подписана митрополитомъ и грамата объ Артеміѣ въ Соловецкій мона-

([342]) Чтен. М. Истор. Общ. 1847, III, отд. II, 9—23; 1858, II, отд. III, 30—42; А. Э. I, стр. 246—249.

стырь. Но самъ Башкинъ былъ осужденъ соборомъ нѣсколько прежде и еще 22-го декабря предшествовавшаго года былъ привезенъ въ Іосифовъ-волоколамскій монастырь ([343]). Прочіе единомышленники Башкина и Артемія были разосланы также по монастырямъ, напримѣръ, инокъ Савва Шахъ заточенъ былъ въ какой-то ростовскій монастырь, а архимандритъ Ѳеодоритъ, бывшій просвѣтитель лопарей, въ монастырь кирилло-бѣлозерскій. Впрочемъ, Ѳеодоритъ, осужденный по одному подозрѣнію, какъ пріятель Артемія и нѣсколько времени жившій вмѣстѣ съ нимъ въ бѣлозерской пустынѣ, скоро былъ освобожденъ, по ходатайству за него бояръ, и могъ жить, гдѣ хотѣлъ ([344]). Вообще настоящій соборъ поступалъ съ еретиками далеко не такъ строго, какъ поступилъ соборъ 1503-го года съ жидовствующими: теперь только осудили виновныхъ на заключеніе въ монастыряхъ, «да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому» ([345]).

Можно думать, что соборъ продолжалъ свои дѣйствія и послѣ осужденія Артемія, слѣд. послѣ генваря 1554 года. Есть современныя свидѣтельства, что вслѣдъ за Артеміемъ привезенъ былъ въ Москву съ Бѣлоозера Ѳеодосій Косой съ другими старцами ([346]), и что о Косомъ происходило *соборное*

([343]) Въ одной Волоколамской рукописи (№ 134) замѣчено: „лѣта 7061 (1553) мѣс. іюня явился еретикъ Матѳей Башкинъ, да иные, и осудилъ ихъ государь.... Іоаннъ Васильевичь, да преосв. м. Макарій со всѣмъ св. соборомъ въ лѣто 7062 (1554) декабря; а въ заточеніе ихъ разослали, Матѳея Башкина, привезли его во Іосифовъ декабря 22 въ пятокъ; привезъ Германъ архимандритъ“ (*Филар.* И. Р. Ц. III, § 21, примѣч. 214, изд. 4).

([344]) *Курбск.* Сказан. I, 179—182.

([345]) Ник. Лѣт. VII, 204.

([346]) Послѣдователи Косаго, клирошане говорили иноку Зиновію: „поимаша самого того Косого, и Васіана, и Игнатія, и Перфирія, и *прежде всѣхъ* Артемія, и иныхъ многихъ“ (*Зинов.* Истины Показан., 879, Казан. 1863). Но если

дѣло, которое и хранилось потомъ вмѣстѣ съ такимиже дѣлами о Башкинѣ и Артеміѣ ([347]). Это дѣло о Косомъ не дошло до насъ, но зато дошли другія достовѣрныя свѣдѣнія какъ о немъ самомъ съ его товарищами, такъ особенно объ его ученіи. Разумѣемъ два сочиненія, написанныя инокомъ новгородскаго Отенскаго монастыря Зиновіемъ († 1568 г.) противъ Косаго. Въ первомъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Истины показаніе», Зиновій, съ одной стороны, передаетъ то, что говорили ему о Косомъ и его ученіи послѣдователи Косаго, три клирошанина старорусскаго Спасскаго монастыря—монахи Герасимъ и Аѳанасій и мірянинъ Ѳеодоръ-иконникъ, а съ другой—обширно излагаетъ свои отвѣты. Во второмъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Многословное посланіе», Зиновій сначала самъ кратко говоритъ о Косомъ и его товарищахъ, а за тѣмъ опровергаетъ тѣ пункты ихъ ученія, которые изложены были въ письмѣ къ нему какими-то православными христіанами изъ Литвы, слышавшими это лжеученіе и соблазнявшимися имъ ([348]). Ѳеодосій былъ рабомъ одного изъ московскихъ бояръ и, обокравъ своего господина, бѣжалъ на

и вскорѣ послѣ Артемія привезенъ былъ на соборъ Косой съ товарищами, то отнюдь не прежде сентября 1554 г., съ котораго (сентября) начинался сентябрскій 7063 годъ: ибо въ означенной (примѣч. 343) рукописи сказано далѣе: „въ лѣто 7063-е иные явились еретики, два чернеца съ Бѣлаозера (вѣроятно Косой и товарищъ его Игнатій), а привезъ ихъ старецъ Александръ, Ивановскій человѣкъ Умнаго“.

([347]) Въ Описи царскаго архива сказано: „ящикъ 222; а въ немъ *соборныя дѣла*, списки черные Матеея Башкина, да Ортемья бывшаго игумена Троецкаго, и *Ѳедоса Косова*, и иныхъ старцовъ“ (А. Э. I, стр. 353).

([348]) Первое сочиненіе, подъ заглавіемъ „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“, издано въ Казани, въ 1863 году. Второе сочиненіе извѣстно по двумъ спискамъ библіотеки Спб. Дух. Академіи, за № 1108, конца XVI

Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ другими рабами, также обокравшими своихъ господъ. Тамъ бѣглецы поступили въ монастыри и приняли постриженіе, а потомъ соединились на Новоозерѣ. Это были, кромѣ Ѳеодосія Косаго, Игнатіи, Вассіанъ и другіе съ ними. Замѣчательно, что всѣ они называются у Зиновія «учениками Артеміевыми». Но вѣроятно, что эти ученики, какъ нерѣдко бываетъ, пошли гораздо далѣе своего учителя: они совсѣмъ «отверглись Христовой вѣры» и впали въ заблужденіе, которое сами съ своими послѣдователями называли «новымъ ученіемъ», а православные «безбожною ересью». Ѳеодосій считался главнымъ учителемъ или проповѣдникомъ новаго ученія, которое начало распространяться съ 1532 года и было принимаемо многими. Когда, по распоряженію собора, Косой былъ схваченъ и привезенъ въ Москву вмѣстѣ съ своими товарищами, то, будучи заключенъ здѣсь въ одномъ изъ монастырей, умѣлъ приласкаться къ стражамъ такъ, что, при послабленіи съ ихъ стороны, бѣжалъ въ Литву съ Вассіаномъ и другими единомышленниками. На пути, чтобы не быть узнанными, они перемѣняли свои имена, облекались въ черныя одежды и, переходя черезъ Псковъ, Торопецъ и Великія Луки, вездѣ распространяли свое лжеученіе. Въ Литвѣ они пристали на мѣстѣ, которое называлось озеро Усо-чортъ, продолжали свою проповѣдь и совратили многихъ отъ православной

вѣка, подъ заглавіемъ: „Многословное посланіе черноризца къ вопросившимъ о извѣстіи благочестія на зломудріе Косого и иже съ нимъ“, и за № 1241, подъ заглавіемъ: „Многословное посланіе Зиновія, монаха Отенской пустыни, о ереси Косаго, списано въ библіотекѣ большаго Кириллова монастыря 1836 г.,— Юрьева первокласснаго мужескаго монастыря монаха Павла“. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ сочиненіи, о его спискахъ, содержаніи и писателѣ сообщены *г. Николаевскимъ* въ журналѣ: „Духовный Вѣстникъ“, Харьков. 1865, XI, 21—54.

вѣры. Ѳеодосій женился здѣсь на одной вдовой жидовкѣ ([349]).

Что касается до ученія Ѳеодосія Косаго, то оно съ большею подробностію и въ болѣе рѣзкихъ чертахъ представлено его послѣдователями, тремя клирошанами, въ первомъ сочиненіи Зиновія. А православные, писавшіе къ Зиновію изъ Литвы, о нѣкоторыхъ, и притомъ важнѣйшихъ, частяхъ этого ученія даже вовсе не упомянули, можетъ быть, потому, что сами о нихъ еще не слышали: за то упомянули о нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ этого лжеученія, о какихъ ничего не сказали Зиновію названные клирошане. Надобно имѣть въ виду оба сочиненія Зиновія, чтобы составить, по возможности, полный очеркъ лжеученія Косаго и его товарищей.

1. Исходною точкою всего лжеученія Косаго была таже самая, что̀ и еретиковъ жидовствовавшихъ или новгородскихъ. Онъ утверждалъ, что истинныя, «столповыя» книги суть только книги Моисеевы и вообще ветхозавѣтныя: въ нихъ однѣхъ содержится истина, ихъ должно читать, а другихъ книгъ читать не должно, потому что въ нихъ нѣтъ истины. И этими-то «ветхими книгами», которыя Косой постоянно носилъ въ рукахъ и давалъ читать другимъ, онъ старался «отвращать людей отъ Евангелія Христова» ([350]). Впрочемъ, чтобы легче совращать христіанъ, онъ, какъ это дѣлали и жидовствовавшіе, пользовался и книгами новаго завѣта, принималъ ихъ всѣ, кромѣ посланія къ Евреямъ, хотя толковалъ по своему и не равнялъ съ ветхозавѣтными ([351]).

([349]) *Зинов.* Истины Показ., 23. 24. 26. 29. 37; Духовн. Вѣсти. 1865, XI, 25—26.

([350]) *Зинов.* Истины Показ. 208. 213.

([351]) Тамъже 43—45. 353—354; Духовн. Вѣстн. 1865, XI, 26.

Вслѣдъ за униженіемъ свящ. писанія новаго завѣта, Косой еще болѣе уничижалъ священное преданіе, правила Церкви, писанія св. отцевъ и говорилъ, что все это—преданія человѣческія, писанія ложныя, что читать ихъ не должно и безполезно ([352]). И однакожъ, для удобнѣйшаго распространенія своихъ мыслей между христіанами, ссылался иногда и на правила соборовъ и пользовался постническою книгою св. Василія великаго, Маргаритомъ св. Златоуста ([353]). Опираясь такимъ образомъ на книгахъ Моисеева закона и отвергая божественное достоинство новозавѣтнаго откровенія, Косой естественно вслѣдъ затѣмъ отвергалъ все, что только есть въ христіанствѣ собственно христіанскаго, какъ прежде поступали и жидовствующіе.

2. Косой отвергалъ христіанскіе догматы, и въ частности: а) отвергалъ таинство Пресв. Троицы, указывая на извѣстныя изреченія ветхаго завѣта, что Богъ *единъ есть*; б) отвергалъ божество Іисуса Христа и называлъ Его простымъ человѣкомъ, сотвореннымъ отъ Бога; в отвергалъ самую нужду въ воплощеніи Бога и искупленіи человѣка ([354]); г) отвергалъ св. таинства: крещеніе, покаяніе, евхаристію и видѣлъ въ послѣдней только хлѣбъ и вино, а не тѣло и кровь Христову; д) отвергалъ призываніе и почитаніе пресв. Богородицы и всѣхъ вообще святыхъ, равно какъ всѣ ихъ чудеса, мощи, самыя даже житія, которыя называлъ соблазнительными и запрещалъ читать; е) отвергалъ молитвы за умершихъ ([355]).

([352]) Тамъже 41—42. 525—526. 868—869. 873.
([353]) Тамъже 876. 888 и др.
([354]) *Зинов.* Истины Показ. гл. 4. 8. 21. 22. 23.
([355]) Тамъже глав. 4. 26. 29. 30. 31. 34; Духовн. Вѣстн. 1865, XI, 31.

3. Косой отвергалъ всю христіанскую внѣшность или церковность и христіанскія учрежденія. Крестъ Христовъ и св. иконы называлъ кумирами или идолами, христіанскія церкви—кумирницами, христіанское богослуженіе—идольскою службою, епископовъ и священниковъ—идольскими жрецами. И потому училъ—иконы и кресты сокрушать, а не поклоняться имъ, въ церкви не ходить и не носить въ нихъ просфоръ и свѣчей, церковныхъ службъ и молитвъ бѣгать, къ священникамъ и епископамъ не обращаться и не слушать ихъ, какъ учителей ложныхъ; вообще никакого внѣшняго богослуженія и поклоненія не творить, а поклоняться Богу духомъ и истиною. На митрополита, епископовъ и игуменовъ Косой нападалъ въ особенности за то, что они будтобы были чужды духа любви и кротости, преслѣдовали еретиковъ и не принимали отъ нихъ даже покаянія. Косой отвергалъ всѣ церковные посты, называя ихъ преданіемъ человѣческимъ и считая ихъ непотребными. Вооружался противъ монастырей, съ ихъ уставами и обычаями, называя все это также преданіемъ человѣческимъ, а особенно возставалъ противъ права монастырей владѣть селами, ссылаясь, между прочимъ, на старца-князя Васеіана и Максима Грека (356).

4. Косой простерся еще далѣе, по крайней мѣрѣ, когда жилъ въ Литвѣ, и, вопреки не только христіанскаго, но и ветхозавѣтнаго откровенія, возставалъ противъ нѣкоторыхъ началъ быта семейнаго и общественнаго. Не должно,—училъ еретикъ,—почитать родителей и именовать отцевъ, ибо сказано: *не нарицайте себѣ отца на земли, единъ есть отецъ*

(356) Тамъ же глав. 4. 27. 29. 43. 44. 45.

вашъ Богъ. Не должно повиноваться никакимъ земнымъ властямъ и начальствамъ и платить имъ дань: между христіанами вовсе не подобаетъ быть властямъ. Не должно помогать бѣднымъ, сирымъ, вдовицамъ, хромымъ, слѣпымъ и вообще нищимъ: ибо нищіе — псы, а написано: *имъсть добро отъяти хлѣба чадомъ и повергти псомъ* ([357]).

Нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы выводить лжеученіе Косаго съ запада Европы чрезъ Литву или Польшу. Напротивъ извѣстно, что онъ началъ свое лжеученіе на Бѣлозерѣ, гдѣ бродили тогда вольныя идеи между монахами, и даже прямо называется, вмѣстѣ съ своими товарищами, ученикомъ одного изъ бѣлозерскихъ старцевъ — Артемія. Самъ Косой, по свидѣтельству Зиновія, не былъ ни «философъ, ниже мало ученъ слову» и часто не понималъ ни того, что говорилъ, ни того, что утверждалъ; но онъ былъ слишкомъ дерзокъ и принятое отъ другихъ распространялъ съ возмутительною наглостію ([358]). По своему существу и началамъ лжеученіе Косаго однородно съ ересію жидовствовавшихъ, но имѣетъ еще болѣе отрицательный характеръ и доведено до послѣднихъ крайностей; однородно и съ лжеученіемъ Башкина, хотя послѣднее извѣстно намъ съ меньшею подробностію. Противъ ереси жидовствовавшихъ написалъ свою книгу прен. Іосифъ волоколамскій; этою же книгою обличалъ соборъ ересь Башкина; на эту самую книгу нападалъ и запрещалъ читать ее и Ѳеодосій Косой потому, какъ объясняетъ Зиновій, что «въ книгѣ той, яко въ зерцалѣ,

([357]) Духовн. Вѣстн. 1865, XI, 33. 34.
([358]) *Зинов.* Истин. Показ., стр. 45. 47.

ересь его обличается» ([359]). На лжеученіе Косаго можно смотрѣть, какъ на послѣднее слово того антихристіанскаго направленія, которое началось у насъ въ концѣ XV столѣтія съ ересію жидовствовавшихъ и продолжалось, болѣе или менѣе явно, до половины XVI вѣка и противъ котораго, послѣ Іосифа волоцкаго, долженъ былъ бороться еще митрополитъ Даніилъ; а равно какъ на послѣднюю степень развитія тѣхъ анти-церковныхъ идей, направленныхъ въ особенности противъ властей церковныхъ за преслѣдованіе еретиковъ, противъ монашества, противъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, которыя (идеи) такъ долго и упорно отстаивалъ князь-старецъ Вассіанъ. Въ Россіи Косой проповѣдывалъ свое лжеученіе только около трехъ лѣтъ (1552—1555) и не могъ пріобрѣсть многихъ послѣдователей; но въ Литвѣ онъ представляется дѣйствующимъ даже въ 1575 г., вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Игнатіемъ, также женившимся, и въ столь долгое время могъ увлечь весьма многихъ ([360]). Напрасно Зиновій замѣтилъ, что какъ «востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ, а западъ Мартиномъ нѣмчиномъ (Лютеромъ)», такъ и «Литву Косымъ» ([361]).

Здѣсь намъ приходится вспомнить и о Максимѣ грекѣ, котораго вспомнилъ самъ царь по случаю ереси Башкина и на

([359]) Тамъже стр. 930.

([360]) Объ нихъ обоихъ упоминаетъ Курбскій въ письмѣ своемъ къ Кадіану Чаплію, писанномъ въ 1575 г. (Сказан. II, 186. 189. 190. Спб. 1833). Очень вѣроятно, что объ нихъ же говоритъ и Андрей Венгерскій, писатель XVII вѣка, хотя, основываясь только на устныхъ преданіяхъ, онъ легко могъ допустить нѣкоторыя хронологическія и другія неточности въ своемъ разсказѣ (см. въ Словар. Духовн. Писат. *м. Евгенія*, I, 191—192, изд. 2).

([361]) Истины Показ., стр. 49.

котораго ссылались послѣдователи ереси Косаго для подкрѣпленія нѣкоторыхъ своихъ мыслей. Мы уже знаемъ, что соборъ 1531 года осудилъ Максима на заточеніе въ тверскій Отрочь монастырь. Но это новое заточеніе, продолжавшееся около двадцати лѣтъ, совсѣмъ не походило на то, какое терпѣлъ Максимъ прежде въ волоколамскомъ монастырѣ. Въ Твери, въ теченіе всего означеннаго періода, епископствовалъ добродушный Акакій, который оказывалъ Максиму не только участіе, но и честь, часто приглашалъ его къ себѣ и раздѣлялъ съ нимъ свою трапезу [382]. Правда, въ 1537 г., когда страшный пожаръ истребилъ въ Твери и соборъ и архіерейскій домъ, Максимъ сильно огорчилъ-было своего покровителя рѣзкою обличительною статьею, написанною противъ жителей Твери и всего мѣстнаго духовенства, безъ всякаго исключенія. Но вскорѣ, когда Акакій возобновилъ соборъ, Максимъ поспѣшилъ написать другую статью—похвальное слово, въ которомъ, обращаясь къ Богу, между прочимъ, говорилъ: «благодаримъ, Владыко, отъ всея души Твою благость..., яко Твоего вѣрнаго архіерея, нашего же пастыря и отца, Акакія господина нашего, исполняеши всегда благости и духовныя премудрости и разумавъ славу Твою и въ снабдѣніе намъ... Аще бо и праведнымъ твоимъ негодованіемъ опечалилъ еси насъ не малѣ, огнемъ истребивъ древнюю до-

---

([382]) *Максим.* Сочин. III, 92; Сказан. о Максимѣ въ Опис. рукоп. М. Синод. библ. II, 2, 579. Акакій былъ родной братъ преп. Іосифа волоколамскаго и одинъ изъ иноковъ Іосифова монастыря: какъ же несправедливъ Курбскій, когда говоритъ вообще, будто Максимъ грекъ претерпѣлъ разныя мученія „отъ вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ“, и называетъ всѣхъ ихъ вообще „презлыми“ (Сказан. I, 4. 49)!

броту покланяемаго храма твоего, но паки отдалъ еси ю намъ не худшу первыя, тщаніемъ и прилежаніемъ вѣрнаго ти угодника Акакія, боголюбиваго епископа твоего, нашего же пастыря и отца любезнѣйшаго» ([363]). И впослѣдствіи Максимъ называлъ Акакія не иначе, какъ своимъ «промысленникомъ» и писалъ къ одному изъ его приближенныхъ, брату Григорію: «слышалъ есмь стороною, что государь нашъ владыка тверскій смущается о мнѣ бѣдномъ... Жаловалъ государь, *упокоилъ мене всякимъ довольствомъ многа лѣта*: пожаловалъ бы и до конца поберегъ по Бозѣ... Я всегда въ любви духовнѣй пребываю къ его святительству, и *его многолѣтнее бреженіе и жалованіе забыти немощно ми есть*» ([364]).

Другое важное удобство, которымъ пользовался Максимъ въ Твери, состояло въ томъ, что ему не возбранялось писать. И онъ писалъ много, особенно о самомъ себѣ, оправдывалъ себя, просилъ перемѣны своей участи. Первое изъ такихъ писаній,—а ихъ извѣстно намъ до десяти,—Максимъ написалъ уже по смерти в. к. Василія Ивановича (1533) и, можетъ быть, даже по смерти жены его Елены (1538 г.). Это «Исповѣданіе православной вѣры», обращенное ко всему духовенству, ко всѣмъ князьямъ и боярамъ. Здѣсь, желая опровергнуть мнѣніе нѣкоторыхъ, будто онъ еретикъ и врагъ и измѣнникъ русской державы, Максимъ представилъ исповѣданіе своей вѣры, дѣйствительно православное; указалъ на нѣкоторыя догматическія погрѣшности въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, имъ исправленныя; ссылался на свои со-

([363]) *Максим.* Сочин. II, 260. 290—294.
([364]) Тамъже II, 359. 421. 423.

чиненія въ защиту православной вѣры, написанныя противъ латинянъ, іудеевъ и язычниковъ; сознался въ своей ошибкѣ въ извѣстныхъ намъ выраженіяхъ о Сынѣ Божіемъ: *сѣдѣлъ еси* и *сѣдитъ* одесную Отца, слагая однакожъ всю вину на своихъ помощниковъ-толмачей (жаль, что Максимъ не сознался въ этой ошибкѣ прежде на бывшихъ противъ него соборахъ); свидѣтельствовалъ, что онъ постоянно молится Богу о русской державѣ, ея вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и братѣ его Георгіѣ и по десяти разъ всякій день преклоняетъ о нихъ колѣна; спрашивалъ князей и бояръ, зачѣмъ они силою держатъ его въ Россіи; напоминалъ духовнымъ, что они не имѣли права его судить, что онъ, какъ грекъ, подлежитъ суду вселенскаго патріарха, а не святителя русской земли, и наконецъ умолялъ прекратить нерасположеніе къ нему и показать къ нему любовь и кротость ([365]). Все это оправданіе Максима, написанное въ то время, когда еще живы были судившіе и осудившіе его, по самому своему тону и отчасти содержанію, не могло расположить въ его пользу. Во-первыхъ, онъ постоянно повторялъ здѣсь, будто осужденъ несправедливо, по одной клеветѣ, враждѣ, злобѣ, и укорялъ духовныхъ, что они увлекаются яростію, гнѣвомъ, памятозлобіемъ и преслѣдуютъ невинныхъ. Во-вторыхъ, Максимъ слишкомъ рѣзко и едва ли даже справедливо отзывался здѣсь о нашихъ церковныхъ книгахъ, утверждая напримѣръ, будто наши Тріоди *везде* проповѣдывали Іисуса Христа соз-

([365]) Тамъже I, 23—39. Вел. к. Василія Ивановича Максимъ называетъ здѣсь *приснопамятнымъ* (—37), а имени Елены вовсе не упоминаетъ, когда говоритъ, что постоянно молится о ея дѣтяхъ—Іоаннѣ и Георгіѣ: не значитъ ли, что Максимъ писалъ свое Исповѣданіе уже по смерти даже Елены?

даннымъ и сотвореннымъ и будто наши Толковыя Евангелія *вездѣ* проповѣдывали Его умершимъ безконечною смертію, — тогда какъ Максимъ могъ видѣть и прочесть, безъ сомнѣнія, только нѣкоторыя наши Тріоди и Толковыя Евангелія, а не всѣ. Въ-третьихъ, еще болѣе могъ онъ раздражить противъ себя русскихъ, судившихъ и осудившихъ его, когда вздумалъ напомнить имъ, что они и права не имѣли судить его. Вслѣдъ за Исповѣданіемъ вѣры, Максимъ написалъ посланіе къ своему бывшему главному судіи, митрополиту Даніилу, о которомъ узналъ чрезъ своихъ «ходатаевъ», будтобы онъ еще гнѣвается на него-Максима. Въ посланіи Максимъ также повторялъ, что онъ не еретикъ, а осужденъ только ради малыхъ описеій, и въ доказательство своего правовѣрія ссылался на свои сочиненія противъ іудеевъ и язычниковъ, и еще на свое Исповѣданіе православной вѣры; каялся предъ митрополитомъ, что «опечалилъ его священную душу», когда трижды не послушалъ его, отказавшись перевесть книгу блаж. Ѳеодорита, и теперь просилъ прощенія; наконецъ, просилъ митрополита и съ нимъ другихъ духовныхъ прекратить «многолѣтнее негодованіе» на него – Максима и разрѣшить ему причащеніе св. Христовыхъ таинъ. Но это посланіе дошло до митрополита Даніила, вѣроятно, уже тогда, какъ онъ былъ низвергнутъ (1539 г.), и слѣд. не могъ разрѣшить Максима ([366]). Обращался Максимъ и къ боярамъ, правившимъ тогда государствомъ за малолѣтствомъ Іоанна, жало

([366]) Посланіе надписано „къ бывшему митрополиту, уже извержену“; но изъ содержанія посланія видно, что оно обращено къ митрополиту, еще пользующемуся своею властію вмѣстѣ съ другими святителями (Сочин. II, 367).

вался имъ, что осужденъ, какъ еретикъ, несправедливо, по одной клеветѣ, и уже 18 лѣтъ страждетъ невинно; приглашалъ прочесть его Исповѣданіе вѣры, указывалъ на разныя погрѣшности въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ и, въ заключеніе, просилъ избавить его отъ клеветы, дозволить ему ходить въ церковь и приступать къ святому причастію, или отпустить его изъ Россіи въ святую гору ([367]). Обращался и къ какому-то архіерею, оправдывалъ себя, какъ переводчика богослужебныхъ книгъ; объяснялъ, что исправленіемъ ихъ не могъ сдѣлать никакой «досады» русскимъ чудотворцамъ, угодившимъ Богу по этимъ книгамъ, и выражалъ желаніе, чтобы перестали клеветать на него-Максима, но не просилъ о разрѣшеніи, изъ чего и можно заключать, что посланіе адресовано было не къ митрополиту ([368]). Два посланія написалъ Максимъ къ царю Іоанну. Въ первомъ, обширномъ, давалъ ему наставленія, какъ царствовать, училъ его подражать небесному Царю, Христу Богу, человѣколюбіемъ, благостію, правосудіемъ, чтить и жаловать митрополита и епископовъ, князей, бояръ и воеводъ, ограждать вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ, обидимыхъ, и наконецъ просилъ отпустить его во св. гору и уважить ходатайство о немъ тамошнихъ иноковъ. Во второмъ, краткомъ, посланіи Максимъ снова умолялъ Іоанна отпустить его во св. гору и объяснялъ, что онъ исполнилъ то, за чѣмъ былъ вызванъ въ Россію, и что болѣе онъ здѣсь ненуженъ ([369]). Напи-

([367]) Тамъже III, 60—79. Максимъ говоритъ, что уже 18 лѣтъ страдаетъ „лютѣ“ (—61). Слѣд. писалъ это онъ 1543 г., если считать страданія его съ 1525 года.

([368]) Тамъже III, 79—92.

([369]) Тамъже II, 346. 376.

салъ Максимъ и къ митрополиту Макарію (въ 1547 г.), превозносилъ его достоинства и добродѣтели, о которыхъ слышалъ, и, призывая Бога во свидѣтеля невинности своей и правовѣрія, умолялъ митрополита разрѣшить ему причастіе св. даровъ Христовыхъ и отпустить его во св. гору ([370]). А когда Макарій отвѣчалъ Максиму: «узы твоя цѣлуемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ»; когда чрезъ протосинкела своего, инока Алексѣя, увѣдомилъ его, что какіе-то клеветники утверждаютъ, будто онъ требуетъ суда соборнаго и говоритъ: «если не дадите мнѣ суда, то не приму и отъ божественнаго причастія», и подаютъ совѣтъ, что Максимъ могъ бы причащаться и безъ разрѣшенія, тайно, подъ предлогомъ болѣзни, дѣйствительной или мнимой: тогда Максимъ написалъ Макарію другое посланіе и спрашивалъ: «какъ же ты не можешь пособить мнѣ? Кто выше тебя въ Россіи по дѣламъ церковнымъ, кто милостивѣе тебя къ обидимымъ, кто станетъ противиться тебѣ?» А вмѣстѣ удостовѣрялъ митрополита, что никогда не требовалъ суда предъ соборомъ, вовсе не отказывался отъ причастія безъ соборнаго суда, что не проситъ суда, а проситъ только милости и разрѣшенія причащаться св. Христовыхъ таинъ, и что причащаться тайно, безъ разрѣшенія, «со лжею», не научены отъ св. апостоловъ и св. отцевъ ([371]). Отправляя это посланіе

([370]) Тамъже II, 357. Здѣсь-то Максимъ говоритъ о себѣ, что отлученъ отъ причастія св. таинъ уже 17 лѣтъ (—364). А какъ начало этого отлученія нужно полагать въ 1531 г. (см. выше примѣч 264): то настоящее посланіе написано, вѣроятно, въ 1547 году.

([371]) Посланіе напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1842, ч. VI, № XI, стр. 91—96. Что оно написано Максимомъ не къ митр. Іоасафу (1539—1543), а уже къ митр. Макарію, можно заключать изъ сношенія этого посланія съ посланіемъ

къ Макарію, Максимъ отправилъ, чрезъ одного и тогоже человѣка (Андрея Семенова), посланіе и къ извѣстному любимцу царскому Алексѣю Адашеву и, между прочимъ, писалъ: «молю тя, прочти и самъ посланейцо мое, егоже черкнулъ къ преосвященному, и въ томъ уразумѣеши извѣстно всю мою кривду и правду клевещущихъ мене»...; и далѣе: «а мене, Бога ради, заклинаю васъ Іисусъ Христомъ, не оставите безъ причастія; судъ, господине, не пращивалъ и не прошу, милости прошу; покажите милость» ([372]). Около тогоже времени написалъ Максимъ еще посланіе къ одному изъ знатнѣйшихъ бояръ и царедворцевъ Петру Ивановичу Шуйскому, и выражался: «не оно прошу, да отпущенъ буду въ честную и многожелаемую всѣмъ православнымъ св. гору,—вѣмъ бо и самъ, яко таковое мое прошеніе нѣсть вамъ любезно, ниже благопріятно,—но оно прошу отъ вашея велелѣпныя свѣтлости, да мя сподобите причастія пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ, ихже непричастенъ пребываю лѣтъ ужь 17... Другую благодать прошу у вашего велелѣпія, отдадите

Максима къ Алексѣю Адашеву, который сдѣлался извѣстнымъ не прежде 1547 г. и былъ въ близкихъ отношеніяхъ именно къ м. Макарію, а не къ Іосафу. Въ посланіи къ митрополиту Максимъ, между прочимъ, говоритъ, что посылаетъ къ нему съ вѣрнымъ его слугою *Андреемъ* „тетрадки десять“ для прочтенія (тамъже стр. 94). И въ посланіи къ Адашеву говоритъ, что посылаетъ къ нему чрезъ слугу *Андрея* Семенова „тетрадку“, и прибавляетъ: „да еще къ тоей и ины *тетрадки десять* посылаю къ государю нашему преосвященному *митрополиту* и къ тебѣ“ (Сочин. II, 382. 383). Подъ именемъ же клеветниковъ, упоминаемыхъ Макаріемъ, разумѣются, конечно, бояре. Ибо Максимъ, убѣждая Макарія не вѣрить этимъ клеветникамъ, пишетъ: „азъ глаголахъ къ нимъ ..., аще соблажняетесь о мнѣ, прочтите *у себе лівель* (libellum—книжицу), егоже списахъ о живущей во мнѣ вѣрѣ“ (Москвитян., тамъже 93). А эту *лівель* Максимъ написалъ именно боярамъ (Сочин. III, 61—62).

([372]) *Максим.* Сочин. II, 382—386.

ми, яже со мною оттуда пришедшія здѣ книги греческія, на просвѣщеніе вкупѣ и утѣшеніе духовное окаяннѣй души моей» ([373]).

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти посланія Максима, на всѣ его просьбы и заклинанія, участь его не измѣнялась. Этого мало. За Максима ходатайствовалъ въ 1544 году предъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ самъ вселенскій патріархъ Діонисій, и не отъ своего только имени, но и отъ имени іерусалимскаго патріарха Германа и 70 другихъ святителей, бывшихъ тогда на поставленіи его-Діонисія въ Константинополѣ, и говорилъ, что если царь не отпуститъ Максима на Аѳонъ, то «самому Богу погрубитъ и оскорбитъ толикихъ богомольцевъ своихъ» ([374]). А въ слѣдующемъ году о томъ же самомъ ходатайствовалъ предъ Іоанномъ и александрійскій патріархъ Іоакимъ, присовокупляя, что не перестанетъ повторять свои посланія и просьбы, пока не будетъ царемъ услышанъ ([375]). Но напрасно. Въ самой Россіи у Максима было много доброжелателей и ходатаевъ, которые извѣщали его обо всемъ, что происходило въ Москвѣ, вокругъ митрополита ([376]). Въ Максимѣ принимали участіе и старались помогать ему въ нуждахъ: извѣстный Алексѣй Адашевъ «жаловалъ его всякимъ дѣломъ и образомъ», и митрополитъ Макарій посылалъ ему «денежное благословеніе» ([377]). Максима

([373]) Тамъже II, 415. 418 419.

([374]) Посланіе Діонисія—въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, ч. III, № VIII отд. II, 272. А о времени поставленія его въ 1544 г.—см Списокъ царегр. патріарх. въ Христ. Чтен. 1861, III, 81.

([375]) Журн. Мин. Нар. Просв., тамъже 275; А. И. I, № 297.

([376]) *Максим.* Сочин. II, 359. 369.

([377]) Тамъже II, 382; Посл. Максима къ митр. Макарію, въ Москвит. 1842, VI, № XI, 91.

уважали: боярин Петръ Шуйскій нарочно приходилъ къ нему, чтобы побесѣдовать съ нимъ; Алексѣй Адашевъ любезно переписывался съ нимъ и бралъ у него для прочтенія его сочиненія; самъ митрополитъ Макарій настоятельно просилъ Максима присылать къ нему эти сочиненія, дѣйствительно получалъ ихъ и весьма похвалялъ (378). И всѣ эти люди, всѣ доброжелатели и почитатели Максима не могли сдѣлать для него то, о чемъ онъ настоятельно просилъ и молилъ. Отчего же такъ? Оттого, думаемъ, что у Максима много было враговъ, особенно между сильными боярами,—враговъ, которыхъ онъ нажилъ себѣ еще прежними своими обличеніями и которые даже въ 1547 г., какъ мы видѣли, не переставали выдумывать на него новыя клеветы. Оттого, что въ самыхъ своихъ оправданіяхъ, нѣкоторыхъ, Максимъ позволялъ себѣ выражаться слишкомъ рѣзко о русскихъ богослужебныхъ книгахъ, о русскихъ священникахъ и о всѣхъ тѣхъ, которые будтобы только по злобѣ, по враждѣ, по клеветѣ осудили его (въ томъ числѣ не могли не разумѣть и в. к. Василія Ивановича, отца Іоанна IV). Оттого, что самое покаяніе и оправданія Максима казались недостаточными. Онъ утверждалъ и повторялъ, что его осудили совершенно невинно, каялся только въ «нѣкіихъ описяхъ», которыя были допущены имъ будтобы непамѣренно, и въ которыхъ будтобы были виновны собственно его помощники; а въ доказательство своей преданности русской державѣ указывалъ только на свой о ней молитвы. Но тогда у насъ многіе еще могли помнить, какъ происходило дѣло на соборахъ противъ Мак-

(378) *Максим.* Сочин. II, 383. 417—418; Москвит. 1842, VI, № XI, 94.

сима, въ чемъ онъ обвинялся и какъ оправдывался; могли смотрѣть на «описи» его совсѣмъ иначе и именно такъ, какъ смотрѣли на нихъ бывшіе на Максима соборы; могли помнить и передавать царю Ивану Васильевичу, что Максимъ заподозрѣнъ былъ въ злоумышленіяхъ противъ Россіи, въ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ и обвинялся въ ругательныхъ словахъ и насмѣшкахъ противъ самого государя Василія Іоанновича. Самъ митрополитъ Макарій, при всемъ своемъ желаніи, безъ воли государя, безъ согласія бояръ въ его малолѣтство, не могъ разрѣшить Максима, тѣмъ болѣе, что послѣдній осужденъ былъ цѣлымъ соборомъ. А отпустить Максима въ св. гору просто боялись, не довѣряя его расположенности къ Россіи. Еще въ 1525 г., прежде нежели онъ былъ судимъ и осужденъ, одинъ изъ бояръ говорилъ ему, что его не отпустятъ на Аѳонъ, и мысль свою объяснялъ такъ: «мы имѣемъ на тебя подозрѣніе, ты человѣкъ разумный, узналъ здѣсь наше доброе и худое и сталъ бы тамъ разсказывать все» ([379]). Тѣмъ болѣе могли имѣть такое подозрѣніе на Максима теперь, когда онъ былъ уже осужденъ и столько потерпѣлъ въ Россіи; тѣмъ болѣе могли опасаться, что онъ, выѣхавъ теперь изъ Россіи, по чувству озлобленія и мщенія, постарается вредить ей всѣмъ, что только возможно, и не перестанетъ хулить и безславить всѣхъ и все русское, начиная съ самого государя. Неудивительно, что даже люди, расположенные къ Максиму, каковъ былъ боярипъ Петръ Шуйскій, и слышать не хотѣли, когда онъ

([379]) А. Э. I, стр. 143.

начиналъ проситься на Аѳонъ. Да и самъ Максимъ, наконецъ, понялъ это и пересталъ настаивать, чтобы его отпустили во св. гору, а просилъ только объ одномъ, чтобы ему разрѣшили причащаться св. тайнъ.

Можетъ быть, эта самая уступка со стороны Максима, эта покорность его и вызвали къ нему снисхожденіе со стороны царя Іоанна и его совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, только въ 1551 г., «умоленіемъ» троицкаго игумена Артемія и другихъ доброжелателей Максима, государь приказалъ освободить его изъ заточенія и перевесть въ Сергіеву лавру, гдѣ онъ, уже дряхлый и больный ногами и всѣми членами, съ притупившимся отъ слезъ зрѣніемъ, могъ спокойно провести послѣдніе годы своей жизни. А митрополитъ Макарій разрѣшилъ Максиму и причастіе св. Христовыхъ тайнъ ([380]). Это случилось уже послѣ Стоглаваго собора: ибо уже по окончаніи его Артемій сдѣлался игуменомъ Троицкой обители ([381]). И здѣсь-то разгадка, почему Максима, при всемъ уваженіи къ его уму и познаніямъ, не пригласили на Стоглавый соборъ: Максимъ былъ тогда подъ запрещеніемъ, какъ обвиненный въ неправославіи, и находился въ заточеніи. А вотъ, когда онъ былъ освобожденъ и разрѣшенъ, тогда самъ царь приглашалъ его на соборъ противъ Башкина и потомъ просилъ, по крайней мѣрѣ, мнѣнія его о новоявившейся ереси. Въ 1553 г. Іоаннъ Васильевичъ, послѣ тяжкой болѣзни, вслѣдствіе даннаго обѣта, отправился по монастырямъ для богомолья, вмѣстѣ съ царицею и новорожденнымъ сыномъ, и, прибывъ въ Сергіеву

([380]) Сказан. о Максимѣ, въ Опис. рукоп. М. Синод. библ. II, 2, 580; *Курбск.* Сказан. I, 49; *Карамз.* VIII, примѣч. 386.

([381]) Опис. Троице-Серг. лавры 81, М. 1857 г.

лавру, удостоилъ здѣсь своимъ посѣщеніемъ старца Максима. Максимъ будтобы не совѣтывалъ царю исполнять даннаго обѣта, говоря, что «обѣты таковые съ разумомъ не согласуютъ», что святымъ, какъ и Богу, можно молиться вездѣ, а совѣтывалъ лучше позаботиться о вдовахъ и сиротахъ воиновъ, погибшихъ во время казанскаго похода, нежели исполнять «обѣщанія не по разуму». Но такъ какъ Іоаннъ хотѣлъ непремѣнно ѣхать по монастырямъ, то Максимъ будтобы послалъ сказать ему: «если не послушаешь моего совѣта, то сынъ твой умретъ во время пути». И это пророчество исполнилось. Таково послѣднее сказаніе о Максимѣ, если не совершенно измышленное, то едва ли не искаженное Курбскимъ, извѣстнымъ ненавистникомъ монастырей: ибо трудно повѣрить, чтобы Максимъ могъ такъ смотрѣть на благочестивыя путешествія православныхъ на богомолье и такъ отзываться объ ихъ обѣтахъ, даваемыхъ съ этою цѣлію; чтобы Максимъ не понималъ, что царь могъ и исполнить свой обѣтъ, данный во время болѣзни, и позаботиться о вдовахъ и сиротахъ своихъ воиновъ ([382]). Въ 1556 г. Максимъ скончался и погребенъ въ Троицкой лаврѣ ([383]). Всякъ согласится, что судить о Максимѣ на основаніи только его собственныхъ свидѣтельствъ о себѣ и отзывовъ о немъ его друзей было бы несправедливо; что нужно принимать во вниманіе и отзывы о немъ его недоброжелателей, особенно дѣянія бывшихъ на него соборовъ, которыя нельзя же считать вымышленными или намѣренно искаженными. А если такъ: то мы не можемъ при-

([382]) *Курбск.* I, 49—52. 58.
([383]) *Карамз.* VIII, примѣч. 386.

знать за истину, будто Максимъ пострадалъ у насъ совершенно невинно, или будто онъ перенесъ свои многолѣтнія страданія безропотно, чисто похристіански, съ полною покорностію волѣ Божіей.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ Максима грека скончался и митрополитъ Макарій (31-го декабря 1563 г.). Къ чести этого первосвятителя должно сказать, что онъ въ своемъ лицѣ снова возвысилъ достоинство и значеніе русскаго митрополита, которое при его предшественникахъ видимо начало-было упадать. Онъ всегда пользовался высокимъ уваженіемъ не только въ народѣ и во всемъ духовенствѣ, но и среди бояръ и вельможъ, и въ самомъ семействѣ государя. И какого государя? Тогда, какъ всѣ другія лица, окружавшія Іоанна, непрестанно мѣнялись и подвергались его опалѣ, изгнанію, нерѣдко смерти, когда даже любимѣйшіе изъ его совѣтниковъ— Сильвестръ и Адашевъ не избѣжали, наконецъ, его гнѣва, одинъ митрополитъ Макарій, впродолженіе двадцатидвухлѣтняго своего первосвятительскаго служенія, остался неприкосновеннымъ и сохранилъ расположенность грознаго царя до самой своей кончины. Бывали и для Макарія тяжкія скорби въ жизни; многократно и онъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, помышлялъ отказаться отъ своей каѳедры и отойти въ уединеніе. Но каждый разъ его упрашивали и удерживали самъ государь, всѣ святители, весь освященный соборъ: такъ имъ дорожили ([384]). «О Боже, какъ бы счастлива была русская земля, еслибы владыки были таковы, какъ преосвященный Макарій да ты»,—писалъ

([384]) А. И. I, № 172.

въ 1556 году царь Іоаннъ къ казанскому архіепископу Гурію ([385]). Максимъ грекъ, основываясь на свидѣтельствѣ многихъ достовѣрныхъ мужей и особенно тверскаго епископа Акакія, «велегласнаго проповѣдника добродѣтелей» Макарія, восхвалялъ его, какъ ревнителя православныхъ догматовъ, прилежнаго исполнителя божественныхъ заповѣдей, ходатая и предстателя за обидимыхъ и какъ пастыря мудраго, христіанскою тихостію и кротостію укрощавшаго возстававшихъ на святую Церковь и противившихся его ученію и ревности ([386]). Подозрѣвать этого архипастыря въ честолюбіи и слабости предъ Іоанномъ мы не знаемъ основаній. Напротивъ извѣстно, что когда Іоаннъ велѣлъ (1561 г.) заочно судить Сильвестра и Адашева вслѣдствіе сдѣланнаго на нихъ доноса и когда нѣкоторые изъ судей, по выслушаніи доклада, объявили уже, что подсудимые достойны смерти, а другіе молчали, одинъ Макарій возвысилъ свой старческій голосъ и смѣло сказалъ государю, что слѣдуетъ призвать и выслушать самихъ обвиняемыхъ,— съ чѣмъ согласились и нѣкоторые вельможи, хотя потомъ царскіе сторонники превозмогли въ совѣтѣ и достигли того, что Сильвестръ и Адашевъ были осуждены на заточеніе ([387]). Вообще имя митрополита Макарія есть одно изъ лучшихъ украшеній нашей церковной исторіи.

V.

Святитель Макарій правилъ Церковію въ лучшій періодъ царствованія Іоаннова, хотя и тогда уже, особенно со смерти

([385]) Продолж. Древн. Россійск. Вивліоѳ. V, 241; Истор. Росс. іерарх. VI, 528—531.

([386]) *Максим.* Сочин. II, 359.

([387]) *Курбск.* I, 104; *Карамз.* IX, 6- 7. 27.

(въ 1560 г.) первой своей супруги, Анастасіи, Іоаннъ часто обнаруживалъ свой неукротимый и свирѣпый характеръ. Преемникамъ Макарія сдѣлалось гораздо труднѣе проходить свое высокое поприще: потому что царь съ каждымъ почти днемъ становился все необузданнѣе въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ, подозрительнѣе, безчеловѣчнѣе. Ему казалось, и не безъ основанія, что бояре и вельможи злоумышляютъ противъ него, что онъ окруженъ измѣнниками, которыхъ потому и спѣшилъ поражать различными казнями. А если митрополитъ и другія духовныя лица, по своему древнему праву и чувству человѣколюбія, осмѣливались ходатайствовать за несчастныхъ, подвергавшихся опалѣ царя, онъ воображалъ, что и духовенство держитъ сторону его враговъ и мѣшаетъ ему карать преступниковъ.

По смерти Макарія Іоаннъ пригласилъ на соборъ святителей и знатнѣйшее духовенство для выбора новаго митрополита. И явились три архіепископа: Пименъ новгородскій, Никандръ ростовскій и Трифонъ полоцкій, и шесть епископовъ: Аѳанасій суздальскій, Симеонъ смоленскій, Филоѳей рязанскій, Варлаамъ коломенскій, Матѳій сарскій и Іоасафъ пермскій. Казанскій архіепископъ незадолго предъ тѣмъ скончался, а епископъ тверскій Акакій, по старости и болѣзни, не могъ пріѣхать въ Москву, но прислалъ только повольную свою грамату.

Прежде, нежели собравшіеся на соборъ приступили къ избранію новаго митрополита, царь предложилъ имъ разсудить о нѣкоторыхъ внѣшнихъ преимуществахъ русскаго первосвятителя и сказалъ: «отецъ нашъ и богомолецъ митрополитъ носитъ черный клобукъ, а прежніе русскіе митрополиты, чудотворцы—Петръ и Алексій, архіепископъ новгородскій

Іоаннъ и ростовскіе чудотворцы—Леонтій, Игнатій и Исаія носили бѣлые клобуки, какъ и изображаются они на иконахъ. Послѣдующіе затѣмъ митрополиты и ростовскіе епископы и архіепископы носили уже черные клобуки, а почему отложены были бѣлые, мы не нашли въ писаніи. Новгородскій же архіепископъ Пименъ, богомолецъ нашъ, носитъ бѣлый клобукъ, и прежніе новгородскіе архіепископы носили бѣлые клобуки, по какому случаю, мы также не знаемъ изъ писанія. Кромѣ того, архіепископы новгородскій и казанскій печатаютъ свои граматы, благословенныя и носильныя, краснымъ воскомъ; а митрополитъ печатаетъ свои граматы чернымъ воскомъ. Между тѣмъ митрополитъ есть высшій іерархъ русской Церкви, есть глава архіепископамъ и епископамъ, и онъ-то не имѣетъ преимущества предъ архіепископами и епископами». Разсудивъ о всемъ этомъ, царь и отцы собора вмѣстѣ постановили и утвердили: впредь русскому митрополиту носить бѣлый клобукъ съ рясами и херувимомъ, по примѣру чудотворцевъ Петра и Алексія; равно печатать митрополиту граматы, благословенныя, ставленныя и носильныя, краснымъ воскомъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ печати—Богоматери, а на другой—руки благословляющей и вокругъ нея имени митрополита; также новгородскому архіепископу носить бѣлый клобукъ и печатать краснымъ воскомъ по прежнему обычаю, а казанскому архіепископу только печатать краснымъ воскомъ. Это постановленіе собора состоялось 2-го февраля 1564 года. Самое же избраніе новаго митрополита соборъ произвелъ уже 24-го числа тогоже мѣсяца: избранъ былъ, а 5-го марта и рукоположенъ въ санъ первосвятителя, инокъ Чудова монастыря Аѳанасій, прежде бывшій прото-

іерей благовѣщенскаго собора (Андрей) и духовникъ государевъ ([388]).

Имѣя въ виду послѣднее обстоятельство, которое, вѣроятно, и было главною причиною избранія Аѳанасія, могли надѣяться, что новый первосвятитель болѣе другихъ въ состояніи будетъ дѣйствовать на Іоанна и пользоваться его расположеніемъ. Но не прошло года, какъ увидѣли, что такимъ надеждамъ не суждено оправдаться. Измѣна князя Андрея Курбскаго и нѣкоторыхъ другихъ бояръ, бѣжавшихъ въ Литву, и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія вторженія литовцевъ и крымцевъ въ русскіе предѣлы до того усилили подозрительность въ Іоаннѣ, что онъ не считалъ себя безопаснымъ въ самой Москвѣ, и 3-го декабря со всѣмъ своимъ семействомъ и многими приближенными людьми, взявъ съ собою разныя драгоцѣнности, выѣхалъ изъ столицы, неизвѣстно куда. Чрезъ мѣсяцъ (3-го генваря 1565 г.) изъ Александровской слободы онъ прислалъ митрополиту грамату, въ которой горько жаловался сначала на бояръ, вмѣстѣ вообще съ служилыми людьми, за ихъ постоянныя измѣны и злоупотребленія, потомъ на святителей и все духовенство—за то, что они, соединясь съ боярами, вступаются за виновныхъ, покрываютъ ихъ своимъ ходатайствомъ предъ государемъ, и наконецъ объявлялъ, что, не могши болѣе сносить многихъ измѣнныхъ дѣлъ, онъ оставилъ свое государство и поѣхалъ поселиться тамъ, гдѣ Богъ укажетъ. Грамата эта имѣла въ Москвѣ потрясающее дѣйствіе. Всѣ со слезами просили митрополита отправиться къ Іоанну и умилостивить его; но потомъ раз-

([388]) А. И. I, № 173; *Карамз.* IX, примѣч. 95.

судили, что присутствіе митрополита необходимо въ столицѣ, оставленной государемъ; и послали къ нему новгородскаго архіепископа Пимена съ четырьмя другими владыками и нѣсколькими архимандритами, а вслѣдъ за ними поѣхали многіе бояре, приказные люди и другіе. Іоаннъ принялъ духовныхъ и бояръ, выслушалъ ихъ слезныя мольбы, повторилъ свои укоризны боярамъ и въ заключеніе сказалъ, что «для отца своего митрополита Аѳанасія и для своихъ богомольцевъ, архіепископовъ и епископовъ» соглашается взять свои государства, но съ условіемъ, чтобы не препятствовали ему казнить виновныхъ по своему усмотрѣнію и чтобы духовенство не стужало и не претило ему своимъ ходатайствомъ. Условіе, конечно, было принято, и Іоаннъ, возвратившись въ Москву, учредилъ извѣстную *Опричину* со всѣми ея безразсудствами, неистовствами и ужасами. Начались казни бояръ и невыносимыя притѣсненія всѣмъ земскимъ людямъ отъ царскихъ опричниковъ. Митрополитъ и епископы могли скорбѣть о несчастныхъ и молиться за нихъ, но не смѣли ходатайствовать предъ государемъ. Знаемъ только два исключенія: Іоаннъ, простивъ знатнаго вельможу Яковлева и возвративъ изъ ссылки славнаго своего воеводу Воротынскаго, четыре года прожившаго на Бѣлоозерѣ, самъ объявилъ, что за нихъ были ходатаями митрополитъ и епископы ([389]). Среди тяжкихъ обстоятельствъ отечества, которыя не могли не дѣйствовать на духъ и на здоровье старца-митрополита, Аѳанасій не замедлилъ, по болѣзни, добровольнооставить свой престолъ (16-го мая 1566 г.), который занималъ только два года и два съ

([389]) *Карамз.* IX, 42—48; Собр. Госуд. Грам. I, № 189.

небольшимъ мѣсяца и отошелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ принялъ нѣкогда монашеское постриженіе ([390]).

Вскорѣ послѣ этого въ Москвѣ состоялась земская Дума изъ представителей всѣхъ сословій государства, которая, по волѣ Іоанна, должна была рѣшить вопросъ: продолжать ли войну съ польскимъ королемъ или помириться съ нимъ на предложенныхъ имъ условіяхъ,- и 2-го іюля рѣшила вопросъ не въ пользу мира. Для участія въ Думѣ созвано было въ Москву и знатнѣйшее духовенство: девять архіепископовъ и епископовъ, многіе архимандриты, игумены и другіе иноки ([391]). Этимъ-то собраніемъ высшаго духовенства государь, вѣроятно, и воспользовался, чтобы избрать новаго митрополита. По желанію Іоанна, выборъ палъ на казанскаго архіепископа Германа, мужа святой жизни. Но Германъ долго не соглашался и, только будучи «принужденъ» царемъ и соборомъ, былъ возведенъ на митрополичій дворъ. Прошло два дня; Іоаннъ посѣтилъ святителя, и новоизбранный въ митрополита, все еще страшась тяготы предлежащаго ему сана и особенно не желая нести ее при такомъ лютомъ и неразсудительномъ царѣ, рѣшился побесѣдовать съ нимъ наединѣ, поучалъ его тихими и кроткими словами, напомнилъ ему о страшномъ судѣ Божіемъ и о томъ отчетѣ, какой должны будутъ дать всѣ люди, какъ простые, такъ и цари. Іоаннъ прямо отъ святителя пошелъ въ свои палаты и немедленно объявилъ своимъ любимцамъ о слышанномъ имъ духовномъ совѣтѣ. «Боже тебя сохрани отъ такого совѣтника,—сказали они единогласно,—

([390]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 317; *Карамз.* IX, 53, примѣч. 169.
([391]) Собр. Госуд. Грамат. I, № 192, стр. 545. 555.

вновь ли хочешь быть въ неволѣ, еще бо́льшей, чѣмъ былъ у Сильвестра и Адашева?» И стали умолять царя со слезами, припадая къ его колѣнамъ, чтобы онъ не допустилъ Германа сдѣлаться первопрестольникомъ. Іоаннъ послушался и послалъ изгнать Германа изъ митрополичихъ палатъ и объявить ему: «ты еще и на митрополію не возведенъ, а уже связываешь меня неволею». Надобно, однакожъ, замѣтить, что все это извѣстіе объ избраніи на митрополію Германа передаетъ намъ одинъ князь Курбскій, больше никто, и передаетъ только какъ слухъ, который могли сообщить ему изъ Россіи его единомышленники, слѣд. враги Іоанна и опричины. И недовѣрчивость къ этому извѣстію увеличивается еще отъ того, что въ концѣ его прибавлено, будто Германъ, чрезъ два дня по изгнаніи изъ митрополичихъ палатъ, найденъ мертвымъ въ своемъ дворѣ, и именно, по словамъ однихъ, задушеннымъ тайно, а по словамъ другихъ, отравленнымъ по повелѣнію Іоанна ([392]), — между тѣмъ какъ несомнѣнно извѣстно, что Германъ оставался живъ и 25-го іюля тогоже года участвовалъ въ поставленіи митрополита Филиппа, а скончался уже чрезъ годъ и три мѣсяца (6-го ноября 1567) во время мороваго повѣтрія въ Москвѣ ([393]).

Если признать справедливымъ сказаніе объ избраніи Гер-

([392]) *Курбск.* Сказан. I, 160—161.

([393]) Александро-Невск. Лѣтоп. у *Карамз.* IX, примѣч. 177. Патріархъ Гермогенъ, въ составленномъ имъ житіи Гурія, архіепископа казанскаго, говоритъ о преемникѣ его Германѣ: „преставися сей преп. архіепископъ Германъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7076 ноября въ 6 день; пасъ церковь Божію три лѣта и мѣсяцъ восемъ; бѣ же тогда въ Москвѣ моръ силенъ“ (въ Прав. Собесѣдн. 1868, III—*Платона Любарск.* Сборн. статей Казан. епархіи, житіе Гурія, стр. 16).

мана на митрополитскую каѳедру и особенно о томъ, за что онъ удаленъ изъ митрополичьяго дома: то нельзя не подивиться, какъ могъ Іоаннъ, отвергнувъ Германа, избрать на митрополію Филиппа, игумена Соловецкаго монастыря. А это избраніе дѣйствительно зависѣло отъ самого царя. Онъ только объявилъ освященному собору и сигклиту свое желаніе и, получивъ отъ всѣхъ совершенное согласіе, приказалъ вызвать Филиппа въ Москву будтобы для духовнаго совѣта. Чѣмъ же извѣстенъ былъ Филиппъ до того времени (394)? Онъ происходилъ изъ знатнаго рода Колычевыхъ, родился въ 1507 г. 11-го февраля и названъ Ѳеодоромъ. Отецъ его Стефанъ принадлежалъ къ числу ближнихъ бояръ вел. кн. Василія Іоанновича и засѣдалъ въ государевой Думѣ. Когда подросъ Ѳеодоръ, то взятъ былъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ, но ненадолго. Въ 1537 г., когда Іоанну исполнилось только восемь лѣтъ, а Филиппу тридцать, послѣдній тайно оставилъ дворъ и Москву и удалился въ Соловецкую обитель. Тамъ, чрезъ нѣсколько времени, принявъ постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Филиппа, онъ впродолженіе десяти лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя, послушанія. Возведенный въ санъ игумена (1548 г.), Фи-

(394) Житіе Филиппа хотя написано чрезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ по его смерти, вскорѣ послѣ перенесенія мощей его въ Соловецкую обитель (1591 г.), но нечуждо нѣкоторыхъ хронологическихъ и другихъ несообразностей, какъ замѣтилъ еще Карамзинъ (IX, примѣч. 174 198). Кромѣ того житіе влагаетъ въ уста Филиппа молитвы и рѣчи, обращенныя то къ царю, то къ собору, которыя, по всей вѣроятности, сочинены самимъ авторомъ житія: такова, напримѣръ, рѣчь, которую будтобы сказалъ Филиппъ царю, убѣждая его не учреждать опричины, и которой вовсе не могло быть, такъ какъ опричина учреждена еще до митрополита Филиппа. Списокъ этого житія есть и въ моей библ. въ Сборн. № 83.

липпъ, впродолженіе осьмнадцатилѣтняго управленія Соловецкою обителію, совершенно обновилъ ее. Соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви—Успенія пресв. Богородицы и Преображенія Господня, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи двухъ-и-трехъ-этажныя келліи и больницу. А внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну, посѣтивъ Москву (1550—1551 г.), и заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ игумену граматы на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы, шитыя жемчугомъ, и два покрова на раки угодниковъ соловецкихъ Зосимы и Савватія, а впослѣдствіи прислалъ тысячу рублей на построеніе преображенскаго храма, два колокола, два золотыхъ креста съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ и новыя жалованныя граматы для подтвержденія разныхъ льготъ обители ([395]). Можетъ быть, Іоаннъ, оказавъ Филиппу столько знаковъ своего царскаго благоволенія, разсчитывалъ, что Филиппъ охотно согласится быть въ полной его волѣ и, занимая митрополитскую каѳедру, будетъ постоянно держать его сторону и ни въ чемъ не станетъ ему противорѣчить. Но такой разсчетъ, если только онъ существовалъ, скоро оказался невѣрнымъ.

([395]) Лѣтоп. Соловецкій, стр. 24—35, изд. 3 е, Москв. 1833. А царскія граматы, данныя Филиппу, см. въ Опис. Соловецк. монастыря, *архим. Досиѳея*, въ ч. III.

Когда Филиппъ изъ своей отдаленной обители прибылъ въ Москву, Іоаннъ принялъ его съ великою честію, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ. Но какъ только предложилъ ему, въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ, митрополитскую каѳедру: то Филиппъ сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своихъ силъ и уподобляя себя малой ладьѣ, неспособной носить великой тяжести, а потомъ, будучи «понуждаемъ» царемъ и соборомъ на митрополію, смѣло «сказалъ, чтобы царь и великій князь отмѣнилъ опричину; а не отмѣнитъ, ему-Филиппу митрополитомъ быть невозможно; а если его и поставятъ въ митрополита, онъ затѣмъ оставитъ митрополію». Царь прогнѣвался; но, по челобитью архіепископовъ и епископовъ, отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ «въ опричину и въ царскій домовый обиходъ не вступался, и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ее изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовый обиходъ, а совѣтывалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтывали съ отцемъ его и дѣдомъ». И Филиппъ «далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ: что онъ, по царскому слову и по ихъ благословленію, согласнается стать на митрополію, что въ опричину и въ царскій домовый обиходъ ему не вступаться, а по поставленіи, изъ-за опричины и царскаго домоваго обихода, митрополіи не оставлять». Въ такихъ выраженіяхъ составленъ былъ приговоръ и 20-го іюля подписанъ нареченнымъ на митрополію соловецкимъ игуменомъ Филиппомъ и за нимъ двумя архіепископами и пятью епископами (396). Черезъ пять дней

(396) Собран. Госуд. Грам. I, № 193.

совершилось въ Успенскомъ соборѣ поставленіе митрополита Филиппа, при соучастіи всѣхъ святителей русской земли (и именно: Пимена новгородскаго, Германа казанскаго, Никандра ростовскаго, Елевѳерія суздальскаго, Филоѳея рязанскаго, Симеона смоленскаго, Варлаама коломенскаго, Галактіона сарскаго и Іоасафа пермскаго), кромѣ двухъ: полоцкаго, предъ тѣмъ скончавшагося, и тверскаго Акакія, находившагося въ тяжкой болѣзни. Самъ Іоаннъ присутствовалъ при торжествѣ съ своими дѣтьми и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ ([397]).

Прошло около года, и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался дѣлами Церкви, стараясь, какъ говоритъ его древній біографъ, подражать благому нраву благолюбиваго Макарія митрополита и послѣдовать честнымъ стопамъ его. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ первосвятителя: потому что подозрѣвалъ въ немъ орудіе бояръ, полагая, что, по ихъ-то настроенію, онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричины предъ своимъ поставленіемъ на митрополію ([398]). Въ іюлѣ 1567 г. перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Хоткѣвича къ главнѣйшимъ нашимъ боярамъ, которые будтобы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и пере-

([397]) Алекс.-Невск. Лѣтоп. у *Карамз.* IX, примѣч. 177.

([398]) „Блаженному Филиппу прилежащу о управленіи благовѣрія всего православнаго христіанства..., благій сей нравъ подражая благолюбиваго Макарія митрополита, усердно потщася послѣдовати честнымъ стопамъ его. И въ та времена бысть убо въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ мѣстѣхъ благочиніе веліе..... Сему же бывшу сопряжеся духовная любы православнаго царя съ своимъ богомольцемъ и отцемъ“ (Житіе). *Карамз.* IX, 57, примѣч. 180.

селиться въ Литву. Начались страшныя казни; опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно, на ули ахъ и площадяхъ, человѣкъ по десяти и по двадцати въ день; всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричины, но что сохранилъ за собою право «совѣтывать» государю, и слѣд. ходатайствовать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не дозволялъ проливать неповинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ ([399]). Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ ихъ орудіемъ.

Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами, по выраженію древняго житія св. Филиппа, предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю. Это были: Пименъ архіепископъ новгородскій, Пафнутій епископъ суздальскій, Филоѳей епископъ рязанскій и протоіерей благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то

([399]) Таубе и Крузе, у *Карамз.* IX, 60, примѣч. 189.

проступки. Особенно этотъ послѣдній, т. е. духовникъ царя непрестанно доносилъ ему, тайно и явно, хульныя рѣчи на митрополита ([400]). Время шло, неистовства опричниковъ не прекращались, царь нимало не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать (22-го марта 1568 г.) открытыя, всенародныя обличенія ему ([401]). Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь; здѣсь св. Филиппъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «о державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону: правда—самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу: какъ смертный, не превозносись, а какъ образъ Божій, не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого».... Услышавъ эти обличенія, царь въ ярости сказалъ: «что тебѣ-черпецу за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить?» Филиппъ: «я точно черпецъ; но, по благодати Св. Духа, по избранію свящ. собора и твоему изво-

---

([400])... „сингелъ Благовѣщенскій Евстафій, тогда ему въ запрещеніи отъ святаго по правиломъ, иже и духовникъ царевъ,—сей непрестанно явѣ и тай наносяше рѣчи на страстотерпца Филиппа“ (Житіе).

([401]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 162.

ленію, я пастырь Христовой Церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства». Іоаннъ: «одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію». Филиппъ: «благочестивый царь, наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть». Іоаннъ: «владыко святый, возстали на меня други мои и искренніи мои ищутъ мнѣ зла». Филиппъ: «государь, тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приближь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ доброе, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду». Іоаннъ: «Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ». Филиппъ: «не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ; зачѣмъ лишилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ каноны: дѣлай, какъ хочешь». Царь пошелъ въ свои палаты въ большомъ раздумьи и въ гнѣвѣ на святителя.

Чрезъ нѣсколько времени въ день воскресный царь снова пришелъ въ соборную Успенскую церковь къ божественной службѣ. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно придумалъ для нихъ, и съ высокими шлыками на головахъ. Въ церкви онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на которомъ стоялъ Филиппъ и три раза просилъ его благословенія; но святитель ничего не отвѣчалъ. Тогда бояре сказали: «святый владыко, къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія». Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ: «царь благой, кому поревновалъ ты, принявъ на

себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда: въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе,—а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ: прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою»... Іоаннъ распалился яростію и воскликнулъ: «о Филиппъ, нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами». «Тогда, — отвѣчалъ святитель, — суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики; я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи». Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукою, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ: «ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость». «Я пришлецъ на земли, отвѣчалъ святый, какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана и всякія муки». Тутъ же, въ соборѣ, враги Филиппа, желая унизить его всенародно, подготовили на св. старца самую гнусную клевету, которую подучили произнесть предъ всѣми одного благообразнаго отрока, бывшаго чтецомъ домовой митрополичей церкви. Выслушавъ отрока, Пименъ новгородскій и другіе епископы, угодники царскіе, сказали: «царя укоряетъ, а самъ творитъ такія неистовства». Митрополитъ отвѣчалъ Пимену: «ты домогаешься восхитить чужой престолъ,

но скоро лишишься и своего». А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужденію и изъ страха, простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичихъ: ихъ заключили подъ стражу, пытали, стараясь выѣдать что нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

Іюля 28-го, по случаю праздника въ поводѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. воротъ и хотѣлъ читать Евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю: «чтеніе Слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою; а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?» «Кто такой?»—спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ, не увидѣлъ никого въ тафьѣ, потому что виновный успѣлъ уже спять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа. Но чтобы не возмутить народа, который весьма чтилъ своего архипастыря, задумалъ прежде обвинить его въ какихъ либо преступленіяхъ. А какъ вся жизнь Филиппа въ Москвѣ сіяла одѣми только добродѣтелями, то не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для

разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились клевреты царскіе: суздальскій епископъ Пафнутій, андрониковскій архимандритъ Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ. Они употребили все, и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно нѣкоторыхъ увлекли и въ числѣ ихъ самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. А добрыхъ старцевъ, говорившихъ только истину о Филиппѣ и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго; выслушали обвиненія на него; Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію: «чадо, что сѣешь, то и пожнешь». Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззакопія несчастнаго времени, и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ остановиться и ждать судебнаго приговора. Ноября 8-го, въ день архистратига Михаила, когда св. Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей каѳедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, бояринъ Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочитать вслухъ всего народа соборный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское

облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хотѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе: такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ. Но, по ходатайству духовныхъ властей, согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ-называемый старый. Царь прислалъ къ нему сюда отрубленную голову одного изъ любимыхъ его родственниковъ. Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовію облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ тверскій Отрочь монастырь. Спустя около года, Іоаннъ, путешествуя въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будтобы попросить благословенія на путь. И этотъ злодѣй, вошедши въ келлію страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23-го декабря 1569 г.), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ по ихъ небрежности «отъ неуставнаго зною келейнаго». Скоро Іоаннъ созналъ свою несправедливость противъ св. мужа и излилъ свой гнѣвъ на Соловецкую обитель за оклеветаніе его. Игуменъ Паисій былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь; монахъ Зосима и еще десять иноковъ, тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ ([402]).

([402]) „Итако святый предаде душу свою Господеви, вѣнцемъ мученія увѣнчася

Были у насъ, въ царствованіе Іоанна IV, одинъ за другимъ, еще три митрополита. Но эти уже не рѣшались или, быть можетъ, считали безполезнымъ обличать и убѣждать грознаго царя: такъ какъ опытъ святителя Филиппа показалъ, что всѣ такого рода обличенія не только не могли исправить Іоанна, а еще болѣе ожесточали его. Спустя два дня по низверженіи Филиппа возведенъ былъ (11-го ноября) на митрополитскій престолъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря Кириллъ ([403]). При немъ лютость Іоанна достигла крайнихъ предѣловъ. Не довольствуясь уже тѣмъ, чтобы губить отдѣльныя лица и семейства, онъ началъ изливать гнѣвъ свой на цѣлые города. Торжокъ, Коломна, Клинъ, Тверь, Мѣдный, Вышній Волочекъ, одинъ за другимъ, были ограблены опричниками и опустошены огнемъ и мечемъ по одному лишь подозрѣнію въ ихъ непріязненности и непокорности государю: при этомъ не было никакой пощады и духовенству. Но болѣе всѣхъ испытали на себѣ свирѣпость Іоанна жители Новгорода, на которыхъ было донесено, что они составили уже грамату и готовы передаться польскому королю. Царь самъ прибылъ въ Новгородъ и впродолженіе шести недѣль (отъ 2-го янв. до 13-го февр. 1570 г.) совершалъ свои страшныя казни, отъ которыхъ погибло нѣсколько тысячъ новгородцевъ и окрестныхъ поселянъ. Ограблены были не только жилища гражданъ, особенно богатыхъ, но и всѣ монастыри, всѣ церкви, начиная съ Софійскаго собора: изъ нихъ взяты были, кромѣ казны, священные сосуды, лучшія

въ лѣто 7078 декабря въ 23 день"... и проч. (Житіе). *Карамз.* IX, 60—63, примѣч. 189—205; Лѣтоп. Соловецк. стр. 37.

([403]) П. Соб. Р. Лѣт. III, 162.

иконы, ризы, колокола, и отправлены въ Москву. До пятисотъ игуменовъ, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и старцевъ собраны были изъ всѣхъ новгородскихъ монастырей, всенародно поставлены на правежъ и, по повелѣнію царя, забиты палицами до смерти, а потомъ развезены по своимъ монастырямъ для погребенія. Всѣхъ священниковъ и діаконовъ новгородскихъ церквей заключили въ оковы и ежедневно съ утра до вечера сѣкли на площади, требуя съ каждаго по двадцати рублей пени. Архіепископъ Пименъ, котораго Іоаннъ называлъ главнымъ измѣнникомъ и виновникомъ казней, постигшихъ Новгородъ, подвергся крайнему поруганію: съ него сняли святительскія одежды и сначала отдали его подъ крѣпкую стражу, назначивъ для прокормленія его только по двѣ деньги на день, а потомъ въ худой одеждѣ посадили его на бѣлую кобылу и привязали къ ней ногами, вручили ему бубны и волынку и, какъ шута, возили по улицамъ города. Въ такомъ же видѣ отправленъ былъ несчастный въ Александровскую слободу; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его лишили сана и заточили въ Веневскій монастырь, гдѣ онъ вскорѣ и скончался ([404]). Другое страшное бѣдствіе, случившееся во дни митрополита Кирилла, разразилось надъ Москвою. Пользуясь указаніями нашихъ бѣглецовъ и измѣнниковъ, крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ огромнымъ войскомъ успѣлъ безпрепятственно достигнуть до самой нашей столицы, въ которой, кромѣ собственныхъ жителей, сосредоточилось тогда

([404]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 186. 254–262; Alexandr. Guagnini Moscoviae Descriptio, pag. 35, apud Starczew. vol. I; *Карамз.* IX, примѣч. 308. А Курбскій пишетъ, вопреки лѣтописямъ, будто Іоаннъ еще въ Новгородѣ повелѣлъ утопить Пимена въ рѣкѣ (Сказан. I, 162).

много ратныхъ людей и еще больше окрестныхъ поселянъ, искавшихъ спасенія отъ непріятеля. Ханъ приказалъ (24-го мая 1571 г.) зажечь предмѣстія Москвы въ разныхъ мѣстахъ. Поднялся необычайный вихрь и пламя разомъ охватило весь городъ съ такою силою, что чрезъ три часа его не стало, а народу въ немъ погибло около осьми сотъ тысячъ. Уцѣлѣлъ одинъ кремль. Митрополитъ Кириллъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ просидѣлъ въ церкви Успенія пресвятыя Богородицы (405). Этотъ первосвятитель правилъ митрополіею недолго: только три года и безъ малаго три мѣсяца, и 8-го февр. 1572 г. скончался (406).

Для избранія новаго митрополита съѣхались въ Москву три архіепископа: Леонидъ новгородскій, Корнилій ростовскій и Антоній полоцкій; семь епископовъ: Макарій вологодскій, Варлаамъ суздальскій, Сильвестръ смоленскій, Сергій рязанскій, Савва тверскій, Давидъ коломенскій и Германъ сарскій, множество архимандритовъ и игуменовъ. Но прежде, нежели собравшіеся приступили къ своему главному дѣлу, царь Іоаннъ Васильевичъ пригласилъ ихъ къ себѣ, билъ предъ ними челомъ и просилъ у нихъ прощенія и разрѣшенія по случаю своего четвертаго брака, въ который онъ уже вступилъ самовольно. «Первую мою жену, говорилъ царь, Анастасію, съ которою я жилъ тринадцать съ половиною лѣтъ, злые люди отравили; вторую—Марію, послѣ осмилѣтней супружеской жизни, также отравили; третью—Марѳу испортили еще до вѣнца, и хотя я женился на ней въ надеждѣ ея выздоровле-

(405) Никон. Лѣт. VII, 313; Хронограф. у *Карамз.* IX, примѣч. 356.
(406) П. Собр. Р. Лѣт. III, 169.

нія, но чрезъ двѣ недѣли она скончалась, сохранивъ ненарушимымъ свое дѣвство. Въ глубокой скорби я хотѣлъ-было облечься въ иноческій образъ; но, видя бѣдствія государства и еще несовершенный возрастъ моихъ дѣтей, дерзнулъ пріобщиться четвертому браку. И нынѣ умиленно прошу святительскій соборъ простить меня и разрѣшить и молиться о грѣхѣ моемъ». Рѣчь Іоанна и его смиреніе и скорбь глубоко тронули и прослезили слышавшихъ. И они немедленно сдѣлали соборное засѣданіе въ храмѣ Успенія пресвятыя Богородицы, прочитали и обсудили церковныя правила относительно троеженцевъ и четвероженцевъ и постановили: благовѣрнаго царя, ради его теплаго умиленія и покаянія, простить и разрѣшить; но для очищенія грѣховъ наложить на него трехлѣтнюю епитимію. Въ первый годъ ему совсѣмъ не входить въ церковь до Пасхи (это соборное опредѣленіе состоялось 29-го апрѣля, слѣдовательно вскорѣ послѣ Пасхи); на Пасху духовникъ разрѣшитъ ему войти въ церковь, подойти къ принятію антидора и вкушать пасху. Во второй годъ царю стоять въ церкви съ припадающими, а на Пасху духовникъ разрѣшитъ ему вкушеніе и антидора и пасхи. На третій годъ стоять царю въ церкви съ вѣрующими, и когда уже придетъ третья Пасха, духовникъ совершенно разрѣшитъ его и удостоитъ пріобщиться св. Христовыхъ таинъ. Но если государь пойдетъ войною противъ невѣрныхъ за св. церкви и за православную вѣру, въ такомъ случаѣ епитимія ему разрѣшается; а примутъ ее на себя на три года его богомольцы, весь освященный соборъ. Изъ прочихъ же людей, кто бы они ни были, никто да не дерзнетъ сочетаваться четвертому браку; въ противномъ случаѣ будетъ преданъ прокля-

гію ([107]). Надобно еще удивляться, какъ присутствовавшіе на соборѣ, зная характеръ Іоанна, осмѣлились, если не расторгнуть его своевольный четвертый бракъ, то наложить на царя такую тяжкую епитимію и на три года отлучить его отъ святѣйшаго таинства евхаристіи. Впрочемъ, Іоаннъ хотя и подчинился—было соборной епитиміи, но только на самое короткое время. Черезъ мѣсяцъ отправившись въ Новгородъ и заѣхавъ (31-го мая) въ Хутынъ монастырь, онъ дѣйствительно не входилъ въ церковь, а стоялъ у церковныхъ дверей, пока царевичи слушали въ церкви молебствіе. Но 7-го августа, получивъ въ Новгородѣ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной нашими войсками надъ крымскими татарами неподалеку отъ Москвы, отправился въ Софійскій соборъ на молебенъ, а 15-го августа присутствовалъ въ томъже соборѣ и за литургіею ([108]). Этого мало: прошло два-три года, и царь развелся съ своею четвертою женою, отпустивъ ее въ монастырь, а самъ женился на пятой женѣ (ок. 1575 г.) и вскорѣ потомъ на шестой и на седьмой (въ сентябрѣ 1580 г.), и все это дѣлалъ безъ всякаго разрѣшенія со стороны церковной власти и не считалъ нужнымъ даже просить у нея прощенія и молитвъ, какъ просилъ по вступленіи въ четвертый бракъ ([109]).

Рѣшивъ вопросъ о четвертомъ бракѣ царя Іоанна, соборъ немедленно занялся избраніемъ митрополита, и въ маѣ 1572 г. избранъ и поставленъ на русскую митрополію одинъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ, именно архіепископъ полоцкій Антоній ([110]).

([107]) А. Э. I, № 284.
([108]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 170–171. 173. 174.
([109]) *Карамз.* IX, 162. 187, примѣч. 494.
([110]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 169–170; *Карамз.* IX, 115, примѣч. 380. 612.

При этомъ митрополитѣ снова поднятъ былъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Мы уже знаемъ, что Стоглавый соборъ, оградивъ неприкосновенность прежнихъ владѣній духовенства, постановилъ только, чтобы ни владыки, ни монастыри *не покупали* себѣ новыхъ владѣній и никто имъ *не продавалъ* владѣній безъ доклада царю. А жертвовать владыкамъ или на монастыри вотчины, даже безъ доклада царю, соборъ никому не запрещалъ. Теперь, по приказу государеву, митрополитъ Антоній и весь освященный соборъ и всѣ бояре въ 9-й день окт. 1573 г. приговорили слѣдующее: «въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впредь вотчинъ не жертвовать и не записывать за монастырями; но вотчины, прежде пожертвованныхъ на монастыри, вотчичамъ не выкупать. Если же будутъ давать вотчины малымъ монастырямъ, у которыхъ земель мало, тѣ вотчины записывать за монастырями, только не иначе, какъ съ доклада государю и по приговору боярскому» ([111]). Чрезъ шесть лѣтъ царь нашелъ нужнымъ потребовать отъ духовенства новыхъ уступокъ. Съ наступленіемъ 1580 года въ Москвѣ открылся соборъ, на которомъ присутствовали, подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, всѣ русскіе архіереи, множество настоятелей монастырей и другихъ старцевъ. Іоаннъ объявилъ собору, что отечество въ опасности, что противъ него совокупились многочисленные враги—Турки, Крымцы, Ногаи, Литва, Польша, Нѣмцы и Шведы, и угрожаютъ потребить самое православіе; что для защиты вѣры и отечества отъ этихъ враговъ необходимы средства, которыя поистощились въ предшествовавшія войны,—между тѣмъ какъ у владыкъ и монастырей много вот-

([111]) А. И. I, № 154, стр. 270.

чинъ, много излишняго богатства, нерѣдко употребляемаго только на недостойную жизнь. Отцы собора, поболѣвъ съ благочестивымъ государемъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ отечества и выразивъ желаніе, чтобы воинскій чинъ крѣпче ополчился на брань противъ враговъ креста Христова, опредѣлили: «а) отчинъ, какія доселѣ состояли при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, не отнимать и никому не выкупать; но—б) отъ сего дня (15-го января) вотчинникамъ своихъ вотчинъ въ поминъ души уже не раздавать по монастырямъ, а давать за нихъ въ монастыри только деньги, сколько какое село будетъ стоить; самыя же вотчины передавать родовымъ наслѣдникамъ, хотябы и дальнимъ; а если у кого не окажется и дальнихъ родственниковъ, тогда вотчины брать на государя за денежное вознагражденіе изъ казны; в) митрополиту, и владыкамъ, и монастырямъ не покупать себѣ земель и не принимать ихъ подъ залогъ; а если кто и послѣ сего уложенія купитъ землю или начнетъ держать подъ залогомъ, то земли тѣ брать на государя безденежно; даже и тѣ земли, которыя нынѣ состоятъ въ залогѣ за владыками и монастырями, отобрать на государя; а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ; г) равно и въ вотчинахъ княжескихъ, которыя прежде сего жертвованы были владыкамъ и монастырямъ, воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ; а впредь княжескихъ вотчинъ не принимать; если же кто возметъ безъ вѣдома государева, тѣ вотчины отобрать безденежно на государя; даже и тѣ княжескія вотчины, которыя были доселѣ куплены, взять на государя; а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожа-

луетъ; д) впередъ митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель себѣ не прибавлять никакимъ образомъ, жить только на тѣхъ земляхъ, что нынѣ за ними; а у кого мѣсто убогое: земли будетъ мало или вовсе не будетъ, тотъ пусть бьетъ челомъ государю, и государь, приговоря съ митрополитомъ соборнѣ и съ боярами, устроитъ тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже, чтобы онъ могъ существовать». Соборная грамата была утверждена печатью государя, печатями и подписью митрополита и владыкъ, наконецъ подписью настоятелей и старцевъ, присутствовавшихъ на соборѣ [412]. Спустя одинъ годъ послѣ этого собора митрополитъ Антоніи скончался [413].

На его мѣсто избранъ и поставленъ (въ февралѣ 1581 г.) игуменъ Хутынскаго монастыря Діонисій. Этому первосвятителю выпалъ жребій постричь царя Іоанна, предъ самою его смертію, въ монашество подъ именемъ Іоны и погребсти его (ум. 18-го марта 1584 года), а потомъ вѣнчать и муропомазать на царство Ѳеодора Іоанновича (31-го мая). Вскорѣ по воцареніи Ѳеодора, въ Москвѣ созванъ былъ (20-го іюля) соборъ знатнѣйшаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ митрополита Діонисія, точно такойже, какой былъ въ 1580 г., по тѣмъже самымъ побужденіямъ и съ тоюже цѣлію. Этотъ новый соборъ, обдумывая средства, какъ бы пособить государству въ его нуждахъ, прежде всего подтвердилъ всѣ постановленія собора 1580 года относительно церковныхъ вотчинъ. Затѣмъ, принявъ во вниманіе, что митрополитъ, владыки и монастыри, по силѣ тарханныхъ граматъ, не пла-

(412) Собр. Госуд. Грам. I, № 200. Напечатана эта грамата и въ А Э. I, № 308, но съ пропусками и далеко не вся.

(413) *Карамз.* IX, 274; Собр. Госуд. Грам. II, стр. 69; П. Собр. Р. Лѣт. III, 263.

тятъ съ своихъ земель никакихъ государственныхъ податей и земскихъ сборовъ, а земли тѣ оплачиваютъ служилые воинскіе люди, отъ чего и терпятъ великіе убытки, и что крестьяне отъ служилыхъ людей переходятъ на церковныя земли, чтобы, по тѣмъже тарханнымъ граматамъ, пользоваться льготою, отъ чего еще болѣе оскудѣваютъ воинскіе люди, опредѣлилъ: а) отселѣ, и именно съ 1-го сентября, остановить на время дѣйствіе тарханныхъ граматъ, ради оскудѣнія воинскаго чина, до государева указа, пока земля не поустроится, и платить царскія подати и земскіе сборы со всякихъ тарханныхъ земель, и церковныхъ, и боярскихъ, и княжескихъ, наравнѣ со всѣми земскими и служилыми людьми; б) платить оброкъ, впредь до государева указа, и за право торговли, какъ всякимъ людямъ, такъ и имѣющимъ тарханы (слѣдовательно и церковнымъ), чтобы государевой казнѣ убытку не было; в) людей торговыхъ, съ которыхъ идутъ царскія дани, въ закладчикахъ у себя не держать никому, ни изъ духовныхъ лицъ, ни изъ мірскихъ. Соборная грамата о всемъ этомъ, подобно граматѣ собора 1580 г., была утверждена печатью государя, печатями всѣхъ владыкъ и подписями какъ владыкъ, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, настоятелей монастырей и старцевъ ([414]).

Митрополитъ Діонисій слылъ въ свое время за человѣка очень умнаго и образованнаго, почему и названъ въ лѣтописи «премудрымъ грамматикомъ». Обладалъ онъ и силою воли и характера, какъ показываютъ его дѣйствія по отношенію къ шурину царя Ѳеодора, Борису Годунову. Облеченный неограничен-

([414]) Собр. Госуд. Грам. I, № 202; II, стр. 69; Ник. Лѣт. VIII, 4. 6.

нымъ довѣріемъ монарха и заправляя всѣми дѣлами государства съ неограниченною властію, Борисъ тѣмъ самымъ возбуждалъ къ себѣ зависть и непріязнь между другими боярами, во главѣ которыхъ стояли Шуйскіе. По долгу пастыря и въ видахъ общественной пользы митрополитъ старался примирить Шуйскихъ съ Борисомъ и дѣйствительно примирилъ въ своемъ домѣ. Но когда оказалось, что Борисъ примирился притворно и вслѣдъ затѣмъ сослалъ, неизвѣстно куда, двухъ купцовъ, приверженныхъ къ Шуйскимъ; тогда митрополитъ не устрашился перейти на сторону Шуйскихъ съ цѣлію отдалить Бориса отъ государя и лишить власти. Для этого въ 1586 году митрополитъ и Шуйскіе, вмѣстѣ съ другими боярами и московскими купцами, письменно условились между собою бить челомъ царю Ѳеодору, чтобы онъ развелся съ сестрою Борисовою—Ириною, какъ безплодною, а женился на другой, отъ которой могъ бы имѣть наслѣдника себѣ для блага Россіи. Къ счастію Бориса, онъ вовремя узналъ о замыслѣ противъ него и словами кротости убѣдилъ митрополита оставить это дѣло, объясняя, что Ирина, при своихъ молодыхъ лѣтахъ, можетъ еще имѣть дѣтей, и обѣщаясь не мстить никому изъ участвовавшихъ въ замыслѣ. Митрополитъ повѣрилъ и былъ обманутъ. Скоро, по наущенію Бориса, слуга Шуйскихъ подалъ на нихъ извѣтъ, будтобы они съ своими друзьями и нѣкоторыми купцами затѣяли измѣнить государю. Началось разслѣдованіе и хотя клевета не подтвердилась ничѣмъ, но Шуйскіе и другіе бояре были разосланы въ отдаленныя мѣста на заточеніе, а нѣсколько купцовъ обезглавлены. Тогда митрополитъ, вмѣстѣ съ крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, смѣло явились предъ лице Ѳеодора,

говорили ему о неправдахъ Годунова, называли его клеветникомъ и тираномъ, обличали и самого царя въ слабости и излишней довѣренности къ честолюбцу. Напрасно: хитрый Борисъ съумѣлъ извернуться предъ государемъ, дѣйствительно въ высшей степени слабымъ, и еще оболгалъ предъ нимъ самого митрополита и крутицкаго владыку. Оба они были лишены своихъ каѳедръ (1587 г.) и сосланы въ новгородскіе монастыри, Діонисій въ Хутынь, а Варлаамъ въ Антоніевъ, гдѣ и скончались ([415]). На каѳедру митрополитскую былъ возведенъ ростовскій архіепископъ Іовъ, который впрочемъ недолго носилъ имя митрополита, и вскорѣ началъ собою рядъ русскихъ патріарховъ.

([415]) П. Собр Р. Лѣт. III, 263; IV, 320; Ник. Лѣт. VIII, 8—10; *Карамз.* X, примѣч. 146—148.

ГЛАВА III.

РАЗШИРЕНІЕ МОСКОВСКОЙ МИТРОПОЛІИ И ЕЯ ЕПАРХІЙ.

По раздѣленіи русской Церкви на двѣ митрополіи, замосковскою митрополіею остались только тѣ епархіи, которыя находились во владѣніяхъ московскаго или собственно русскаго государства. Это были, кромѣ митрополичьей, московско-владимірской, слѣдующія восемь епархій: новгородская, ростовская, суздальская, рязанская, тверская, сарская, коломенская и пермская. Съ теченіемъ времени московская митрополія болѣе и болѣе разширяла свои предѣлы: частію чрезъ распространеніе святой вѣры въ самой Россіи, на сѣверныхъ ея окраинахъ, въ епархіяхъ, уже существовавшихъ, пермской и новгородской, а частію чрезъ распространеніе святой вѣры въ новыхъ областяхъ, какія пріобрѣтала Россія своимъ оружіемъ на востокѣ и западѣ, чрезъ учрежденіе въ нихъ новыхъ епархій и чрезъ возвращеніе прежнихъ.

Святый Стефанъ, просвѣтитель и первый епископъ Перми, положилъ въ ней прочныя основанія христіанства. Но епархія его обнимала одну такъ-называвшуюся *старую* Пермь и вообще селенія Зырянъ, лежавшія по рѣкамъ Вычегдѣ и Вымн, въ нынѣшнихъ уѣздахъ сольвычегодскомъ, яренскомъ,

устьсысольскомъ и отчасти мезенскомъ. А *великая* Пермь, простиравшаяся по рѣкамъ Вишерѣ, Камѣ и Чусовой, въ нынѣшнихъ уѣздахъ чердынскомъ, соликамскомъ и отчасти верхотурскомъ и оханскомъ, оставалась еще въ язычествѣ ([416]). Не сохранилось извѣстій о первыхъ двухъ преемникахъ святаго Стефана, Исаакіѣ и Герасимѣ, продолжали ли они распространять вѣру между племенами зырянскими, или заботились только охранить и утвердить то, что сдѣлано Стефаномъ ([417]). Но два послѣдующіе пермскіе епископа, Питиримъ и Іона оставили о себѣ память и своими благовѣстническими подвигами. Первый, извѣстный уже намъ, какъ составитель канона святителю московскому Алексію и краткаго житія его, часто обозрѣвая свою обширную епархію и преодолѣвая безчисленныя препятствія, успѣлъ обратить къ св. вѣрѣ Вогуличей, кочевавшихъ по притокамъ Печоры. Это возбудило противъ него сильную злобу въ князѣ Вогуличей—Асыкѣ. Пылая мщеніемъ, Асыка сдѣлалъ внезапное нападеніе на городъ Усть-Вымь въ то время, когда Питиримъ, вмѣстѣ съ жителями города, послѣ божественной литургіи, совершалъ крестный ходъ и молебствіе на мысѣ при сліяніи рѣкъ Выми и Вычегды. Безоружные богомольцы поспѣшили разбѣжаться, и святитель былъ замученъ и умерщ-

---

([416]) *О старой и великой* Перми—въ Книгѣ Большому Чертежу, стр. 150. 199, С. п б. 1838. Снес. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, XXIX, отд. III, 45—50.

([417]) Исаакій поставленъ во епископа Перми 8-го сентября 1397 года (П. Соб. Р. Лѣт. VI, 130) и упоминается въ 1416 году (—III, 106). Герасимъ присутствовалъ въ 1441 году на соборѣ по дѣлу митрополита Исидора (—VI, 161. 166; А. И. I, № 39, стр. 74). По мѣстнымъ запискамъ, этотъ епископъ „генваря въ 21 день (въ какомъ году неизвѣстно) удушенъ бысть отъ своихъ домочадецъ, отъ подьяковъ“, а по другимъ, удавленъ омофоромъ своимъ отъ слуги своего Вогулича (Вологод. Епарх. Вѣдомости за 1864, прибавл. стр. 19—20, примѣч. 30; за 1865, прибавл. стр. 694—695. 700).

вленъ дикарями въ 19-й день августа 1455 года ([418]). Еще болѣе успѣха имѣлъ св. епископъ Іона (1455—1470). Онъ обратилъ къ христіанству всю великую Пермь и, по выраженію лѣтописца, «добавилъ крести» ее; поставилъ въ ней церкви и священниковъ. Въ числѣ обращенныхъ находился и самъ князь великой Перми, названный въ крещеніи Михаиломъ, который своимъ вліяніемъ весьма много могъ способствовать успѣху проповѣди между его подданными ([419]). Но, принявъ христіанскую вѣру, Зыряне, подобно другимъ новопросвѣщеннымъ язычникамъ, не вдругъ усвоили себѣ самый ея духъ и оставили свои прежнія вѣрованія и обычаи. Преемникъ святаго Іоны Филоѳей (1471—1501), хотя цѣлыя тридцать лѣтъ старался искоренить между ними остатки язычества, нарочно изучилъ зырянскій языкъ, чтобы удобнѣе поучать ихъ, писалъ къ нимъ окружныя пастырскія посланія, не могъ однакожъ достигнуть вполнѣ своей желанной цѣли, такъ какъ самые священники мало ему въ томъ содѣйствовали. Спустя около трехъ мѣсяцевъ послѣ оставленія Филоѳеемъ своей каѳедры и удаленія на покой, митрополитъ Симонъ писалъ (отъ 22-го августа 1501 года) пермскому духовенству: «слышу о васъ, что вы о церковномъ исправленіи нерадите, о своихъ духовныхъ дѣтяхъ небрежете, душевной пользы не ищете, многіе новокрещенные люди, ваши дѣти

([418]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 147; V, 271; VI, 180; Ник. Лѣт. V, 278; Вологод. Епарх. Вѣдом. за 1865, прибавл. стр. 702—705. Въ 1447 и 1448 годахъ Питиримъ участвовалъ въ Москвѣ на соборахъ (А. И. I, № 40; П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 122).

([419]) Типограф. Лѣтоп. подъ 1462 годомъ; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1463 годомъ. Епископъ этотъ упоминается въ актахъ 1459 и 1461 г. (А. И. I, №№ 272. 69).

духовныя, смотря на васъ, соблазняются и творятъ тоже, ядятъ и пьютъ въ праздники до обѣда, да и женятся незаконными браками въ племени и совершаютъ другія богомерзскія дѣла по древнему обычаю; а вы имъ напрѣко того не возбраняете. И прежде *неоднократно посылалъ вамъ о томъ свои граматы епископъ Пермскій Филоѳей*, поучая васъ, чтобы вы воздерживались отъ рапояденія и питья, а дѣтей своихъ духовныхъ, новокрещенныхъ христіанъ, учили закону Божію, вѣрѣ христіанской; но вы о всемъ этомъ небрегли и не слушались поученій своего епископа». Затѣмъ митрополитъ убѣждалъ пастырей Церкви обратиться къ благочестію, управлять себя по заповѣдямъ Христовымъ, заботиться о своихъ духовныхъ дѣтяхъ и учить ихъ, чтобы они жили по закону великаго православія, не творили беззаконныхъ браковъ и престали отъ всѣхъ древнихъ богонепавидимыхъ дѣлъ. Въ тоже время митрополитъ писалъ ко всѣмъ жителямъ Перми и князю ихъ Матѳею Михаиловичу, какъ къ людямъ новокрещеннымъ, наставлялъ ихъ держать вѣру христіанскую «честно, твердо и неподвижно», посѣщать храмы Божіи, чтить своихъ отцевъ духовныхъ, соблюдать посты, и убѣждалъ, чтобы они «кумирамъ не служили, и Воипелю болвану не молились по древнему обычаю, и всѣхъ вообще тризнъ не творили идоламъ, и незаконныхъ браковъ не чинили», а женились бы по закону христіанскому ([420]). Естественно также, если и между пермяками, какъ случалось между другими язычниками, обращавшимися къ христіанству, находи-

([420]) А. И. I, № 112; Вологод. Епарх. Вѣд. за 1865 г., прибавл. 726. 737. 738.

лись люди, которые не хотѣли слѣдовать общему примѣру и долго упорствовали въ своей прежней вѣрѣ. «Досель еще между ними встрѣчаются кое-гдѣ въ лѣсахъ многіе идолопоклонники,—писалъ Герберштейнъ уже послѣ 1526 года,—но монахи и пустынники, отправляясь туда, не перестаютъ обращать ихъ отъ заблужденія и ложнаго культа» ([421]).

Въ то время, какъ совершалось и оканчивалось просвѣщеніе Зырянъ въ великой Перми трудами святителей пермской епархіи, начиналось обращеніе къ христіанству и другихъ финскихъ племенъ, живущихъ сѣвернѣе, по берегамъ Бѣлаго моря и сѣвернаго океана, въ предѣлахъ новгородскихъ владѣній и епархіи. Честь этого начинанія принадлежитъ Соловецкому монастырю, основанному преподобными—Германомъ, Савватіемъ и Зосимою (1429—1436). Сначала окрестные Корелы смотрѣли непріязненно на св. отшельниковъ и хотѣли вытѣснить ихъ съ Соловецкаго острова, на которомъ они поселились. Но когда обитель устроилась и наполнилась инока-ми; когда слава о добродѣтеляхъ преподобнаго Зосимы, управлявшаго обителію цѣлыя двадцать шесть лѣтъ (1452—1478), разнеслась повсюду, тогда *многіе* изъ окрестныхъ дикарей сами приходили къ нему, принимали св. крещеніе и даже постригались въ монашество: такъ свидѣтельствуетъ современникъ и ученикъ препод. Зосимы Досиѳей, бывшій послѣ него нѣсколько времени игуменомъ (1482 г.), хотя и не говоритъ, кто же именно проповѣдывалъ имъ св. вѣру и какъ велико было число крестившихся ([422]). Съ первой

([421]) У *Старчевск.* vol. I, 58.

([422]) *Максим. грека* Предисл. къ житію Солов. чудотворцевъ, въ III части сочиненій его, стр. 265; *Досиѳ.* Опис. Соловецк. монастыря, I, 40. 53.

четверти XVI столѣтія случаи обращенія Кореловъ и Лопарей стали повторяться чаще и сдѣлались значительнѣе. Въ 1526 году Лопари съ Кандалажской губы (одного изъ заливовъ Бѣлаго моря) сами присылали въ Москву уполномоченныхъ къ великому князю Василію Іоанновичу и просили антиминса и священниковъ, которые бы просвѣтили ихъ св. крещеніемъ и освятили для нихъ церковь. Государь приказалъ новгородскому архіепископу Макарію отправить къ нимъ изъ новгородскаго собора священника и діакона, и эти лица, прибывъ по назначенію, крестили многихъ Лопарей и освятили для нихъ церковь во имя рождества св. Іоанна Крестителя. Черезъ шесть лѣтъ другіе Лопари съ Мурманскаго моря (сѣвернаго океана), съ рѣкъ Колы и Тутоломы, обратились непосредственно къ архіепископу Макарію и также просили себѣ антиминсовъ и священниковъ. Опять посланы были изъ новгородскаго собора священникъ и діаконъ и крестили многихъ Лопарей за святымъ Носомъ (одинъ изъ мысовъ сѣвернаго океана при входѣ въ Бѣлое море) и освятили для нихъ двѣ церкви: во имя благовѣщенія пресвятыя Богородицы и во имя святителя Николая ([423]). Около половины XVI вѣка Лопари съ рѣки Поноя (впадающей въ Бѣлое море съ сѣверо-запада) и другіе, имъ сосѣдніе, били челомъ Іоанну Васильевичу IV, чтобы онъ повелѣлъ поставить имъ церковь для ихъ крещенія: и великій князь повелѣлъ построить имъ церковь на рѣкѣ Поноѣ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, и пожаловалъ въ нее иконы и книги, колокола и ризы и всякую утварь. И многіе Лопари крестились, а другіе не

([423]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 282. 289.

успѣли креститься, потому что церковь та «отъ насильства сильныхъ людей» запустѣла. Тогда Лопари снова прибѣгли къ государю съ прежнею просьбою, и государь (отъ 20-го февраля 1575 г.) послалъ грамату старцу Феогносту, чтобы онъ устроилъ для нихъ по старинѣ церковь первоверховныхъ апостоловъ, а при церкви устроилъ и священника, чтобы крестилъ тѣхъ изъ нихъ, которые еще не крещены, и накрѣпко оберегалъ ихъ отъ притѣсненій сильныхъ людей, отъ царскихъ данщиковъ, посланниковъ и другихъ. Чрезъ шесть лѣтъ, когда церковь эта осталась безъ причта, Троицко-Сергіевъ монастырь принялъ на себя обязательство содержать и ее и при ней священника, дьячка и пономаря подъ тѣмъ условіемъ, если монастырю отдана будетъ на оброкъ половина рѣки Поноя съ рыбною ловлею, принадлежащая церкви: царь утвердилъ условіе своею граматою (16-го апрѣля 1581 г.) (424).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти Лопари, которые сами просили себѣ священниковъ и крещенія, уже были подготовлены къ тому и еще прежде слышали евангельскую проповѣдь. Отъ кого же они могли слышать ее? Всего скорѣе отъ иноковъ Соловецкаго монастыря. Монастырь Соловецкій имѣлъ много вотчинъ во всемъ поморскомъ прибрежьи между поселеніями Кореловъ и Лопарей. При вотчинахъ находились дворы, въ которыхъ жили обыкновенно монастырскіе старцы для завѣдыванія промыслами и угодьями (425). Эти-то старцы, при постоянныхъ сношеніяхъ съ дикарями, могли мало по

(424) А. Э. I, №№ 288. 309.

(425) Граматы на вотчины Соловецкаго монастыря въ тѣхъ мѣстахъ напечатаны въ Опис. Солов. монаст., *Досиѳея*, ч. III.

малу знакомить ихъ съ христіанскими вѣрованіями и располагать къ принятію крещенія. Но кромѣ того извѣстны и по именамъ два достопамятные инока, которые дѣйствительно потрудились въ дѣлѣ просвѣщенія св. вѣрою жителей Лапландіи: это были Ѳеодоритъ и Трифонъ.

Ѳеодоритъ родился въ Ростовѣ; на тринадцатомъ году удалился изъ дому родительскаго въ Соловецкій монастырь, а на четырнадцатомъ принялъ тамъ постриженіе въ монашество ([426]). Черезъ пятнадцать лѣтъ, проведенныхъ подъ руководствомъ опытнаго старца Зосимы, рукоположенъ въ іеродіакона и вскорѣ, за благословеніемъ его, отправился къ препод. Александру Свирскому въ его обитель, обходилъ всѣ заволжскіе монастыри, прожилъ около двухъ лѣтъ въ кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ и около четырехъ въ тамошней пустынѣ вмѣстѣ съ другими подвижниками и, между ними, съ Порфиріемъ, прежде бывшимъ игуменомъ Сергіевой лавры. Это могло быть не прежде, какъ въ 1525—1529 г., потому что игуменство Порфирія въ лаврѣ кончилось въ 1524 году ([427]). Возвратившись на Соловки по письму своего старца, уже приближавшагося къ смерти, и вскорѣ отдавъ ему послѣдній долгъ, Ѳеодоритъ удалился рѣкою Колою въ страну дикихъ Лопарей, взошелъ на высокія горы и поселился въ пустынныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ. Тамъ встрѣтилъ онъ другаго пустынника, по имени Митрофана, и провелъ съ нимъ въ совершенномъ уединеніи около

([426]) Свѣдѣнія о Ѳеодоритѣ сообщаетъ бывшій духовный сынъ его Курбскій; но эти свѣдѣнія нечужды хронологическихъ неточностей и отличаются крайнимъ пристрастіемъ къ достоинствамъ Ѳеодорита (Сказ. I, 167—187).

([427]) Опис. Сергіев. Лавры, стр. 76—78.

двѣнадцати лѣтъ, питаясь суровыми зеліями и кореньями. Потомъ около 1540 года оба они отправились въ Новгородъ, гдѣ Ѳеодоритъ удостоился получить санъ іеромонаха отъ архіепископа Макарія и два года былъ его духовникомъ, можетъ быть, пока Макарій не былъ возведенъ на митрополію (въ 1542 г.) ([128]). Собравъ въ Новгородѣ отъ богатыхъ людей довольно денегъ, пустынникъ опять отошелъ въ свою пустыню на рѣку Колу, уже съ нѣкоторыми другими, и у самого устья ея создалъ монастырь, построилъ церковь во имя Пресвятыя Троицы, собралъ иноковъ, далъ имъ общежительный уставъ. Тогда-то уже занялся старецъ проповѣдію Евангелія окрестнымъ дикарямъ. Проповѣдь его имѣла успѣхъ потому особенно, что онъ зналъ ихъ языкъ и перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы съ славянскаго. Всѣхъ оглашенныхъ и желавшихъ креститься онъ крестилъ самъ ([129]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ число оглашенныхъ и наученныхъ имъ Лопарей возросло до того, что въ одинъ день крестилось ихъ около двухъ тысячъ съ женами и дѣтьми. Къ сожалѣнію, просвѣтительная дѣятельность Ѳеодорита была прервана. Иноки основанной имъ обители, недовольные строгостію монастырскихъ правилъ, возстали противъ него и съ насиліемъ

([128]) Курбскій говоритъ, будто Ѳеодоритъ провелъ въ пустынѣ съ Митрофаномъ „яко двадесять лѣтъ“ (—173). Но въ такомъ случаѣ онъ прибылъ бы въ Новгородъ ок. 1550 года и уже не нашелъ бы тамъ *архіепископа* Макарія. Потому мы, вмѣсто числа „двадесять“, признали за болѣе вѣроятное „двенадесять“.

([129]) *Курбск.* Сказан. I, 174. 175. Слѣдовательно Лопари, которые въ 1526 и 1532 годахъ сами обращались въ Москву и Новгородъ съ просьбами о крещеніи ихъ, вовсе не были изъ числа обращенныхъ Ѳеодоритомъ (вопреки *Филар.* Истор. Р. Церкви, III, § 9), да и не могли быть: потому что Ѳеодоритъ тогда еще не начиналъ дѣла своей проповѣди.

изгнали его не только изъ монастыря, но изъ самой страны. Послѣ этого Ѳеодоритъ около двухъ лѣтъ былъ игуменомъ какой-то небольшой новгородской обители; по ходатайству за него предъ царемъ троицкаго игумена Артемія (слѣд. въ 1551 г.) сдѣланъ былъ архимандритомъ суздальскаго Евѳиміева монастыря, которымъ управлялъ будтобы отъ четырехъ до пяти лѣтъ; оклеветанный въ единомысліи съ Артеміемъ, котораго обвиняли въ ереси (1554 г.), сосланъ былъ въ кирилло-бѣлозерскій монастырь; въ 1557 г. отправляемъ былъ царемъ въ Константинополь, откуда привезъ патріаршую грамату, благословлявшую и утверждавшую царское вѣнчаніе Іоанна, и наконецъ поселился въ вологодскомъ Прилуцкомъ монастырѣ ([430]). Но и отсюда, не смотря на свои преклонныя лѣта, добрый старецъ два раза предпринималъ дальній путь къ своимъ любезнымъ Лопарямъ, объѣзжалъ ихъ жилища по непроходимымъ пустынямъ, странствуя во время лѣта по рѣкамъ и морямъ, а зимою на оленяхъ, и прежде крещенныхъ утверждалъ въ истинномъ благочестіи, а еще некрещенныхъ старался просвѣтить евангельскою проповѣдію ([431]).

Другой просвѣтитель Лопарей, Трифонъ родился 1495 г. въ новгородскихъ предѣлахъ или, по инымъ сказаніямъ, близъ Торжка и былъ сынъ священника ([432]). Съ юныхъ лѣтъ онъ

([430]) О посылкѣ въ 1557 г. бывшаго архимандрита суздальскаго Евѳиміева монастыря, Ѳеодорита, въ Царьградъ говорятъ и лѣтописи (*Карамз*, VIII, примѣч. 587, стр. 81; Степ. Кн. II, 286—287).

([431]) Курбскій прибавляетъ о кончинѣ Ѳеодорита, что онъ, по однимъ извѣстіямъ, утопленъ въ рѣкѣ по приказанію грознаго царя, а по другимъ—умеръ тихою и спокойною смертію (Сказан. I, 188).

([432]) Житіе Трифона напечатано въ Прав. Собесѣдн. 1859, II, 89—120.

чувствовалъ въ себѣ влеченіе къ уединенной жизни и часто удалялся изъ дому родительскаго въ пустыню для богомыслія. Наконецъ, совсѣмъ покинувъ родину, онъ отошелъ на дальній сѣверъ къ Лопарямъ, жившимъ еще за Колою по рѣкѣ Печенгѣ, у нынѣшняго Нордъ-Капа. Эти люди находились на самой низкой степени дикости. Они боготворили гадовъ, ночныхъ нетопырей и другихъ ползающихъ животныхъ. Жилища ихъ были разбросаны по гористымъ и болотнымъ мѣстамъ, въ разстояніи одно отъ другаго верстъ на сто и болѣе. Этимъ-то дикарямъ рѣшился возвѣстить Трифонъ слово спасенія. Долгое время они и особенно ихъ кебуны или жрецы противились проповѣднику, вступали съ нимъ въ пренія; многократно били его жестоко и угрожали ему смертію, если не удалится отъ нихъ; неразъ даже дѣйствительно приходили къ нему съ дреколіемъ, чтобы его убить. Но онъ укрывался въ горы и разсѣлины и все переносилъ для имени Христова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ достигъ, наконецъ, своей цѣли: огласилъ проповѣдію Лопарей, не только по рѣкамъ Печенгѣ и Пазъ (Паэсъ), но и всѣхъ, жившихъ въ той странѣ; однакожъ не крестилъ ихъ, потому что не имѣлъ сана священства. Тогда онъ отправился въ Новгородъ, выпросилъ у архіепископа благословенную грамату на построеніе церкви, привелъ мастеровъ и соорудилъ храмъ на рѣкѣ Печенгѣ во имя Пресвятыя Троицы, въ разстояніи ста пятидесяти верстъ отъ Колы. Но храмъ три года оставался безъ освященія, такъ какъ некому было его освятить. Трифонъ пошелъ въ Колу, бывшую тогда еще небольшимъ поселеніемъ, и нечаянно встрѣтилъ тамъ іеромонаха Илію, котораго и пригласилъ къ себѣ. Илія освятилъ церковь на Печенгѣ, кре-

стилъ Лопарей, обращенныхъ Трифономъ, и его самого постригъ въ монашество ([433]). Новопросвѣщенные съ усердіемъ приносили Трифону отъ имѣній своихъ сребро и разныя вещи, а другіе жертвовали земли, озера, рѣчныя угодья. Трифонъ устроилъ при церкви и иноческую обитель. А чтобы обезпечить ее на будущее время, отправился въ Москву съ ходатайствомъ къ царю. Царь одарилъ обитель колоколами и церковною утварью и далъ жалованную грамату, которою предоставилъ Печенгскому монастырю и утвердилъ за нимъ разныя вотчины, рѣки, рыбныя ловли и другія угодья, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, находились и пожертвованныя Трифону прежде самими Лопарями. Это было въ 1556 г., откуда можно заключать, что самое основаніе Печенгской обители и крещеніе окрестныхъ Лопарей совершились незадолго предъ тѣмъ. Возвратившись изъ Москвы, преп. Трифонъ продолжалъ заботиться о своей обители, а для Лопарей построилъ еще другой храмъ на рѣкѣ Паз во имя св. Бориса и Глѣба, и скончался глубокимъ старцемъ въ 1583 году ([434]).

([433]) По всей вѣроятности, это тотъ самый іеромонахъ Илія, котораго новгородскій архіепископъ Макарій два раза, именно въ 1534 и 1535 годахъ, посылалъ къ Кореламъ и другимъ финскимъ племенамъ, но который тогда же достигалъ и „до Лопи до Дикіе“ (П. Собр. Р. Лѣт. V, 73—74; VI, 292. 296). А если такъ: то Трифонъ началъ свою проповѣдь между Лопарями гораздо прежде Ѳеодорита, и имѣлъ успѣхъ уже въ 1534—5 годахъ, и совершенно несправедливо признавать Трифона за того самаго Митрофана, съ которымъ Ѳеодоритъ, по Курбскому, провелъ въ совершенной пустынѣ и уединеніи до двадцати лѣтъ (1529—1551), или даже хоть до двѣнадцати (1529—1541), и утверждать, будто Ѳеодоритъ весьма много пособлялъ Трифону въ дѣлѣ проповѣди, какъ то дѣлаетъ преосв. Филаретъ (Русск. Свят., Декабр. 15-го, стр. 378—382),—тѣмъ болѣе, что о Ѳеодоритѣ въ житіи Трифона вовсе не упоминается.

([434]) Объ успѣхахъ христіанства между Лопарями и основаніи монастыря на рѣкѣ Печенгѣ свидѣтельствуетъ Максимъ грекъ, какъ современникъ (Пре-

Страна дикихъ Лопарей, прилегавшая къ Обонѣжской пятинѣ новгородскихъ владѣній и теперь въ первый разъ просвѣщенная св. крещеніемъ, составляла новое пріобрѣтеніе новгородской епархіи. Другія финскія племена, Корела, Чудь, Ижора, обитавшія въ Вотской пятинѣ тѣхъже владѣній, преимущественно между Балтійскимъ моремъ и Ладожскимъ озеромъ, уже издавна, еще съ XIII вѣка, были знакомы съ христіанствомъ и входили въ составъ новгородской епархіи. Но, считаясь христіанами, не переставали держаться грубыхъ языческихъ суевѣрій. Многіе изъ нихъ вовсе не ходили въ церковь, не обращались къ священникамъ, какъ къ своимъ духовникамъ, не соблюдали постовъ, а ходили въ свои прежнія мольбища, поклонялись своимъ священнымъ деревамъ и камнямъ, призывали арбуевъ или жрецовъ, приносили языческія жертвы. Къ младенцамъ своимъ, какъ только они рождались, приглашали сперва арбуевъ, которые и давали имъ имена, а потомъ уже священниковъ. Своихъ умершихъ хоронили не на христіанскихъ кладбищахъ, а особо въ лѣсахъ и курганахъ. Многіе жили съ женами и дѣвицами безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, хотя нѣкоторые имѣли притомъ и законныхъ женъ. Узнавъ о всемъ этомъ, новгородскій архіепископъ Макарій, съ соизволенія государя, написалъ окружную грамату (отъ 25-го марта 1534 г.) ко всѣмъ игуменамъ, священникамъ и діаконамъ Вотской пятины въ чудскіе, ижор-

---

дисл. къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ, въ III части сочиненій Максима, стр. 266 - 267). Царская грамата этому монастырю, данная въ 1556 году, напечат. въ Исторіи Росс. Іерарх. IV, 582—583. О построеніи Трифономъ храма св. мучениковъ Бориса и Глѣба упоминается и въ позднѣйшихъ грамотахъ (А. И. IV, 549; Дополн. къ А. И. VI, 391).

скіе, корельскіе, орѣховскіе и другіе уѣзды и погосты, гдѣ только находились подобные язычествовавшіе христіане; послалъ туда своего домоваго іеромонаха Илію (съ сѣней отъ церкви Рождества Христова) и двухъ своихъ боярскихъ дѣтей, а съ ними послалъ святую воду, которую освятилъ самъ въ софійскомъ соборѣ. Въ граматѣ, укоряя мѣстныхъ пастырей Церкви за ихъ крайнее нерадѣніе о своихъ духовныхъ дѣтяхъ, архіепископъ предписывалъ первымъ, чтобы они, какъ только придетъ къ нимъ Илія, собирали въ своихъ приходахъ всѣхъ православныхъ христіанъ и приказывали имъ, всѣмъ вмѣстѣ, тщательно и единодушно, по всѣмъ чудскимъ и ижорскимъ мѣстамъ, въ селахъ, деревняхъ и лѣсахъ разорять и истреблять огнемъ языческія мольбища, дерева и камни, а арбуевъ съ ихъ учениками приводить къ священноиноку Иліи для наставленій и убѣжденій. Потомъ, когда въ какихъ либо уѣздахъ и погостахъ будутъ истреблены языческія мольбища, священники вмѣстѣ съ Иліею совершали бы въ церквахъ соборныя молебствія, освящали воду и, соединивъ ее съ тою, которая принесена изъ Новгорода, объѣзжали свои приходы и кропили этою святою водою всѣхъ жителей отъ мала до велика и самыя ихъ жилища. Въ тоже время поучали бы, вразумляли и убѣждали какъ арбуевъ, такъ и ихъ послѣдователей оставить прежнія языческія дѣла и жить во всемъ похристіански, и тѣхъ арбуевъ, которые принесутъ покаяніе, исправляли бы сами по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, а о тѣхъ, которые останутся упорными и непослушными, извѣщали бы боярскихъ дѣтей, которые обязаны брать ихъ и препровождать въ Новгородъ на судъ

владыки и гражданской власти ([435]). Мѣра архіепископа Макарія имѣла успѣхъ: Илія объѣхалъ многіе погосты и уѣзды, и всюду истребилъ языческіе обычаи, возстановилъ правовѣріе и нѣкоторыхъ, еще некрещенныхъ, крестилъ. А въ слѣдующемъ году, по повелѣнію владыки, онъ снова посѣтилъ эти мѣста для утвержденія въ нихъ вѣры и объѣхалъ всѣ остальные уѣзды, въ которыхъ прежде не былъ, и тамъ также истребилъ язычество и обратилъ къ христіанству ([436]). Но этотъ успѣхъ былъ кратковременный: едва исполнилось двѣнадцать, тринадцать лѣтъ, какъ новый архіепископъ новгородскій Ѳеодосій достовѣрно узналъ, что финскія племена, къ которымъ посылалъ Макарій своего іеромонаха, опять держатся прежнихъ языческихъ суевѣрій и обычаевъ подъ руководствомъ арбуевъ, и счелъ нужнымъ написать окружную грамату къ духовенству Вотской пятины, такогоже содержанія, какъ была Макаріева, послалъ туда софійскаго соборнаго священника Никифора и двухъ дѣтей боярскихъ и велѣлъ имъ поступить для истребленія язычества точно такъ же, какъ прежде заповѣдано было Иліѣ ([437]). Не знаемъ, надолго ли и теперь предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ.

Если на сѣверѣ Церковь русская одерживала побѣды надъ язычниками: то на востокѣ она дѣлала себѣ новыя пріобрѣтенія между магометанами. Владычество монголовъ надъ Россіею окончилось (1480 г.). Обезсиленные раздорами и внутренними междоусобіями, подраздѣлившись на нѣсколько мелкихъ, враждебныхъ между собою, ордъ, монголы, прежде

([435]) Дополн. къ А. И. I, № 28.
([436]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 73–74; VI, 292–296.
([437]) Допол. къ А. И. I, № 43.

столь грозные для нашего отечества, начали теперь сами чувствовать надъ собою его могущество и нерѣдко дѣлались нашими плѣнниками. Случалось, что, находясь въ плѣну, послѣдователи ислама добровольно выражали желаніе принять крещеніе. Такъ поступилъ казанскій царевичь Кайдакулъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ 1487 г. вмѣстѣ съ братомъ своимъ, царемъ казанскимъ Алегамомъ, матерью и другими ближайшими родственниками, и сначала сосланъ былъ въ Каргополь на жительство, а потомъ перемѣщенъ въ Ростовъ, въ архіерейскій домъ. Проведши въ Россіи осьмнадцать лѣтъ, этотъ царевичь имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ истинами христіанской вѣры и, рѣшившись принять ее, обратился къ митрополиту Симону, чтобы тотъ испросилъ ему у государя Василія Іоанновича разрѣшеніе креститься. Когда государь повелѣлъ ему явиться въ Москву: онъ повторилъ свою просьбу лично предъ государемъ со слезами на глазахъ. И потому 21-го декабря 1505 года былъ крещенъ въ Москвѣ--рѣкѣ въ присутствіи самого Василія Іоанновича и его двора, получивъ при крещеніи новое имя Петра. Послѣ крещенія онъ далъ присягу и письменное удостовѣреніе, за поручительствомъ митрополита, что пребудетъ непоколебимымъ въ православной вѣрѣ и неизмѣнно–вѣрнымъ русскому государю до конца своей жизни. А чрезъ мѣсяцъ удостоился чести сдѣлаться зятемъ государя, женившись на сестрѣ его Евдокіи. И дѣйствительно свято исполнилъ данный обѣтъ вѣрности православію и русскому престолу († 1523 г.) ([438]). По-

([438]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 217. 245; Ник. Лѣт. VI, 122, 174; Степ. Кн. II, 174; Собр. Госуд. Грам. I, № 145.

добный случай обращенія къ христіанству, хотя, какъ можно догадываться, не столько добровольный, былъ въ правленіе Елены, матери Іоанна IV. Правительство наше почему-то прогнѣвалось (въ 1535 г.) на казанскихъ плѣнниковъ, жившихъ въ Новгородѣ и другихъ городахъ съ своими семействами, и приказало всѣхъ мущинъ заключить въ темницы. Въ Новгородѣ ихъ оказалось болѣе 80-ти человѣкъ, а въ Псковѣ 70-ть, и всѣ они вскорѣ погибли въ заключеніи. Остался живъ только одинъ изъ нихъ, по имени Асакъ, который заявилъ желаніе принять св. вѣру со всѣмъ своимъ семействомъ, и дѣйствительно принялъ и названъ Михаиломъ. Вслѣдъ затѣмъ жены погибшихъ татаръ начали приходить къ архіепископу Макарію и просить у него крещенія. Макарій, съ соизволенія государя, велѣлъ раздать ихъ священникамъ, чтобы предварительно наставили ихъ въ истинахъ вѣры и потомъ крестили. Такимъ образомъ крестилось: въ Новгородѣ женъ 43 и дѣтей 36, въ Псковѣ женъ и дѣтей 51, въ Орѣшкѣ 12 и въ Корелѣ 30 (***). Все это, однакожъ, какъ и въ предшествовавшій періодъ, были случаи крещенія татаръ только въ Россіи. Пришло время пронести свѣтъ Евангелія изъ Россіи въ самыя страны татарскія.

Царь Іоаннъ Васильевичь IV, собираясь войною на Казань, имѣлъ въ виду не только покорить ее своей власти, но и насадить св. вѣру въ землѣ невѣрной. Проникнутый этою мыслію, онъ еще во время третьяго похода на Казань (въ 1551 г.) приказалъ своему войску построить въ предѣлахъ казанскихъ городъ Свіяжскъ съ православными церквами,

(***) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 297. 299.

какбы въ знаменіе скораго водворенія здѣсь христіанства, и митрополитъ Макарій, въ посланіи своемъ къ Іоанну въ городъ Свіяжскъ, называлъ уже эти мѣста «новопросвѣщенными отъ тьмы въ свѣтъ, отъ невѣрія въ православіе» (440). Предъ послѣднимъ рѣшительнымъ приступомъ къ Казани (1-го окт. 1552 г.) государь велѣлъ всѣмъ своимъ воинамъ очистить совѣсть въ таинствѣ покаянія; а самъ, когда войска пошли уже на приступъ и начали кровавую сѣчу съ врагами, усердно молился въ походномъ храмѣ, отслушалъ утреню и литургію, исповѣдался и пріобщился святыхъ Христовыхъ таинъ. И едва только вышелъ Іоаннъ изъ храма, чтобы отправиться къ сражавшимся, какъ ему принесена была вѣсть, что Казань уже пала къ стопамъ его. Въ избыткѣ чувствъ онъ прежде всего пригласилъ духовенство собраться съ крестами и иконами у воротъ покореннаго города, на мѣстѣ, гдѣ дотолѣ стояло царское знамя, имѣвшее на себѣ изображеніе нерукотвореннаго образа Спасителя, и совершить благодарственное молебствіе Господу, даровавшему побѣду. Затѣмъ собственными руками водрузилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и заложилъ первую церковь въ честь нерукотвореннаго образа Спасителя, которая въ одинъ день была сооружена и освящена. Вступая торжественно въ городъ съ духовенствомъ, сигклитомъ и войскомъ, царь велѣлъ нести предъ собою крестъ животворящаго древа. Какъ только вступилъ,—снова приказалъ отправить благодарственный молебенъ на мѣстѣ, которое указалъ самъ и на которомъ тогда же водрузилъ крестъ и заложилъ соборную церковь во имя благовѣщенія пресвя-

(440) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 308.

тыя Богородицы. Потомъ, въ присутствіи государя, совершенъ крестный ходъ по всѣмъ улицамъ и стѣнамъ города, всѣ онѣ окроплены святою водою и городъ посвященъ Пресвятой Троицѣ (441). Взятіе Казани русскими сильно подѣйствовало на окрестныхъ жителей, и они спѣшили предстать предъ лице Іоанна и изъявляли ему покорность. Многіе изъ нихъ тогда же, съ своими женами и дѣтьми, принимали крещеніе въ Казани и съ радостію возвращались въ домы свои. По возвращеніи въ Москву царь прислалъ въ Казань, для устроенія дѣлъ церковныхъ, архангельскаго протоіерея Тимоѳея. Къ нему, въ числѣ другихъ, явился старикъ-татаринъ изъ Арской страны и сказалъ, что онъ тридцать лѣтъ былъ боленъ ногами и не могъ ходить, но какъ только, услышавъ о взятіи Казани христіанами, рѣшился вѣровать во Христа и креститься, тотчасъ выздоровѣлъ,—и вотъ пришелъ самъ просить себѣ крещенія. Протоіерей окрестилъ его и назвалъ Стефаномъ. И этотъ новокрещенный вскорѣ оказался самымъ достойнымъ христіаниномъ: никакія убѣжденія родныхъ и близкихъ не могли отклонить его отъ св. вѣры,—и онъ мужественно потерпѣлъ за нее мученія и смерть. Москва, обрадованная взятіемъ Казани, была свидѣтельницею крещенія двухъ казанскихъ царей: Утемишь-Гирея и Едигера. Первый, пятилѣтній отрокъ, крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ митрополитомъ и, получивъ имя Александра, взятъ къ царскому двору для наученія русской грамотѣ и закону Божію. Послѣдній, въ лѣтахъ уже совершенно зрѣлыхъ, искавшій себѣ духов-

(441) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 313. 314; Степ. Кн. II, 261 — 264; Царственн. Книг. 303. 314. 316; Ник. Лѣт. VII, 185.

наго возрожденія не по какимъ либо видамъ, какъ самъ открыто исповѣдалъ предъ митрополитомъ, а единственно по глубокому убѣжденію въ превосходствѣ христіанской вѣры предъ магометанскою, крещенъ съ большою торжественностію въ Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи государя, вельможъ и многочисленнаго народа, и, будучи воспринятъ отъ купѣли самимъ первосвятителемъ, получилъ имя Симеона. «Тогда же, — продолжаетъ современный лѣтописецъ, — и прежде того и потомъ многи отъ невѣрныхъ крестишася, мужіе и жены, старіи и юноши и дѣвицы и всякаго возраста, и отъ рода царска и княжеска, и прочихъ вельможъ и всякаго чина, и отъ крымскихъ, и казанскихъ, и астраханскихъ, и Черемисы и иныхъ ордъ» ([442]).

Для утвержденія въ вѣрѣ всѣхъ этихъ новокрещенныхъ и для дальнѣйшихъ успѣховъ христіанской проповѣди между татарами, признали необходимымъ открыть въ Казани святительскую каѳедру. По волѣ царя и по благословенію митрополита Макарія, составился въ Москвѣ (въ 1555 г.) соборъ пастырей Церкви, на которомъ, между прочимъ, было положено: быть въ Казани архіепископу и при немъ архимандриту и игуменамъ, а въ Свіяжскѣ только архимандриту и игуменамъ; въ составъ же новой епархіи должны входить—городъ Казань съ окрестными улусами, городъ Свіяжскъ съ горною стороною, городъ Василь и вся вятская земля. На содержаніе казанскаго владыки и его каѳедры царь опредѣлилъ, кромѣ разныхъ угодій, десятую часть изъ всѣхъ доходовъ казанской земли и предложилъ митрополиту и всѣмъ владыкамъ и монасты-

([442]) Ник. Лѣт. VII, 198—199; Степ. Кн. II, 264—267.

рямъ, чтобы они на первый разъ пособили новому владыкѣ деньгами и хлѣбомъ ([443]). Занять открывшуюся въ Казани каѳедру первому судилъ Господь Гурію. Этотъ св. мужъ происходилъ изъ незнатной боярской фамиліи Руготинныхъ, родился въ Радонежѣ и при крещеніи названъ былъ Григоріемъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ поступилъ въ услуженіе къ одному знатному князю, Ивану Пенькову, который, замѣтивъ добрыя его качества, поручилъ ему въ управленіе весь свой домъ. Въ старшихъ товарищахъ Григорія возбудилась зависть и они оклеветали его предъ княземъ въ преступной связи съ княгинею. Раздраженный Пеньковъ, безъ всякаго изслѣдованія, приказалъ заключить оклеветаннаго въ земляную темницу и къ ней приставить стражу. Въ темницѣ было одно только небольшое оконце сверху, въ которое и опускали узнику для пищи по снопу овса и по небольшой мѣрѣ воды на три дня. Въ своемъ тяжкомъ заключеніи Григорій весь предался Богу и проводилъ время въ молитвѣ. Когда, спустя болѣе уже полутора года со времени заключенія Григорія, къ оконцу его темницы подошелъ ночью одинъ изъ бывшихъ его друзей и предложилъ приносить ему тайно лучшую пищу,—Григорій отказался отъ этого, а упросилъ друга, чтобы, вмѣсто пищи, онъ приносилъ ему бумаги, чернилъ и перьевъ для писанія азбукъ, употребляемыхъ для обученія дѣтей грамотѣ. Съ того времени узникъ писалъ въ своей темницѣ азбуки и поручалъ продавать ихъ своему другу, а вырученныя деньги раздавать

([443]) Ник. Лѣт. VII, 231. 232; А. И. I, № 162. По всѣмъ новгородскимъ монастырямъ дѣйствительно собирали въ 1555 г. деньги на владыку казанскаго и книги (*Карамз.* VIII, примѣч. 587, подъ 1555 г.).

нищимъ. Послѣ двухъ лѣтъ своего заключенія Григорій увидѣлъ однажды въ темничной двери свѣтъ, и едва коснулся ея, какъ она отворилась. Тогда, помолившись Богу и взявъ съ собою св. икону Богоматери, онъ вышелъ изъ темницы и, никѣмъ незамѣченный, отправился прямо въ обитель преп. Іосифа волоколамскаго: тамъ, по данному еще въ темницѣ обѣту, Григорій принялъ постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Гурія и за свои добродѣтели удостоился быть возведеннымъ въ санъ игумена. Чрезъ восемь лѣтъ и десять мѣсяцевъ, чувствуя слабость силъ, онъ отказался отъ этой должности и остался жить въ тойже обители въ качествѣ простаго инока. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ, по волѣ государя, посланъ былъ (въ 1554 году) игуменомъ въ Селижаровъ-троицкій монастырь тверской епархіи, откуда вскорѣ и избранъ былъ, по жребію, на вновь открытую въ Казани архіепископскую кѳедру ([444]). Рукоположеніе Гурія въ санъ архипастыря совершилось (3-го или 7-го февраля 1555 г.) съ великою торжественностію. Въ священнодѣйствіи участвовали десять святителей и вообще до 76-ти освященныхъ лицъ, кромѣ иподіаконовъ и низшихъ клириковъ ([445]). Не менѣе торжественно было и отправленіе его на епархію. Мая 26-го, послѣ соборнаго молебствія въ Успенскомъ соборѣ, самъ царь и

([444]) Житіе св. Гурія, встрѣчающееся въ рукописяхъ (наприм., въ Сборникѣ моей библіотеки № 64), недавно напечатано въ Прав. Собесѣдникѣ 1868, II, 7 — 23. О времени игуменства Гурія см. замѣтку изъ рукописи Іосифо-волоколам. монастыря, № 34 (Опись книгъ этого мон. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, VII, отд. IV, 16).

([445]) Ник. Лѣт. VII, 231—232. На 3-е февраля указываетъ эта лѣтопись, а на 7-е Житіе свят. Гурія, составленное Гермогеномъ (Прав. Собесѣд. 1868, II, 15).

митрополитъ провожали казанскаго святителя съ крестнымъ ходомъ до флоровскихъ воротъ. Потомъ, по сдѣланному предварительно распоряженію, въ Симоновѣ монастырѣ и во всѣхъ городахъ, какіе встрѣчались Гурію на пути, въ Коломнѣ, Рязани и другихъ, его встрѣчало духовенство съ иконами и крестами; онъ совершалъ молебствія съ водоосвященіемъ, служилъ литургію, говорилъ поученія къ народу, или еще обходилъ весь городъ съ крестнымъ ходомъ, окроплялъ всѣхъ и все св. водою и осѣнялъ крестомъ на всѣ четыре стороны свѣта. Прибывъ въ свою епархію, на мѣсто, гдѣ царемъ предположено было основать городъ Чебоксары, святитель обозначилъ мѣсто для города, обошелъ все это мѣсто съ иконами и окропилъ св. водою, указалъ мѣсто и для соборнаго храма, совершилъ литургію въ своей походной церкви, сказалъ поученіе къ народу и благословилъ жителей города иконою Божіей Матери владимірскою. Затѣмъ въ Свіяжскѣ и наконецъ въ Казани, куда прибылъ 28-го іюля, святитель, послѣ торжественной встрѣчи отъ духовенства, совершалъ молебствія, ходилъ съ иконами по стѣнамъ вокругъ того и другаго города и окроплялъ ихъ св. водою; осѣнялъ крестомъ и окроплялъ св. водою всѣ четыре стороны свѣта, совершалъ литургію, говорилъ поученія и приказывалъ, по окончаніи литургіи, читать синодикъ, обыкновенно возглашаемый въ первую недѣлю великаго поста ([446]). Можно догадываться, что всею этою торжественностію, какою сопровождалось путешествіе Гурія въ Казань, хотѣли болѣе возвысить его въ глазахъ его будущихъ чадъ,

([446]) А. Э. I, № 241, стр. 257—259.

еще некрещенныхъ татаръ, сильнѣе подѣйствовать на ихъ воображеніе и тѣмъ расположить ихъ къ принятію св. вѣры.

Отпуская Гурія въ Казань, царь и митрополитъ дали ему «Наказъ», какъ дѣйствовать при обращеніи невѣрныхъ. Въ Наказѣ внушалось святителю: всѣми мѣрами пріучать къ себѣ татаръ и приводить ихъ къ крещенію любовію, а отнюдь не страхомъ; которые захотятъ креститься своею волею, а не отъ неволи, тѣхъ крестить и лучшихъ изъ нихъ держать у себя въ епископіи, поучать ихъ закону христіанскому и покоить, а другихъ раздавать для крещенія по монастырямъ; новокрещенныхъ, когда они выдутъ изъ-подъ наученія, чаще приглашать къ своей трапезѣ и угощать; равно и некрещенныхъ еще татаръ, которые будутъ приходить къ нему съ челобитьями, угощать и покоить въ своемъ домѣ, говорить съ ними съ кротостію и приводить ихъ къ христіанскому закону тихою и умиленною бесѣдою; если какой провинившійся татаринъ убѣжитъ къ нему, архіепископу, отъ опалы и захочетъ креститься, отнюдь не выдавать его воеводамъ, но крестить и покоить въ своемъ домѣ и потомъ, по совѣщаніи съ воеводами, или оставлять его въ Казани на мѣстѣ прежняго жительства, или отсылать къ государю въ Москву; если невѣрные татары обратятся къ архіепископу съ просьбою ходатайствовать за ихъ братьевъ, уже осужденныхъ воеводами на казнь, онъ долженъ брать этихъ осужденныхъ на свои поруки и, кого можно, держать въ Казани, а кого нельзя, тѣхъ отсылать къ государю съ своимъ печалованіемъ за нихъ; за татаръ же, которые подвергнутся легкимъ винамъ, ходатайствовать предъ гражданскою властію даже въ томъ случаѣ, когда бы никто изъ невѣрныхъ не просилъ о томъ

архіепископа (447). Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Гурія въ своей епархіи было основаніе и устройство монастырей съ тою именно цѣлію, чтобы иноки, не отвлекаясь житейскими попеченіями, занимались обращеніемъ невѣрныхъ и обученіемъ дѣтей. Мысли свои объ этомъ онъ изложилъ предъ государемъ и просилъ его дать для содержанія устрояемыхъ обителей отчины, дабы старцамъ не было нужды самимъ работать, орать землю и сѣять въ ней сѣмена, но «да орютъ сердца людей и да сѣютъ въ нихъ сѣмя слова Божія». Царю очень понравилось такое намѣреніе и онъ отвѣчалъ святителю: «ты устроянь въ данной тебѣ Богомъ и нами паствѣ монастырь Зилантовъ, начатый мною, и хочешь строить другіе. Доброе дѣло: да поможетъ тебѣ Богъ!... Блага твоя рѣчь, чтобы старцамъ обучать дѣтей и обращать поганыхъ къ вѣрѣ: это и есть долгъ всѣхъ васъ... Черицы должны уподобляться апостоламъ, которыхъ Господь нашъ послалъ учить и крестить людей невѣдущихъ. Учить же дѣтей надобно не только читать и писать, но и право разумѣть читаемое, чтобы они могли научить и другихъ. О какъ счастлива была бы земля русская, еслибы всѣ владыки были таковы, какъ преосвященный Макарій, ты и Діонисій, и столько объ этомъ неклися!».... Затѣмъ царь извѣщалъ архіепископа, что сдѣлалъ распоряженіе объ отводѣ вотчинъ для устрояемыхъ казанскихъ монастырей, и присовокуплялъ: «а если увидите, что мало, пишите ко мнѣ: на доброе дѣло я не пожалѣю и не откажу» (448). Заботясь объ учрежденіи монастырей съ цѣлію распространять чрезъ нихъ

(447) А. Э. I, № 241, стр. 259—260.

(448) Царская грамата напеч. въ Истор. Росс. Іерарх. VI, 528—531, и въ Продолж. Древн. Росс. Вивліоѳ. V, 241.

христіанство въ предѣлахъ своей епархіи, святитель Гурій не переставалъ и самъ непосредственно трудиться для тойже высокой цѣли. Онъ часто училъ невѣрныхъ познать Бога истиннаго, дѣйствовалъ на нихъ примѣромъ своей строгой, подвижнической жизни, привлекалъ ихъ къ себѣ дѣлами христіанской любви, питалъ нищихъ и бѣдныхъ, заступался за сиротъ и вдовицъ. И такимъ образомъ «многихъ невѣрныхъ привелъ къ вѣрѣ и крестилъ изъ нихъ множество мужей, женъ и дѣтей», хотя время дѣятельнаго управленія его епархіею продолжалось собственно около шести лѣтъ: такъ какъ послѣдніе три года своей жизни (ум. 4-го дек. 1563 г.) онъ былъ до того боленъ, что его лишь въ великіе праздники носили въ церковь для слушанія литургіи, гдѣ онъ лежалъ или сидѣлъ ([449]).

Главными сотрудниками святителя Гурія были два архимандрита: Германъ и Варсонофій. Германъ происходилъ изъ дворянской фамиліи Садыревыхъ – Полевыхъ, потомковъ князей смоленскихъ и при крещеніи названъ былъ Григоріемъ. Принялъ постриженіе съ именемъ Германа въ волоколамскомъ монастырѣ и былъ простымъ инокомъ, когда тамъ игуменствовалъ святитель Гурій. Будучи избранъ въ 1551 году въ санъ архимандрита старицкаго Успенскаго монастыря, чрезъ два съ половиною года отказался отъ этой должности и удалился на покой въ тотъ монастырь, гдѣ постригся и гдѣ также пребывалъ тогда на покоѣ святитель Гурій. Когда Гурій назначенъ былъ въ архіепископа казанской епархіи, вмѣстѣ съ нимъ посланъ былъ туда и Германъ въ качествѣ архи-

([449]) Житіе Гурія въ Правосл. Собесѣд. 1868, II, 19—21.

мандрита свіяжскаго монастыря, еще только предполагавшагося. Онъ самъ основалъ и устроилъ этотъ монастырь, безъ сомнѣнія, согласно съ волею своего архимастыря, т. е. чтобы иноки занимались и обученіемъ дѣтей и обращеніемъ невѣрныхъ. По смерти Гурія, Германъ былъ возведенъ (12-го марта 1564 г.) на каѳедру казанской архіепископіи, и хотя до насъ не сохранилось извѣстій объ его апостольскихъ трудахъ, но одно уже это назначеніе его свидѣтельствуетъ, что его считали способнымъ продолжать дѣло, начатое Гуріемъ. По отзыву современника, Германъ былъ мужъ «разума многаго..., чистаго и воистину святаго жительства..., ревнитель по Бозѣ... и великій помощникъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятымъ, такожъ и къ убогимъ милостивъ зѣло». Послѣ управленія паствою впродолженіе трехъ лѣтъ и осьми мѣсяцевъ, онъ скончался (4-го ноября 1567 г.) во время моровой язвы въ Москвѣ, откуда уже чрезъ 27 лѣтъ св. мощи его были перенесены въ созданную имъ обитель (450). Варсонофій, въ мірѣ Іоаннъ или Василій, родился въ городѣ Серпуховѣ отъ одного священника, по имени Василія. Еще въ юныхъ лѣтахъ, при нападеніи крымскихъ татаръ на этотъ городъ, былъ захваченъ ими и отведенъ въ неволю, въ которой находился три года, пока не былъ выкупленъ своимъ отцемъ. Возвратившись въ отечество, немедленно отправился въ Москву и тамъ въ Андрониковомъ монастырѣ принялъ монашество. Чрезъ нѣсколько времени за свои иноческіе подвиги возведенъ въ санъ архимандрита Нѣспешскаго монастыря,

---

(450) *Курбск.* Сказан. I, 161—162; Житіе Гурія въ Прав. Собесѣдн. 1868, II, 16. 17; *Елисеев.* Жизнеопис. св. Гурія, Германа и Варсонофія, 31—46, Казан. 1847.

а по открытіи казанской епархіи почтенъ саномъ архимандрита и отправленъ туда вмѣстѣ съ архіепископомъ Гуріемъ. Подъ руководствомъ святителя, любовію котораго постоянно пользовался, основалъ и устроилъ въ Казани Спасо-преображенскій монастырь и, по своей жизни, служилъ поучительнымъ примѣромъ и для иноковъ и для міранъ. Но всего важнѣе было то, что, находясь въ плѣну у татаръ, Варсонофій хорошо изучилъ какъ языкъ татарскій, такъ и самое ученіе магометанства. Потому совершенно свободно могъ объясняться съ казанскими татарами, искусно состязался съ ними о вѣрѣ, обличая ихъ заблужденія, и многихъ изъ нихъ привлекъ ко Христу. Будучи рукоположенъ (1567 г.) во епископа тверской епархіи, св. Варсонофій правилъ ею только около четырехъ лѣтъ и потомъ возвратился на покой въ свою казанскую обитель, гдѣ и скончался 11-го апрѣля 1576 года ([451]). Всѣ три святителя: Гурій, Германъ и Варсонофій, бывшіе главными дѣйствователями при насажденіи христіанства въ казанскомъ краѣ, тамъже почиваютъ своими петлѣнными останками и доселѣ не перестаютъ быть какбы живыми свидѣтелями истинности той вѣры, которую они проповѣдывали.

Вскорѣ послѣ взятія Казани покорена была русскими и Астрахань (въ 1554 г.). Вслѣдъ затѣмъ начали обращаться къ св. вѣрѣ нѣкоторые и изъ тамошнихъ татаръ. Такъ,

([451]) Житіе св. Варсонофія, написанное патріархомъ Гермогеномъ, напеч. въ Прав. Собесѣд. 1868, II, 23—29. Тутъ, между прочимъ, сказано: „и бысть (Варсонофій) во всемъ образъ братіи къ добродѣтели, монахи наставляя и мірскія поучая, и невѣрныя приводя во Христову вѣру, бѣ бо навыкъ писанію Срацынскому, и Мугамедова скверная преданія Срацыномъ добрѣ вѣдый, и языками многими вѣдяше глаголати, и стязаяся съ невѣрными, и укоряя ихъ, и препирая, и ко крещенію приводя“ (—26).

между прочимъ, поступила одна изъ царицъ ихъ—Ельякши, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, котораго родила на пути своемъ въ Москву: въ Москвѣ она крещена подъ именемъ Іуліаніи и вышла за мужъ за именитаго дворянина Плещеева, а сынъ ея названъ въ крещеніи Петромъ (452). Но для насажденія христіанства въ астраханскомъ царствѣ правительство наше не сочло нужнымъ немедленно учредить тамъ особую епископскую каѳедру, а только послало туда въ 1568 г. игумена Кирилла, чтобы онъ устроилъ въ Астрахани монастырь во имя Пресвятыя Троицы и святителя Николая. Въ 1573 году въ монастырѣ этомъ было уже три храма и 25 братіи, кромѣ слугъ и дѣтей, вѣроятно, обучавшихся грамотѣ (453). Трудами ли этихъ иноковъ, или при содѣйствіи и другихъ лицъ, но только въ Астрахани, по свидѣтельству современника, «благодать Божія день-ото-дня растяше и многія святыя церкви поставлени быша», такъ что съ началомъ слѣдующаго столѣтія тамъ открыта и епархія (454). Надобно присовокупить, что нѣкоторые татары, будучи взяты въ плѣнъ, крестились въ самой Россіи, напримѣръ, въ 1553 г. въ Новгородѣ, и потомъ раздавались по монастырямъ для утвержденія въ вѣрѣ, и что многимъ *новокрещенамъ* казанскимъ, астраханскимъ, даже крымскимъ, царь жаловалъ земли и разныя угодія (455).

Завоеваніе русскими двухъ царствъ, казанскаго и астрахан-

---

(452) Ник. Лѣт. VII, 219. 235; Степ. Кн. II, 267.

(453) А. И. I, №№ 184. 193.

(454) Степ. Кн. II, 272.

(455) *Карамз.* VIII, примѣч. 587, подъ 1555 годомъ; Допол. къ А. И. I, № 97; *Неволин.* О патим. Новгород., Прилож., стр. 314. 316. 329. 332—334 (въ Записк. Географ. Общ. кн. VIII).

скаго, глубоко отозвалось между сосѣдственными народами востока, а въ числѣ ихъ между Черкесами и жителями Сибири. И правители тѣхъ и другихъ начали искать дружбы и покровительства у нашего государя. Черкесскіе князья сначала (1552 г.) просили его только, чтобы онъ принялъ ихъ, вмѣстѣ съ землями, въ свое подданство и защитилъ отъ крымцевъ. Потомъ (1555—1558 г.), пріѣзжая въ Москву съ многочисленными свитами, нѣкоторые изъ нихъ принимали здѣсь сами св. вѣру, другіе крестили дѣтей своихъ, и оставались служить Іоанну Васильевичу. Наконецъ, въ 1559 г. отъ лица всѣхъ Черкесовъ приходилъ въ Москву мурза Чюракъ и билъ челомъ государю, чтобы онъ далъ своего воеводу въ Черкасы и велѣлъ всѣхъ ихъ крестить. А государь послалъ къ нимъ своего воеводу Вишневецкаго и христіанскихъ священниковъ. Такая же просьба повторилась со стороны Кабардинцевъ,—и къ нимъ посланы были воевода Черемисиновъ и христіанскіе священники ([456]). Не знаемъ, что сдѣлали тамъ эти священники и надолго ли возстановили православное христіанство въ горахъ Кавказа, гдѣ оно насаждено было еще въ первые вѣка и сохранилось по мѣстамъ въ XIII и XV столѣтіяхъ. Сибирскій князь Едигеръ, одинъ изъ потомковъ брата Батыева—Сибана, поздравляя (въ 1555 г.) Іоанна IV со взятіемъ Казани и Астрахани, вызвался платить ему дань и просилъ только его покровительства своимъ владѣніямъ: о принятіи христіанства не было и рѣчи. Но когда вскорѣ затѣмъ царство сибирское было покорено

([456]) Архив. Лѣтоп. л. 327. 340. 314. 349; Ник. Лѣтоп. VII, 197. 246. 288. 289; Степ. Кн. II, 273. 295.

Россіи отважнымъ Ермакомъ, государь, разрѣшивъ приглашать для переселенія въ новыя краи охотниковъ изъ Россіи, повелѣлъ (1582 г.) вологодскому епископу послать туда десять священниковъ съ ихъ семействами. А послѣ вторичнаго покоренія Сибири (1585 г.) тамъ основались уже русскіе города съ православными церквами ([457]).

На востокѣ Россія покоряла своей власти и вліянію новыя земли и области, въ которыхъ и Церковь русская дѣлала себѣ новыя пріобрѣтенія. На западѣ Россія только возвращала себѣ отъ Литвы и Ливоніи свои прежнія владѣнія. Вслѣдъ затѣмъ и русская Церковь лишь возсоединяла съ собою здѣсь то, что прежде ей принадлежало, и только по мѣстамъ, гдѣ находила нужнымъ, старалась вновь распространить или усилить св. православную вѣру.

Мы уже упоминали, что въ 1461 году черниговскій епископъ Евѳиміи, не желая подчиняться литовскому лжемитрополиту Григорію, оставилъ свою каѳедру и удалился въ Москву, гдѣ и получилъ въ управленіе епархію суздальскую. Но это было личное переселеніе епископа, а бывшая его епархія продолжала оставаться въ вѣдѣніи литовской митрополіи и до конца XV вѣка имѣла своихъ епископовъ. Уже въ 1500 году, когда Черниговъ, Брянскъ, Стародубъ, Новгородсѣверскъ перешли отъ Литвы къ Россіи, когда епископъ брянскій и черниговскій былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву, значительная часть черниговской епархіи возсоединилась съ московскою митрополіею ([458]).

([457]) Ник. Лѣт. VII, 228; *Карамз* IX, 235, примѣч. 703; X, 15—16, примѣч. 33.

([458]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 239; Ник. Лѣт. VI, 162. Снес. А. Западн.

Но, можетъ быть, потому, что это была только часть, для нея не захотѣли назначать особаго епископа, а причислили ее къ другимъ епархіямъ, если не къ одной—смоленской: по крайней мѣрѣ, Брянскъ около половины XVI вѣка несомнѣнно числился за смоленскими іерархами, которые назывались и брянскими ([459]).

Сама смоленская епархія присоединилась къ московской митрополіи въ 1514 году. Послѣ того, какъ Смоленскъ былъ взятъ русскими войсками и бывшій тамъ епископъ Варсонофій подвергся справедливому гнѣву великаго князя Василія Іоанновича и сосланъ на Кубенское озеро,—о чемъ намъ сказано было прежде,—въ Смоленскѣ начался рядъ новыхъ епископовъ, поставлявшихся въ Москвѣ, и этотъ рядъ не прекращался до самаго конца настоящаго періода ([460]).

Такимъ же образомъ совершилось присоединеніе и полоцкой епархіи къ московской митрополіи, хотя это было только на время. Взявъ Полоцкъ (въ 1563 г.), царь Іоаннъ Васильевичъ отправилъ тамошняго епископа Арсенія, какъ плѣнника, въ Москву; а на мѣсто его присланъ былъ изъ

Россіи, I, №№ 52. 139. 167. Епископъ черниговскій и брянскій, взятый тогда въ плѣнъ, назывался Іоною (А. З. Р. I, № 168).

([459]) Въ числѣ присутствовавшихъ на Стоглавомъ соборѣ (1551 г.) находился Гурій, епископъ смоленскій и *брянскій* (Стогл. гл. I). Такъ же назывались смоленскіе епископы и въ послѣдующее время (Собр. Государ. Грам. I, №№ 192. 200; А. И. I, № 173).

([460]) Извѣстны смоленскіе епископы съ 1515 года: Іосифъ (Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 257; VIII, 259), Савва Слѣпушкинъ и Гурій Заболоцкій (А. И. I, № 216, стр. 416; Ник. Лѣт. VII, 35), Симеонъ (А. И. I, № 173), Ѳеофилъ (упом. въ „Житіи“ св. Филиппа митрополита, какъ бывшій на соборѣ по случаю учрежденія опричины) и Сильвестръ, упоминаемый въ 1572, 1580 и 1589 г. (А. Э. I, № 284; Собр. Госуд. Грам I, № 200; *Карамз.* X, примѣч. 201).

Москвы бывшій суздальскій епископъ Трифонъ, возведенный въ санъ архіепископа. Послѣ Трифона управляли полоцкою епархіею, одинъ за другимъ, еще три архіепископа, приходившіе изъ Москвы, пока польскій король Стефанъ Баторій не отнялъ (въ 1578 г.) Полоцка у Россіи и не возвратилъ этой епархіи литовскому митрополиту. Достойно замѣчанія, что въ 1569 году, безъ сомнѣнія, по распоряженію московскаго митрополита, отправлены были въ Полоцкъ изъ Новгорода тридцать три священника и діакона соборныхъ церквей: знакъ, что въ Полоцкѣ чувствовался недостатокъ образованныхъ пастырей ([461]).

Однимъ изъ славныхъ дѣлъ царствованія Іоанна Васильевича IV было завоеваніе Ливоніи, хотя конецъ этого дѣла далеко не соотвѣтствовалъ его началу. Рѣшившись возвратить Россіи эту древнюю ея область, отнятую нѣкогда Меченосцами, Іоаннъ желалъ вмѣстѣ возстановить въ ней православіе, которое насаждено было тамъ первоначально, но впослѣдствіи подавлено латинствомъ и лютеранствомъ, такъ что едва ли не въ одной Ригѣ продолжала существовать русская церковь ([462]). Намѣренія Іоанновы осуществлялись въ Ливоніи весьма быстро и успѣшно. Взявъ (въ 1558 г.) Нарву или Ругодивъ, государь повелѣлъ новгородскому архіепископу

([461]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 163; IV, 314. 317; Ист. Росс. Іерарх. I, 418—419; *Карамз.* IX, 177.

([462]) Діонисій Фабрицій, бывшій латинскимъ священникомъ въ городѣ Феллинѣ ок. 1610 года, говоритъ, что когда проповѣдники лютеранства появились въ Ливоніи, то ими не только были истребляемы латинскія церкви, verum etiam sacella Moscovitica Dorpati, Revaliae, Rigae et aliis pluribus in locis... eodem in furore spoliantur et evertuntur (Dionis. Fabric. Livonicae hist. compend. series, in Scriptor. rer. Livon., II, 467, Rig. 1817) О русской церкви св. Николая въ Ригѣ—*А.* Запад. Росс. II, № 234, стр. 403.

послать туда изъ Новгорода юрьевскаго архимандрита и софійскаго протоіерея, а изъ Пскова печерскаго игумена и троицкаго протоіерея, чтобы они крестными ходами по городу и вокругъ города «очистили его отъ вѣры латинской и лютеровоіи», освятили во имя Пресвятыя Троицы и соорудили въ замкѣ города церковь Воскресенія Христова, а въ самомъ городѣ церковь пречистой Одигитріи и другіе храмы. Вскорѣ затѣмъ взявъ другой городъ или крѣпость Нейшлосъ (Сыренскъ), царь приказалъ и тамъ воздвигнуть православные храмы во имя живоначальной Троицы, святителя Николая и препод. Иларіона великаго, въ день памяти котораго сдалась эта крѣпость. Такъ же поступалъ Іоаннъ и по взятіи Дерпта или Юрьева (въ 1558 г.) и многихъ другихъ ливонскихъ городовъ, большихъ и малыхъ: вездѣ онъ приказывалъ устроять православныя церкви съ причтами и употреблялъ всѣ мѣры для распространенія православія между коренными жителями страны—Эстами и Латышами ([463]). Изъ участниковъ въ послѣднемъ дѣлѣ остался намъ извѣстнымъ одинъ, игуменъ псковскаго печерскаго монастыря Корнилій: онъ обратилъ къ православію и крестилъ сосѣднихъ этому монастырю Эстовъ Нейгаузенскихъ (ливонскаго Новогородка) и учредилъ у нихъ на Агиревѣ Троицкую, а на Топинѣ Рождественскую церкви и церковные причты ([464]). Чтобы упрочить то, что уже сдѣлано было для православія въ Ли-

([463]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 310. 318; Ник. Лѣт. VII, 308. 311; Степ. Кн. II, 278 — 281; Anton Possevini—Livoniae Commentar., p. 17, Rigae 1852.

([464]) *Евген.* Истор. Княжества Псковск. III, 10, Кіев. 1831; Повѣсть о началѣ и основ. Псковск. Печерск. монастыря, 10, Пск. 1849.

воніи и обезпечить его дальнѣйшіе успѣхи, правительство наше, свѣтское и духовное, признало за лучшее открыть въ Юрьевѣ ливонскомъ епископскую каѳедру и возвело на эту каѳедру, по всей вѣроятности, только-что упомянутаго нами игумена Корнилія, подъ названіемъ епископа юрьевскаго и вельядскаго (т. е. феллинскаго). Въ октябрѣ 1570 г. онъ, вскорѣ по рукоположеніи своемъ, изъ Москвы прибылъ въ Новгородъ, можетъ быть, проѣздомъ на свою епархію. А чрезъ два года снова посѣтилъ Новгородъ, чтобы представиться бывшему тамъ государю и вслѣдъ за нимъ отправился въ Москву ([465]). Больше мы не знаемъ ничего о епископѣ Корнилѣ, кромѣ того, что онъ скончался или, вѣрнѣе, умерщвленъ, по повелѣнію грознаго царя, въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ, куда, вѣроятно, удалился-было на покой, какъ бывшій въ немъ игуменомъ ([466]), и что въ 1578 г. юрьевскую каѳедру занималъ уже другой епископъ—Савва, присутствовавшій въ концѣ того года на одномъ московскомъ

([465]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 164. 171. И Антоній Поссевинъ свидѣтельствуетъ, что тогда царь Іоаннъ—Vladicam, id est episcopum Dorpati imposuit (Livoniae Commentar., p. 17, Rigae 1852).

([466]) Въ Синодикѣ псковскаго печерскаго монастыря записано, что въ этомъ монастырѣ скончался 5-го февраля (годъ не обозначенъ) священноепископъ юрьевскій и вельядскій Корнилій (Ист. Княж. Псков. III, 11; Ист. Росс. Іерарх. I, 464). А Курбскій, сказавъ о убіеніи царемъ Іоанномъ новгородскаго архіепископа Леонида, которое случилось въ 1575 г., продолжаетъ: „*тогда же* убіенъ отъ него Корнилій, игуменъ, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святый“ (Сказан. I, 163). И дѣйствительно въ Синодикѣ избіенныхъ отъ царя Іоанна стоитъ и имя игумена печерскаго Корнилія (тамъ же II, 320). Убіеніе его полагается по нѣкоторымъ извѣстіямъ въ 1570 г., по другимъ въ 1575, а по третьимъ въ 1577 г. (*Елен.* Ист. Княж. Псков. III, 79). Впрочемъ, игуменъ печерскаго монастыря Корнилій и епископъ юрьевскій Корнилій, скончавшійся въ томъже печерскомъ монастырѣ, могли быть и два разныя лица.

соборѣ ([467]). Этому послѣднему епископу суждено было видѣть и упраздненіе своей епархіи. Въ 1582 году, вслѣдствіе договора съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, Іоаннъ IV принужденъ былъ уступить полякамъ Ливонію со всѣми городами и мѣстами, имъ занятыми, и вывести изъ нея всѣ православныя церкви съ ихъ принадлежностями. Тогда же польскій канцлеръ Янъ Замойскій, запявъ (24-го февр.) своими войсками Деритъ, выгналъ изъ него въ русскіе предѣлы православнаго епископа и всѣхъ русскихъ и возстановилъ тамъ вѣру латинскую ([468]).

Такимъ образомъ къ осьми, а вмѣстѣ съ митрополичьею, къ девяти епархіямъ московской митрополіи присоединилось втеченіе настоящаго періода еще четыре: смоленская, казан-

([467]) Въ Обиходѣ Іосифова монастыря (рукоп. въ 4 д., № 197), составленномъ игуменомъ Евѳиміемъ Турковымъ (1573—1587), находится слѣдующая запись: „въ 1578 г., дек. 20, повелѣніемъ царя и благословеніемъ митрополита Антонія, иже тогда святѣйшаго вселенскаго собора преосвящ. архіепископовъ: новгородскаго Александра, казанскаго Іереміи, полоцкаго Кипріана, ростовскаго Давида и епископовъ: суздальскаго и торусскаго Варлаама, вологодскаго и пермскаго Варлаама, смоленскаго и брянскаго Селивестра, рязанскаго и муромскаго Леонида, коломенскаго и коширскаго Давида, тверскаго и кашинскаго Захаріи, сарскаго и подонскаго Тарасія и *юрьевскаго Саввы*, уложили праздновати и пѣти въ обители пресв. Богородицы преподобному отцу нашему, игумену Іосифу, отъ нынѣшняго лѣта 7087, доколѣ монастырь Пресвятыя стоитъ“ (Опись книгъ Іосифо-волоколам. монастыря, въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. IV, 9). Правда, въ граматѣ 1580-го года, генваря 15-го, въ числѣ святителей, присутствовавшихъ на соборѣ, именуется и „епископъ юрьевской и виленской Корнилей“ (Собр. Госуд. Грам. I, № 200, стр. 583); но подписи этого епископа, между подписями другихъ архіереевъ, подъ граматою нѣтъ (тамъ же стр. 586), и въ другомъ спискѣ тойже граматы юрьевскій епископъ совсѣмъ не упоминается (А. Э. I, № 308).

([468])... . amandatis ex compacto in Moscoviam Uladica caeterisque Ruthenis, primus catholicam religionem restituit (Anton. Possevin. Commentar. Livoniae, 19, Rig. 1852). Спис. *Карамз.* IX, 207.

ская, полоцкая и юрьевская, — двѣ послѣднія, впрочемъ, только на время. Четыре изъ этихъ епархій управлялись архіепископами: новгородская, казанская, ростовская и полоцкая. А восемь — епископами: суздальская, рязанская, тверская, сарская, коломенская, смоленская, пермская и юрьевская. Въ ряду архіепископовъ новгородскій всегда считался первымъ, казанскій вторымъ, ростовскій третьимъ ([469]). Но между епископами порядокъ иногда измѣнялся: такъ, пермскій епископъ, долго занимавшій послѣднее мѣсто въ ряду нашихъ епископовъ, подъ конецъ періода занималъ уже первое ([470]).

О степеняхъ нашихъ епархій, впродолженіе настоящаго періода, можемъ судить отчасти на основаніи лѣтописей по тому порядку, въ какомъ онѣ исчисляютъ нашихъ іерарховъ, собиравшихся на соборы, а вѣрнѣе—на основаніи соборныхъ актовъ, въ которыхъ также перечисляются святители и подъ которыми иногда встрѣчаются ихъ подписи, хотя эти собранія святителей, большею частію, были неполныя. Такъ, на соборѣ 1459 года находились: архіепископъ ростовскій и епископы—суздальскій, коломенскій, сарайскій и пермскій—всего пять; на соборѣ 1490 года: архіепископъ ростовскій, и епископы—суздальскій, рязанскій, тверскій, сарайскій и пермскій—шесть; на соборѣ 1503 года, кромѣ митрополита: архіепископъ новгородскій, и епископы—суздальскій, рязанскій, тверскій, коломенскій, сарайскій и пермскій—семь ([471]).

([469]) Въ одной только записи о соборѣ 1578 года (см. примѣч. 467) полоцкій архіепископъ поставленъ прежде ростовскаго.

([470]) См., наприм., соборные акты 1503 года (А. Э. I, №№ 382. 383) и такіе же акты 1580 и 1584 годовъ (Собран. Госуд. Грам. I, №№ 200. 203).

([471]) А. И. I, № 272; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 157—158; VIII, 219; А. Э. I, №№ 382. 383.

При поставленіи на митрополію новгородскаго архіепископа Макарія въ 1542 году находились: архіепископъ ростовскій и епископы—суздальскій, смоленскій, рязанскій, тверскій, коломенскій, сарскій и вологодскій; на Стоглавомъ соборѣ въ 1551 году: митрополитъ, архіепископы—новгородскій и ростовскій, епископы—суздальскій, смоленскій, рязанскій, тверскій, коломенскій, сарскій и пермскій (472). На соборѣ 1564 года: архіепископы—новгородскій, ростовскій и полоцкій, епископы—суздальскій, смоленскій, рязанскій, коломенскій, сарскій и пермскій; на соборѣ 1572 года: архіепископы—новгородскій, ростовскій и полоцкій, епископы—пермскій или вологодскій, суздальскій, смоленскій, рязанскій, тверскій, коломенскій и сарскій; на соборѣ 1580 года: митрополитъ, архіепископы—новгородскій, казанскій и ростовскій, епископы—вологодскій, суздальскій, смоленскій, рязанскій, тверскій, юрьевскій, коломенскій и сарскій (473). Наконецъ сохранилась одна полная роспись всѣхъ восточно-русскихъ епархій въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV, въ которой перечисляются: митрополитъ московскій и всея Россіи, архіепископы: великаго Новгорода и Пскова, казанскій и астрахапскій и свіяжскій, ростовскій и ярославскій, полоцкій и великолуцкій; епископы: вологодскій и великопермскій, суздальскій и торусскій, смоленскій и бряпскій, рязанскій и муромскій, тверскій и кашинскій, коломенскій и коширскій, сарскій и подонскій, Юрьева ливонскаго и всея земли Виѳлиндскія (474).

(472) Ник. Лѣт. VII, 35; Стоглавъ, гл. I.

(473) А. И. I, № 173; А. Э. I, № 284; Собр. Госуд. Грам. I, № 200. Въ граматѣ собора 1581 г. святители перечисляются въ томъже порядкѣ, какъ и въ граматѣ собора 1572 г., только смоленскій и юрьевскій опущены (Собр. Госуд. Грам. I, № 202).

(474) Опис. Румянц. Муз. стр. 785.

Предѣлы нашихъ тогдашнихъ епархій съ точностію намъ неизвѣстны. Но главнѣйшія мѣста, подлежавшія управленію каждаго изъ іерарховъ, обозначались въ самихъ ихъ титулахъ, какъ показываетъ только-что представленная нами роспись. Нѣкоторыя епархіи были слишкомъ обширны и растянуты. Напримѣръ, къ епархіи митрополита, кромѣ Москвы, Владиміра, Нижняго Новгорода, принадлежали еще, между прочимъ, Дмитровъ, Кострома, Галичь, Грязовецъ, Пошехонь, даже Череповецъ и Вятка (475). Епархія новгородскаго владыки обнимала собою не только всѣ бывшія новгородскія владѣнія, но и волоколамскую область и нѣкоторыя мѣста вологодскаго края. Духовная власть ростовскаго архипастыря простиралась на Бѣлозерскій край съ его многочисленными монастырями, на Устюгъ и Сольвычегодскъ (476). Предѣлы нѣкоторыхъ епархій иногда измѣнялись. Епископъ сарскій и подонскій, по сверженіи Россіею ига монгольскаго, когда самый Сарай былъ разрушенъ, переселился въ Москву на Крутицы, получилъ въ свое управленіе новыя мѣста, находившіяся въ нынѣшнихъ губерніяхъ—орловской, тульской и смоленской, и иногда назывался крутицкимъ и подрѣльскимъ, удерживая впрочемъ постоянно и свое прежнее, древнее названіе (477). Къ пермской епархіи, по волѣ великаго князя Іоанна Васильевича, присоединены были въ 1492 году церкви, находившіяся въ Вологдѣ и ея уѣздѣ и дотолѣ принадлежавшія частію къ митрополіи, а частію къ новгородской

(475) А. И. I, стр. 184. 191. 498—499; Д. А. И. I, стр. 362; Ист. Росс. Іерарх. III, 70; VI, 412. 656. 660.

(476) А. И. I, № 64; А. Э. I, № 173; Ист. Росс. Іер. VI, 170 180.

(477) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 225. 226; Ник. Лѣт. VI, 135. 136; *Карамз.* VI, примѣч. 326; Ист. Росс. Іерарх. I, 25. 436; Опис. Смоленск. епархіи, стр. 5, Спб. 1864.

архіепископіи. Съ того времени пермскіе епископы, жившіе прежде постоянно въ Устьвымѣ, начали жить по временамъ и въ Вологдѣ и именоваться пермскими или великопермскими и вологодскими, а иногда вологодскими и пермскими ([478]). Въ 1571 году, по волѣ царя Іоанна IV, прожившаго предъ тѣмъ около трехъ лѣтъ въ Вологдѣ, присоединены были въ пермской или вологодской епархіи отъ новгородской еще Двина, Вага, Холмогоры и Каргополь съ своими уѣздами. Но, по смерти Іоанна, всѣ эти мѣста вновь отданы (1584 г.) новгородскому архіепископу ([479]). Вятская страна, находившаяся подъ епархіальнымъ управленіемъ митрополита, вошла съ 1555 года въ составъ новой епархіи, казанской ([480]).

([478]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 221; Ник. Лѣт. VI, 131; А. Э. I, 346; Волог. епарх. Вѣдом. за 1865 г., прибавл. стр. 725 и слѣд.

([479]) А. Э. III, № 123.

([480]) Ник. Лѣт. VII, 231.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

Посланіе митрополита Іоны къ литовскимъ епископамъ о непризнаваніи лжемитрополита Григорія

(къ примѣч. 1, 10, 13 и друг.).

«Благословеніе отъ пресвященнаго архіепископа Іоны, митрополита Кіевскаго и всея Руси, о святѣмъ Дусѣ възлюбленнымъ сыновомъ и съслужебникомъ нашего смеренія, епископомъ земли великіе Литовьскіе, добрѣ бывшимъ строителемъ святыа церкве, правителемъ Божественнаго закона, благодать вамъ и миръ, еже о Христѣ святыя церк с благоустроеніе.

Помните оубо, сынове, прежде бывшее, еже о мнѣ смиренѣмъ, како, по милости Господа Бога, Спаса нашего, І. Христа и пречистыя Его Матере, святыя Богородица, азъ смиреный епископъ, бывъ преже моуромскій епископъ и рязанскіа земля, и колико лѣтъ пребывахъ въ послушаніи духовнѣ отца и господина своего, пресвященнаго архіепископа Фотѣя, митрополита Кіевьскаго и всея Руси, о немъ же благоволи Богъ пріати душу его въ небесное царство. И сіа вѣсте, како изволи Богъ и пречистая Богородица. еже получити ми паству великіа Божіа церкве и Богосъбраннаго Христова великаго стада словесныхъ овець. О сихъ же, чада, Богъ вѣсть, яко недръзновеннѣ, ни самовластнѣ таковая створихъ, ниже о сихъ желательнѣ душу имѣяхъ, но сіе бысть дѣйствіемъ святаго Духа. И по сихъ съ подвигомъ избранная и воли благочестію ревнителя, благо-

вѣрнаго великаго князя Василіа Василіевича, и достигохъ царствующаго града, цвѣтущаго въ прежнемъ благочестіи греческаго православія, и пріяхъ отъ благовѣрнаго царя и отъ святѣйшаго патріарха Іосифа благословеніе и отъ всего святаго сбора вселенскаго. И тако Божіею волею царь же и патріархъ, по своему благословенію и по всего святаго и вселенскаго збора, повелѣша быти ми на Русстѣй земли по Сидорѣ митрополитомъ; зане оуже тогда отъ нихъ поставленъ бысть Сидоръ митрополитъ, и по сихъ пребысть на Руси не мало время, и потомъ Рима достигъ, и оттолѣ злая еретная святѣй церкви Русстѣй принесе неподобная, да и самъ къ Риму отбѣже. И сгда бысть по временехъ злочтиваго Сидора ереснаго прихода, еже отъ Рима на Русскую митрополію, и паки, по отшествіи его другаго пути къ Риму, еже хожданіе растоянія ради святыя церкве и развращенія ради православію злыми своими ересьми, въслѣдуя прежнимъ богоотступникомъ Арію и Несторію. Видѣвъ же тогда сынъ нашь, князь великій, таковая Сидоромъ нечестья бываема, и остави его, яко безумна и отступника вѣры, и тако, Божіею волею и пречистыя Богородицы, духовнѣ попеченіе имѣяй, еже о святѣй церкви, новый Владиміръ, благочестія ревнитель, и мудрый изыскатель святыхъ правилъ Богоуставнаго закона святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданія, и въ благочестіи цвѣтый благовѣрный князь великій, Василій Васильевичь, вскорѣ о сихъ възвѣщая ми, еже Сидоромъ дѣемымъ, даже и о поставленіи въ своей земли митрополита, по изысканію святыхъ правилъ, своея земля епископы, и обсылаетъ о сихъ брата своего, короля и великого князя Литовскаго, и тако прошенья волю о поставленіи и грамоты его пріимъ, и съзываетъ архіепископы и вся епископы великодръжавныхъ земль своихъ Русскіе митрополіи, ихже нынѣ имена суть на небесѣхъ написана въ книгахъ животныхъ. И створше зборъ великъ въ церкви архангела Михаила, въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, и милостію Божіею и пречистыя Его матере, святѣй Богородицы, и по извѣщенію святаго Духа, и по изысканію святыхъ правилъ Божественнаго закона, и по прежнему благосло-

венію царя же и святѣйшаго патріарха и всего ихъ вселенскаго святаго збора греческаго великаго православія, и по начатью, о Бозѣ дѣйствующаго, благовѣрнаго великаго князя, Василія Василіевича, святыя его великыа церкве, дѣло благо и совершися, еже о мнѣ, паче же Богу споспѣшествующу. И быхъ свершенъ въ Русстѣй земли митрополитъ Кіевьскій и всея Руси. Другаго же шествія долготы пути великаго не створихомъ, еже ко царствующему граду Богоуставнаго закона, до царя же и патріарха не пріидохъ, нужа ради путемъ великіа тѣсноты, насилованіемъ множества отъ поганыхъ; зане бо многихъ тогданшіе земли Русскіе людей, великихъ гостей и шествующихъ тѣхъ путемъ и, побивше погании, смерти предаша, а товара безчисленное множество разграбиша, и никому же тогда проити не дадуще сѣмо же и овамо. Ктому же еще и о сихъ извѣстнѣ увидѣхомъ, зане уже по грѣхомъ тогда пріиде раскола и мятежъ святѣй великѣй зборнѣй церкви гречестѣй съ Римскою, прелести ради богомерскаго Сидора, еже въ осмомъ си зборѣ, обольсти царя же и патріарха греческаго и створи имъ, якоже Іудеи Христу створиша, воздающе за манну желчь, за воду оцетъ, и распенша и кресту пригвоздиша. Сидоръ же прельстивъ царя и патріарха, разлучи отъ закона ихъ святаго и погубели исполни ихъ. Богозданному же великому Царю-граду, сами вѣсте, како того ради смущенія по малыхъ временехъ отъ Бога попущенною казнью; многимъ волненіемъ поганыхъ языкъ людіе православія сотрошася прелести ради вѣрѣ православія греческаго и Сидорова дѣля развращеніа. О таковѣ бо Апостоль, пиша, глаголетъ: *аще кто разсыплетъ храмъ Божій, разсыплетъ того Богъ.*

Помните паки, сыновс, и сіа: како азъ, смеренный, пришедъ въ святую си церковь на Кіевѣ, въ великую дръжаву короля и великого князя Литовскаго, по уставу Божественнаго закона смѣреннѣй благочинникъ и по святымъ правиломъ имѣя богопорученное си строеніе и попеченіе, еже о святѣй церкви и о уставленіи приношеніа святыа службы и о молитвеныхъ предстоящихъ къ Богу, еже о здравіи и многолѣтствіи самодръжав-

наго короля и великого князя Литовскаго, и о его благовѣрныхъ князехъ, и боляpехъ, и о всемъ православномъ христіанствѣ вашее паствы Русскіе митрополіи кіевскіе и Литовскіе земли. И бывалъ паки есмь неоднова тамо, оуправленіа ради святыя церкви, а небогатьства дѣля злата, ниже сребра, ни возмездіа ради почести, якоже онъ преже бывшій Сидоръ, грабитель и врагъ церковный, татествомъ ихъ пограбивъ святую церковь пречистые Богородици здѣсе на Москвѣ, и поималъ безчисленное множество злата церковнаго, а подкручя насъ на путь неправды ко оставленію осмаго си збора, отреченнаго святыми правилы Богоуставнаго закона прежнего православія греческаго, и заповѣдію святыхъ апостолъ, и преданіемъ святыхъ отецъ, Богосъставленныхъ святыхъ седми зборъ всея подсолнечныя, и утвердивше о сихъ добрѣ и повелѣша намъ вѣровати въ святую и животворящую и единосущную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа. О осмомъ же всея вселеныя зборѣ заповѣдь тверду написавше, въ святыхъ правилѣхъ положиша, запрещающе зѣло, еже на такова никтоже да не дръзаетъ, ни съставляетъ, ниже покупается о сицевыхъ дѣлати же и творити, кромѣ особныхъ дѣлъ, помѣстныхъ си управленіи церковныхъ, въ своей земли митрополитъ съ епископы своими, или епископъ въ своей си церкви съ священники своими да створяютъ; а осмому великому збору вселеныя никакоже святая правила быти не повелѣваютъ и съ проклятіемъ отрицаютъ. Сѣятель же горкаго сѣмени таковая сдѣла Сидоръ своею прелестію, якоже діаволъ, съ нимъ же Григорей чернецъ, ученикъ его.

И сіа паки помните, сынове, како азъ смиреный, по божественному закону, не оставихъ вашего прошенія и желанія о Божественей паствѣ святыя церкве, и тако по святымъ правиломъ дахъ вамъ освященіе и благословеніе на главы ваша, и устроихъ вы церковніи правители, истиніи учители, и яко добріи пастыри Христову стаду словесныхъ овецъ. И нынѣ о сихъ также, сынове, благословляю вы. Господь Богъ да управитъ о всемъ благочестнѣ и законнѣ по святымъ правиломъ путь честенъ вашея паствы, правленіе святыя церкве и духовнѣ съблюденіе Хри-

стова стада словесныхъ овець. И о таковыхъ благочестіи добрѣ подвизайтеся, яко же и мы, Божіею милостію и пречистые Богородицы. И сія вѣсте сами, сынове и сослужебницы нашего смеренія, колико уже лѣтъ азъ, смиренный, имѣяхъ великую наству, по Божественному закону правя и устрояя святую великую церковь Русскаго православья, по святымъ правиломъ, безмятежнѣ, и до днесь моля Бога и пречистую Богородицю о здравіи и многолѣтствіи благовѣрнаго великаго князя Василья Васильевича и сына его, благовѣрнаго великаго князя Іоана Васильевича, и благовѣрнаго князя Георгія Васильевича, и о всѣхъ благовѣрныхъ князехъ, и боляpехъ, и о всемъ великомъ господствѣ ихъ великого благочестіа, яко, да устроитъ Господь Богъ въ мирѣ и тишинѣ велицѣ вся времена лѣтъ живота ихъ. Нынѣ же, сынове и сослужебницы нашего смеренія, слышимъ пришедшаго къ вамъ церковнаго врага, Сидорова ученика Григоріа, черньца богомерзъскаго, и того ради пишу вамъ: блюдѣте опаснѣ сихъ, да не възмететъ у васъ богоотмѣтный Григорей святыя церкве, ниже лестью да не простретъ сѣти зміевы, сатанины злыя ереси, ниже насѣетъ грѣховнаго плевела ложнаго ученья, ни покрыетъ мьглою прелести развращенія вѣрѣ божественнаго закона святыхъ апостолъ. Вы бо сами пріимше отъ нашего смиреніа благословеніе и по святымъ правиломъ бысте богоизбранни правители святыя церкви и истиннїи оучители миру и проповѣдницы вѣрѣ благочестіа, да никако же не пріимете его; сами бо вѣсте преже бывшая злая нечестья ихъ. Азъ же нынѣ о сихъ пишу, вспоминая вамъ, како оубо Сидоръ и той чернець Григорей, ученикъ его, насытишася яду змінна, сатанины прелести, злыя ереси прежнихъ богомерьзскыхъ ересникъ, и съставиша богоненавистны, отмѣтны зборъ вселенски, сшедшеся во Флорентіи, градѣ Римскомъ, его же осмымъ нарекоша, и тако увязноувше въ сѣти златолюбія. Якоже онъ, злый рабъ и льстець, окаанный Юда, обіятъ бысть мрежею сребролюбія и продасть безцѣннаго, Ему же недостоитъ весь миръ: такоже и Сидоръ истинную вѣру благочестіа на златѣ отдаваетъ нашѣ Римскому, и того ради незаконнѣ почесть гордости бѣсов-

ная взимаеть, и Богоуставнаго закона православья вѣры отмещется, и тмою своего невѣріа покрывается. Егда же отъ Рима приде къ намъ и тако звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища, лятьскаго же и нѣмецкаго; егда же въ молитвенныхъ реченіихъ святыя службы и вмѣсто святыхъ патріархъ вселенскихъ помнаетъ и блажитъ Сидоръ Евгенія, папу Римскаго, о немъ же никогда же не приглашаетъ святая церкви нашего православіа; съ Сидоромъ же и чернець его той и діаконъ Григорей, ученикъ его, единосложно таковая согласуютъ и слѣдующе сообщникомъ своимъ богомерзъскаго ихъ збора отреченнаго, ихже не пріемлетъ святая церкве православіа и зѣло отрицаетъ. Егда же бысть, по скончаніи святыя службы, тако повелѣ Сидоръ, ставъ посредѣ церкви чести велегласно богомерзъскаго си осмаго вселеныя збора отреченнаго святыми правилы, еже сдѣла грамоту, въ ней же писано есть раздѣленіе о святѣй Троици, согласующе, яко отъ Сына Духъ исходитъ, и опрѣсночная намъ съединиша приношенія въ святѣй службѣ святыя церкве. Сидоръ же съ Григоріемъ, вкупѣ блядовьствующе, о сихъ добрѣ похваляютъ, и ина богомерзъская, богоотмѣтная многа, еже святѣй церкви развращенная, глаголаху. Святая же, великая наша Божія церкви русскаго благочестія дръжитъ святая правила и Божественный законъ святыхъ апостолъ и уставъ святыхъ отецъ, еже пріа преже бывшія святыя великія зборныя церкви богозданнаго царствующаго града великаго православья греческаго, прежнего богоуставнаго благочестіа, отъ нея же преже бывшіи митрополити Русстіи устраяли и управляли святую церковь Русскаго благочестіа безмятежнѣ, и того ради отъ Бога вѣнци святыми вѣнчашася и великихъ чюдесъ сподобишася. Святый Петръ митрополитъ, Алексѣй митрополитъ церковніи правители быша, истиннїи учители благочестіа, и къ Богу отъидоша, еже по смерти, и до нынѣ чюдеса творятъ Божіею волею, ихъ же молитвами и мы сподобихомся отъ Бога пріяти правленіе святыя си церкви въ Роустѣй земли восіявшаго благочестія и паству великаго, Богоизбраннаго Христова стада словесныхъ овець, въ немъ же и пребываемъ благочестьи прежнемъ, доколѣ Богъ велитъ. Егда же

узрѣ благоразумный квязь великій, Василій Васильевичь, въ Божіей церкви великаго сн благочестіа, неудобь дѣлаемо Сидоромъ развращеніе святѣй церкви благочестію ихъ великому, православію Рускіа земля, и тако повелѣваетъ тогда побыти ему во обчемъ монастыри великаго архангела Михаила, донелѣ же пошлетъ до царствующаго града ко царю и патріарху и ко всему збору православіа о Сидорѣ, да увѣсть отъ нихъ: что ради бысть сицево развращеніе отъ него святѣй церкви злыми ересми. Сидоръ же тогда бѣсуяся и тако нимало времени пождати не стерпѣ, срама ради обличенія своего о злыхъ ересехъ, еже дѣлаше и тмою своего безвѣрія оболъкся, нощію бездверіемъ изшедъ, татствомъ бѣгу ятся и со оученикомъ своимъ Григоріемъ съ черницемъ. Благовѣрный же князь велики Василій Васильевичь не посла за нимъ възвратити его, ни въсхотѣ дръжати его, яко не смыслена и богомерзъска, да не приступится грѣси его, зане бо святая правила Божественнаго закона святыхъ апостолъ повелѣваютъ таковаго церкви развратника огнемъ сжещи, или живого въ землю засыпати.

Сидоръ же, о таковыхъ своихъ ересехъ ничтоже пріимъ зла, къ Риму отбѣже, и нынѣ, отдалеча, Сидоръ таже творитъ, якоже злый, пагубный змій діаволъ, жестоко гоня святую церковь, развращая русскаго благочестія, и вводитъ нынѣ отъ Римскаго папы митрополитомъ на Русь черньца Григорья, богоотмѣтнаго ученика своего, таковаго же съ нимъ богомерзъскаго и тмокровныхъ ересей исполнена, о немъ же коротко. И великій князь Литовскій присылаетъ къ своему брату, великому князю Василію Васильевичу, посломъ Якуба, своего писаря, да съ нимъ Ивашенца, о томъ, чтобы Григорія пріяти имъ собѣ митрополитомъ. Благовѣрный же князь великій Василій Васильевичь и сынъ его, благовѣрный князь великій Иванъ Васильевичь, никако же не въсхотѣша пріяти таковаго врага бывша святѣй церкви, Григорія черньца, ркуще—волка, а не митрополита, и не пріяли его. Азъ же, смиренный митрополитъ, и со всѣми сыповы и сослоужебники нашего смиренія, со архіепископы Русскіа земля и со всѣми епископы, вашею богодуховнѣ братьею, церковными правили, и со всѣми соборы святыя церкви, иже въ

великомъ благочестіи Русскаго православія, вси дръжимъ богоотмѣтнаго черньца Григорія отлученаго отъ святыя церкве и богомерзъска врага, и чюжа православныя вѣры, якоже и Сидора ересна, бывша прелестника великому благочестію святыя церкве и всему православію Русскія земля,—имъ же да въздасть Господь Богъ, въ день страшнаго суда, по дѣломъ ихъ. Намъ бо есть, сынове, подвизаніе и попеченіе о сихъ имѣти, яко, да, таковыми ложными учители не будутъ въсхищени словесныя овца стада Христова. И благословляю васъ, сынове и сослужебници нашего смиренія, да не пріемлете отъ богомерзъскаго Григорія и послоушанія ложныхъ его словесъ. Аще начнетъ ученьемъ глаголати или писати къ вамъ, да не послоушайте: аще ли запрещенье что дѣлати начнетъ, вы же сихъ не внимайте: аще ли что напрасьствомъ хощетъ развращенья, вы же не усумняйтеся, по реченному въ святомъ Евангеліи Господню словеси: *не оубойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же никакоже коснутися не могущихъ*. И вы, сынове, яко же и мы, имѣйте богомерзъска: о того черньца Григорія отлучена отъ святыя церкве. Вы бо есте, сынове, яко Божественнаго рая древеса добронолодная. Вамъ есть богопоручена, еже по святымъ правиломъ и по нашему благословенію, церковная власть. Вы бо есте, сынове, богоизбранніи церковніи пастыри и учители; вамъ бо, яко же и намъ, подобаетъ пещися о управленіи святыя си церкви. И тако сынове дни бывше и облекшеся, яко же во броня, во истинную Христову правду и крѣпцѣ подвигшеся по благочестіи, имѣюще Христова огнедухновенная уста, и пріимше мечь духовный, еже есть слово Божіе, и пребудете противъ духоборца, якоже твердіи адаманти, отгоняюще богомерзъскаго черньца Григорія, святыя церкве врага, и отсѣкающе его злыя плевелы непріязни—ложныя ученія его, и мудръствующа беззаконнующая бездверья прелести уста его Божіею силою словесъ заградите, угашающи пламень лютаго безбожья и сѣти непріязненыя злыхъ его ересей размещете, а Божіа сила Отца и Сына и Святаго Духа помогаетъ вамъ: Господь Богъ съ вами есть, никтоже на вы. И тако, сынове, пребудете о Бозѣ, управляюще святую церковь, и

по святымъ правиломъ утверждающе вѣру православья, иже въ Рустѣй земли восіявшаго благочестіа, и ученій духовныхъ словесъ напитѣющие богособранное Христово стадо словесныхъ овецъ своея паствы, зблюдающи отъ мысленаго волка Григоріа и отъ всѣхъ враг навѣта непреклонно.

А благодать Божіа и милость и пречистыя Его Матере, о Христѣ благословеніе и молитва нашего смиреніа да пребываетъ съ вами духовнѣ всегда и днесь, Божіею волею, неразлучнѣ. А писалъ на Москвѣ Августа мѣсяца».

(Изъ Сборн. Новг. Соф. библ., въ четв., XVI в., № 677 или 675, л. 184—189).

№ II.

«Рукописаніе Даніила, епископа» владимірскаго

(къ примѣч. 11, 35 и др.).

«Се азъ, смереный Даніилъ, епископъ Володимерьскый и Берестійскій, дерзноухъ поставитися епископомъ на ту на володимерьскую епископью отъ Сидора митрополита и отъ инѣхъ митрополитовъ, смудрьствующихъ Исидору, и еже о немъ собраннаго тогдашнего въ Цари-градѣ собора. А того не разумѣхъ, что тотъ Исидоръ митрополитъ сходатай и споспѣшникъ былъ оному латиньскому, еже въ Фроренціи бывшему, осмому собору, и латыньская вся преданія похваляющему, и имя папы Римскаго въ молитвеныхъ въспоминовеніихъ поминающему, и опресночный хлѣбъ съ кислымъ хлѣбомъ изравнившему и единымъ въ едино сотворшему, и прочая вся обычая и нравы и пошлины латынскіа творящему, и съ тогда бывшимъ въ цари-градѣ Григоріемъ патріархомъ, единомудрьствующемъ о всемъ Исидору. И пріахъ отъ нихъ рукоположеніе на епископство, и исповѣданіе свое вдахъ имъ, по ихъ воли, яко же ми повелѣша. И нынѣ азъ, смиреный Даніилъ, епископъ Володимерьскій и Берестійскій, то прежнее исповѣданіе свое и Исидорово мнѣ поставленіе отмѣтаю и отрицаюся и во всемъ ничто же въмѣняю. Тако же и

имя папино и Исидорово, и того ихъ осмаго собора събраніе, и еже на моемъ поставленіи собранныхъ соборъ отлагаю и проклинаю. Исповѣдаю же ся Богови и пречистой Его Богоматери и повинуюся во всемъ своему господину, преосвященному митрополиту Іонѣ Кіевскому и всея Руси, вѣрою и согласіемъ держати ми вся христіаньская, церковная преданія неизмѣнно и неизвратно по святымъ правиломъ, яко же предаша намъ святіи апостоли и святіи Богоносніи отцы въ седми же святыхъ соборѣхъ. И сіе ми правити и держати и въ томъ пребывати и до послѣдняго своего издыханія. Исповѣданіе же свое нынѣшнее правыя и непорочныя христіаньскія вѣры исповѣдаю сице, еже есть, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, едино Божество:

Вѣрую во единаго Бога, Отца, вседержителя, творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И въ единаго Господа, Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго, отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, а не сотворенна, единосущна Отцу, Имъже вся быша. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и въплощьшася отъ Духа свята и Маріи дѣвица, и вочеловѣчьшася. Распеньшаго ся за ны при Понтійстемъ Пилатѣ, и страдавшаго и погребенна и въскресша третій день по писаніихъ. И взшедша на небеса, и сѣдяща одесную Отца, и пакы грядуща со славою судити живымъ и мертвымъ Егоже царствію нѣсть конца. И въ Духа Святаго истиннаго животворящаго, еже отъ Отца исходящаго, еже съ Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сославима, глаголавшаго пророкы. Въ едину святую, съборную и Апостольскую церковь. Исповѣдаю едино крещеніе въ оставленіе грѣхомъ. Чаю въскрешенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.

К симъ же пріимаю святыхъ и вселенскихъ седмихъ соборовъ, иже на сохраненіе правыхъ велѣній собравшихся святыхъ отецъ. Исповѣдаю, яже отъ нихъ уставленныя, любити и соблюдати каноны и святыя уставы, елики священѣными нашими Отци, по различнымъ временомъ и лѣтомъ, изъоброзиша. Всѣхъ, ихже пріяша, и азъ пріимаю, и ихже отвращаются и азъ отвращаю-

ся. Еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдати, и инедиными же правомъ противная мудрьствовати во всемъ животѣ своемъ, во всемъ послѣдуя и повинуяся пресвященному господину моему, митрополиту Кіевскому и всея Руси Іонѣ, и еже о немъ священному всему его собору, архіепископомъ и епископомъ. Обѣщаю же ся, во страсѣ Божіи и Боголюбивымъ правомъ, порученное ми стадо управляти, отъ всякаго забора лукаваго чиста же себѣ соблюдая, елика ми есть сила. Еще же исповѣдаюся съ списаніемъ симъ, яже не дахъ ничесоже по причетъ сея епископіи, ни мѣнилъ семь дати никому же чьсо любо, ни дамъ; но пріймаю и яже отъ сихъ апостольская и отеческаа ученія, развѣ разумовъ и оуставовъ, еже во священной митрополіи истоpовъ. Къ симъ же исповѣдаю, яже имать пошлины митрополичьскый престолъ, во всемъ предѣлѣ моемъ соблюдати непредложено якоже и преже бывшіи епископи и моя брата тоя моеа епископіа, и не отворити ми ничтоже по нужди ни отъ царя, ни отъ короля, или же отъ князя велика, или отъ князій многихъ или отъ людей многихъ, аще ли и смертію претятъ, веляще ми служити или святительское что сотворити въ чоуждій епископіи и во всѣхъ властехъ, кромѣ епископіи, данное ми нынѣ господиномъ моимъ пресвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси Іоною,—по сей по моей грамотѣ, кромѣ осмаго собора Сидорова, егоже ся отрѣкохъ поставленія симъ своимъ списаніемъ. Или, отшедшу ми въ которую страноу чуждую не пѣти ми обѣдни безъ вѣдѣнія митрополича, въ чіемъ предѣлѣ буду, не поставити ми ни попа, ни діакона чюжаго предѣла. Еще и на томъ обѣщеваюся: всегда позвати мя тебѣ, господину моему, преосвященному митрополиту Кіевскому и всея Руси, Іонѣ, безъ слова всякаго ми ѣхати къ тебѣ; и на томъ обѣщеваюся, хотя мя князи держатъ или боляре, не ослоушатимися повелѣнія твоего, господина своего, митрополита Кіевскаго и всея Руси Іоны; еще же и на томъ обѣщеваюся: не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ тебѣ, своего господина, митрополита Кіевскаго и всея Руси Іоны, или кого поставятъ отъ истиннаго православія. Къ симъ же исповѣдаю не оставити, во всемъ своемъ

предѣлѣ, ни единого же отъ нашея православныя вѣры къ Арменомъ свадбы творити, и кумовьства, и братьства, такоже и къ Латыномъ. Аще ли же то который попъ отай мене створитъ, и мнѣ повѣдати господину моему митрополиту. Створю ли что таково безъ повелѣнiа и безъ грамоты митрополита, или преступлю что да и едино отъ сихъ, написанныхъ здѣ, лишенъ буду сана своего безо всякаго слова. Аще ли же чрезъ се свое исповѣданiе и чрезъ выше реченыя своя глаголы въ чемъ преступлю, или инако что мудроствовати буду, или онъ латинькiй съборъ похваляти въ какихъ речехъ буду, или папу Римскаго, или того Сидора, мене поставльшего, въ воспомяновенiи и въ доброславьи и въ похваленiи имамъ имѣти, и безъ всякаго извѣта чюжь буду святительства и святыа, соборныа, апостольскiа церкви и сослоуженiя своего господина Iоны, митрополита Кiевскаго и всея Роуси и еже о немъ священнаго собора, всѣхъ боголюбивыхъ архiепископовъ и епископовъ русскихъ, но и осуженiе вѣчное да воспрiиму во онъ будущiй и страшный день судный, предъ нелицемѣрнымъ, праведнымъ Судiею, Царю царствующимъ и Господу господствующимъ, и въ безконечныя вѣки. Аминь. Подписахъ сiе своею рукою въ лѣто 6960, индикта 15, мѣсяца Октября 28».

(Изъ Сбори. Новгор. Соф. библ., въ четв., № 677, л. 210—214).

№ III.

«Начало паскалiи преложно на осмую тысящу лѣтъ»,—Геннадiя, архiепископа новгородскаго

(къ примѣч. 141 и др.).

«Повелѣно бысть отъ господина отца нашего Зосима, митрополита всеа Русiи, мнѣ, Геннадiю, архiепископу великаго Новагорода и Пскова, учинити паскалiю на осмую тысящу лѣтъ: понеже седмотысящьное время прейде, да и паскалiа рядоваа с толкомъ изошла, и нѣцiи мнѣша, яко скончаваемъ седмой тысящи быти и скончанiе міру, яко же и преже, скончеваемъ шестой тысящи, сицевожемнѣнiе обьдрьжаше люди. Но тогда убо

извѣтъ имѣаху седмьтысащьнаго времени, приходяща по Соломоню: *дай же часть седмымъ и паки осмому*. Понеже седмеричень настоящій сій вѣкъ, да и чаали, сконьчеваемѣ седмой тысащи, быти и сконьчаніе міру. Списавый же *Зерцало* и сіе реченіе благословнѣ вмѣнивь: даиже утаеное отъ Бога неиспытно пребудетъ же и бысть; да всѣдетельство богослова приведе: егда наполнится горній мірь, тогда и ожидай скончаніа. Сеже тѣхъ святыхъ рѣченіе не быша спротивна Господемъ глаголемымъ: *о дни же томъ и часть никто же вѣсть*, но и онѣхъ самѣхъ глаголаніа достовѣрнѣйшаа явишася съгласіа, имущіи же въ Евангеліи реченнаа; понеже, седмьтысащному времени и вконець пришедшу, не бысть сконьчаніе міру. И они убо за колико лѣтъ сіа предвозвѣстиша, Духомъ Святымъ просвѣщаеми, да не многопытно человѣцы к невѣдомому предлежатъ. Но и Омосъ пророкъ глаголетъ: о лютѣ, помышляющи день господень, воскую же вамъ день господень, себо тма, а не свѣтъ. И понеже невѣмы сконьчаніа своего, въ кіи часъ пріидемъ отъ міра сего въ онъ вѣкъ, да того ради велѣно на всякъ часъ готовымъ быти, а испытати яже выше себѣ. Тѣмь же, сіе мнѣніе отъемля, богословь глаголя: егда наполнится горній миръ, тогда и ожидай скончаніа. Та же и о вѣцѣ писа: седмеричнымъ числомъ вѣкъ наполняется, и осмый день образъ будущаго вѣка носитъ.

Да и о семъ, явленно створимъ, яко паскаліа не новосставлена бысть, ниже имать сконьчатися, донелѣже благоволитъ Богъ и миру сконьчаніе приняти. Понеже алфа и кругы солнечные и луны, и рукамъ обьхоженіе, отъ нихъ же високоси и паскаліа обьходитъ, сіе уставлено есть коловратно, а коньца не имать того ради, что сконьчаніе миру будетъ безвѣстно. И что есми обрѣли въ владычнѣй въ Васильевѣ книзѣ алфу на сто лѣтъ и 30 и 2 лѣтъ; а въ нѣй писана вся 7000 лѣтъ по границамъ, котораа тысаща в которой границы кончалася. Да та алфа ключь границы дръжитъ, и паскаліа съ азъбукою ту же вмѣстѣ з границею поставлено; да в ней писаны мясопусты, да праздники, да пасха христіаньскаа. И мы не тоа алфы вывели на осмую тысащу паскаліе рядовые с толкомъ десять седмиць, на седмъ-

десять лѣтъ, да и написати есмя велѣли ту алфу слово в слово, котораа тысаща в которой границы кончалася, да что и памяти писаны по границамъ. Да поставили есмя ту алфу да свитци простыа седьмерочисленікомъ в подписаніи с тою паскалією, с рядовою, вмѣстѣ; да того ради лишнего ничего невмевъставили есмѣ в рядовую паскалію, пріидущихъ ради временъ. Запеже, егда съблюдетъ Богъ мира до тѣхъ лѣтъ, а таа десять седмиць паскаліи на 70 лѣтъ изойдетъ, пакы не тое алфы и впередъ можеве вывести паскалію рядовую с толкомъ, наколко хощете лѣтъ. Да поставилъ есми ключь границы, что алфа обьдръжитъ в началѣ паскаліи рядовой, да и числа рукамъ и лунпаго обьхоженіа, чтобы в забьвеніе не пришло. Да того ради в началѣ есмя нашли 2 лѣта прошлой паскаліи седмыа тысаща, девятьдесятъ девятое да седьмьтысящьное, въ свѣдѣтельство нынѣшнимъ лѣтомъ осмыа тысащи; да ключь границы, что алфа обдръжитъ, поставилъ есми в тѣхъ же дву лѣтехъ седмыа тысащи, в девятьдесять девятомъ да вседмътысащномъ, исправленіа ради тѣхъ лѣтъ седмидесять осмыа тысащи, да и мнѣніа ради простыхъ людей, мнящихъ не из начала сіа сотворена быти. И егда хощете изъ алфы на колико лѣтъ вывести паскалію, прежде возьмете 2 лѣта прошлыа тысащи, и обращете в девятьдесять 9-мь ключь границы (ѳ), пакы в седмътысащной ключь границы (к); в той же границѣ и конець пріатъ седмаа тысаща; на конецъ четвертаго столпа быть тогда (кн), а кругъ солнцю 28, а вруцѣлѣто—7, таже осмаа тысаща начало пріятъ, на пять столпъ взыде. В начало столпа того ключь границѣ (н), кругъ солнцу, а вруцѣлѣто — 1. Итако же конець осмыа тысащи пріидетъ: да потому и мы поискали по алфѣ на осмую всю тысащу лѣтъ, и в коей границѣ сконьчаніе пріимутъ, и обрѣли есмя в границѣ ключь поставленъ—*мыслите*, в неже сконьчанѣ будетъ осмыа тысащи. Да сіе написали есма простыхъ для людѣй, мнѣніе дръжащихъ о сконьчаніи миру, да на то плошитися неподобаетъ, но ждати пришествіа Христова на всяко время: безвѣстно бо сіе уставлено. И толко благоволитъ Богъ еще миру стоати, ино то готово въ обьхоженіе временемъ, поставлени кругъ, слѣ, сол-

нечный кругъ и лунный, да рукамъ числа, почему знати лунное теченіе, и пасха христіаньскаа, и мясопусты, да потому и вся праздники. Да и писаніемъ симъ избавили есмя, что алфа безконечно имать обьхожденіе. Да и паскалію из неа можете вывести такоже, на колко хотѣти. И какъ 7-а тысаща изошла, да и паскалія рядоваа с толкомъ извелася, да еще ктому нѣкто написалъ: «здѣ страхъ, здѣ скорбь, акы в распятіи Христовѣ; съ кругъ бысть сіе лѣто, и наконцы явися в немъ, чаемъ и всемирьное тое пришествіе»,—ино о томъ молва была в людѣхъ нетокмо простыхъ, но и непростыхъ; многыхъ сумненіе бысть. Да того ради приложихомъ сіе писаніе о алфѣ же и о рукахъ, и о кругѣхъ солнечныхъ, еже бесконечно имать обьхожденіе.

Да нетокмо тщеславіемъ или гордостію обносимъ, мнѣніемъ прельщенъ, яко отъ своего разума сіе сотворити мняся, или ново сіа вмѣа быти,—нѣтъ, да небудетъ сего безмѣстіа: сіа бо из начала сътворена суть. Яко Енохъ праведны писалъ о вѣцѣ, сице глаголя: преж, да иже вся небыша, постави Богъ вѣка сътвореная, и потомъ створи всю тварь видимую и невидимую, и повсему тому създа человѣка въ образъ свой. И тогда раздѣли Богъ вѣкъ, человѣка ради, на времена, на лѣта, на мѣсяци, на дни и на часы, да разумѣетъ человѣкъ временъ премѣну, чтетъ своса жизни конецъ. И потомъ еллинъстіи мудрецѣ и астрономы лѣтомь числа положиша, кождо, по мнящемуся ему, изъглаголаша. И егда просіа благовѣріе христіаньство, и святіи отцы тѣ еллиньстіи кощуны в баснословіе положиша. Егда ученикомъ, въпрашающимъ Христа о сконьчаніи мира, когда си будутъ, Онъ же отвѣща: *не ваше есть разумевати времена и лѣта, яже Отецъ положи своею областію.* Да сіе утаено сътвори, нетокмо отъ временъ, но отъ лѣтъ, и отъ дней, и отъ часовь, яко же рече: *о дни томъ и о часѣ никтоже вѣсть, ни ангели, ни пакы Сынъ, но токмо Отецъ.* Святіи же отцы, Духомъ Святымъ подвижни, изложиша алфу по нашему Христіаньскому закону, тако же и солнечный кругъ, да и рукамъ обшествіе, ими же високостъ обрѣтается. Да сіе учиниша коловратно, неимаше сконьчаніа, дондеже и второе Христово при-

шествіе будетъ. О немъ же и самъ Христосъ изъяви: яко молнія поднебесньй свѣтится, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго; и паки: яко же при потопѣ ядяху и піяху, женяхуся и посягаху, прінде потопъ и взятъ вся,—сице будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Та же запечатлѣвъ, рече: *небо и земля мимо идетъ, а словеса моа не имутъ прейти.* Да отъемля извѣтъ глаголя ученикомъ: се прежде рехъ вамъ; и паки: еже всѣмъ вамъ глаголю, да никто же имать извѣта предложити о грѣсѣхъ своихъ. Яко же апостолъ глаголетъ: въ всякомъ языцы боящійся Бога, дѣлаай правду пріятъ Имъ есть. И егда иновѣрнымъ сія речена быша и прочимъ отъ языкъ; егда кто въсхощетъ поискати Бога отъ всего сердца своего молитвами и милостынями к нищимъ, не имать ли Богъ послати аггела своего, яко же и къ Корнилію, наставити его на путь спасенія, въ еже пріити ему къ божественному крещенію: колми паче кто въ благодатномъ законѣ Христіаньскомъ, потщійся угодити Богу молитвою и милостынею, исправленіемъ закона Христіаньскаго, неимаетъ ли получити обѣтованіа вѣчныхъ благъ? Аще ли кто инако сіа мнитъ быти, давѣсто будетъ іудѣомъ же и языкомъ: въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, таже тѣлу и крови Христови причастникъ не будетъ, неимаетъ оставленіа грѣховъ получити. Егда бо предасть Христосъ новый завѣтъ, вземъ хлѣбъ, преломи, дая ученикомъ своимъ, глаголя: *пріимите и ядите, се есть тѣло мое, ломимое еже за вы, въ оставленіе грѣховъ.* Таже и чашу пріимъ, хвалу въздавъ Богу и Отцу, и дасть ученикомъ своимъ глаголя: *пійте отъ нея вси, се есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многи изливаемая въ оставленіе грѣховъ.* И свершивъ на тайной вечери словесную службу, хлѣбъ онъ, егоже преломи, тѣло свое нарече, о немъ же прежде многихъ лѣтъ Давидъ царь писалъ, рече бо: *тѣло же сверши ми еси.* А прежде остави іюдейскую жертву и приношеніе не въсхотѣ; та же жертву новую, Христову, представи, а іудейскую жертву в конецъ отверже глаголя: *всесъжженіе и о грѣсѣ не взыскахъ.* Егда богоотець Давидъ тайную жертву исповѣда Христову, абіе самому уже яко пришед-

ши, възопи, глаголя: *днесь гласъ Его услышите, неожестите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи.*

Тѣмъ же святіи Отцы написаша исповѣданіе православныа вѣры, дабы ея дръжали незабвенно братіа наша, православныа Христіане. Зане то святыхъ исповѣданіе, весь законъ православныа вѣры в малыхъ словесахъ, исповѣдуа отъ божества купно и человѣчества, в началѣ являетъ Отца превѣчнаго, сице глаголя: «вѣрую въ единаго Бога, Отца, вседръжителя, Творца небу и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ». Таже о Сынѣ речено бысть: «въ единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божіа, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рождена, несотворена, единосущна Отцю, имже вся быша». И паки плотское Его смотреніе образуетъ, глаголя: «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасеніа, сшедшаго съ небесъ и въплотившася отъ Духа Свята из Маріа Дѣвы вочеловѣчьшася». Таже и о страстехъ Его глаголано бысть: «и распятаго за ны при Понтистѣмъ Пилатѣ, страдавша и погребена». Таже и о воскресеніи Христовѣ речено бысть: «и въскрешаго въ третій день по писаніихъ». И о вознесеніи Господни речено бысть: «възшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца». Тажъ о второмъ Его пришествіи речено бысть: «и паки грядущаго съ славою судити живымъ и мертвымъ, егоже царствію нѣсть конъца». Македонію же злочестивому, умаляющу Святаго Духа, паки Святіи Отцы исповѣдаша Его единосущна Отцю и Сыну, глаголюща: «въ Духа святаго, Господа истиннаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже съ Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима». Егда Духъ Святый отърыгну пророческыми усты пришествіе Сына Божіа, сіа вмалыхъ словесахъ изъяснища, глаголюще: «глаголавшаго пророкы». Въ православныа вѣры нашеа таинъство, еже хлѣбъ и вино с водою приносить во церкви за мирское спасеніе во оцыщеніе грѣховъ, да и божественного спасенія правило единьственно положено бысть в соборной церкви глаголати. Аще ли кое разгласіе имать в нѣкихъ, кромѣ преданіа Святыхъ Отець, сіа да глаголится со-

борнаа церкви. О томъ глаголано бысть: «въ едину, святую, соборную и апостольскую церковь». Паки же рече Христосъ: *аще кто не крестится водою и Духомъ, не имать внити въ царствіе небесное.* О семъ речено бысть: «исповѣдаю едино крещеніе въ оставленіе грѣховъ». Въ жидехже быша фарисеи и саддукеи, отметахуся въскресенія мертвыхъ, и ни ангела, ни духа имѣаху; фарисеи же о обою исповѣдаху. Но по фарисеехъ много божественное писаніе свидѣтельствуетъ, и отъ пророкъ и апостолъ, и отъ святыхъ отецъ; саддукіе же ни едино отъ сихъ. И еретицы убо, саддукійская дръжаще, истину отвергше, лжи послѣдоваху. Сего ради поставлено святыми отцы бысть сице: «чаю воскресенія мертвымъ и жизнь будущаго вѣка, аминь». Да того ради подобаетъ сей стиха внимательно глаголати, и честно дръжати. Якоже святому Евангелію чтущу, съ страхомъ стоати, сице и сему стиху глаголему, такоже подобаетъ съ страхомъ стоа, и внятно послушати: понеже седми соборъ всѣхъ святыхъ отець съ подвигъ. О пресвятѣй Троицы и о человѣченіи Господа нашего Іисуса Христа на пръвомъ съборѣ сіе исповѣданіе православныа вѣры изложена быша отъ многа на мало. Тажъ на 2-мъ соборѣ на Македоніа духоборца изложиша изверженіе, Духа же Святаго исповѣдаша единосущна Отцю и Сыну. И тако въ Троицы единъ Богъ славимый и въ православномъ Христіанствѣ. Сіа же азъ написахъ братіи нашей, православному Христіанству. Понеже сіе исповѣданіе всегда въ церкви да глаголится, и напоставленіе свѣтителемъ, и на крещеніе дѣтемъ, начеже на Божественной Литургіи всегда неваемъ есть. Но мы нѣкіа видимъ, невнятно сіе исповѣданіе православныа вѣры глаголющихъ въ церкви; да сіе отъ неразуміа, или отъ бестрашіа Божіа ражается, и еже не имѣти Господа предо очима. Многибо въ церковь Божію входяще, не яко скверну грѣховную омыютъ, но большее нехоженіе себе исходатайствуютъ, и вмѣсто еже бѣ страхомъ стоаще, молитву приносяще къ Богу о своихъ съгрѣшеніихъ, да и божественнаго писаніа усердно послушати, они же о житейскихъ бѣседахъ упражняющеся, шепты творяще, но с мѣста на мѣсто

преходящє, братію и молитвы упражняютъ, діаволу угодіе симъ творяще и братіе осуждающе, своа злаа в себѣ неисправлена имуще, но фарисействуютъ, братію укоряюще; сіе же иного злѣйши есть, и нетокмо зло едино творяще, но на Бога хулою въоружающеся. Тѣмже Лука евангелистъ отвращатися заповѣда о тѣхъ, иже въ бестрашіи Божіи живущихъ, глаголя сице: *рече Господь своимъ ученикомъ: блюдитеся, да не прельщени будете, мнози бо пріидутъ въ имя Мое глаголяще: яко азъ есмь, и время приближится, неизыдете убо въ слѣдъ ихъ.* И пакы, предъявля скорби, хотящаа быти втыа дни, купно же и въздвизая на бодрость, сице глаголя: *внемлите же себѣ, да некогда отягчаютъ сердца ваша обіаденіемъ, и піанствомъ, и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той.* Яко сѣть бо пріидетъ на вся живущаа на лице всеа земля. Бдите убо, молящеся на всяко время. Егда сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ, хотящихъ быти, и стати предъ Сыномъ человѣческымъ, на потщится кождо въ молитвахъ, и въ слезахъ, и щедротами к нищимъ. Милостива себѣ Бога сътвори. Тѣмже сіа предложихомъ православнымъ Христіаномъ, понеже невсякому вѣдома алфа, и круги солнечны и лунны, что отъ нихъ исходитъ паскаліа. Господь да вразумитъ сердца ихъ, отвергъше всяко сумнѣніе о лѣтномъ обьхожденіи, и потщавшеся покаанімъ угодити Христу, ждуще страшнаго втораго Его пришествіа, молящеся Пречистей Его Матере, владычицы нашей Богородицы, славяще Христа Бога нашего съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, и нынѣ и присно и вѣкъ вѣкомъ, аминь.

Въ лѣто 6999 ключь границы л, кругъ солнцю 27, индикта 9 фимиліосъ 8 и рождество Христово в суботу, мясопостіе 6 недѣль и два дни, фарисеи почати Генварь 23, мясопустъ Февраль 6, врущлѣто 5, 40 мученикъ в среду 4 недѣли поста, Благовѣщеніи в пятокъ 6 недѣли поста, Евреомъ фаска Марта 27, а Христіаномъ паска Апрѣліа 2, Георгіа в суботу 3 недѣли по паскѣ, петровъ мясопустъ Маіа 29; Петрова поста 4 недѣли и два дни, Петра в среду. Въ лѣто 7000 ключь границы к кругъ солнцю 28, луна 8, индиктъ 10, фемелиосъ 1, рождество Христо-

во въ недѣлю, мясоястіа 9 недѣль и день. Фарисеи почать Февраля 12, мясопустъ Февраля 26, вруцѣліо 7, 10 мученикъ въ пятокъ 1 недѣли поста, Благовѣщеніе въ вторникъ 3 недѣли поста, Евреомъ фаска Апрѣля 15, а Христіаномъ пасха Апрѣля 22, Георгіа в понедѣльникъ праздника недѣли по пасхи. Петровъ мясопустъ Іюня 17, Петрова поста недѣля и 4 дни. Петра въ пятокъ. Такожьо Бозѣ начало съ творихомъ лѣтомъ паскаліи осмыа тысящи. В лѣта седмыа тысящное 1-е выведены сіа бысть паскаліна изъ алфы изъ владычни, изъ васильевы книги, десять седмиць на 70 лѣтъ осмыа тысящи, и самую ту алфу внадписаніи поставихъ, изъ нея же изыде паскаліа рядоваа на 70 лѣтъ осмыа тысящи. Конець же писанію пріятъ мѣсяца декавріа 21. Егда же хотяше високостъ быти, то въ Февралі день прибудетъ, сице и въ границахъ азъбучныхъ. А паскаліа также по дни приложити къ мѣсопусту, и къ фарисейскому числу, и к той границы, колко мясоястія. Аще ли же не сице сътворимъ, то не в лѣноту станетъ високостнаго дне мясопустъ. Ащели же нѣсть, а висакостнаго дне, тогда не прикладывается къ мясопусту день.

Благодатію Божіею смиреный Генадій, архіепископъ великаго Новагорода и Искова, архимандритомъ, и честнымъ игуменомъ, также и събору святыа Софіа: протопопу з братіею, такожде и старости седми-съборьскому, Иванну, и прочимъ старостамъ: старостѣ Иванскаго събора попу Юрью Михолицкому, да старостѣ Богородицкаго събора попу Аксентію, да старостѣ Михайловскаго събора попу Ивану Богородицкому, да старостѣ Яковлевскаго събора попу Фаусту, да старостѣ власьевскаго събора попу Григорію, да старостѣ четыредесятскому попу Корнилу. Что присылалъ к намъ отець нашь Зосима, митрополитъ всея Руси, свою паскалію, написавь на 20 лѣтъ, а намъ велѣлъ к собѣ прислати, также написавь, наколко лѣтъ възможемъ. И мы послали к своему отцю митрополиту, написавь паскалію на седмьдесять лѣтъ, выведъ изъ алфы по границамъ; и отець нашь Зосима митрополитъ к намъ отписалъ, что нѣтъ розни никакіа нашей паскаліи съ его паскаліею, да велѣлъ онъ намъ такову паскалію посылати по своей епископьи, какову ко мнѣ онъ, напи-

савь, прислалъ на двадцать лѣтъ: занеже дѣи такова уже послана по всей митрополіи Русскіа земля. И я же написалъ вамъ тую паскалію на двадцать лѣтъ, что ко мнѣ митрополитъ послалъ, да и ту свою паскалію на седмъдесять лѣтъ, что есми посла митрополиту на Москву, такоже вамъ написалъ того дѣля, егда изойдетъ та двадцать лѣтъ, а Богъ благоволитъ еще миру стояти, а всконьчаніи жизни нашеа лѣта неприйдутъ, ино того ради такъ поставлена бысть, занеже такъ седмъдесятъ лѣтъ прообразуетъ вѣкъ человѣческаго живота. О семъ бо писалъ пророкъ Давидъ: *дніе лѣта наши, в нихъ же 70 лѣтъ*. Да сіе времена человѣческому житію обьхожденію имутъ, а вѣкъ сконьчаніа не пріемлетъ. Тако же и алфа бесконечьно имать обхожьденіе паскаліи, да нетокмо до сего подобаетъ стати, еже начати скончяніа лѣтомъ, ниже пакы, седмидесятъ лѣтомъ скончающимся, мнѣти сконьчаніа миру. Яко же и прежде в седмьтысящной паскаліи написаша, сконьчевающеся седмой тысящи, мнѣніе имѣяху быти сконьчаніе миру, солъгаша же тіи. Тѣмь же обоа сіа неблагословенну вину имутъ; но подобаетъ помнити, еже самъ Христосъ реклъ: о дни же ради подобаетъ намъ готовомъ быти; невѣмы бо, в кый часъ сконьчаніе миру будетъ. Яко же бо молніи в поднебеснѣй свѣтится, сице будетъ и пришествіе Сына человѣческаго; да того ради миру скончаніе поставлено безвѣстно. И понеже вѣкъ седмеричнымъ числомъ исчитаемъ есмь, и мы того ради такъ поставили на седмьдесятъ лѣтъ, седмеричное числомъ образуя. Яко же богословь Григорій, изьяви, о вѣцѣ глаголя: понеже бо, рече, вѣкъ седмеричьнымъ числомъ наполняется. И о семъ впередъ пошедъ, пространнѣе о вѣцѣ уразумѣется. Аще ли свершено хощетъ увѣдати изьображеніе седмеричнаго числа и почесть осмаго дне, еже есть недѣля, да прочетъ внятнѣ Слово в новую недѣлю на антипасху, Григоріа богослова, и тако обрящетъ искомое. Мы же изложили паскалію по обычаю ради пріидущихъ временъ, како была прежняя паскаліа вывожена ис тое же алфы, даиже исконьчаніе седмой тысящи. А что писаны празникы в митрополіи паскаліи: обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи, да воскресеніе Лазарево, да Евдокѣинъ день,

да Іоанна Богослова память, иное в минувшіи пасхаліи, да и в нашей пасхаліи, не поставлены быша празники того дѣла, занеже обрѣтеніе главы Предтечи выходитъ изъ мясопуста, а суботу Лазареву пасхи Христіаньскіа число изъявитъ, а прочіи святіи—Богословъ и Никола, или Евдокѣа, или Георгіевъ день, или иніи празницы апостолъмъ, о семъ в началѣ святци поставлены быша. И вы бы тѣ пасхаліи переписмвали, вѣмъ священникомъ такъ же бы есте и всему православному Христіаньству велѣли списывати, дабы имъ о томъ мятежа небыло: понеже в семъ написаніи вькратцѣ изъявлено наша православныя Христіаньскіа вѣры исповѣданіе, и оттолѣ ута[illegible] устав же и обычай дадже и донынѣ въ Христіанехъ. Для того ради написали есмя алфу съ святцы в надписаніи сеа пасхаліи, да в ней по границамъ поставили есмя всю седмь тысящь, которая тысяща в которой границѣ конець пріатъ, да и ключь границѣ поставили есмя в надписаніи пасхаліи, идѣже круги кинутся солнечныи и луныи, и рукамъ обьхожденіе, да и всякую тысящу поставили есмя в началѣ границѣ. А число границѣ, в ней же поставлена осмаа тысяща, имать *покой*. О семъ разумѣтельно извѣстно во ученіи сеа алфы, еже поставили есмя в надписаніи ученіи пасхаліи, да разумно будетъ, какъ изъ алфы выводити пасхалія. Начнемъ же сице:

Въ лѣто 7001 ключь границѣ—*покой*, кругъ солнцю 1, луны 9, индикта 11, епакта 9, основаніе 12, рождество Христово вторникъ, мясоястія 6 недѣль и 6 день, Фарисеи почни Генваря 27, мясопустъ Февраля 10, вруцѣлѣто 1, 40 мученикъ въ субботу 3 недѣли поста, Алексіа человѣка Божіа в недѣлю 4 недѣли поста, Благовѣщеніе въ понедѣльникъ 3 недѣли поста, жидовская фаска Апрѣля 4, а Христіаномъ пасха Апрѣля 7, Георгіа въ вторникъ 3 недѣли по пасцѣ, Петровъ мясопустъ Іюня 5, Петровъ постъ 3 недѣли и 5 дней, Петра въ субботу.

Въ лѣто 7002 ключь границѣ—*земля*, кругъ солнцю 2, луны 10, индиктъ 12, епакта 28, основаніе 23, рождество Христово въ среду, мясоястіе 5 недѣль и 5 дней, Фарисеи почнется Генваря 19, мясопустъ Февраля 2, вруцѣлѣто 2, 40 мученикъ в

суботу 4 недѣли поста, Алексѣа в понедѣльникъ 6 недѣли поста, Благовѣщеніе вторникъ 7 недѣли поста, жидомъ фаска Марта 20, а Христіаномъ пасха Марта 30, Георгіа в среду 4 недѣли по пасхѣ, Петровъ мясопустъ Маіа 25, Петрова поста 4 недѣли и 6 дней, Петра в недѣлю.

Въ лѣто 7003 ключь границѣ—*ерѳ*, кругъ солнцю 3, луны 11, индикта 13, епакта 17, основаніе 4, рождество Христово в четвертокъ, мясоястіе 8 недѣль и 4 дни, Фарисея почнется Февраля 8, мясопустъ Февраля 22, вруцѣлѣто 3, 40 мученикъ в понедѣльникъ 2 недѣли поста, Алексѣа вторникъ 3 недѣли поста, Благовѣщеніе в среду 4 недѣли поста, жидомъ фаска Апрѣля 12, а Христіаномъ фаска Апрѣля 19, Георгіа в четвергъ 1 недѣли по пасхѣ, Петровъ мясопустъ Іюня 14, Петрова поста 2 недѣли, Петра в понедѣльникъ». . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

И такъ далѣе изложена пасхалія на каждый изъ послѣдующихъ годовъ до 7070 года включительно, о которомъ сказано: «Въ лѣто 7070 ключь границѣ—*зѳло*, круги солнцю 14, лунѣ 2, индикта 5, епакта 26, основаніе 25, рождество Христово в четвергъ, мясоястіе 5 недѣль и 4 дни, Фарисеи почни Генваря 18, мясопустъ Февраля 1, вруцѣлѣто 3, 40 мученикъ в понедѣльникъ 5 недѣли поста, Алексіа вторникъ 6 недѣли поста, Благовѣщеніе в среду страстныя недѣли поста, жидомъ фаска Марта 22, а Христіаномъ пасха Марта 29, Георгіа въ 4 недѣлю по пасхѣ, Петровъ мясопустъ Маіа 24, Петровъ постъ 5 недѣль, Петра в понедѣльникъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе 1

ГЛАВА I.

Митрополитъ Іона; самостоятельность русской Церкви и раздѣленіе ея на двѣ митрополіи.

1. Іона—до поставленія его въ митрополита:
   а) происхожденіе Іоны, постриженіе въ монашество и служеніе въ санѣ епископа 7
   б) избраніе Іоны на митрополію и обстоятельства, замедлявшія его поставленіе въ митрополита и возбуждавшія въ русскихъ желаніе, чтобы митрополитъ ихъ ставился не въ Греціи, а въ Россіи 8
2. Поставленіе Іоны въ митрополита:
   а) почему и какъ совершилось оно въ Москвѣ . . . 13
   б) объясненіе этого событія вѣрующимъ въ Россіи . . 15
   в) письма по этому случаю въ Царьградъ, впрочемъ не посланныя 17
3. Самостоятельность русской Церкви и возведеніе ея на степень первой митрополіи:
   а) возобновленіе нашихъ сношеній съ цареградскимъ патріархомъ 20
   б) новыя сношенія съ нимъ и признаніе всѣми патріархами за русскою Церковію права избирать и поста-

Стр.

влять себѣ митрополита и считаться первою въ ряду православныхъ митрополій 22

4. Соединеніе подъ властію митрополита Іоны всѣхъ епархій, восточно-русскихъ и литовскихъ, и попеченіе его о послѣднихъ 22

5. Участіе митрополита Іоны въ дѣлахъ гражданскихъ:

а) по случаю внутреннихъ междоусобій 29

б) противъ враговъ внѣшнихъ—монголовъ 33

6. Раздѣленіе русской Церкви на двѣ митрополіи:

а) поставленіе въ Римѣ особаго митрополита для литовскихъ епархій, по имени Григорія 35

б) письмо московскаго князя Василія Васильевича къ литовско-польскому королю Казиміру о непринятіи Григорія и посланіи о томъже митрополита Іоны къ литовскимъ епископамъ и всѣмъ мірянамъ 36

в) новыя сношенія Казиміра и Василія Васильевича, соборъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ и посланіе ихъ къ литовскимъ епископамъ по томуже поводу . . . 39

г) еще посланія Іоны къ епископамъ и мірянамъ земли литовской 42

д) смерть митрополита Іоны и окончательное отдѣленіе литовской митрополіи отъ московской 44

ГЛАВА II.

Митрополія восточно-русская или московская: ея первосвятители и ходъ главнѣйшихъ въ ней событій.

Вступленіе 47

I. Три первые митрополита въ княженіе Іоанна III:

1. Ѳеодосій:

а) особенность въ его избраніи на митрополію и поставленіе его въ митрополита. 49

б) его предшествовавшее служеніе Церкви 50

в) его отношеніе къ новгородцамъ 52

г) его отношеніе къ жителямъ Пскова 53

д) его заботливость объ исправленіи московскаго духовенства, отреченіе отъ каѳедры и кончина 54

Стр.

2. Филиппъ 1-й:
а) его избраніе и поставленіе на митрополію 55
б) своеволіе псковитянъ и дѣйствія, по этому поводу, великаго князя и митрополита 56
в) смуты въ Новгородѣ и мѣры противъ нихъ великаго князя и митрополита. 58
г) заложеніе Успенскаго собора въ Москвѣ митрополитомъ Филиппомъ и его кончина 62
3. Геронтій:
а) его избраніе и поставленіе на митрополію 63
б) твердость его характера и самостоятельность въ дѣлахъ церковныхъ 64
в) участіе Геронтія, вмѣстѣ съ архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ и прочимъ духовенствомъ, въ дѣлѣ окончательнаго сверженія монгольскаго ига съ Россіи . 68
г) своеволіе новгородцевъ и заговоръ, участіе въ немъ новгородскаго владыки—Ѳеофила и сверженіе его, назначеніе въ Новгородъ владыкъ изъ Москвы и два первые изъ нихъ 74
д) посланія Геронтія въ землю вятскую 78
II. Два послѣдніе митрополита въ княженіе Іоанна III:
1. Зосима—послѣдователь ереси жидовствующихъ:
а) его избраніе и поставленіе на митрополію 80
б) начало ереси жидовствующихъ въ Новгородѣ . . . —
в) въ чемъ состояла она и почему легко у насъ привилась. 82
г) открытіе ереси новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ и его дѣйствія противъ нея; первый соборъ на еретиковъ въ Москвѣ и слѣдствія собора 90
д) бѣгство еретиковъ изъ Новгорода въ Москву, ихъ успѣхи тамъ при самомъ дворѣ великаго князя, ихъ вражда противъ Геннадія и новыя усилія противъ нихъ Геннадія 93
е) второй соборъ на еретиковъ въ Москвѣ и его послѣдствія 98
ж) соборъ о продолженіи пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ и участіе въ этомъ дѣлѣ Зосимы и Геннадія. . 100
з) еретичество митрополита Зосимы, его гоненія на право-

Стр.

славныхъ и новый ратоборецъ противъ еретиковъ—преп. Іосифъ волоколамскій 103
и) біографическія свѣдѣнія объ Іосифѣ 106
і) его сочиненіе на еретиковъ и въ особенности посланія противъ Зосимы и оставленіе Зосимою митрополитской каѳедры 111

2. Симонъ:

а) его избраніе и поставленіе на митрополію 113
б) положеніе еретиковъ—жидовствующихъ въ началѣ управленія митр. Симона; поворотъ обстоятельствъ не въ ихъ пользу; князь-инокъ Васіанъ Косой . . . 114
в) соборы въ Москвѣ о невзиманіи мзды за поставленіе на священныя степени 118
г) о вдовыхъ священникахъ и посланіе, по этому случаю, попа Скрипицы 121
д) о монастырскихъ недвижимыхъ имѣніяхъ 125
е) третій соборъ на еретиковъ—жидовствующихъ и ихъ страшныя казни 133
ж) сочувствіе къ нимъ и вражда противъ Іосифа волоколамскаго заволжскихъ старцевъ 135
з) вражда противъ тогоже Іосифа князя-старца Васіана Косаго, его полемическія сочиненія и другія подобныя. 138
и) дѣло преп. Іосифа съ новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ и кончина митрополита Симона. . . . 141

III. Митрополиты въ княженіе Василія Іоанновича и въ малолѣтство Іоанна IV:

1. Варлаамъ:

а) его избраніе и поставленіе 149
б) взятіе русскими Смоленска; поступокъ и судьба смоленскаго епископа Варсонофія; присоединеніе смоленской епархіи къ московской митрополіи 150
в) послѣднія вспышки ереси жидовствующихъ; продолженіе борьбы между княземъ-старцемъ Васіаномъ и преп. Іосифомъ; совѣтъ Максима грека собору противъ жидовина Исаака 152

Стр.

г) вызовъ съ Аѳона старца Макс ія грека и прибытіе его въ Россію 157

д) свѣдѣнія о Максимѣ и съ какою цѣлію онъ былъ къ намъ вызванъ; Толковая Псалтырь, имъ переведенная, и одобреніе ея; другіе переводы Максима и благоволеніе къ нему великаго князя и митрополита; сближеніе Максима съ княземъ-старцемъ Вассіаномъ 159

е) отреченіе отъ каѳедры митрополита Варлаама и его кончина 165

2. Даніилъ:

а) его избраніе и поставленіе на митрополію, его достоинства и свидѣтельства о немъ людей враждебныхъ . 166

б) участіе Даніила въ дѣлѣ князя Шемячича 171

в) разрѣшеніе Даніиломъ великому князю развода и втораго брака 172

г) имѣло ли дѣло о разводѣ великаго князя вліяніе на судьбу Максима грека и князя-старца Вассіана,—и почему Максимъ подвергся опалѣ 175

д) привлеченіе Максима къ суду по дѣлу о двухъ опальныхъ боярахъ 179

е) соборы на Максима и его единомышленниковъ и сосланіе Максима въ волоколамскій монастырь 180

ж) новый соборъ на Максима и сосланіе Максима въ Тверь 186

з) соборъ на князя-старца Вассіана Косаго и сосланіе его въ волоколамскій монастырь 193

и) послѣдніе годы служенія митрополита Даніила и отреченіе его отъ каѳедры 203

3. Іоасафъ:

его избраніе и поставленіе на митрополію, его дѣйствія и насильственное сверженіе съ престола 205

IV. Митрополитъ Макарій:

1. Его избраніе и поставленіе на митрополію; его предшествовавшее служеніе Церкви 207

2. Участіе митрополита Макарія въ дѣлахъ гражданскихъ и отношеніе къ нему великаго князя 209

3. Церковная дѣятельность Макарія: два собора о праздникахъ въ честь русскихъ святыхъ 214

Стр.

4. Соборъ Стоглавый и его соборная книга:
   а) какъ происходилъ соборъ и составлялась соборная книга. 220
   б) о чемъ были совѣщанія собора,—что такое—царскіе вопросы. 228
   в) соборные отвѣты, ихъ значеніе и достоинство. . . 231
   г) какъ обнародованы были постановленія Стоглаваго собора 239
   д) три отдѣльныхъ приговора тогоже собора 241
   е) какъ выполнилъ этотъ соборъ свое призваніе . . . 243
5. Новыя ереси и заблужденія и соборы на нихъ:
   а) Башкинъ, его ученіе и соборный судъ надъ нимъ. . 247
   б) Артемій, соборный судъ надъ нимъ, его заточеніе и бѣгство. 255
   в) Дьякъ Висковатый, разборъ его недоумѣній и заблужденій, епитимія ему и заточеніе другихъ, заподозрѣнныхъ въ ереси. 262
   г) Феодосій Косой, его жизнь, его ученіе и суждение о немъ. 268
6. Максимъ Грекъ въ Твери и Сергіевой Лаврѣ:
   а) отношеніе къ нему тверскаго владыки. 275
   б) сочиненія Максима въ защиту себя и переписка его съ разными лицами, въ томъ числѣ—съ митрополитомъ Макаріемъ. 277
   в) ходатайство за Максима восточныхъ патріарховъ и отъ чего зависѣла безуспѣшность ходатайствъ о немъ. . 283
   г) перемѣщеніе Максима въ Сергіеву лавру и его кончина. 286
7. Кончина митрополита Макарія и суждение о немъ. . . 288

V. Остальные митрополиты настоящаго періода:
1. Аѳанасій:
   а) созваніе святителей въ Москву, ихъ постановленіе о нѣкоторыхъ внѣшнихъ преимуществахъ митрополита, избраніе и поставленіе на митрополію Аѳанасія . . . 289
   б) тяжкое время его правленія и отреченіе его отъ каѳедры 292
   в) земская Дума въ Москвѣ, попытка царя Іоанна IV возвести на митрополитскій столъ казанскаго архіепископа Германа и чѣмъ она кончилась. 294

Стр.

2. Филиппъ II-й:
   а) краткія свѣдѣнія о его предшествовавшей жизни. . 295
   б) какъ происходило его избраніе и поставленіе на митрополію 298
   в) благоволеніе царя Іоанна къ святителю, его ходатайства предъ царемъ за опальныхъ и домашнія вразумленія царю 299
   г) открытыя обличенія царю со стороны Филиппа . . 300
   д) обвиненія противъ Филиппа, судъ надъ нимъ, низверженіе его, заточеніе и кончина 304
3. Кириллъ III:
   лютость, во дни его, царя Іоанна; казни новгородцевъ, въ особенности новгородскаго духовенства и владыки; страшное бѣдствіе въ Москвѣ отъ набѣга крымскаго хана; кончина митрополита Кирилла. 307
4. Антоній:
   а) съѣздъ святителей въ Москву, ихъ опредѣленіе по поводу четвертаго брака царя Іоанна, избраніе и поставленіе митрополита Антонія. 309
   б) два собора въ Москвѣ по вопросу о церковныхъ имуществахъ и кончина митрополита Антонія 311
5. Діонисій:
   а) его избраніе и поставленіе на митрополію; кончина царя Іоанна и воцареніе Ѳеодора; соборъ въ Москвѣ по вопросу о церковныхъ имуществахъ. 314
   б) отношеніе Діонисія къ Борису Годунову, низложеніе Діонисія и возведеніе на митрополитскую каѳедру Іова. 315

ГЛАВА III.

Разширеніе московской митрополіи и ея епархіи.

1. Епархіи московской митрополіи въ началѣ настоящаго періода. 318
2. Пріобрѣтенія московской митрополіи на сѣверѣ: въ епархіи пермской, — новые успѣхи христіанства между Зырянами 318
3. — въ епархіи новгородской:
   а) просвѣщеніе Лопарей и Кореловъ, — участіе въ этомъ дѣлѣ соловецкой обители 322

Стр.

б) труды прен. Ѳеодорита 325
в) труды прен. Трифона 327
г) мѣры новгородскаго архіепископа Макарія для возстановленія и утвержденія христіанства между финскими племенами около Балтійскаго моря 330
4. Пріобрѣтенія московской митрополіи на востокѣ и югѣ; епархія казанская:
а) случаи обращенія къ христіанству татаръ, находившихся въ плѣну у русскихъ 332
б) взятіе Казани и первыя сѣмена тамъ св. вѣры. . . 334
в) учрежденіе въ Казани епархіи; архіепископъ Гурій . 337
г) наказъ Гурію при отправленіи его въ Казань и его архипастырская тамъ дѣятельность 340
д) главныя сотрудники Гурія—Германъ и Варсонофій. . 343
е) покореніе Астрахани и насажденіе тамъ св. вѣры. . 345
ж) русскіе проповѣдники св. вѣры между Черкесами и начало христіанства въ Сибири. 346
5. Пріобрѣтенія московской митрополіи на западѣ:
а) присоединеніе къ ней значительной части черниговской епархіи 348
б) присоединеніе—смоленской епархіи. 349
в) присоединеніе—епархіи полоцкой, хотя временное . . —
г) учрежденіе епархіи въ Юрьевѣ Ливонскомъ и потомъ ея закрытіе 350
6. Епархіи московской митрополіи подъ конецъ настоящаго періода 353
7. Степени этихъ епархій. 354
8. Предѣлы этихъ епархій. 356

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I. Посланіе митрополита Іоны къ литовскимъ епископамъ о непризнаваніи лжемитрополита Григорія 361
№ II. «Рукописаніе Даніила, епископа» владимірскаго . . . 369
№ III. «Начало паскалиі преложно на осмую тысящу лѣтъ»,—Геннадія, архіепископа новгородскаго 372